

ЖИВАЯ СТАРИНА

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ОТДѢЛЕНІЯ ЭТНОГРАФІИ

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

Подъ редакцію Предсѣдателя Этнографическаго Отдѣленія

В. И. Ламанскаго

Секретаря Отдѣленія **Ф. И. Щербатенка** и помощника редактора

члена-сотрудника **Н. Н. Виноградова**

Выпускъ I

Годъ XV

1906

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Тип. М. П. С. (Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К^о), Фонтанка, 117

1906

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Невыходъ въ свѣтъ нашего журнала въ 1905 г. (годъ пятнадцатый) произошелъ частью отъ нездоровья редактора и отъѣзда его на югъ на нѣсколько мѣсяцевъ, особенно же вслѣдствіе перемѣнъ типографій и двукратной забастовки. Во избѣжаніе дальнѣйшихъ неисправностей при изданіи журнала, редакція рѣшила пропустить 1905 г. и считать пятнадцатымъ годомъ его изданія не 1905, а 1906 г., причемъ подписчики на 1905 г. получаютъ журналъ за 1906 г., а внесшіе подписную плату за 1905 и 1906 г.г. будутъ получать журналъ въ 1906 и 1907 г.г. вмѣстѣ съ тѣмъ редакція долгомъ считаетъ довести до свѣдѣнія гг. подписчиковъ, что въ теченіе нынѣшняго года они получаютъ отдѣльною книжкой алфавитъ и предметный указатель къ «Живой Старинѣ» за 15 лѣтъ ея изданія (60 выпусковъ).

Община у зырянъ.

Сѣверъ Европейской Россіи рѣзко отличается отъ остальной части государства по тѣмъ социальнымъ, политическимъ и хозяйственнымъ условіямъ, въ которыхъ протекала его жизнь. Изолированный отъ заселенныхъ центральныхъ частей государства, представляя изъ себя далекую, дикую окраину, куда отваживалась проникать лишь смѣлая новгородская вольница, онъ не испыталъ на себѣ ни татарскаго нашествія, ни послѣдствій московской объединительной политики, ни крѣпостного права. Онъ заселялся путемъ свободной, вольной колонизаціи и жилъ самостоятельной жизнью, лишь слабо отражая на себѣ отголоски событій, волновавшихъ всю остальную Русь. Ни Новгородское, ни Московское правительство не дѣлало почти никакихъ попытокъ къ вмѣшательству во внутреннюю жизнь сѣвера и послѣдняя складывалась исключительно подъ вліяніемъ своеобразныхъ естественно-историческихъ условій. Но ни на чемъ такъ рѣзко не сказалось различіе между сѣверомъ и остальными частями Россіи, какъ на отношеніяхъ населенія къ землѣ. Въ то время какъ цѣлый рядъ разнообразныхъ законодательныхъ актовъ подвергъ регламентаціи отношеніе крестьянъ московскаго государства: къ землѣ—какъ къ предмету ихъ владѣнія, къ государству—котораго они являлись главными плательщиками, къ разнымъ служилымъ людямъ—получавшимъ земли подъ тѣмъ или другимъ условіемъ, и съ этой цѣлью запрещались переходы крестьянъ, разрѣшалось помѣщикамъ отыскивать бѣглыхъ людей, группы крестьянъ объединялись въ одну платежную единицу подъ условіемъ круговой поруки членовъ и т. д.,—на сѣверѣ землевладѣніе складывалось внѣ вліянія этой законодательной дѣятельности. Тѣ формы, въ которыхъ выражается отношеніе населенія къ землѣ, складывались здѣсь свободно, въ томъ направленіи, въ какомъ они наиболѣе были согласованы съ народными воззрѣніями. Это одинаково приложимо какъ къ русскимъ поселенцамъ, выходцамъ изъ московскихъ и новгород-

скихъ земель, такъ и къ аборигенамъ края, различнымъ финскимъ племенамъ, издавна населявшимъ сѣверъ Россіи. Неограниченное пространство свободной, „дикой“ земли способствовало вольной, ничѣмъ не стѣсненной заимкѣ участковъ всѣми, у кого имѣлось желаніе ихъ обрабатывать. Земля считалась божьей, ничьей, созданной для того, чтобы каждый могъ разрабатывать ее и работая извлекать доходъ. Понятіе о правѣ собственности на землю не существовало; имѣлось на лицо лишь одно основное убѣжденіе: каждый имѣетъ право приступать къ труду на любомъ участкѣ, не занятомъ трудомъ другого. Занятый съ цѣлью труда участокъ выдѣлялся изъ общей массы свободныхъ земель и право на него со стороны расчистившаго лица признавалось и охранялось общественнымъ мнѣніемъ. Затрата труда, однако, влекла къ приобрѣтенію не права собственности на землю, а лишь права на владѣніе, продолжавшагося постольку, поскольку продолжалось приложеніе труда; никто не держалъ за собою земли, не имѣя цѣли трудиться надъ ней. Трудъ служилъ краеугольнымъ камнемъ, основой поземельныхъ отношеній; онъ придавалъ всей системѣ ихъ простоту и стройность, предоставляя каждому широкія права безъ ущерба для правъ другого. Эта система вытекла изъ самаго существа народной жизни; будучи согласованной съ интересами всѣхъ и каждаго, она вмѣстѣ съ тѣмъ не представляла трудностей ориентироваться въ ней и понять свои права и обязанности. Спокойное, планомерное развитіе въ этомъ направленіи продолжалось до XVIII вѣка. Съ этого времени правительство начинаетъ обращать вниманіе на земельный вопросъ. Въ цѣломъ рядѣ указовъ, начавшемся съ Петра Великаго, оно пытается внести регламентацію въ ту сферу, гдѣ, по его мнѣнію, не существовало ничего, кромѣ полного произвола и безначалія. Однако, если мы прослѣдимъ эти попытки и постараемся уловить ихъ общую тенденцію, то увидимъ, что правительство оказало далеко непослѣдовательнымъ въ проведеніи этой задачи. Отсутствіе строго опредѣленной точки зрѣнія на государственныя земли внесло въ его дѣятельность неустойчивость и колебаніе. Съ самаго начала оно отдѣляло занятая, разработанныя земли отъ дикихъ, пустопорожнихъ и, признавъ за крестьянами право на первыя, направило всѣ свои стремленія на урегулированіе отношеній населенія ко вторымъ. Вотъ нѣсколько фактовъ изъ исторіи лѣсного законодательства, иллюстрирующихъ общее направленіе этихъ стремленій. Петръ Великій, ревниво оберегая интересы государства, назначаетъ за самовольную порубку ни мало, ни много, какъ

смертную казнь; Екатерина I и Петръ II отминяютъ ее и разрѣшаютъ свободно рубить лѣсъ. Анна Иоанновна и Елизавета Петровна возобновляютъ запретительную систему; Екатерина II опять вводитъ свободную, которая снова смѣняется запретительной при Павлѣ. Александръ I разрѣшаетъ крестьянамъ рубить, что вздумается и гдѣ вздумается, въ царствованіе Николая Павловича снова вводятся ограниченія. Каждое царствованіе характеризуется совершенно инымъ отношеніемъ къ праву населенія, чѣмъ предыдущее; въ теченіе этихъ полутора вѣтъ правительство находилось въ постоянномъ колебаніи, бросаясь изъ одной крайности въ другую, то запрещая всякія порубки въ лѣсахъ подъ страхомъ смерти, то, наоборотъ, предоставляя населенію право широкаго и безпрепятственнаго пользованія лѣсомъ. Такое непостоянство могло бы внести совершенную смуту въ правовыя понятія крестьянъ, или, какъ выражается г. Гольмстенъ, сбить ихъ съ толку, если бы указы имѣли дѣйствительное вліяніе на земельныя отношенія; но, къ счастью они мало достигали своей цѣли. Издать указъ и привести его въ исполненіе—двѣ вещи разныя; населеніе, разбросанное по глухимъ угламъ, среди лѣсовъ и болотъ, сплошь и рядомъ даже и не подозрѣвало о существованіи указовъ и продолжало по прежнему распорядиться въ лѣсахъ съ полнымъ сознаніемъ своего на то права. Съ конца XVIII вѣка начинается, однако, болѣе дѣятельное вмѣшательство правительства въ земельныя отношенія. Указомъ 1765 года повелѣно приступить къ генеральному обмежеванію земель въ государствѣ, съ цѣлью поставить землевладѣніе въ опредѣленныя, прочныя рамки. По отношенію къ государственнымъ крестьянамъ оно выразилось въ отводѣ имъ особыхъ дачъ изъ расчета 15 десятинъ на ревизскую душу. Этими самыми занятая крестьянами земли отграничивались отъ остальной огромной части свободныхъ земель, причемъ объявлялось, что право собственности какъ на тѣ, такъ и на другія принадлежить исключительно государству. Внутри дачъ крестьянамъ предоставлено право производства расчистокъ, но это право не распространялось за предѣлы ихъ. Расчистки въ казенныхъ лѣсахъ запрещены и рассматривались, какъ посягательства на чужую собственность. Указъ 1765 года шелъ въ разрѣзъ съ основными воззрѣніями народа; имъ совершенъ колоссальный юридическій переворотъ, но и ему, однакожъ, не суждено было внести фактическое измѣненіе въ существовавшія земельныя отношенія. Населеніе мало считалось съ нимъ, какъ и съ цѣлымъ рядомъ предыду-

щихъ указовъ; съ другой стороны правительство само не озаботилось принятіемъ активныхъ мѣръ къ тому, чтобы провозглашенныя имъ основанія нашли практическое осуществленіе, и расчистка участковъ по прежнему продолжалась, не стѣсняясь ни просѣками, ни столбами, ни ямами. Населеніе связывали съ казенными свободными лѣсными пространствами крѣпкія узы. Потребности подсѣчно-огневого земледѣлія долгое время игравшаго крупную роль въ сѣверномъ хозяйствѣ, не могли удовлетвориться отведенными дачами—для этого послѣднія слишкомъ малы—и заставляли населеніе вторгаться въ казенныя лѣса. Отступить отъ того, что необходимо для удовлетворенія насущныхъ потребностей, было не легко. Въ царствованіе Николая I правительство начинаетъ принимать болѣе энергичныя мѣры къ огражденію казенныхъ интересовъ. Подсѣки запрещаются, виновные преслѣдуются, штрафы слѣдуютъ одинъ за другимъ, ложась тяжелымъ бременемъ на крестьянское хозяйство. Населеніе тѣмъ не менѣе не могло прекратить свое хозяйничанье, не отказавшись отъ права на существованіе, и подъ угрозой суровыхъ штрафовъ продолжало быть послѣдовательнымъ. Иногда, впрочемъ, чаша терпѣнія переполнялась. Лялошъ приводитъ случай, когда одно изъ селеній, не будучи въ состояніи вынести практиковавшейся системы неуклонныхъ и тяжелыхъ штрафовъ, бросило подсѣчное земледѣліе, составлявшее главную опору хозяйства и занялось рыболовствомъ. Геройское сопротивленіе не спасло, однакожъ, крестьянъ. Новое занятіе не обезпечивало ихъ потребностей, деревня все болѣе и болѣе нищала, появились „двурукіе“ хищники, ловящіе рыбу въ мутной водѣ; населеніе быстрыми шагами шло къ полной деморализаціи и только когда призракъ голодной смерти сталъ не на шутку угрожать рыболовамъ, они бросили сопротивленіе и, не обращая вниманія ни на какіе штрафы, вновь принялись за подсѣчное земледѣліе ¹⁾. До 60-хъ годовъ продолжался такой порядокъ, съ этого времени правительство уступаетъ неотложной потребности и подсѣчному хозяйству дается просторъ. Населеніе тотчасъ же широко воспользовалось своимъ правомъ; по въ 1884 году дѣлается новая попытка ограничить распространеніе подсѣкъ. Правилами этого года выставляются требованія, чтобы подсѣки отводились не далѣе 20-ти верстъ отъ границъ крестьянскихъ дачъ, и то только по ходатайствамъ,

¹⁾ Лялошъ. „Владѣнныя записи въ Олонецкой губ. и общественно-экономическое значеніе для нашего сѣвера вообще“. Отч. Зап. 1878 г. № 11.

цѣлыхъ обществъ. И то и другое требованіе снова явились тормазомъ въ подсѣчномъ земледѣліи, такъ какъ съ одной стороны населенію совершенно чужда форма общественныхъ и деревенныхъ подсѣкъ (онѣ носятъ семейный или сосѣдско-артельный характеръ), съ другой—всѣ лучшія вблизи мѣста были уже исчерпаны и для закладки подсѣкъ крестьяне удалялись за 40—50 и далѣе верстъ. „Въ результатъ, пишетъ г. Рума, получилось дѣйствіе обратное тому, какое ожидалось: de facto не имѣя возможности вести подсѣки по принципамъ, установленнымъ закономъ, населеніе игнорировало его, перешло къ тайнымъ подсѣкамъ, забиралось съ ними въ самую глушь, перестало изъ боязни быть накрытымъ лѣсной стражей наблюдать за дѣйствіемъ огня, и послѣдній, ничѣмъ не сдерживаемый, сталъ широко гулять вѣдъ подсѣкъ, губя тысячи десятинъ лѣсныхъ пространствъ“¹⁾. Черезъ 6 лѣтъ эти требованія были отмѣнены и введена болѣе свободная закладка подсѣкъ съ предварительной выборкой билетовъ на каждую подсѣку. Фактически наблюденіе за этимъ возложено на лѣсничихъ. Такъ какъ вѣдѣтъ съ тѣмъ имъ предоставлено право не разрѣшать подсѣкъ, если выбраныя для этой цѣли участки находятся вблизи цѣнныхъ лѣсовъ, то на дѣлѣ оказалось, что веденіе подсѣчнаго хозяйства стоять въ прямой зависимости отъ взглядовъ лѣсничихъ. Нѣкоторые изъ нихъ, несмотря на огромныя площади малоцѣпныхъ лѣсовъ, не выдаютъ би стовъ и тѣмъ заставляютъ населеніе вновь прибѣгать къ тайнымъ подсѣкамъ. Помимо подсѣчнаго хозяйства населеніе связано съ казенными лѣсными пространствами и въ другихъ отношеніяхъ.

Непрерывно растущее земледѣліе требовало расширенія площади сѣновосныхъ угодій, а такъ какъ внутри крестьянскихъ дачъ, пригодныхъ для этой цѣли мѣстъ было немного, то населеніе переступило границы и вытянуло свои сѣновосы длинными лентами по рѣкамъ и рѣчкамъ, далеко вѣдряясь вглубь казенныхъ дачъ. Росли расчистки и пахатныхъ угодій, причемъ и въ этомъ случаѣ, побуждаемые невозможностью производить ихъ по тѣмъ или инымъ причинамъ вблизи селеній, крестьяне удалялись въ лѣса и тамъ основывали новые почины. Послѣ ряда гоненій, правительство вынуждено было въ концѣ концовъ считаться съ этими фактами и предприняло рядъ мѣръ,

¹⁾ Д. Рума. „Къ вопросу о колонизаціонной пригодности лѣтскаго и новопольскаго лѣсничества Устьемсольскаго уѣзда Вологодской губерніи“. (Изд. парт. по заготовк. переселенч. уч. въ Пермск. и Волог. губ. Пермь, 1902 г.).

чтобы по крайней мѣрѣ упорядочить самовольныя расчистки. Оно легализировало пользование расчищенными въ казенныхъ лѣсахъ сѣновосами, обративъ ихъ въ оброчныя статьи и сдавая крестьянамъ на болѣе или менѣе продолжительные сроки; въ то же время лѣсное вѣдомство стало практиковать сдачу лѣсныхъ участковъ изъ малоцѣнныхъ въ лѣсохозяйственномъ отношеніи площадей въ безсрочную аренду для вновь образующихся починокъ; это правило распространено также и на образовавшіеся до этого починокъ. Но условіе о малоцѣнности насажденій на выбранномъ участкѣ снова ставитъ осуществленіе предоставленнаго крестьянамъ права въ зависимость отъ взглядовъ лѣсничихъ. Понятіе о цѣнности лѣсныхъ насажденій можетъ имѣть очень распространительное толкованіе. Нѣкоторые изъ лѣсничихъ, блуждая интересы казны, считают цѣпными площади, покрытыя мѣшаннымъ, а иногда и листовымъ насажденіемъ, и закрываютъ ихъ для населенія. Ежегодные пожары уничтожаютъ тысячи десятинъ этихъ „заповѣдныхъ“ лѣсовъ, а населеніе выбивается изъ силъ въ борьбѣ съ недостаткомъ мѣстъ въ крестьянскихъ дачахъ. Къ чинамъ партіи по заготовленію переселенческихъ участковъ сотнями поступаютъ прошенія крестьянъ, желающихъ оставить свои насиженные мѣста и переселиться на казенныя земли. Имѣя ввиду работы этой партіи, управленія государственныхъ имуществъ совершенно прекратили выдачу разрѣшеній на образованіе новыхъ починокъ, и для крестьянъ оказался закрытымъ и этотъ выходъ. Между тѣмъ работы партіи идутъ далеко не быстро; цѣлые огромные уѣзды, какъ устьсмысльскій, до сихъ поръ еще не вышли изъ стадія подготовительныхъ работъ, и пройдетъ, можетъ быть, не мало лѣтъ, прежде чѣмъ они перейдутъ въ фазисъ „заготовленія“ участковъ. Огромныя лѣсныя площади пустуютъ, дожидаясь земледѣльца, тогда какъ рядомъ крестьянинъ судорожно бьется, сжатый въ тискахъ малоземелья.

Тепденція правительства ясна. Послѣ цѣлаго ряда колебаній то въ сторону запрещенія, то въ сторону свободной расчистки, правительство окончателно встало на точку зрѣнія—сохранить лѣса, обезопасивъ ихъ отъ истребленій огнемъ и человекомъ. Съ этой цѣлью оно ограничиваетъ свободу пользованія для населенія лѣсными пространствами, уступая въ этомъ стремленіи лишь подъ давленіемъ крайней необходимости.

Вступивъ на путь ограниченій, правительство первое время не касалось земель, замежеванныхъ при генеральномъ межеваніи въ крестьянскія дачи. Высочайшимъ указомъ 26 октября

1821 года было подтверждено право крестьянъ на производство расчистокъ въ предѣлахъ этихъ дачъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ по ходатайствамъ крестьянъ производились дополнительные наръзки. Правительство какъ будто хотѣло предоставленіемъ свободы расчистокъ въ предѣлахъ крестьянскихъ дачъ вознаградить населеніе за стѣсненія пользованія казенными землями. Но со второй половины XIX в. дѣло опять круто измѣняется. „9-го апрѣля 1857 г. былъ изданъ мнистерствомъ государственныхъ имуществъ циркуляръ, коимъ всякаго рода приръзки къ душевому надѣлу изъ свободныхъ казенныхъ земель отложены до составленія владѣнныхъ записей. 1857 г. знаменуетъ крутой поворотъ въ земельной политикѣ правительства, прежнее стремленіе всячески удовлетворять нужду крестьянъ въ землѣ замѣнилось новымъ теченіемъ: все вниманіе было направлено на сохраненіе лѣсовъ, хотя бы путемъ все большаго и большаго стѣсненія крестьянскаго землепользованія даже въ предѣлахъ крестьянскихъ дачъ. Предписаніемъ лѣсного департамента отъ 5 ноября 1864 г. и отъ 26 ноября 1865 г. кругъ расчистокъ въ нихъ ограниченъ $1\frac{1}{2}$ —3 верстами отъ селеній; предписаніемъ того же департамента отъ 14 марта 1867 г. изъ старыхъ расчистокъ было разрѣшено оставить въ пользованіи крестьянъ лишь удаленныя отъ селенія не далѣе 5 вер. и т. п., нока, навонецъ, предписаніемъ лѣсного департамента отъ 6 сентября 1882 года не было совершенно приостановлено право крестьянъ производить расчистки въ чертѣ ихъ надѣльныхъ дачъ. формально отграниченныхъ за 100 лѣтъ еще до этого предписанія“ ¹⁾). Правительство не удержалось на точкѣ зрѣнія, установленной актами генеральнаго межеванія и распространило ограниченія права крестьянъ приступать къ расчисткамъ и на крестьянскія дачи. По мѣрѣ того, какъ хозяйственная жизнь населенія въ своемъ непрерывномъ развитіи требовала расширенія площади угодій, со стороны правительства замѣчалось стремленіе все болѣе и болѣе стѣснять право производства расчистокъ. „Чѣмъ обуславливалось такое измѣненіе во взглядахъ правительства, пишетъ г. Рума, мы не знаемъ, но результаты получились самые плачевные: переходъ къ болѣе интенсивной культурѣ не осуществился, а наоборотъ получилась экстенсификація земледѣлія. Увеличивающееся населеніе требовало увеличенія продовольственныхъ средствъ, чему препятствовалъ цѣлый рядъ узаконеній и распоряженій,—при-

¹⁾ А. Рума. *loc. cit.*

ходило такъ или иначе обходить ихъ“¹⁾). И населеніе, не имѣя возможности сдерживать непрерывнаго роста своихъ силъ, дѣйствительно обходило.

Позднѣйшія узаконенія имѣли въ виду уже не весь сѣверъ. Въ 1866 году были изданы правила о поземельномъ устройствѣ государственныхъ крестьянъ; съ 70-хъ годовъ поземельное устройство коснулось и сѣверныхъ губерній. Правительство рѣшило, наконецъ, покончить съ неопредѣленностью и шаткостью правъ крестьянъ на землю и замѣнить массу циркуляровъ, предписаній и проч. однимъ общимъ закономъ. Какъ ни противорѣчить поземельное устройство съ его основнымъ принципомъ—выкупомъ крестьянами вадѣльныхъ земель въ собственность—правовымъ воззрѣніемъ населенія, не признающаго частную собственность на землю, тѣмъ не менѣе оно явилось большимъ шагомъ впередъ въ дѣлѣ упорядоченія земельныхъ отношеній; но и здѣсь дѣло не было доведено до конца. Высочайшимъ повелѣніемъ отъ 14 мая 1882 года вся Архангельская губернія и три сѣверо-восточныхъ уѣзда Вологодской: Сольвычегодскій, Ярепскій и Устьсымольскій были изъяты изъ числа мѣстностей, подлежащихъ поземельному устройству, на томъ основаніи, что земельно-хозяйственная жизнь въ нихъ еще не достаточно сформировалась. Въ неустроенномъ видѣ они остаются и теперь. Въ то время, какъ въ другихъ частяхъ сѣвера землевладѣніе введено въ опредѣленные рамки, здѣсь оно регулируется множествомъ самыхъ разнообразныхъ актовъ, одинъ другому противорѣчащихъ, одинъ другого дополняющихъ, но въ общемъ съ опредѣленно выраженной тенденціей къ стѣсненію пользованія землею. вмѣсто стройной и ясной для крестьянина системы земельно-правовыхъ отношеній, создана такая пестрота правъ, въ которомъ трудно разобратъ не только населенію, но и администраціи. Прежде крестьянинъ, расчищая участокъ гдѣ-бы то ни было, былъ спокоенъ за прочность владѣнія имъ, теперь онъ не знаетъ, вправѣ ли разрабатывать участокъ въ предѣлахъ своей же крестьянской дачи рядомъ съ существующими уже полосами. Онъ не въ состояніи услѣдить за непрерывно мѣняющимися направленіями въ дѣлѣ упорядоченія его правъ и понять, почему тамъ, гдѣ онъ еще вчера расчищалъ клочекъ пашни, теперь уже ему нельзя работать; поэтому единственнымъ выходомъ для него остается продолжать то же отношеніе къ окружающимъ лѣснымъ пространствамъ, какое выра-

¹⁾ Л. Рума. loc. cit.

боталось въ теченіе нѣсколькихъ предыдущихъ вѣковъ. Сознаніе въ правѣ каждаго приступать къ разработкѣ незанятыхъ трудомъ другого земель, попрежнему живо въ населеніи, хотя и въ значительно помутненномъ видѣ. То, что ранѣ производилось прямо, открыто, теперь дѣлается съ оглядкой. На каждыя 10 билетныхъ подсѣкъ приходится столько же, если не болѣе самовольныхъ, разработанныхъ въ глубинѣ лѣсовъ, куда не заглядываетъ лѣсная стража. Лѣсное вѣдомство устало сдachu лѣсныхъ участковъ въ арендное содержаніе для расчистки сѣнокосовъ, между тѣмъ огромное большинство сѣнокосовъ расчищается по прежнему безъ всякаго разрѣшенія и лѣсному вѣдомству приходится время отъ времени образовывать новыя оброчныя статьи уже, такъ сказать, „заднимъ числомъ“, послѣ того, какъ онѣ давно расчищены и эксплуатируются. Существующія оброчныя статьи непрерывно растутъ путемъ причистокъ изъ прилегающихъ удобныхъ для этого мѣстъ: благодаря чему сплюшь и рядомъ величина дѣйствительно эксплуатируемой площади въ 5—10 разъ превышаетъ показанную по даннымъ лѣсного вѣдомства. Образованіе новыхъ починокъ въ казенныхъ дачахъ воспрещено безъ предварительнаго разрѣшенія, между тѣмъ населеніе, побуждаемое, съ одной стороны, тѣспотой, съ другой—медленностью и трудностью въ полученіи разрѣшеній, продолжаетъ ихъ основывать самовольно. Крестьяне починка Харитоповскаго, Устьсысольскаго уѣзда, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ ведутъ героическую борьбу съ лѣснымъ вѣдомствомъ, выселяющимъ ихъ съ самовольно занятыхъ мѣстъ; общая сумма штрафовъ, наложенныхъ на нихъ за произведенныя при расчисткахъ порубки значительно превышаетъ стоимость всего живого и мертваго инвентаря починовцевъ. Въ концѣ концовъ лѣсное вѣдомство одержитъ, конечно, побѣду, но она будетъ куплена цѣною полнаго разоренія починокъ. При такомъ противорѣчій между народными правовыми воззрѣніями и взглядами правительства не можетъ существовать спокойнаго, нормальнаго развитія хозяйства. Казалось, несложившіяся формы хозяйства должны были бы обратить вниманіе правительства и вызвать съ его стороны принятіе такихъ мѣръ, при которыхъ возможно дальнѣйшее нормальное развитіе. Укрѣпленіе правъ вообще, тѣмъ болѣе правъ, касающихся имущественной сферы, является наименѣе важной задачей; отъ правильнаго разрѣшенія ея зависитъ устойчивость и крѣпость всего общественнаго организма. Разъ правительство вступило на путь ограниченной народнаго права, поколебавъ то, что, какъ сказано выше.

придавало простоту и стройность системъ поземельныхъ отношеній, то оно не можетъ останавливаться на подорогѣхъ и, не ограничиваясь циркулярами и предписаніями, должно создать такую же простую, стройную и ясную систему имущественныхъ правъ. Установленіе прочнаго правопорядка въ области земельныхъ отношеній является самою настоятельною необходимостью для тѣхъ мѣстностей сѣвера, которыя не затронуты еще поземельнымъ устройствомъ. Въ чемъ бы ни выразилось это установленіе, несомнѣнно, что оно должно принять такія формы, при которыхъ возможно было бы спокойное, планомѣрное развитіе хозяйства.

Крестьянское землевладѣніе на нашемъ сѣверѣ издавна привлекало къ себѣ вниманіе изслѣдователей, и въ трудахъ гг. Ефименко и Соколовскаго собрано и разработано не мало матеріаловъ, находящихся какъ въ центральныхъ архивахъ, такъ и, что особенно важно, на мѣстахъ: у частныхъ лицъ, въ церквахъ и проч. Въ этомъ отношеніи особенное значеніе имѣетъ трудъ г. Ефименко: „Крестьянское землевладѣніе на крайнемъ сѣверѣ“, въ которомъ, по словамъ автора, разработано около тысячи разнообразныхъ документовъ, характеризующихъ съ той или другой стороны земельно-юридическія отношенія населенія. Труды названныхъ изслѣдователей имѣютъ въ виду не весь сѣверъ, а лишь части его. Такъ, Ефименко воспользовалась матеріалами, относящимися къ Архангельской губерніи, г. Соколовскій—Новгородской, Тверской, словомъ, къ тому району, который вѣкогда составлялъ ядро древней новгородской республики. Наше вниманіе направлено также не на весь сѣверъ, а на весьма незначительную часть его, именно на сѣверо-восточный уголъ Вологодской губерніи, занятый Устьсысольскимъ и отчасти Яренскимъ уѣздомъ, на ту территорію, которую въ данное время занимаютъ зыряне. Выбранный районъ принадлежитъ къ части сѣвера, не подвергшейся еще поземельному устройству; въ нему, слѣдовательно, цѣлкомъ относится все, что выше сказано о шаткости юридическихъ правъ. Принимаясь за предлагаемую благосклонному вниманію читателей работу, мы хотѣли показать, насколько это возможно, подъ вліяніемъ какихъ причинъ слагались существующія въ настоящій моментъ формы землевладѣнія и землепользованія и какую картину, опѣ представляють теперь, готоваясь—вѣроятно, въ недалекомъ будущемъ—встрѣтить поземельное устройство.

Не будучи специалистомъ по затронутымъ вопросамъ, мы заранѣе просимъ снисхожденія къ тѣмъ ошибкамъ, неясностямъ

въ опредѣленіяхъ и прочимъ недочетамъ, какихъ, безъ сомнѣнія не мало найдется въ предлагаемомъ очеркѣ. Нами руководило желаніе высказать все, что накопилося у насъ за время жизни средн зырянъ, дополнивъ тѣмъ, что можно было найти въ литературѣ ¹⁾ и будемъ считать себя вполне удовлетворенными, если настоящая работа, чуждая всему, что не имѣетъ подъ собою почвы дѣйствительности, сослужитъ хотя бы и небольшую службу при разрѣшеніи практическихъ вопросовъ, неизбежно связанныхъ съ важнымъ и ответственнымъ дѣломъ поземельнаго устройства.

I.

Если обратиться къ терминологіи формъ поземельныхъ отношеній, созданной изслѣдователями сибирской крестьянской общины (гг. Кауфманъ, Кроль, Осиновъ, Личковъ и др.), то найдемъ, что, несмотря на большое разнообразіе въ названіяхъ, всѣ изслѣдователи въ большей или меньшей степени признаютъ четыре формы, представленныя яснѣе всего у г. Кроль. Ихъ можно охарактеризовать такъ: а) при *вольномъ* пользованіи не создается никакого дѣлающагося прочнаго владѣнія землею, крестьянинъ разъ выкашиваетъ одинъ участокъ, на слѣдующій годъ переходитъ на другой и т. д. Эта форма предполагаетъ возможность непосредственной эксплуатаціи безъ предварительной расчистки участка; б) въ *чисто-захватной* формѣ необходимымъ элементомъ является непрерывность, вѣчность владѣнія; захвативъ участокъ, крестьянинъ считаетъ себя собственникомъ его и не допускаетъ никого въ сферу своей заимки, хотя бы самъ и не обрабатывалъ; в) *ограниченно-захватная* форма предполагаетъ, что захваченный участокъ можетъ находиться во владѣніи лица лишь при условіи обработки; отсутствіе послѣдней

¹⁾ Литература о земельныхъ отношеніяхъ зырянъ поражаетъ своею бѣдностью. Всѣ матеріалы, характеризующіе тѣ или иные стороны зырянской жизни, какъ на зарѣ ихъ исторіи, такъ и въ болѣе позднѣйшее время, собраны въ немногочисленныхъ трудахъ: въ повременной печати, въ отдѣльныхъ монографіяхъ, въ изданіяхъ Императорскаго географическаго общества, въ сборникахъ по Вологодской губ. и проч. и представляютъ рядъ догадокъ, личныхъ впечатлѣній, лингвистическихъ изысканій. Да и въ такомъ видѣ они затрагиваютъ тѣ стороны зырянской жизни, которыя не имѣютъ непосредственнаго отношенія къ разсматриваемому вопросу. Болѣе существеннымъ подспорьемъ послужили намъ матеріалы, обработанные в помѣщенье въ „Итогахъ экономическаго изслѣдованія крестьянскаго населенія Устьсысольскаго уѣзда, Вологодской губ.“ (Статья В. Ф. Попова и наша).

даетъ другому право на занятіе участка; d) при *уравнительной* формѣ вводится принципъ уравненія земли между членами общины. Богатство формъ, свойственное сибирскому землевладѣнію, чуждо зырянамъ. Несомнѣнно, что при желаніи можно найти и у нихъ намеки на перечисленныя формы, во естественно-историческія особенности района не дали развиваться имъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и совершенно исказили. Такъ вольное пользованіе угодьями совершенно не имѣетъ и не имѣло мѣста, ибо на зырянской территоріи нѣтъ пространствъ, которые можно эксплуатировать безъ предварительной затраты труда на расчистку, имѣются, правда, природные сѣновосы, во въ такомъ незначительномъ количествѣ, что лишь тогда, когда въ селеніи всего одинъ лишь домохозяинъ, онъ можетъ по желанію косить то въ одномъ, то другомъ мѣстѣ, при нѣсколькихъ же—вольное пользованіе неизбежно повлекло-бы къ ссорамъ и пасліямъ. Чисто-захватная форма также чужда зырянамъ. Владѣніе участкомъ продолжается здѣсь лишь послѣ уборки, послѣ уборки продолжается обработка; никто не держитъ за собою землю, не имѣя намѣренія ихъ обрабатывать. Лишь двѣ послѣднія формы опредѣленно выражены въ зырянскомъ землевладѣніи. Принимать поэтому показанную группировку не представляется возможнымъ. Особенности района таковы, что они не позволяютъ даже положить въ основу группировки формъ зырянскаго землепользованія критерій, припѣтый сибирскими изслѣдователями. Для послѣднихъ степень правомѣрности захвата даетъ поводъ говорить о той или иной формѣ, между тѣмъ у зырянъ захватъ не опредѣляетъ собою ни формъ, ни продолжительности владѣнія; для зырянскаго правосознанія захватъ есть лишь только форма *завладѣнія* и въ этомъ смыслѣ имѣетъ мѣсто одинаково какъ въ эпоху, когда субъектомъ владѣнія землею является отдѣльное лицо, индивидуумъ, такъ и тогда, когда такимъ субъектомъ служитъ община; по юридическаго значенія онъ никогда не имѣлъ. Такимъ значеніемъ обладаетъ только *трудъ*. На протяженіи всей длинной исторіи зырянскаго землевладѣнія трудъ, положенный на разработку, всегда имѣлъ признаніе, какъ основаніе къ владѣнію участкомъ. Степень этого признанія не всегда одинакова: въ одномъ случаѣ слѣдствіемъ труда по расчисткѣ является вѣчное владѣніе участкомъ, въ другомъ—оно ограничено извѣстнымъ срокомъ, устанавливаемымъ міромъ, общиною. Въ зависимости отъ этого мы различаемъ двѣ эпохи: 1) *индивидуальное, или неограниченно-трудоое владѣніе* и 2) *общинное, или ограниченно-трудоое владѣніе*. Въ первомъ

субъектомъ правъ владѣнія является отдѣльное лицо, во второмъ — община. Эти два вида владѣнія составляютъ вмѣстѣ съ тѣмъ и двѣ послѣдовательныя стадіи историческаго развитія землевладѣнія; первичную стадію представляетъ индивидуальное владѣніе, болѣе позднѣйшую — общинное. Первое непрерывно переходитъ во второе. Если обратиться къ разсмотрѣнію современной картины земельныхъ отношеній зырянъ, то увидимъ, что вторая форма почти всюду одержала побѣду надъ первой и только въ наиболѣе удаленныхъ, заброшенныхъ среди лѣсовъ деревняхъ индивидуальное владѣніе еще продолжаетъ находить себѣ пріютъ.

II.

Зыряне или коми (коми—jöz) принадлежатъ къ группѣ финскихъ племенъ, заселившихъ въ доисторическія времена сѣверъ Россіи. Лѣтописецъ Несторъ, перечисляя въ XI вѣкѣ племена сѣвера, не упоминаетъ, однако, о зырянахъ. Это доказываетъ, что въ то время зыряне или еще не сформировались въ отдѣльное племя или были извѣстны подъ какимъ-либо другимъ названіемъ. Въ глубокой древности оно обитало на берегахъ р. Камы, на что указываетъ, между прочимъ, и тотъ фактъ, что зыряне и до сихъ поръ пермскую землю зовутъ ком-му (сокращенное коми-му), т. е. земля зырянъ. Здѣсь они входили въ составъ того обширнаго племени „пермь“, остатки котораго подъ именемъ пермяковъ и до сихъ поръ заселяютъ верховья Камы. Отсюда по одной версіи зыряне перешли на сѣверо-западъ въ бассейнъ Вычегды, откуда впоследствии заселили Печору, по другой, наоборотъ, они прежде всего направились на Печору, гдѣ нѣкоторое время обитали подъ названіемъ, одноименнымъ съ этой рѣкой и уже послѣ заселили Вычегодскій край. Несомнѣнно одно, что свое настоящее названіе „зырянъ“ они получили уже тогда, когда прочно обосновались на берегахъ Вычегды. По лѣтописнымъ источникамъ племя печора уже въ 1092 году платило дань новгородцамъ. Были ли то зыряне или совершенно особое племя, неизвѣстно, но тѣмъ не менше съ достовѣрностью можно сказать, что къ этому времени и зыряне не избѣжали общей участи и попали подъ власть новгородцевъ. Побѣдители не вмѣшивались въ жизнь инородцевъ; внутренній бытъ зырянъ оставался нетропнутымъ; они управлялись своими старшинами и вся зависимость выражалась лишь въ платежѣ дани. Даже такое крупное событіе

какъ переходъ обладанія сѣверомъ отъ новгородцевъ къ москвичамъ мало отразилось на ихъ судьбѣ. Но, конечно, такая изолированность не могла продолжаться вѣчно. Русская культура неудержимо стремилась на сѣверъ и зыряне не могли избѣжать столкновенія съ ней. Какъ менѣе развитое племя они мало-по-малу перенимали многія черты матеріальной и духовной культуры русскихъ. вмѣстѣ съ тѣмъ разраставшаяся колонизація сѣвера, проведеніе дорогъ, увеличивали связь покоренныхъ ипородцевъ съ сѣверомъ и къ настоящему времени зыряне испытываютъ на себѣ послѣдствія общерусскаго административнаго управленія. Но это мирное завоевательное движеніе, начавшееся сравнительно уже поздно, не могло измѣнить основнаго характера народнаго быта. Главные элементы зырянскаго міросозерцанія сложились уже раньше самостоятельнымъ путемъ въ соотвѣтствіи съ своеобразными естественно-историческими особенностями края. Это даетъ право смотрѣть и на земельно-правовыя воззрѣнія населенія какъ на результатъ вполне самостоятельнаго приспособленія къ жизненной обстановкѣ.

Пока зыряне не перешли къ осѣдлому образу жизни, исключительными ихъ занятіями были охота и рыбная ловля. Къ этому представлялась полная возможность. Въ окружающихъ со всѣхъ сторонъ лѣсахъ водилось достаточное количество дѣннаго пушнаго звѣря. Насколько охота была удачной даже въ значительно позднѣйшее время, указываютъ значительные оброки мѣхами, выплачивавшіеся сначала новгородскимъ, потомъ московскимъ сборщикамъ. Въ понсахъ за болѣе дѣнными экземплярами охотники бродили съ одного мѣста на другое и иногда, какъ сообщаетъ Латкинъ, переходили черезъ Уралъ, вторгаясь въ область югры. Съ послѣдней „бывали драки и пасилія, бывало и такъ, что промышленники платили зауральской югрѣ нѣчто вродѣ оброка свинцомъ и порохомъ за право охоты въ ея лѣсахъ“¹⁾. Свѣдѣнія эти относятся сравнительно къ позднѣйшему времени. Они интересны, однакожь, какъ свидѣтельства того, что въ продолженіи охотничьяго періода своей жизни зырянамъ приходилось вступать въ столкновеніе съ окружающими племенами изъ-за правъ на территорію охоты. Несомнѣнно, что зауральская югра была не единственнымъ изъ числа сосѣднихъ племенъ, съ которыми бывали драки и пасилія. Эта борьба имѣла своимъ источникомъ сознаніе, что право охоты

¹⁾ Цитировано по Смирнову. Указ. соч.

на занятой племенемъ территоріи принадлежить исключительно ему, что только его члены могутъ въ ея предѣлахъ бить звѣрей и ловить рыбу. Въ этомъ отношеніи зыряне нисколько не отличались отъ первобытныхъ народовъ вообще, у которыхъ первыя войны служатъ войнами изъ-за права охоты. По отношенію къ зырянамъ справедливѣе, впрочемъ, говорить не о войнахъ въ общеупотребительномъ смыслѣ этого слова—есть указанія, что зыряне были всегда народомъ мирнымъ, а о столкновеніяхъ отдѣльныхъ охотниковъ или группъ. Переходя съ мѣста на мѣсто по обширной племенной территоріи, зырянинъ нигдѣ не встрѣчалъ противодѣйствія, его право на охоту признавалось въ любомъ мѣстѣ. Племенная территорія представляла одно цѣлое. Никто не имѣлъ исключительнаго права на часть ея. Такое воззрѣніе являлось слѣдствіемъ фактическаго положенія дѣла; зырянинъ въ дѣйствительности пользовался всею племенной территоріей или той частью ея, гдѣ онъ считалъ для себя выгоднымъ и его право было выводомъ изъ этого дѣйствительнаго положенія вещей. И все время, пока зырянинъ вѣлъ бродячій образъ жизни, пока онъ фактически пользовался любой частью территоріи, это воззрѣніе продолжало существовать. Бродячій охотничій бытъ характеризовался сознаніемъ, что всякій зырянинъ имѣетъ одинаковое право охотиться въ любомъ мѣстѣ племенной территоріи, никакого ограбченія этого права не существовало. Къ началу завоевательнаго движенія русскихъ дѣло обстоило пѣсколько иначе. Когда новгородскіе пионеры впервые пробрались въ эти дебри, то зыряне были народомъ уже осѣдлымъ и жили, расселившись небольшими поселеніями, по берегамъ наиболѣе крупныхъ рѣкъ. Явился ли этотъ переходъ слѣдствіемъ того, что на сцену появились другія занятія, потребовавшія постояннаго или по крайней мѣрѣ болѣе продолжительнаго пребыванія на одномъ мѣстѣ,—сказать трудно; весьма вѣроятно, что здѣсь, какъ и всегда въ подобныхъ случаяхъ, появились попытки земледѣлія въ видѣ примитивной, хотя и до сихъ поръ широко распространенной по всему сѣверу, подсѣчно-огневой системы. Лавеле утверждаетъ, что сами по себѣ начатки земледѣлія еще не знаменуютъ перехода къ осѣдлому образу жизни. Во многихъ случаяхъ первобытна племена остаются на одномъ мѣстѣ столько времени, сколько необходимо для снятія урожая и затѣмъ вновь перекочевываютъ. Если это возможно тамъ, гдѣ земля позволяетъ приступать непосредственно къ обработкѣ ея безъ предварительной расчистки, то по отношенію къ зырянамъ дѣло должно было обстоить нѣ-

сколько иначе. Территорія этого племени была сплошь покрыта лѣсами, и нѣтъ ни одного куска земли свободнаго отъ нихъ настолько, что на немъ можно начать переложное хозяйство. Первой формой земледѣлія была здѣсь поэтому подсѣчно-огневая система. Она сводится къ тому, что на выбранномъ участкѣ вырубается лѣсъ, затѣмъ сжигается и на удобренную пепломъ землю бросаются зерна. Эти операціи вмѣстѣ со временемъ, необходимымъ для созрѣванія хлѣба, требуютъ около трехъ лѣтъ. Уже одно это обстоятельство заставляетъ предположить, что переходный періодъ отъ бродячаго къ осѣдлому образу жизни, если только онъ вообще существовалъ, очень незначителенъ, и можно съ увѣренностью сказать, что начало земледѣлія у зырянъ знаменовало собою переходъ къ осѣдлому быту.

Какимъ образомъ разгруппировалось племя при образованіи постоянныхъ поселеній? Несомнѣнно, что здѣсь сыграли нѣкоторую роль тѣ или другія родственныя связи. Въ одномъ и томъ же селеніи или въ нѣсколькихъ, расположенныхъ вблизи одно отъ другого, селились семьи, имѣвшія болѣе близкое родство, чѣмъ племенное. Будучи объединены въ силу естественной близости и вмѣстѣ съ тѣмъ изолированы отъ остальной массы племени, жители этихъ селеній получали особыя названія, обыкновенно въ зависимости отъ рѣки, на которой селились; такъ образовались вишерцы, ижемцы, вилежане, вычегжано и др. Пока зырянинъ странствовалъ по всей племенной территоріи, его сознаніе въ правѣ охоты на любомъ мѣстѣ находило себѣ фактическое выраженіе. Съ переходомъ къ осѣдлому быту дѣло измѣнилось. Уходить слишкомъ далеко отъ селеній становилось невыгоднымъ, такъ, какъ помимо большой и бесполезной затраты времени на переходы, чрезъ это сильно затруднялась бы доставка добычи. Волей неволей зырянинъ вынужденъ сократить географическія доселѣ странствованія и изъ года въ годъ бродить по одной и той, хотя все же обширной территоріи. Величина послѣдней опредѣлялась сама собою, обуславливаясь возможностью производить охотничій промыселъ безъ ущерба. Въ самой организаціи охоты появились условія, при которыхъ прежняя свобода странствованія неизбѣжно должна претерпѣть ограниченія. У бродячаго зырянина весь инвентаръ охоты состоитъ изъ лука и стрѣлы. Въ періодъ осѣдлой жизни онъ сильно увеличивается; помимо оружія, которое охотникъ постоянно носитъ съ собою, необходимыми принадлежностями охоты служатъ: лѣсная охотничья

избушка ¹⁾, гдѣ онъ проводитъ весь періодъ охоты, сила, всевозможныя ловушки. Охотникъ не ограничивается уже тѣмъ, что попадетъ ему на стрѣлу; онъ облюбовываетъ себѣ участокъ, гдѣ, по его мнѣнію, долженъ водиться звѣрь или птица, прокладываетъ по нему тропы, или по мѣстному названію „путики“, разставляетъ ловушки и сила и сосредоточиваетъ весь промыселъ на этомъ участкѣ; отдаленныя хотя и болѣе богатая мѣста перестаютъ его соблазнять. Такимъ образомъ постепенно опредѣлялась территория, на которой жители группы близъ лежащихъ селеній осуществляли свое право охоты. Нельзя сказать, что зырянпѣ пересталъ сознавать свое право распространять промыселъ на какіе угодно участки; его право оставалось при немъ, но оно утратило всякое практическое значеніе, такъ какъ при измѣнившихся условіяхъ своей жизни зырянпѣ фактически не могъ его осуществлять. Общая племенная территория распадалась на части, все болѣе и болѣе терявшія между собою связь. вмѣстѣ съ этимъ ослабѣвала и племенная организація, взаимнъ ея крѣпила связь между членами селенія или группы ихъ. Въ этотъ періодъ осѣдлой жизни выборъ мѣста для охоты опредѣляется прежде всего фактической возможностью съ выгодой эксплуатировать охотничій участокъ при условіяхъ осѣдлой жизни. Въ данномъ случаѣ замѣчается то же право охоты въ любомъ мѣстѣ, какое существовало и въ періодъ бродячей жизни. Сущность та же, по только осуществленіе права терпитъ ограниченія, и корень этихъ ограниченій заключается въ измѣнившихся условіяхъ хозяйственной жизни. Зырянпѣ не сталъ примѣнять свое старое право по той простой причинѣ, что ему невыгодно это.

Совершенно то же самое можно замѣтить, если обратить вниманіе на новое занятіе, появившееся съ переходомъ къ осѣдлому быту—на подсѣчно-огневое земледѣліе. Подобно тому, какъ зырянпѣ въ любомъ мѣстѣ занимаетъ охотничій участокъ, съ такимъ же сознаніемъ въ своемъ правѣ онъ закладываетъ подсѣку въ удобномъ для этого мѣстѣ. Условія этой системы земледѣлія таковы, что при выборѣ участка зырянпѣ обращаетъ главное вниманіе на сельско-хозяйственную пригодность участка, вопросъ о разстояніи играетъ второстепенную роль и верѣдко можно встрѣтить подсѣки за 60—70 верстъ отъ селенія. Тѣмъ не менѣе есть извѣстный предѣлъ, дальше кото-

¹⁾ По зырянски *вбралан'-кѣрка*, или сокращенное *вбр'-кѣрка*, иногда зовутъ также *ивмылягъ* -- въ переводѣ -- банька.

раго подсѣчное хозяйство становится невыгоднымъ. Внутри района, очерченного этими предѣлами, для зырянина представляется фактически возможнымъ использовать любой участокъ, вся же остальная территория за этими предѣлами теряет свое значеніе, какъ невыгодная для эксплуатаціи. Какъ и по отношенію къ охотничьему промыслу, право зырянина на занятіе любого участка для подсѣвки находитъ свое осуществленіе лишь на извѣстномъ районѣ, величина котораго опредѣляется прежде всего фактической возможностью эксплуатаціи.

Земледѣлію однако не суждено долго оставаться въ зародышевомъ состояніи. Фактъ перехода къ осѣдлому образу жизни, вызванный появленіемъ примитивнаго земледѣлія, въ свою очередь, послужилъ мощнымъ толчкомъ къ дальнѣйшему развитію хозяйственныхъ формъ. Подсѣчно-огневое хозяйство представляетъ много неудобствъ, мирится съ которыми становится чѣмъ дальше, тѣмъ труднѣе. Отдаленность участка мѣшаетъ иногда во время убрать созрѣвшій хлѣбъ, самый выборъ участка требуетъ много времени и большой осторожности; участокъ, казавшійся по всѣмъ даннымъ отвѣчающимъ требованіямъ, оказывается зяблымъ, и посѣвъ совершенно неожиданно померзаетъ; заброшенные среди лѣсовъ посѣвы подвергаются всѣмъ невыгоднымъ послѣдствіямъ своего положенія; наконецъ, едва ли не самымъ важнымъ недостаткомъ является то обстоятельство, что, разъ подвергшись эксплуатаціи по подсѣчной системѣ, участокъ можетъ быть снова употребленъ для той же цѣли не ранѣе, какъ чрезъ 40—60 лѣтъ, пока не вырастетъ лѣсъ, слѣдовательно, въ теченіе жизни болѣе чѣмъ одного поколѣнія одинъ и тотъ же участокъ можетъ быть использованъ только одинъ разъ; благодаря этому, необходимо отыскивать все новыя и новыя мѣста. Всѣ перечисленныя условія въ своей совокупности дѣлаютъ подсѣчно-огневое хозяйство ненадежнымъ, и зыряне не могутъ не искать новыхъ, болѣе постоянныхъ и устойчивыхъ формъ. И такой выходъ не замедлил найтись. Г. Смирновъ приводитъ свидѣтельство писцовыхъ книгъ о томъ, что въ XVI вѣкѣ у коми существовала переложная система ¹⁾. Переводъ отъ подсѣчно-огневой къ залежной системѣ представляется вполне понятнымъ. Для развитія новой формы имѣются на лицо очень благоприятныя условія. Хотя зырянинъ и имѣетъ право

¹⁾ „Пермяки“ стр. 134. То, что Смирновъ называетъ переложной системой можетъ быть вѣрнѣе названо залежной, такъ какъ при ней нѣтъ той регулярности, съ которой участки чередуются, поступаая подъ посѣвъ и какаѣ замѣчается въ переложномъ хозяйствѣ.

завлаживать подсѣвку въ любомъ мѣстѣ, но естественно, что онъ стремится использовать съ этой цѣлью прежде всего наиблизжайшія мѣста, благодаря чему окружающая селеніе площадь оказывается покрытою старыми подсѣвками. Вскорѣ послѣ оставленія они заростають мелкимъ береснякомъ, требующимъ въ случаѣ нужды очень немного труда для удаленія; на этихъ участкахъ и развивается залежное хозяйство. Освобожденный отъ молодой заросли участокъ эксплуатируется подрядъ двумя-тремя посѣвами и затѣмъ забрасывается на болѣе или менѣе долгій срокъ: отъ 5 до 15 л., въ зависимости отъ быстроты, съ которою возстапавливаются производительныя силы. Скорость обращенія одного участка при новой системѣ въ нѣсколько разъ болѣе, чѣмъ при подсѣчно-огневой, не говоря уже о томъ, что вмѣсто одного посѣва участокъ можетъ выдержать нѣсколько слѣдующихъ одинъ за другимъ. Экономическое значеніе залежной системы совершенно другое, поэтому она не могла не отозваться на формахъ поземельныхъ отношеній. Измѣненіе начинается происходить въ сторону индивидуализаціи отдѣльных селеній. Залежное хозяйство требуетъ несравненно болѣе заботливости и призора со стороны крестьянина, чѣмъ подсѣчно-огневое; благодаря этому появляется заинтересованность въ томъ, чтобы участокъ находился возможно ближе къ селенію. Разбросанность, съ которой мирилось подсѣчно-огневое хозяйство, является тормазомъ при новой системѣ. Обрабатывать участокъ, находящійся даже въ 10 верстахъ уже становится невыгоднымъ, необходимо, чтобы онъ находился ближе. Территорія, на которой группою селеній практиковалось подсѣчное хозяйство, разбивается; два-три или нѣсколько селеній, расположенныя въ недалекомъ разстояніи другъ отъ друга, по прежнему держатся стараго порядка, но болѣе удаленныя уже отдѣляются; они лишаются возможности фактически осуществлять свое право на свободную заняку. Зырянинъ по прежнему сознаетъ свое право на занятіе любого участка и, по скольку дѣло касается подсѣваго хозяйства, осуществляетъ его, но въ области залежнаго хозяйства это право теряетъ свое значеніе, такъ какъ пользованіе имъ по отношенію къ отдаленнымъ участкамъ становится невыгоднымъ. Иллюстраціей къ сказанному можетъ служить группа селеній въ Помоздинской волости, расположенной въ верховьяхъ Вычегды; залежная система свила себѣ тамъ прочное гнѣздо и существуетъ до сихъ поръ, хотя наряду съ ней практикуется и трехполье. Нѣсколько селеній изъ этой группы попрежнему смотрятъ на районъ, пригодный для веденія за-

лежнаго хозяйства, какъ на территорію, гдѣ каждый домохозяинъ можетъ занять любой свободный участокъ; одно селеніе, безъ всякой помѣхи распаиваетъ участокъ подѣ самой усадьбой другого; по деревня Вольдинская, принадлежащая къ той же группѣ, проявляетъ уже склонность выдѣлиться и сконцентрировать залежные участки вблизи, а Скородумская и совсѣмъ отдѣлилась отъ общей массы, при чемъ въ виду отсутствія вблизи нея удобныхъ мѣстъ залежное хозяйство свелось къ ничтожнымъ размѣрамъ. Давъ толчокъ въ сторону обособленія селеній, залежное хозяйство, однако, не заключаетъ въ себѣ элементовъ, способныхъ довести это обособленіе до сильной степени, оно способствуетъ лишь выдѣленію наиболее удаленныхъ селеній. Болѣе сильнымъ факторомъ въ этомъ отношеніи суждено явиться новой формѣ земледѣльческаго хозяйства—трехполью.

Залежная система не можетъ долго задерживать развитіе земледѣлія по двумъ причинамъ: съ одной стороны, она требуетъ сравнительно хорошихъ почвъ, съ другой—ведетъ къ истощенію земли, производительныя силы которой не могутъ восстаиваться въ той же мѣрѣ, въ какой истощаются, при условіи даже значительныхъ отдыховъ. Последнее обстоятельство заставляетъ исвать повыхъ, еще нетронутыхъ пахотою мѣстъ; но среди окружающихъ селеніе старыхъ подсѣкъ далеко не всѣ земли могутъ быть годны для залежнаго хозяйства, такъ какъ почвенныя условія для него должны быть значительно выше тѣхъ, съ которыми мѣрится подсѣка. Въ селеніяхъ съ болѣе счастливыми почвами залежная система не скоро уступила трехполью; мѣстами она сохранялась и до сихъ поръ, хотя уже въ качествѣ подсобной системы; въ огромномъ же большинствѣ случаевъ, благодаря бѣднымъ и холоднымъ сѣвернымъ почвамъ, она быстро пала и теперь трудно отыскать даже слабые признаки ея прежняго существованія. Во многихъ селеніяхъ, какъ пужбо предполагать, залежная система была развита весьма слабо или даже и совсѣмъ отсутствовала; тамъ подсѣчное хозяйство непосредственно переходило въ трехполье.

Смѣнившееся прежнія летучія формы постоянное земледѣліе въ видѣ неправильнаго трехполья распространилось по району и теперь безпредѣльно царитъ по всей зрянской территоріи, лишь кое-гдѣ, въ исключительныхъ случаяхъ, оказывая нѣкоторые зачатки къ переходу въ болѣе высшія многопольныя системы. Переходъ къ трехполью, вызванный все увеличивающимся значеніемъ земледѣлія самъ вскорѣ дѣлается факторомъ,

побуждающимъ къ дальнѣйшему росту земледѣлія. Главной причиной тому служатъ большее постоянство и вѣрность урожаявъ. При подсѣчной системѣ малѣйшій капризъ погоды разрушаетъ всѣ надежды зырянина; залежная, болѣе вѣрная—влечетъ къ бысгрому истощенію почвъ, благодаря чему третій посѣвъ на одномъ и томъ же участкѣ едва возвращаетъ сѣмена; трехпольная же система, даже въ такой несовершенной формѣ, кака встрѣчается у зырянъ, въ значительной степени устраняетъ указанные недостатки. На практикѣ переходъ выражается въ томъ, что истощившійся залежный участокъ начинаетъ удобряться искусственнымъ путемъ, чѣмъ производительныя силы восстанавливаются настолько, что позволяютъ непрерывную эксплуатацію участка иногда даже безъ оставленія его подъ паръ. Намъ приходилось наблюдать участки, на которыхъ при ежегодномъ удобреніи посѣвъ ячменя производился подрядъ свыше 20 лѣтъ. Такъ какъ естественнымъ удобреніемъ можетъ быть только навозъ, то новая система влечетъ за собою, какъ неизбежное слѣдствіе, увеличеніе скотоводства, что, въ свою очередь, вызываетъ заботы объ обезпеченіи скота необходимыми кормовыми средствами; населеніе, превращая свои залежи въ постоянныя угодья, начинаетъ дѣлательно расчищать рѣчныя долины подъ сѣнокосъ. Съ переходомъ къ трехполью земледѣліе становится на прочную почву, и дѣлается краеугольнымъ камнемъ въ хозяйствѣ. До сихъ поръ земля разсматривалась какъ территория частью для охоты, частью для веденія непостояннаго, летучаго земледѣлія, теперь она дѣлается вѣрнымъ источникомъ дохода. Говоримъ—вѣрнымъ—въ виду установленнаго уже факта, что урожай на сѣверѣ носятъ очень постоянный характеръ, не подвергаясь рѣзкимъ колебаніямъ. Въ то время, какъ въ центральной и южной полосѣ Россіи періодическіе неурожаи сдѣлались обычнымъ явленіемъ, сѣверъ почти не знаетъ ихъ. Благодаря принятой системѣ съ постояннымъ и обильнымъ удобреніемъ, истощеніе почвы не можетъ имѣть мѣста, а климатическія условія, при континентальномъ положеніи района, вообще не испытываютъ рѣзкихъ переувѣнъ, по крайней мѣрѣ, въ теченіе вегетативнаго періода. Указанныя особенности трехполья, содѣйствуя увеличенію значенія земледѣлія, вызываютъ сильную заинтересованность въ землѣ. Въмѣстѣ съ этимъ земледѣліе даетъ сильный толчекъ констатированному выше стремленію селеній стягивать земельные участки поблизости. Условія новой системы требуютъ, чтобы участки не отстояли слишкомъ далеко отъ селенія, такъ какъ переѣзды на

чихъ отнимаютъ слишкомъ много времени. Особенно ощутительно сказывается отдаленность при вывозкѣ навоза. Вотъ маленький расчетъ: для удобренія одной десятины населеніе вывозитъ въ среднемъ около 4.000 пуд. навоза, что, при обыкновенной величинѣ воза въ 15 пуд., составитъ около 270 возовъ; если участокъ расположенъ въ пяти верстахъ, то при одной лошади (однолошадныхъ у зырянъ устьсысольскаго уѣзда огромное большинство, около 70%) для удобренія одной десятины необходимо сдѣлать около *двухъ тысячъ семисотъ верстъ*, считая проѣзды впередъ и обратно. Такое же неудобство представляетъ и возка сноповъ. Подъ влияніемъ этихъ обстоятельствъ обработка дальнихъ участковъ, возможная при залежной системѣ, теперь становится невыгодной; при всемъ своемъ правѣ и желаніи обратить залежный участокъ, находящійся далѣе 5 верстъ, въ удобряемую постоянную полосу, зырянинъ не можетъ этого сдѣлать, такъ какъ расходы по обработкѣ поглотили бы весь возможный доходъ. Разъединеніе селеній идетъ поэтому впередъ быстрыми шагами. Выше приведена была въ примѣръ группа селеній Помоздипской волости, сообща пользующаяся райономъ, пригоднымъ для веденія залежнаго хозяйства; отдѣлились лишь наиболѣе удаленныя селенія. Трехполье разъединило эту группу. Участки съ трехпольнымъ сѣвооборотомъ оказываются сконцентрированными около каждаго отдѣльнаго селенія. Трехпольное хозяйство завершило тотъ процессъ раздробленія племенной территоріи, начало котораго мы констатировали, говоря о переходѣ зырянъ отъ бродячаго охотничьяго быта къ осѣдлому.

Бросая общій взглядъ на эволюцію хозяйства за весь періодъ зырянской жизни, мы видимъ, что съ переходомъ отъ одной формы хозяйства къ другой—происходитъ измѣненіе и въ отношеніяхъ населенія къ землѣ. Оно состоитъ въ томъ, что территорія, на которой зырянинъ фактически можетъ осуществлять свое право свободной заимки, непрерывно суживается. Ранѣе онъ свободно гулялъ по всей племенной территоріи; осѣдлое охотничество и подеѣчно-огневое хозяйство вынуждаютъ его ограничить свои странствованія меньшимъ райономъ, залежное хозяйство ведетъ къ еще большимъ ограниченіямъ, и, наконецъ, трехполье запираетъ его на небольшой площади, прилегающей непосредственно къ селенію. Это ограниченіе не есть, однакожъ, стѣсненіе въ правѣ, а лишь стѣсненіе въ фактической возможности разбрасываться по большей территоріи, чѣмъ это позволяютъ условія хозяйства. Что зыря-

нинъ по прежнему продолжаетъ сознавать свое право на свободную заимку въ любомъ мѣстѣ, доказывается тѣмъ, что, ведя трехпольное хозяйство, онъ никогда не задумывается заложить подсѣку въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ считаетъ павболѣе удобнымъ, хотя бы это было рядомъ съ усадьбами другой деревни. Гдѣ позволяетъ хозяйственная выгода, тамъ онъ тотчасъ же расширяетъ область для осуществленія своего права. Въ концѣ концовъ фактическая обособленность селеній въ отношеніи къ пахотнымъ угодьямъ, несомнѣнно, повела бы и къ ихъ правовой обособленности. Всегда, когда обычно-правовыя нормы перестаютъ находить себѣ основаніе въ явленіяхъ дѣйствительной жизни, онѣ лишаются вмѣстѣ съ тѣмъ и своего практическаго значенія; просуществовавъ нѣкоторое время въ видѣ пережитка, онѣ совершенно скрываются съ горизонта народнаго правосознанія. Но въ хозяйственной жизни зырянъ никогда не исчезали явленія, дающія жизнь этимъ нормамъ. Подсѣчное и залежное хозяйства существуютъ и до сихъ поръ, мѣшая появленію правовой оторванности селеній; да и въ самомъ трехпольѣ есть особенности, дѣйствующія въ томъ же направленіи. Роль трехполя не ограничивается только разъединеніемъ селеніемъ жила. Вмѣстѣ съ его появленіемъ на сцену хозяйственной жизни выступаютъ и другіе факторы, оказывающіе не менѣе сильное вліяніе на земельныя отношенія. Мы говоримъ о сѣнокосахъ, значеніе которыхъ непрерывно возрастаетъ вмѣстѣ съ развитіемъ трехполя. Наличие сѣнокосовъ является необходимымъ условіемъ новой системы земледѣлія. Последняя требуетъ удобренія, таковымъ служитъ только навозъ; для полученія его требуется расширеніе скотоводства, что, въ свою очередь, можетъ имѣть мѣсто лишь при увеличеніи кормовой площади, т. е. площади сѣнокосныхъ угодій¹⁾. Въ своемъ стремленіи къ этому населеніе не встрѣчаетъ тѣхъ затрудненій, которыя заставляютъ пахотныя угодья концентрироваться вблизи селенія, ибо сѣнокосное хозяйство въ значительно большей степени мирится съ дальностью разстоянія. Ниже будетъ сказано о причинахъ этой особенности. Сѣнокосы могутъ быть расчищаемы только въ рѣчныхъ долинахъ; послѣднія очень узки и крестьяне, по мѣрѣ занятія ближнихъ участковъ, все болѣе удаляются отъ селенія, уходя на 40—50 и далѣе верстъ. Въ

¹⁾ Въ районѣ кормомъ служитъ преимущественно сѣно, а не солома, почему мы позволяемъ себѣ, съ извѣстною степенью приближенія, приравнивать кормовую площадь къ сѣнокосной.

районъ, очерченномъ этими предѣлами, каждый хозяинъ имѣеть одинаковую фактическую возможность разрабатывать сѣнокосъ въ любомъ мѣстѣ. Никакого разграниченія между селеніями нѣтъ, участки ихъ перемѣшаны самымъ безпорядочнымъ образомъ. Это влечетъ къ тому, что въ то время, какъ по отношенію къ нахотнымъ угодьямъ селенія все болѣе разъединяются, сѣнокосное землепользованіе, наоборотъ, создаетъ между ними связь. Какъ увидимъ ниже, это противорѣчіе двухъ сторонъ земледѣльческаго хозяйства не прошло безслѣдно и наложило нѣкоторый отпечатокъ на тотъ процессъ, коимъ индивидуальное владѣніе у зырянъ переходило въ общинное.

Изъ этого очерка развитія хозяйства можно сдѣлать прежде всего тотъ выводъ, что формы отношенія населенія къ землѣ находятся въ тѣсной зависимости отъ формъ хозяйства. Районъ эксплуатаціи суживается или расширяется въ зависимости отъ той степени свободы заимки земель, которая предписывается данной формой эксплуатаціи. Что касается юридическихъ воззрѣній населенія, то въ теченіе всего описаннаго періода они остаются почти безъ перемѣны. Право зырянина на свободную заимку земли для приложенія къ ней въ той или другой формѣ труда ничѣмъ не стѣснено, онъ ни къ кому не обратится съ вопросомъ — можно или нѣтъ занять поправившійся ему участокъ. Отъ равныхъ зачатковъ хозяйственной жизни и до настоящаго времени остается неизмѣннымъ основное право зырянина — право на свободную заимку земли. Заимка всегда имѣетъ своей цѣлью приложеніе хозяйственнаго труда. Поэтому можно сказать, что это основное право зырянина есть не что иное, какъ право на приложеніе къ землѣ хозяйственнаго труда. Къ сознанію этого права зырянинъ пришелъ путемъ долгой, многовѣковой жизни въ той суровой обстановкѣ, которая ничего не даетъ даромъ, гдѣ опасность умереть съ голоду устраняется лишь долгимъ унорнымъ трудомъ. Безъ труда — здѣсь невозможно существованіе, а потому признаніе права на приложеніе къ землѣ труда есть не что иное, какъ признаніе права на существованіе.

Само собою разумѣется, что одного лишь права на заимку съ цѣлью труда земель недостаточно; необходимо кромѣ того, чтобы заимщикъ могъ спокойно предаваться работѣ въ полной увѣренности, что никто другой не воспользуется плодами его труда, не выпеть звѣря или птицу изъ разставленныхъ силъевъ, не посягнетъ хлѣба на разработанномъ участкѣ. И такая увѣренность существуетъ.

Мы видѣли, что переходъ къ осѣдлому охотничеству влечетъ сосредоточеніе промысла на небольшомъ участкѣ взаи́мнѣ прежней обширной территоріи. Уменьшеніе района промысла тотчасъ отражается на степени интенсивности эксплуатаціи. Участокъ для охоты требуетъ массы труда. Не говоря уже о необходимости оборудовать его всѣмъ необходимымъ: построить вѣрѣ-жерку, силъя, ловушки, — самый выборъ участка заставляетъ тратить массу времени, труда, знаній, нужно приять во вниманіе характеръ мѣстности, привычки звѣря, птицъ, много другихъ условій, совершенно непонятныхъ для непосвященнаго человѣка. Закладка подсѣки требуетъ не меньше времени, чѣмъ выборъ и оборудованіе охотничьяго участка. Необходимо не только вырубить лѣсъ, но и разложить его такъ, чтобы онъ равномерно покрывалъ весь выбранный участокъ; если нарубленнаго лѣса для этого недостаточно, то недостающее количество приносится со стороны; выкорчевываніе пней ¹⁾, сжиганіе лѣса, уборка песгорѣвшихъ деревьевъ, наконецъ, упорная долгая бороньба первобытной бороной — суковаткой, — все это требуетъ огромной затраты времени и мускульной силы. Обильные урожаи на подсѣкахъ даются недаромъ. Само собою разумѣется, при отсутствіи увѣренности въ томъ, что никто не воспользуется плодами труда, не можетъ быть и самой работы. И мы видимъ, что у зырянъ, какъ и у всѣхъ первобытныхъ народовъ, признаніе права трудящагося является условіемъ *sine qua non* общественной организаціи. Вѣрѣ-жерка охотника постоянно готова для приѣма всякаго во ѣпаго или невольнаго гостя; каждый можетъ воспользоваться ею, какъ временнымъ пріютомъ и найти тамъ все необходимое: запасъ сухарей, соли, иногда сушеннаго мяса, трутъ и огня, самодѣльную грубую чашку; всѣмъ этимъ носѣтель можетъ воспользоваться въ случаѣ крайней нужды, но вынуть попавшуюся въ свляя птицу или звѣря считается грубымъ нарушеніемъ правъ трудящагося, поступкомъ безусловно осуждаемымъ всѣми. Такое же признаніе правъ на продукты и территорію труда со стороны общественнаго мнѣнія влечетъ и разработку подсѣки.

Трудъ не только сдѣлался элементомъ, влияющимъ на характеръ общественныхъ отношеній зырянъ, онъ проникъ глубже, въ семью, породивъ въ ней своеобразныя явленія. Зырянская семья представляетъ собою кровный союзъ нѣсколькихъ лицъ, сообща ведущихъ хозяйство. Глава семьи не является негра-

¹⁾ Корчуются не всѣ пни.

ниченнымъ распорядителемъ общаго семейнаго имущества; онъ связанъ въ своихъ дѣйствіяхъ въ этомъ отношеніи контролемъ другихъ членовъ семейства, имѣющихъ въ виду свои интересы. Онъ не имѣетъ, наиримѣръ, права продать родовой участокъ; мало этого, онъ не можетъ распоряжаться имъ даже въ предѣлахъ своей семьи, будучи обязанъ раздѣлить его поровну между всѣми членами семьи. „Это не твое, ты не самъ работалъ надъ нимъ, а отъ дѣда получилъ“, говоритъ семья и требуетъ раздѣла. Земля, разработанная самимъ большакомъ, безъ участія членовъ семьи составляетъ предметъ его полнаго распоряженія; отецъ можетъ или раздѣлить ее поровну между всѣми членами семьи, или отдать одному или, наконецъ, продать и съ деньгами поступить по собственному усмотрѣнію; въ этомъ онъ воленъ дѣлать что хочетъ; но права его на землю, разработанную сообща всѣми членами семьи, уже подвергаются ограниченію. Это свойственно, впрочемъ, не однимъ зырянамъ. Пахманъ указываетъ, что во Владимірской губерніи также наблюдается различіе между родовымъ и благопріобрѣтенымъ имуществомъ. „Первымъ считается наследственное имущество и распоряжаться имъ произвольно нельзя, такъ какъ оно подлежитъ переходу къ законнымъ наследникамъ“ ¹⁾ То, что составляетъ продуктъ труда всѣхъ членовъ семьи, или что перешло къ ней безъ всякаго труда, какъ напр. родовое имущество, въ одинаковой степени считается общей собственностью всей семьи; напротивъ, то что составляетъ продуктъ труда отдѣльныхъ членовъ семьи, имѣетъ склонность выскользнуть изъ-подъ ея контроля. Зачастую взрослые сыновья въ свободное время разрабатываютъ понемногу участокъ земли и при отдѣлѣ получаютъ его въ свое исключительное владѣніе, помимо того, что они получаютъ какъ участники въ общесемейномъ трудѣ.

Въ праздники семья обыкновенно не работаетъ несл и кто-либо изъ членовъ ея употребить праздничный день на какую-нибудь работу, наиримѣръ наймется къ сосѣдямъ, почему либо работающимъ, то заработокъ, какъ продуктъ лично его труда, поступаетъ въ его пользу. На эти деньги сыновья покупаютъ себѣ неизмѣнную гармонію, сапоги съ тысячью сборовъ и другіе предметы деревенскаго щегольства. Но тотъ же сынъ, работая на сторонѣ въ обычное трудовое время, когда вся семья занята общей работой, теряетъ уже право на зарабо-

¹⁾ Пахманъ. Обычное гражданское право въ Россіи. Т. I, стр. 26.

токъ. Въ послѣднее время у зырянъ сильно возрасли всякаго рода работы по лѣсной эксплуатаціи. Члены семьи, отправляющіеся съ лѣсомъ въ Архангельскъ или въ другое мѣсто, обязаны всю заработанную сумму отдать на семью, ибо въ данномъ случаѣ, хотя деньги получены за ихъ единоличную работу, семья работала общую работу, въ которой должны были принять участіе и отсутствующіе. Наиболѣе ярко это обособленіе сказывается по отношенію къ женщинамъ. Въ зырянской семьѣ женщина, вообще говоря, играетъ большую роль. Помимо чисто домашнихъ работъ, она принимаетъ участіе и въ земледѣльческихъ работахъ, и въ промысловой жизни. Когда весной почти весь мужской элементъ уходитъ съ плотами на 3—4 недѣли, женщина одна справляется съ пахотой, съ бороньбой, съвомъ и другими работами. То же и осенью, когда охотники разбредаются по своимъ вѣр-веркамъ. Въ отсутствіе мужчинъ женщина является полноправнымъ представителемъ хозяйственной единицы-двора, участвуетъ на сходахъ о переѣлахъ земли, о разверстаніи платежей и т. д. Не малое значеніе ея трудъ имѣетъ и въ промысловой жизни, наприм. въ вывозкѣ заготовляемаго мужчинами лѣса къ рѣкѣ, въ рыбныхъ промыслахъ, особенно на р. Печорѣ, въ ямщачествѣ и т. п. Но кромѣ этого въ зырянскомъ хозяйствѣ есть не мало работъ, которыя исполняются исключительно женщинами; къ числу ихъ относятся: посѣвъ и уборка льна, пряжа, сборъ ягодъ, грибовъ и проч. Вырученныя отъ продажи продуктовъ этихъ работъ деньги поступаютъ обыкновенно въ собственность женщины. То же самое замѣчается иногда по отношенію къ мелкимъ продажамъ молока, масла. Женщины часто участвуютъ въ качествѣ гребцовъ въ ночной рыбной ловлѣ, предпринимаемой нѣсколькими домохозяевами; онѣ получаютъ за это опредѣленный паи; деньги, вырученныя отъ продажи его, поступаютъ въ ея пользу. Платки, сарафаны, кольца, серьги, въ послѣднее время даже зонтики, — вотъ предметы, на которые идутъ эти деньги. Но все это лишь въ томъ случаѣ, если трудъ есть дѣйствительно женскій, и при томъ совершающійся въ свободное отъ общественной работы время.

На юго-западѣ Устьсмысльскаго уѣзда льноводство имѣетъ промышленный характеръ, представляя наиболѣе доходную статью въ крестьянскомъ бюджетѣ; въ работѣ участвуетъ весь наличный составъ семьи и въ результатъ продажъ завѣдуетъ большакъ, вырученныя деньги идутъ на семью. Въ хорошіе годы урожай ягодъ, грибовъ достигаетъ иногда певѣроятныхъ размѣровъ;

вся семья уходит на сборъ ихъ, характеръ чисто женскаго труда теряется и выручка становится общимъ достояніемъ семьи. Часто, впрочемъ, и въ этомъ случаѣ доходъ идетъ на покупку разныхъ обновъ для женщинъ; этимъ какъ бы показывается, что другіе члены семьи только помогали женщинамъ въ ихъ спеціальномъ трудѣ. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ сборъ ягодъ имѣетъ промышленный характеръ, выручки отъ продажи идутъ на всю семью. Въ дер. Черпышъ Ношульской волости сборъ брусники какъ промыселъ имѣетъ первенствующее значеніе среди всѣхъ неземледѣльческихъ промысловъ. „Черпышанинъ только и живъ ягодой“, говорятъ ношудцы. „Брусника есть—черпышанинъ богатъ, не родилась она—не жить и ему“. Все взрослое населеніе, всѣ подростки и старики занимаются сборомъ ея. Выручка разумѣется идетъ на семью ¹⁾. То же можно замѣтить и по отношенію къ такимъ продуктамъ скотоводства, какъ масло, молоко. Если продажа ихъ носитъ систематическій характеръ и производится болѣе или менѣе въ крупныхъ размѣрахъ—по $\frac{1}{2}$ пуда и болѣе,—деньги идутъ въ семью. Вообще же надо замѣтить, что деньги, вырученныя отъ продажи продуктовъ труда отдѣльныхъ членовъ семьи, только тогда идутъ на удовлетвореніе потребностей этихъ послѣднихъ, когда семья обезпечена всѣмъ необходимымъ. Интересы семьи какъ цѣлаго стоятъ во всякомъ случаѣ на первомъ планѣ.

У А. Ефименко, въ ея статьѣ „Трудовое начало въ народномъ обычномъ правѣ“ приведено не мало фактовъ, свидѣтельствующихъ о силѣ этого начала въ народномъ міровоззрѣніи. Большинство ихъ имѣетъ мѣсто и у зырянъ. Во всѣхъ ихъ волостной судъ при разборѣ дѣлъ между владѣльцами земли и лицами, по ошибкѣ или намѣренно приложившими къ этой землѣ трудъ, никогда не оставляетъ безъ защиты интересы этихъ послѣднихъ. Сожпеть ли кто по ошибкѣ чужую полосу, или выкоситъ чужой участокъ, засѣетъ не свое поле, увезетъ изъ лѣсу нарубленныя другимъ дрова и т. д., во всѣхъ случаяхъ владѣлецъ, обыкновенно не доводя дѣло до суда, уплачиваетъ стоимость произведенныхъ работъ.

Значеніе трудового права не менѣе ярко сказывается и въ современныхъ формахъ аренды. Нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ зыряне совершенно не были стѣснены въ правѣ расчищать сѣнокосы въ казенныхъ дачахъ и отдѣльныя семьи вла-

¹⁾ А. Рума. *loc cit.* стр. 170.

дѣли своими участками наследственно и независимо. Впоследствии, однако, лѣсное вѣдомство ограбило право зырянъ и образовало изъ сѣнокосовъ оброчныя статьи. Такъ какъ лѣсное вѣдомство не имѣетъ возможности вступать въ сдѣлку съ каждымъ фактическимъ владѣльцемъ, то оно разбиваетъ всѣ сѣнокосы на районы, приурочиваемые къ рѣкамъ, и сдаетъ каждый изъ нихъ одному лицу; послѣднее является такимъ образомъ юридическимъ арендаторомъ огромной оброчной статьи, обнимающей собою землепользование нѣсколькихъ селеній. Юридически это лицо имѣетъ, слѣдовательно, исключительное право владѣнія заарендованной статьей въ теченіе вѣстнаго срока. Въ дѣйствительности однако дѣло обстоитъ иначе. Юридическій арендаторъ есть ничто иное, какъ представитель дѣйствительныхъ владѣльцевъ и самымъ фактомъ снятія имъ въ аренду оброчной статьи не приобретаетъ правъ на пользование больше тѣхъ, какія онъ имѣлъ раньше. Участкамъ по врежнему пользуются тѣ, кто ихъ расчистилъ. Подобнаго рода свидѣтельство имѣется у г. Рума относительно юго-западной части Устьсысольскаго уѣзда. „Въ арендѣ фактически принимаютъ участіе всѣ владѣльцы расчистовъ на данной статьѣ, хотя юридически арендаторомъ является одно лицо, часто даже не имѣющее формальной довѣренности отъ соарендаторовъ на аренду. При сдачѣ участка съ торговъ торги сводятся къ фикціи, такъ какъ мѣстное населеніе никогда не выступаетъ конкурентомъ на аренду чужого чищенія“. Другой изслѣдователь такъ очерчиваетъ роль юридическаго арендатора. „Онъ былъ только обычнымъ представителемъ на торгахъ отъ нѣсколькихъ владѣльцевъ этой казенной оброчной статьи, образованной изъ участковъ, расчищенныхъ прадедами ихъ. Владѣльцы, каждый за свой дѣдовскій пай, уплачиваютъ арендатору выданныя имъ деньги, разверстывая по величинѣ владѣемыхъ участковъ и безпрепятственно свимаютъ сѣно съ „наследственныхъ“ луговъ. Арендатору даже въ умъ не приходитъ поживиться лишней противъ затраченной суммы копейкой, не говоря уже о претензіи на всю снятую у казны статью. Вся его корысть вполнѣ удовлетворяется, если въ праздникъ сосѣдъ, для котораго онъ страховалъ своей мощной и гулялъ въ волость „въ начальству“, подастъ „линдатору“ лишнюю рюмку и лишній разъ назоветъ его „настоящимъ мужикомъ“. Арендаторомъ по деревнѣ изъ года въ годъ бываетъ одно и то же лицо, владѣющее во всякое время наличными 40 — 50 рублями и часто даже не имѣющее своего наследственнаго участка въ арендуе-

мой статьѣ“¹⁾). Правда, эта патріархальность въ настоящее время во многихъ мѣстахъ стала уже удѣломъ добраго стараго времени и прежній безкорыстный радѣтель обратился въ заправскаго деревенскаго кулака, тѣмъ не менѣе нарисованный типъ—типъ очень недавняго прошлаго. Но даже тамъ, гдѣ мѣсто его занялъ кулакъ, фактическое владѣніе продолжаетъ находить себѣ признапіе и кулаческій элементъ проявляется лишь въ увеличеніи платы.

Какую сторону хозяйственной жизни населенія мы ни возьмемъ, увидимъ, что трудовой элементъ вездѣ накладываетъ свой отпечатокъ. Приведенные факты позволяютъ отнѣтить на поставленный выше вопросъ, что *причину признанія за отдѣльными зырянскими права на территорію приложенія и продукты труда нужно искать въ затраченномъ трудѣ.*

Если мы всмотримся глубже въ сущность труда, поскольку онъ отразился въ зырянскомъ правосознаніи, то увидимъ, что онъ не представляетъ изъ себя нѣчто такое, что всегда во всѣхъ случаяхъ влечетъ одинаковое послѣдствіе. Результаты приложенія труда очень различны въ зависимости отъ характера самаго труда.

Прежде всего необходимо различать *трудъ по сбору естественныхъ произведеній природы.* Зырянинъ можетъ совершенно свободно собирать грибы, ягоды, орѣхи, рубить дикорастущій лѣсъ, косить траву на природныхъ сѣнокосахъ и т. д. Никто не можетъ мѣшать въ этомъ другому, ибо никто въ данномъ случаѣ не имѣетъ права больше, чѣмъ другой. Отсутствие исключительнаго права на сборъ произрастеній имѣетъ въ своей основѣ то обстоятельство, что во всѣхъ случаяхъ одинаково они являются *естественными* продуктами природы, помимо всякаго участія человека, подобно водѣ, воздуху, солнечному свѣту. Затрата труда въ этомъ случаѣ обезпечиваетъ зырянину пользованіе собранными произрастеніями; онъ можетъ распорядиться ими какъ угодно съ одинаковымъ правомъ. *Затрата труда по сбору естественныхъ произведеній природы влечетъ къ приобрѣтенію права собственности на продукты труда.* При этомъ не возникаетъ никакого отношенія къ самой территоріи сбора продуктовъ. Тамъ, гдѣ зырянинъ сегодня собиралъ грибы или орѣхи, завтра тоже самое можетъ дѣлать другой. Произрастенія однако не всегда обуславливаются дѣятельностью исключи-

¹⁾ П. Ф. В-ій. Земельные порядки у зырянъ. Сѣверный Вѣстникъ. 1896 г. кн. I.

тельно одной природы. Нѣкоторыя изъ нихъ, какъ напр. хлѣбъ, предполагають участіе человѣка, направляющаго производительныя силы природы въ желательномъ для него направленіи. Въ такомъ случаѣ участокъ, на которомъ помимо дѣятельности природы имѣло мѣсто еще приложеніе человѣческаго труда, выдѣляется изъ окружающей территоріи. По отношенію къ нему право зырянна на свободный сборъ произрастеній теряетъ свою силу. *Трудъ по обработкѣ земли влечетъ къ исключительному труду на сборъ произрастеній на территоріи приложенія этого труда.* Исслѣдователи земельныхъ отношеній у первобытныхъ народовъ говорятъ намъ, что вездѣ, гдѣ появленію произрастеній помимо дѣятельности природы способствовало приложеніе человѣческаго труда, сборъ этихъ произрастеній составляетъ исключительную привилегію одного лица. Такъ плоды съ дикорастущихъ деревьевъ собираетъ всякій желающій, плоды же съ насаженныхъ деревьевъ — только тотъ, кто насадилъ деревья. Возможны однако случаи столкновенія права свободного сбора произрастеній съ этимъ привилегированнымъ правомъ. Именно такое столкновеніе представляютъ изъ себя многочисленные факты, вмѣющіе мѣсто въ зырянской жизни, когда по ошибкѣ или памѣренію лицо сжинаетъ хлѣбъ или выкашиваетъ сѣно съ чужого участка. Казалось бы, что привилегированное право въ данномъ случаѣ должно покрыть собою первое, и лицо, выкосившее сѣно или сжавшее хлѣбъ, теряетъ всякое право на продукты своего труда, но обычный судъ смотритъ иначе. Признавая въ принципѣ, что всякій трудъ долженъ быть вознагражденъ, онъ примпруетъ претензіи тяжущихся нѣкоторымъ компромиссомъ: обработавшій участокъ получаетъ право на произрастенія, но обязанъ уплатить лицу, обработавшему ихъ, стоимость труда по сбору. Обработка земель и сборъ произрастеній на обработанномъ участкѣ составляютъ то, что можно назвать *эксплоатаціоннымъ* трудомъ. Влечетъ ли приложеніе *эксплоатаціоннаго* труда помимо права собственности на произрастеніе въ какому нибудь отношенію къ территоріи?

На этотъ вопросъ отвѣтить довольно трудно, такъ какъ въ районѣ нашего изслѣдованія далеко не часты случаи, когда *эксплоатаціонный* трудъ является въ чистой формѣ, не смѣшаннымъ съ другими формами труда — напр. съ трудомъ по расчисткѣ. Все, на чемъ можно въ этомъ случаѣ обосновать то или другое заключеніе, даетъ форма пользованія залежами. Для залежнаго хозяйства служатъ участки, поросшіе мелкой

зарослью, а часто и совсѣмъ свободные отъ лѣсонасажденій; благодаря этому представляется почти полная возможность приступать непосредственно къ обработкѣ, безъ предварительной расчистки. Каждый можетъ захватить любой участокъ, если на немъ нѣтъ никакихъ признаковъ, которые указывали бы, что онъ уже началъ подвергаться разработкѣ другимъ. Срубленный вустарникъ представляется достаточною гарантіею того, что участокъ не будетъ захваченъ другимъ; въ случаѣ же захвата волостной судъ при разборѣ спора встаетъ на сторону того, кто приложилъ первоначальный трудъ. Когда участокъ свободенъ отъ пасаженій и нѣтъ возможности приложившемъ подготовительнаго труда показать, что онъ занятъ, достаточно часто одного заявленія домохозяина о желаніи приступить къ обработкѣ, и всякій, „имѣющій совѣсть“, не смотря на отсутствие видимыхъ признаковъ труда, не препятствуетъ осуществленію этого желанія. Но соблюденіе подобнаго правила, будучи предоставлено совѣсти, необязательно, и нарушеніе его не влечетъ никакихъ послѣдствій. Втеченіи нѣсколькихъ лѣтъ, пока производятся посѣвы, участокъ пребываетъ въ пользованіи захватившаго его лица, но какъ только кончается дальнѣйшая обработка его и онъ забрасывается, то вмѣстѣ съ тѣмъ теряется и всякое право на него. Другой крестьянинъ, если онъ считаетъ почему либо выгоднымъ подвергнуть дальнѣйшей эксплуатаціи оставленный участокъ, можетъ захватить его безъ всякаго предупрежденія объ этомъ бывшаго владѣльца. Если же послѣдній, использовавъ участокъ нѣсколькими посѣвами, пожелаетъ обратить его въ постоянную пашню, удобривъ путемъ вывозки навоза, то этимъ онъ закрѣпляетъ свое дальнѣйшее право, исключаящее вмѣшательство другихъ лицъ. Мы видимъ, такимъ образомъ, что *обработка участка, когда она не требуетъ предварительной расчистки, не влечетъ къ неограниченному владѣнію; послѣднее кончается вмѣстѣ со сборомъ произрастеній.* То обстоятельство, что участокъ можетъ сдѣлаться предметомъ неограниченнаго или по крайней мѣрѣ долгаго владѣнія, если онъ будетъ удобренъ, нельзя считать противорѣчащимъ этому положенію, такъ какъ при огромномъ значеніи въ районѣ удобрения, послѣднее само по себѣ какъ требующее затраты труда, служитъ самостоятельнымъ источникомъ къ владѣнію.

Совершенно особо стоятъ *трудъ по расчисткѣ угодій.* Подобно тому, какъ изъ общей площади, на которой возможно свободное приложеніе труда по сбору произрастеній, выключаетъ

ются участки, поглотившіе нѣкоторую долю человѣческаго труда по обработкѣ ихъ—подобно этому изъ общей площади, годной для непосредственной обработки, исключаются участки, приведенные путемъ предварительной затраты труда на расчистку въ состояніе, годное для обработки. Тотъ, кто расчиститъ участокъ, имѣетъ исключительное право на обработку его. *Трудъ по расчисткѣ участка даетъ исключительное право на приложеніе труда по обработкѣ, т. е. эксплуатационнаго труда.* Расчистка или разработка участка въ отличіе отъ двухъ разсмотрѣнныхъ видовъ труда, влечетъ къ тѣсной, длящейся связи съ нимъ лица, расчистившаго участокъ. Последнее получаетъ право эксплуатировать участокъ неограниченное число лѣтъ.

Зыряне не держатъ за собою участковъ земли, если не имѣютъ цѣли трудиться надъ ними; владѣть, значитъ прилагать въ той или иной формѣ трудъ; владѣніе и эксплуатация—у зырянъ почти синонимы; одно понятіе сплошь и рядомъ употребляется вмѣсто другого.

Можно поэтому сказать, что въ эпоху индивидуальнаго владѣнія, *трудъ по расчисткѣ влечетъ къ неограниченному владѣнію участкомъ.* Въ дер. Вольдинской, напр., залежные участки расчищаются изъ подъ сравнительно крупнаго лѣса. Въ результатъ—первоначально расчистившій пріобрѣтаетъ право на дальнѣйшее владѣніе участкомъ, и лишь его согласіе даетъ другому крестьянину право воспользоваться этимъ участкомъ. То же самое замѣчается и вообще по отношенію ко всякому участку, расчищенному съ тою или другою цѣлью изъ подъ лѣса.

Владѣніе продолжается до тѣхъ поръ, пока владѣлецъ не броситъ эксплуатацію. Временныя пріостановки въ послѣдней не влекутъ къ уничтоженію права на владѣніе, если существуетъ убѣжденіе въ томъ, что владѣлецъ не отказался совсѣмъ отъ эксплуатаціи. Неограниченность права владѣнія расчищеннымъ участкомъ составляетъ наиболѣе существенный, характерный признакъ эпохи индивидуальнаго владѣнія.

Приступая къ разработкѣ участка, зырянинъ дѣлаетъ вокругъ намѣченнаго участка просьбу или просто затесы на деревьяхъ и съ этого момента участокъ считается занятымъ. Тамъ, гдѣ не предвидится никакихъ столкновеній съ сосѣдями, мѣтки становятся излишними; зырянинъ прямо принимается за разработку, распространяя ее во всѣ стороны на какое угодно разстояніе. То обстоятельство, что окруженное мѣтками, или, какъ говорятся, отесанное пространство не можетъ быть за-

нято другимъ, хотя бы сдѣлавшій мѣтки еще и не приступалъ къ разработкѣ, или разработалъ только часть его, подало поводъ нѣкоторымъ изслѣдователямъ думать, что существуетъ какое то особое *захватное право*, коимъ участокъ утверждается за занявшимъ его лицомъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ иначе объяснить тотъ фактъ, что послѣ захвата участка проходитъ годъ, другой, захватчикъ все еще не приступаетъ къ разработкѣ, или же, разработавши часть его, повидимому совершенно не помышляетъ объ оставшемся, а между тѣмъ участокъ по прежнему остается за нимъ въ очерченныхъ предѣлахъ, и никому въ голову не приходитъ воспользоваться имъ, или частью его для немедленнаго труда по обращенію въ то, или другое удобье? Казалось бы, разъ на извѣстномъ участкѣ не прилагается трудъ, владѣніе имъ не можетъ быть оправдано трудовымъ началомъ, признающимъ право каждаго на территорію труда, и если такое владѣніе тѣмъ не менѣе продолжается, то причину этого нужно искать въ существованіи особаго захватнаго права, служащаго само по себѣ основаніемъ къ владѣнію на ряду съ трудомъ. „Такая форма пользованія, пишетъ г. Кауфманъ, при которой *захватъ самъ по себѣ*, независимо отъ приложенія къ землѣ труда создаетъ прочныя дляціяся отношенія къ захваченной землѣ, несомнѣнно существуетъ и лишь при наступленіи „нѣкотораго утѣсненія“ исчезаетъ и даетъ мѣсто другой формѣ“¹⁾). Эти слова относятся къ сибирскому землепользованію, но вотъ утвержденіе, относящееся и непосредственно къ району изслѣдованія.

„При господствѣ въ міровозврѣніи на право владѣнія трудового принципа считается чѣмъ либо владѣніемъ, исключается, выражаясь юридически, изъ *res nullius*, лишь та площадь, которая поглотила то или другое количество труда. Тутъ не важенъ размѣръ послѣдняго, но важенъ лишь принципъ, важно, чтобы нѣкоторый трудъ, будь то дневной или годовой, былъ употребленъ на каждую единицу участка. Совсѣмъ иное мы видимъ при господствѣ въ правовомъ міровозврѣніи захватнаго начала. Здѣсь не играетъ уже никакой роли затрата труда; здѣсь требуется лишь *ясное показаніе*, что данная площадь захвачена, составляетъ чью либо собственность, или вѣрнѣе сказать владѣніе, хотя бы никакого труда на разработку даннаго участка и не было положено“²⁾). Двѣ приведенныя цитаты

¹⁾ А. Кауфманъ. Крестьянская община въ Сибири. Стр. 48.

²⁾ Л. Рума. *Loc. cit.* 126.

ясно показывают, что захватное право, как самостоятельное основаніе въ владѣнію, не есть особенность одного какого нибудь района, вызванная своеобразнымъ характеромъ условій хозяйственной жизни въ немъ, а склонно повидимому претендовать на болѣе широкую территорию и тѣмъ самымъ приобрести значеніе общаго принципа. Изученіе земельныхъ порядковъ у зырянъ рѣшительно заставляютъ насъ если не возражать по существу этого вопроса, то по крайней мѣрѣ, выдѣлить изслѣдуемый районъ изъ числа тѣхъ мѣстностей, на которыя гг. изслѣдователи распространяютъ господство изобрѣтеннаго ими правового принципа. Оба изслѣдователя утверждаютъ, что захватное право имѣетъ настолько глубокіе корни въ правовыхъ понятіяхъ населенія, что находитъ себѣ полное признаніе со стороны волостныхъ судовъ. Въ этомъ отношеніи г. Рума даже превзошелъ г. Кауфмана, утверждающаго все же, что захватное право имѣетъ силу лишь при отсутствіи утѣсненія въ землѣ. Онъ говоритъ: „вся площадь, могущая быть обращенной въ покосы, считается владѣніемъ того, въ займищу кого она примыкаетъ и, *несмотря на крайнюю нужду въ стѣнокосныхъ угодьяхъ, ни одинъ кочергинецъ не рѣшится продолжать расчистку чужого займища... изъ сознанія незаконности такого дѣйствія, нарушенія имъ установившагося обычая, который въ лицѣ волостного суда попытается покарать нарушителя и возстановитъ права законнаго владѣльца, законнаго только по праву захвата* ¹⁾. Какъ оказывается, захватное право пользуется такимъ уваженіемъ, что при самой острой хозяйственной нуждѣ, зырянинъ только безмолвно взираетъ на сдѣланные затесы, не рѣшаясь прикоснуться къ этому своего рода „табу“. Смѣемъ увѣрить автора приведенной цитаты, что въ дѣйствительности дѣло обстоитъ нѣсколько иначе и нивакого священнаго почтенія къ захваченной территоріи у зырянина нѣтъ. Въ настоящемъ изслѣдованіи разбросано не мало доказательствъ того, какъ подъ напоромъ измѣняющихся хозяйственныхъ условій мѣняется и отношеніе къ землѣ, какъ объекту тѣхъ или другихъ правъ. Острая хозяйственная нужда—это такой факторъ, который, какъ увидимъ ниже, способенъ поколебать даже болѣе высокій въ культурномъ отношеніи трудовой принципъ, а не только захватный, если бы онъ существовалъ.

Несомнѣнно, что зырянинъ не рѣшится на завладѣніе участкомъ, часть котораго уже подверглась приложенію труда и

¹⁾ Л. Рума. *Loc. cit.* 127. Курсивъ нашъ.

если онъ это сдѣласть, то карающая десница обычнаго суда заставить его отступить отъ захваченнаго, но причина этому кроется не въ признаніи юридическаго значенія захвата, а въ нѣскольکو иномъ, чѣмъ у г. Рума, пониманіи трудового принципа. Нельзя думать, что, по народному пониманію, трудовое право санкціонируетъ только совершенный трудъ, какъ это представляетъ себѣ названный изслѣдователь. Если зырянинъ рубить подсѣку, то, дѣлая логическій выводъ изъ такого пониманія, трудовое право въ этомъ случаѣ складывается изъ отдѣльныхъ правъ на каждое срубленное дерево, а эти послѣднія есть, въ свою очередь, совокупность отдѣльныхъ правъ на результатъ каждаго взмаха топора и т. д. Это совершенно неправильно. Рубится ли подсѣка, расчищается ли пашня или сѣнокосъ—вся площадь, отмѣченная затесами и необходимая, чтобы работа имѣла смыслъ, удовлетворяла извѣстной потребности, и считается мѣстомъ приложенія труда, а не только то дерево, повалить которое онъ въ данную минуту старается. На извѣстной площади зырянинъ трудится, и вторженіе въ эту область приложенія труда есть нарушеніе трудового права, совершенно независимо отъ того, на всю ли занятую площадь распространился трудъ, или пока еще только на часть ея. Всякій захватъ того или другаго участка производится всегда съ цѣлью приложенія труда, поэтому величина захватываемой площади опредѣляется размѣромъ потребности; захватъ ради захвата не имѣетъ смысла, такъ какъ при данномъ состояніи зырянскаго хозяйства участки безъ приложенія къ нему труда не имѣютъ никакой цѣны и не приносятъ никакой выгоды. Разъ участокъ захваченъ, то тѣмъ самымъ показывается, что онъ захваченъ не ради безкорыстнаго удовольствія владѣть имъ, а для того, чтобы путемъ первоначальной затраты труда на расчистку извлекать изъ него выгоду. Незначительная затрата труда въ подготовительной формѣ, произведенная въ какомъ нибудь мѣстѣ „отесанной“ территоріи уже свидѣтельствуетъ, что началась разработка всего участка. „Часто затрата труда въ этомъ отношеніи сводится къ простому наложенію мѣтокъ... Количество труда, затраченнаго въ такихъ случаяхъ непосредственно на самое мѣсто заимки, служитъ только косвеннымъ признакомъ болѣе широкаго приложенія къ дѣлу труда въ подготовительной формѣ“¹⁾). Населеніе никогда не признаетъ захвата, если послѣдній совершенъ не съ цѣлью труда, и не по-

¹⁾ Ф. Ш. Лос. cit. Курсивъ нашъ.

стѣснятся предъявить на захваченный участокъ свое право. Съ этой цѣлью въ различныхъ частяхъ района существуютъ сроки, въ теченіе которыхъ захватчику предоставляется возможность осуществить свое право на приложеніе труда; если по истеченіи ихъ къ разработкѣ не приступлено, то этимъ самымъ устанавливается фактъ, что участокъ захваченъ не съ цѣлью труда, что захватчикъ, слѣдовательно, не нуждается въ немъ, и тогда онъ можетъ воспользоваться, несмотря на сдѣланные затесы, всякій другой, потребность котораго болѣе настоятельна. Величина сроковъ можетъ зависѣть, главнымъ образомъ, только отъ того, насколько сильно чувствуется утѣсненіе въ землѣ. Показателемъ того, какъ населеніе смотритъ на захваченныя, но неразработываемыя, земли, можетъ служить одинъ очень любопытный документъ, приводимый г. Ф. Ш. въ цитированномъ очеркѣ, именно „межевая дѣловая память“, относящаяся къ XVIII в. и заключенная между коряжемскимъ монастыремъ и крестьяниномъ. Въ ней крестьянинъ обязывается владѣть только своей пашней и больше къ ней не причинять.

Монастырь опасался, что крестьянинъ будетъ расчищать прилегающія къ своей пожнѣ монастырскія пустопорожнія земли и такимъ образомъ, въ силу трудового права, оттягивать ихъ. Понадобилось особое условіе, по которому крестьянинъ обязывался не расчищать ихъ. Для монастыря, очевидно не было сомнѣнія, что, не будь условія, крестьянинъ не задумался бы въ своемъ правѣ приступить къ разработкѣ пустопорожнихъ монастырскихъ земель. И это было въ XVII в., когда никакой крайней нужды въ сѣновосѣ не было, когда каждый, въ какомъ угодно количествѣ, могъ найти нерасчищенные и незанятые другими земли. Можно ли, подобно г. Рума, серьезно говорить о захватномъ правѣ теперь, когда уже и трудовое право подвергается стѣсненіямъ. Захватъ только тамъ дѣйствителенъ и влечетъ къ дѣющемуся владѣнію, гдѣ на объектѣ захвата нѣтъ притязаній со стороны другихъ лицъ. Крестьянинъ можетъ завладѣть участкомъ земли и, не приступая къ разработкѣ, держать за собою, но лишь до тѣхъ поръ, пока на участокъ не предъявитъ притязаній другое лицо, нуждающееся въ немъ для разработки. Никакого правового значенія въ данномъ случаѣ захватъ не имѣетъ. Можно ли говорить о захватѣ, какъ основаніи къ приобрѣтенію правъ владѣнія, если эти „права“ никѣмъ не санкціонируются, никѣмъ не защищаются и исчезаютъ тотчасъ же, какъ только они придутъ въ столкновеніе съ притязаніями другихъ лицъ. Г. Кауфманъ при-

водить одинъ случай изъ практики сибирскихъ волостныхъ судовъ, который какъ будто противорѣчитъ только что сказанному. Крестьянинъ А. распахалъ участокъ земли въ сферѣ заимки крестьянина Ш.; послѣдній подалъ жалобу, и волостной судъ приговорилъ: „распаханную землю Ш. оставить во владѣніи его, Ш., а А. сдѣлать внушеніе, *чтобы онъ не распахи-валъ нигдѣ облизн заимки Ш.* (курсивъ А. К.), такъ какъ А. имѣеть около своей заимки много пустопорожныхъ земель¹⁾. На первый взглядъ, волостной судъ является въ этомъ случаѣ, какъ будто защитникомъ захватнаго права. На самомъ же дѣлѣ вопросъ здѣсь совсѣмъ не въ захватѣ. Волостной судъ своимъ рѣшеніемъ имѣлъ въ виду, несомнѣнно, разграниченіе сферъ труда. Все дѣло здѣсь въ томъ, что понимать подъ терминомъ — „сфера приложенія труда“. Объемъ этого понятія не всегда одинаковъ, различаясь въ зависимости какъ отъ степени мало-земелья или многоземелья, такъ и отъ формъ землевладѣльческаго хозяйства. При большомъ земельномъ просторѣ, каждый можетъ во всякое время и въ какомъ угодно количествѣ найти землю для удовлетворенія имѣющейся нужды; весьма естественно отсюда, что крестьянинъ можетъ совершенно свободно располагаться на обширной территоріи, сообразуясь со своими хозяйственными вкусами и требованіями; величина захватываемой территоріи при этомъ опредѣляется характеромъ того способа эксплуатаціи земли, который онъ рассчитываетъ примѣнить. При залежномъ хозяйствѣ, напр., когда продолжительность оборота участка достигаетъ до 10—15 лѣтъ, онъ занимаетъ площадь въ 10—15 разъ болѣе той, какая нужна для годового использованія, и если земли много, то никто не помѣшаетъ ему исполнить свой планъ. Несмотря на то, что ежегодно будетъ заниматься лишь незначительная часть общей площади заимки, а остальная лежитъ безъ всякой обработки, — въ данномъ случаѣ сферой приложенія труда будетъ считаться, несомнѣнно, вся площадь, и занятіе части ея другимъ лицомъ — явится безусловно вторженіемъ въ область чужого труда, нарушеніемъ трудового права. При данныхъ условіяхъ хозяйства, съ которыми прежде всего приходится считаться населенію, занятіе меньшей площади не имѣло бы смысла, такъ какъ сдѣлаетъ невозможнымъ самое хозяйство²⁾. По мѣрѣ того, какъ земельный про-

¹⁾ Loc. cit.

²⁾ Нашъ положительный законъ менѣе всего склоненъ признавать право мѣрность захвата, между тѣмъ, опредѣляя норму надѣла для государственныхъ крестьянъ при поземельномъ устройствѣ, онъ гласитъ: „Въ селеніяхъ,

сторъ сокращается, и крестьяне становятся вынужденными уже искать свободныхъ земель, такое хозяйничанье однихъ становится преградой для другихъ. Предусмотрительность хозяина, рассчитывающаго на обезпеченіе себя количествомъ земли, необходимымъ для 10—15-лѣтняго оборота, подвергается ограниченіямъ, и сфера приложенія труда сокращается. Тамъ, гдѣ утѣшеніе въ землѣ сильно даетъ себя чувствовать, необходимо, чтобы занятая земля или уже подверглась разработкѣ, или имѣлись бы на лицо ясныя признаки, что она въ скоромъ времени подвергнется ей; становится возможнымъ занимать только то, что необходимо для удовлетворенія насущной и неотложной потребности. Въ такомъ положеніи находится дѣло въ изслѣдуемомъ районѣ. Если бы зырянинъ пожелалъ, ссылаясь на необходимость ввести залежное хозяйство, занять участокъ земли для 15-ти лѣтняго оборота, то онъ, несомнѣнно, не встрѣтилъ бы сочувствія со стороны общественнаго мнѣнія. Никто не призналъ бы за нимъ права держать за собой участокъ земли только потому, что черезъ 15 лѣтъ онъ можетъ ему понадобится. Такое признаніе возможно лишь въ томъ случаѣ, если вся предполагаемая къ занятію территория состоитъ изъ его же собственныхъ расчистокъ, но здѣсь уже мы имѣемъ дѣло не съ захватомъ, а съ трудовымъ правомъ.

Захватъ—не право, а лишь фактъ, не имѣющій никакихъ юридическихъ послѣдствій. Прежде, нежели приложить трудъ, необходимо завладѣть участкомъ; захватъ есть ничто иное, какъ форма этого завладѣнія. Въ этомъ смыслѣ онъ имѣетъ мѣсто и въ эпоху общиннаго владѣнія у зырянъ, при коемъ община нисколько не стѣсняетъ своихъ членовъ въ свободномъ захватѣ земель подъ расчистку. Съ уменьшеніемъ земельного пространства, эта форма завладѣнія становится невыгодной и замѣняется

гдѣ существуетъ переложная или подеѣчная система полеводства, при которой нивы воздѣлываемыя крестьянами земли находятся непостоянно на однихъ и тѣхъ же мѣстахъ, а ежегодно переменяются, почему существующее пользованіе такими угодьями не имѣетъ опредѣленныхъ и постоянныхъ границъ, пространство крестьянскаго надѣла на основаніи Высочайшаго Указа 24 ноября 1866 года опредѣляется по соразмѣрности съ существующимъ пользованіемъ, не свыше: въ уѣздахъ малоземельныхъ—восемь десятинъ, а многоземельныхъ—пятнадцать десятинъ на душу, *но съ расчетомъ сколькохъ десятинъ переложу за одну десятину пашни.* „Это вытекаетъ изъ соображеній въ необходимости предоставить въ надѣлъ такое количество земли, которая сдѣлала бы возможнымъ веденіе хозяйства при существующей системѣ земледѣлія. Все міровоззрѣніе крестьянъ имѣетъ въ основѣ эту же дѣль, ему же объясняется и самое признаніе трудового права.

другой. „Если моментъ приложенія труда ео *ipso*, пишетъ г. Кауфманъ, сопровождается захватомъ, то этотъ послѣдній моментъ при разсматриваемой формѣ и самъ по себѣ создаетъ уже прочныя отношенія къ захваченной землѣ¹⁾. Это въ такой же степени справедливо, какъ и слѣдующій перифразъ: „если моментъ расплаты за товаръ ео *ipso* сопровождается осмотромъ, то этотъ послѣдній моментъ и самъ по себѣ создаетъ уже прочныя, длящаяся отношенія въ осмотрѣнной вещи“. Мы приводимъ здѣсь слова г. Осипова, относящіяся къ сибирскому крестьянству: „нивакого правового значенія займа не имѣеть; никто не думаетъ, что зайщикъ имѣеть какія-нибудь права только какъ зайщикъ; онъ имѣеть ихъ лишь до тѣхъ поръ, пока обрабатываетъ свои земли; если онъ ихъ почему-либо бросаетъ, то всякій имѣеть право ихъ занять²⁾. Г. Кауфманъ сознается, что, по мѣрѣ увеличенія утѣсненія въ землѣ, очерчиваніе перестаетъ уже препятствовать нарушенію правъ захватчика и „такимъ образомъ начало владѣнія пашней мало-по-малу переносится отъ момента *захвата* къ моменту дѣйствительной *разработки*. Происходитъ яко бы замѣна одного источника права другимъ. Но вѣдь такая замѣна—цѣлый переворотъ въ народныхъ правовозрѣніяхъ, ибо она есть ничто иное, какъ смѣна правовыхъ принциповъ. Народная жизнь идетъ слишкомъ медленно и слишкомъ послѣдовательно, чтобы можно было приписывать ей такіе скачки. Г. Кауфманъ и фактически неправъ, ибо даже при утѣсненіи въ землѣ, никогда начало владѣнія не совпадаетъ съ моментомъ разработки; всегда первое предшествуетъ второму; владѣніе всегда начинается ранѣе, чѣмъ зырянинъ приступитъ къ разработкѣ; сдѣланные затѣсы уже предохраняютъ владѣніе отъ нарушенія; оставался послѣдовательнымъ, г. Кауфманъ и въ этомъ случаѣ долженъ признать наличность захватнаго права. До разработки, владѣніе носитъ условный характеръ, оно признается лишь до тѣхъ поръ, пока существуетъ убѣжденіе, что разработка наступитъ и окончательно санкціонируется трудомъ. Рухнется это убѣжденіе—никакое „захватное“ право не спасетъ тогда владѣніе. Г. Кауфмана смущаютъ, можетъ быть, тѣ, встрѣчающіеся въ Сибири, случаи, когда участокъ по прежнему числится за зайщикомъ, несмотря на очевидное убѣжденіе всѣхъ и каждаго,

1) А. Кауфманъ. *Loc. cit.* 55.

2) Матеріалы по Западной Сибири. Вып. XXI, стр. 37. Цитировано по А. Кауфману.

въ томъ числѣ и самого займщика, что онъ никогда не подвергнется разработкѣ. Но можно ли выводить отсюда заключеніе о существованіи *права* владѣнія? безусловно нѣтъ. Владѣніе фактически продолжается, но оно держится только потому, что, благодаря многоземелью, никто не имѣетъ необходимости въ его нарушеніи. Здѣсь нѣтъ *права* владѣнія, а есть лишь владѣніе, хотя не нарушаемое, но и не признаваемое и не защищаемое. Имѣя въ виду такое владѣніе нельзя говорить о немъ, какъ объ элементѣ въ правовыхъ воззрѣніяхъ народа.

Единственнымъ, послѣдовательно проводимымъ чрезъ всю исторію зырянъ, правовымъ принципомъ служитъ право труда. Различныя формы труда ведутъ къ различнымъ слѣдствіямъ, но во всѣхъ случаяхъ одинаково защищаемымъ общественнымъ мнѣніемъ.

Мы не можемъ не привести здѣсь свидѣтельствъ нѣкоторыхъ изслѣдователей, подтверждающихъ справедливость этого положенія. Такъ, Н. И. Зиберъ, послѣ цѣлаго ряда примѣровъ изъ жизни племенъ, разбросанныхъ по всему земному шару, говорить: „предыдущее показываетъ, какую громадную, почти универсальную роль играетъ обособляющій трудъ въ исторіи образованія поземельной собственности“¹⁾. „Вліяніе трудового начала на обычно-правовую жизнь народа, пишетъ другой изслѣдователь, даетъ себя чувствовать на каждомъ шагѣ. Достаточно оказывается приложить къ дѣлу самую незначительную долю мускульнаго труда, чтобы то или другое намѣченное такимъ образомъ угодѣ считалось временною принадлежностью приложившаго къ нему свой трудъ“²⁾... „Крестьянство имѣетъ право, типически отличающееся отъ общепринятаго, такъ сказать, культурнаго права... Взглядъ крестьянина на землю вытекаетъ изъ его взгляда на трудъ, какъ на *единственный всегда признаваемый и справедливый источникъ собственности*“³⁾. „Зырянинъ признаетъ на угодыя непостояннаго пользованія лишь одно право — право труда. Кто приступитъ къ разработкѣ кулиги или подсѣки, тому она и принадлежитъ. Однодеревенцу, обществу, волости нѣтъ никакого дѣла до того, гдѣ устроена извѣстнымъ лицомъ подсѣка и какою величины. Всякая подсѣка, устроена ли она въ предѣлахъ крестьянской неразмечеванной дачи или въ дачѣ

¹⁾ Н. И. Зиберъ. „Очерки первобытной экономической культуры“. Стр. 301.

²⁾ Ф. П. „Обычай свободной заимки земель въ Вологодской губерніи“. (Вологодскій сборникъ за 1886 г. т. II).

³⁾ А. Ефименко. „Трудовое начало въ народномъ обычномъ правѣ“. (Курсивъ нашъ).

единственнаго владѣнія казны, законная она или незаконная, встрѣчаетъ полную и всестороннюю охрану со стороны одноподдервенцевъ противъ всякаго посягательства на нее, отъ кого бы посягательство это ни исходило. Намъ жаловался помощникъ лѣсничаго лѣтскаго лѣсничества, что при обнаруженіи лѣснымъ вѣдомствомъ самовольной и незаконной подсѣки, бываетъ чрезвычайно трудно составить протоколъ, такъ какъ трудовое право владѣльца встрѣчаетъ полную поддержку и сочувствіе во всемъ населеніи. Безъ участія представителей сельской полиціи нѣтъ никакой возможности найти понятыхъ для осмотра подсѣки. При оцѣнкѣ хлѣба на ней, населеніе указываетъ немовѣрно низкую цѣну и количество; при попыткѣ наложить на кладъ хлѣба секвестръ, никто его не охраняетъ и въ большинствѣ случаевъ хлѣбъ съ подсѣки оказывается въ концѣ концовъ въ рукахъ разработавшаго ее¹⁾.

Какъ ни примитивна общественная организація зырянъ въ ту эпоху, когда у нихъ впервые создается прочное отношеніе къ землѣ, тѣмъ не менѣе она существуетъ. Трудъ, являясь мѣриломъ степени обеспеченности зырянина, вмѣстѣ съ тѣмъ служитъ краеугольнымъ камнемъ, на которомъ зиждется все зданіе несложной первобытной общественной организаціи. Вынуть этотъ камень, отнять у труда его значеніе регулятора общественныхъ отношеній—значило бы разрушить это зданіе и обратить зырянъ въ дикую, неорганизованную толпу, знающую только одинъ законъ—законъ грубой силы. Существованіе организаціи стоитъ въ тѣсной связи съ признаніемъ за трудящимся права на результатъ труда. Въ этомъ заключается второе основное право зырянскихъ возрѣвій на землю.

Мы указывали выше, что трудъ по разработкѣ даетъ лишь право владѣнія или, вѣрнѣе, право на преимущественную предъ другими обработку, но не право собственности на участокъ. Анализъ земельныхъ распоряждовъ у зырянъ заставляетъ насъ повторить уже высказанную ранѣе мысль, что у зырянъ право собственности на землю въ употребительномъ смыслѣ этого слова, еще не сформировалось. А. Ефименко, въ результатѣ своего анализа трудового права, приходитъ къ слѣдующему заключенію: *„земля не продуктъ труда человека, слѣдовательно на нее и не можетъ быть того безусловнаго и естественнаго права собственности, какое имѣетъ трудящійся на продуктъ своего труда. Вотъ то коренное понятіе, въ которому могутъ быть сведены возрѣвія*

¹⁾ Л. Рума. *Loc. cit.*

народа на поземельную собственность“¹⁾). Факты заставляют нас распространить этот вывод и на зырянъ. И здѣсь право на продукты труда рѣзко разнится отъ права на территорію приложенія труда. Сѣно или хлѣбъ на далекой подсѣкѣ при ненадобности могутъ сгнить на мѣстѣ, но никто не рѣшится завладѣть имъ, такъ какъ на нихъ существуетъ право собственности у лица, продуктомъ труда котораго они явились. Никто не будетъ такъ же щепетилень по отношенію къ самому участку. Если очевидно, что владѣлецъ его не намѣренъ осуществлять свое право на приложеніе труда, то участкомъ завладѣваетъ другой безъ всякаго увѣдомленія о томъ прежняго владѣльца. Кому бы юридически земля ни принадлежала: государству ли, монастырямъ, или другимъ какимъ-либо лицамъ и учрежденіямъ—зырянинъ одинаково считаетъ себя вправѣ приступить къ работѣ надъ пустопорожними, безъ дѣла лежащими, землями. Земля, по его мнѣнію, создана для того, чтобы *каждый* могъ извлекать изъ нея пользу, подобно тому, какъ для всѣхъ же созданы вода, воздухъ, птицы и звѣри. Мы уже видѣли, что монастырю пришлось заключать съ крестьяниномъ условіе, чтобы послѣдній не расчищалъ пустопорожнія монастырскія земли. Вся борьба зырянъ съ правительствомъ, которую мы нарисовали выше, имѣетъ въ своей основѣ то же убѣжденіе. Зырянинъ не считаетъ кого-либо, въ томъ числѣ и себя, собственникомъ земли, и борьба съ правительствомъ велась и ведется не изъ-за права собственности на землю, а лишь изъ-за права трудиться надъ ней. Если бы дѣйствія правительства сводились только къ объявленію земель государственною собственностью, то зыряне ровно ничего бы не имѣли противъ этого; но государство, не ограничившись этимъ, запретило и преслѣдуетъ расчистки въ гѣсахъ. Понять это они могутъ, лишь перевернувъ предварительно верхъ ногами весь строй своихъ правовыхъ мыслей и представлений. То же самое убѣжденіе господствуетъ и въ частно-правовой сферѣ. Въ доказательство существованія собственности на землю могутъ указать на факты продажи участковъ, сплошь и рядомъ имѣющіе мѣсто у зырянъ. Но болѣе внимательный анализъ заставляетъ признать, что объектомъ сдѣлки въ такихъ случаяхъ служить не самый участокъ, а право приложенія къ нему эксплуатационнаго труда, приобрѣтенное расчисткой. Что это такъ, доказывается тѣмъ, что продажа имѣетъ

¹⁾ А. Ефименко. „Трудовое начало въ пародномъ обычномъ правѣ“. Стр. 139. Курсивъ нашъ).

мѣсто и при общинномъ землевладѣніи, когда трудовое право подвергается ограниченіямъ. Мы имѣемъ въ виду подворныя или такъ называемыя „льготныя“ земли¹⁾). Владѣльцы подворныхъ участковъ нисколько не стѣснены въ правѣ отчужденія ихъ. Они продаютъ свои участки, дарятъ, отдаютъ въ приданое за дочерью, отказываютъ въ завѣщаніяхъ, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ сознаютъ, что они неимѣютъ никакого права собственности. Очевидно, что здѣсь отчуждается не участоки.

Указанные два правовыхъ принципа: право на свободную заимку земель и право неограниченнаго владѣнія разработаннымъ участкомъ, характеризуютъ собою долгій періодъ индивидуальнаго владѣнія. Оба принципа тѣсно связаны другъ съ другомъ, причемъ второй ограничиваетъ область дѣйствія перваго, выключая изъ общей массы возможность для заимки земель всѣ занятые участки. По мѣрѣ уменьшенія площади удобныхъ незанятыхъ земель, свобода заимки фактически все болѣе и болѣе стѣсняется, второй принципъ становится на дорогѣ первому. Въ этомъ противорѣчій двухъ основныхъ правовыхъ принциповъ кроется зародышъ возрѣвній, характеризующихъ собою вторую эпоху земельныхъ отношеній зырянъ.

III.

Въ противоположность индивидуальному или неограниченно трудовому владѣнію—вторая эпоха представляетъ господство неограниченно-трудоваго владѣнія.

Когда и въ какой формѣ впервые появляются попытки къ ограниченію трудового владѣнія, сказать трудно. Скудная литература не даетъ на это никакихъ намеговъ, а имѣющійся въ нашихъ рукахъ фактический матеріалъ относится главнымъ образомъ къ современнымъ уже позднѣйшимъ формамъ землевладѣнія.

Съ одной стороны все увеличивающееся значеніе земледѣлія въ экономической жизни зырянъ и вытекающая отсюда все большая заинтересованность въ землѣ, съ другой—уменьшеніе земельного простора и ростъ населенія, съ третьей—законодательная дѣятельность правительства,—все это соединилось въ одно, чтобы стѣснить безраздѣльно царившій индивидуализмъ. Разобраться въ этой цѣпи различныхъ причинъ и указать;

¹⁾ Опредѣленіе этой формы владѣнія землей будетъ дано ниже.

которая изъ нихъ является основной и первоначальной, дѣло далеко не легкое, тѣмъ болѣе, что каждая изъ указанныхъ причинъ въ свою очередь служить слѣдствіемъ цѣлаго ряда другихъ, болѣе мелкихъ, имѣющихъ свои корни въ своеобразной обстановкѣ зырянской жизни. Значеніе земледѣлія непрерывно возрастаетъ съ тѣхъ поръ, какъ зыряне впервые прочно обосновались на одномъ мѣстѣ, перейдя отъ кочевого охотничьяго быта къ осѣдлому. Существова въ началѣ въ качествѣ подсобнаго занятія, которому жители предаются въ свободное отъ охоты время, оно мало по малу выдвигается впередъ и вмѣстѣ съ охотой образуетъ тѣ устои, на которыхъ зиждется зырянское хозяйство. То или другое соотношеніе большее или меньшее значеніе одной изъ этихъ двухъ сторонъ жизни зырянъ, накладываетъ свой отпечатокъ на весь хозяйственный строй. Въ однихъ, преимущественно глухихъ, малонаселенныхъ мѣстностяхъ охота сохраняетъ почти все свое значеніе и жизни ихъ — охотники по преимуществу; въ другихъ, многоводныхъ, расположенныхъ по берегамъ большихъ рѣкъ: Вычегдѣ, Сысолѣ, и др., охота утратила свою силу, уступивъ первенствующее значеніе другимъ занятіямъ и во главѣ ихъ земледѣлію. Борьба между тѣмъ и другимъ проходитъ красною нитью чрезъ весь періодъ осѣдлой жизни зырянъ. Медленно, но неуклонно земледѣліе одерживаетъ побѣду и, двигаясь впередъ, отнимаетъ у охоты одну позицію за другой. Дѣятельнымъ помощникомъ земледѣлію въ этой борьбѣ служитъ увеличивающееся съ каждымъ годомъ населеніе. Расширяются существующія поселенія, растетъ число деревень по берегамъ большихъ рѣкъ, образуются новые почины въ глухихъ, малодоступныхъ мѣстахъ. Дѣвственный, на сотни верстъ безлюдный лѣсъ прорѣзается населенными полосами, узкими проселками или конными тропами. Населеніе, скучившееся по берегамъ большихъ рѣкъ, гонимое тѣснотою, начинаетъ отливать на окраины, колонизуя дикій край. Недоступныя ранѣе лѣсныя дебри занимаютъ вѣр-верками, путиками; охотники начинаютъ пересѣкать ихъ по всевозможнымъ направленіямъ, растетъ и число охотниковъ. Это не могло не отозваться на охотничьемъ промыслѣ; количество дичи быстро уменьшается, средній годовой заработокъ падаетъ. Помимо прогрессивнаго уменьшенія заработка наблюдаются и рѣзкія колебанія въ количествѣ дичи. Въ нѣкоторые годы дичь, преимущественно рябчикъ и бѣлка, почти совсѣмъ исчезаютъ; тамъ гдѣ годъ тому назадъ охотникъ имѣлъ большой уловъ, теперь сила оста-

ются настороженными—дичь не идетъ на приманку; она спорадически то появляется, то исчезаетъ. Такія же кочевки замѣчаются и по отношенію къ крупному звѣрю; еще недавно ижемцы ¹⁾ съ успѣхомъ стрѣляли оленей и лосей въ предѣлахъ своей охотничьей территоріи, но вотъ уже нѣсколько лѣтъ, какъ звѣри исчезли, удалившись на сѣверъ. Когда зырянинъ всѣ свои надежды возлагаетъ на охоту такія исчезновенія являются тяжелыми ударами, разстраивающими всѣ хозяйственные расчеты. Онъ начинаетъ менѣе довѣрять своему исконному и любимому занятію и ищетъ новыхъ болѣе звѣрныхъ, болѣе устойчивыхъ. Это обстоятельство дало право автору статьи о промыслахъ въ „Итогахъ экономическаго изслѣдованія Устьсысольскаго уѣзда“ сказать слѣдующее: „регистрируя наличность того или иного промысла у отдѣльныхъ домохозяевъ верхневычегодскихъ волостей, мы не могли не поразиться, что въ большинствѣ обществъ охота давно уже утратила роль преобладающаго промысла. Ей, какъ и рыболовству, не принадлежитъ уже доминирующая роль ни въ денежномъ ни въ натуральномъ доходѣ населенія“.

Общества.	‰ домохоз. занят. охотой къ общ. числу.
Устькуломское	27,4
Устьнемское	20,2
Мыединское	19,0
Пожегодское	62,9
Помоздинское	64,9
Селенія по р. Ижмѣ	98,7

Мѣсто охоты занимаетъ земледѣліе. Съ ростомъ послѣдняго усиливается и заинтересованность въ землѣ, какъ въ источникѣ дохода. Ростъ земледѣлія выражается въ увеличеніи площади постоянныхъ угодій, т. е. удобряемыхъ пашенъ и сѣнокосовъ. Въ своемъ развитіи земледѣліе должно было столкнуться съ недостаточностью мѣстъ, годныхъ для этой цѣли.

¹⁾ Ижемцевъ, живущихъ по р. Ижмѣ въ предѣлахъ Вологодской губерніи, необходимо отличать отъ ижемцевъ Архангельской губ.; по своему быту они рѣзко различаются другъ отъ друга.

Казалось бы, нельзя говорить о недостаткѣ земель въ такомъ убѣдѣ, какъ устьсысольскій, площадь котораго, при немногочисленномъ населеніи равна почти 145.000 квадр. версть. Но нужно имѣть въ виду его естественныя особенности. Удобныя для обработки земли занимаютъ неширокую полосу по берегамъ рѣкъ, преимущественно склоны береговыхъ уваловъ. За этой полосой вглубь материка тянутся обширныя заболоченныя пространства — при данномъ уровнѣ сельско-хозяйственной техники негодныя для обработки. Да и удобная бергсовая полоса очень часто прерывается то сосновыми лѣсами на бѣломъ боровомъ пескѣ, то обширными болотами. Селенія, расположенныя группами или въ одиночку, имѣютъ благодаря этому довольно опредѣленную площадь удобной земли и увеличенію ея поставлены тѣсныя границы. Значительное количество такихъ оазисовъ еще не занято, но занятые обыкновенно довольно быстро оказываются тѣсными, и вопросъ о малоземельѣ выдвигается на очередь со всѣми его послѣдствіями. Къ этому времени положеніе крестьянъ въ смыслѣ обезпеченія ихъ земельными угодьями представляетъ слѣдующую картину. Одни изъ нихъ имѣютъ свои участки вблизи селенія, почти у своихъ дворовъ; эти земли являются въ то же время и наилучшими; другіе отшиблены на окраины оазиса въ сосѣдство съ заболоченными сырыми мѣстами и занимаютъ наихудшія земли. Такое положеніе является слѣдствіемъ права свободной расчистки. Когда населеніе деревни еще невелико, а земли много, всѣ имѣютъ полную возможность занимать наилучшіе и ближайшіе участки, а такъ какъ лучшихъ земель немного, то запасъ ихъ быстро истощается и вновь образующіяся семьи вынуждены все болѣе и болѣе отодвигаться отъ удворныхъ пашенъ. Правда, они имѣютъ нѣкоторую долю въ лучшихъ пашняхъ, получая ее путемъ наслѣдованія, покупки или другими способами, но она естественно не можетъ удовлетворить растущую семью и избавить отъ необходимости приступить къ дальнѣйшимъ расчисткамъ. Неограниченно-трудовое владѣніе влечетъ, слѣдовательно, къ тому, что одни семейства занимаютъ привилегированное положеніе, владѣя лучшими и ближайшими участками, другіе должны довольствоваться тѣмъ, что можно еще расчистить, т. е. худшими въ почвенномъ и топографическомъ отношеніяхъ участками, притомъ же значительно удаленными отъ селенія. Плохіе участки требуютъ большаго удобренія, а между тѣмъ владѣльцы ихъ по той же причинѣ обладаютъ меньшими и худшими участками сѣнокосовъ. По мѣрѣ

того, какъ вновь образующіяся хозяйства подъ давленіемъ необходимости занимають худшія земли, старыя привилегированныя семьи, сознавая всю цѣну своихъ участковъ, держатся за нихъ все вѣрнѣе, стараясь не выпускать изъ своихъ рукъ. *Неограниченно-трудовое владѣніе влечетъ, такимъ образомъ, къ образованію антагонизма между двумя группами крестьянъ, по мѣрѣ того, какъ земледѣліе въ связи съ уменьшеніемъ земельного пространства приобретаетъ все большее значеніе.* Для одной изъ группъ трудовое право является оплотомъ благополучія, гарантіей того, что занятые лучшіе участки останутся въ ихъ владѣніи впредь, для другой—оно звучитъ горькой ироніей, такъ какъ, предоставляя каждому возможность расчищать и закрѣплять за собою расчищенное, оно лишило ихъ предварительно лучшихъ земель и отгѣснило на такія мѣста, гдѣ пользованіе этимъ правомъ не представляетъ никакого смысла. Если крестьяне видятъ въ трудѣ, положенномъ на разработку участка, основаніе къ владѣнію, то они сильнѣе этого сознають, что земля создана для того, чтобы каждый имѣлъ возможность трудиться надъ ней и тѣмъ добывать средства къ существованію. Это убѣжденіе, основное въ ихъ воззрѣніяхъ на землю, и поэтому лишеніе возможности пользоваться правомъ приложенія труда, откуда бы лишеніе не выходило, не можетъ найти въ нихъ сочувствія. Группа обиженныхъ крестьянъ начинаетъ смотрѣть на неограниченное трудовое владѣніе не совсѣмъ благосклонно; во всякомъ случаѣ она не имѣетъ особенныхъ основаній цѣнить его такъ же высоко, какъ старыя привилегированныя семьи, такъ какъ по отношенію къ нимъ трудовое право было до нѣкоторой степени мачехой. Ограниченіе этого права напрашивается само собою, какъ неизбежное слѣдствіе возникшаго антагонизма. Весьма возможно, что въ результатѣ долгой борьбы, которая возникаетъ съ этого момента между двумя группами крестьянъ, первыя побѣды обиженной группы выражаются въ частичныхъ отводахъ отъ старыхъ, обладающихъ лучшими землями семей въ пользу обиженныхъ, въ той системѣ отводовъ и отрѣзовъ, о которой сообщаетъ г. Кауфманъ по отношенію къ сибирскому землепользованію¹⁾.

¹⁾ Вотъ какъ г. Кауфманъ словами Личкова характеризуетъ систему отводовъ и отрѣзовъ. Просящій указываетъ большую часть на такой то участокъ, который онъ просилъ бы отрѣзать для него отъ другого, приводить свои соображенія, почему этотъ участокъ ему такъ необходимъ и почему онъ съ его точки зрѣнія для нынѣшняго владѣльца лишній, ненужный, безъ котораго онъ обойтись навѣрное можетъ и т. п. Тотъ, у кого хотятъ

Но разъ трудовое право подверглось частичному ограниченію, этимъ самымъ намѣчается программа дальнѣйшей борьбы; выдвигается вопросъ о необходимости не случайнаго, а постояннаго, разъ навсегда установленнаго ограниченія. Съ теченіемъ времени заинтересованные въ этомъ достигли бы, безъ сомнѣнія, своей цѣли даже и при намѣченныхъ обстоятельствахъ борьбы, такъ какъ непрерывно растущее населеніе непрерывно увеличиваетъ ихъ силы, но есть и еще причина, которая помимо желанія крестьянъ дѣйствуетъ въ ту же сторону. Эта причина — дѣятельность правительства со второй половины XIX вѣка, выразившаяся въ рядѣ указовъ и инструкцій о производствѣ генеральнаго межеванія.

Значеніе генеральнаго межеванія въ дѣлѣ развитія формъ землевладѣнія на сѣверѣ Европейской Россіи довольно подробно разсмотрѣно г-жею А. Ефименко въ ея полномъ и интересномъ трудѣ „Крестьянское землевладѣніе на крайнемъ сѣверѣ“. Сдѣлаемъ нѣсколько цитатъ изъ этого труда, выясняющихъ точку зрѣнія автора на затронутый вопросъ. „Межевыя инструкціи 1754, 1766 года и манифестъ 1765 года съ нѣкоторыми объяснительными указами послужили поворотными гранями въ исторіи сѣвернаго землевладѣнія... Правительство впервые заявило совершенно опредѣленно и категорически, что земля, на которой сидятъ такъ называемые государственные крестьяне, есть его собственность, распоряженіе которой принадлежитъ только ему.... Межевыя инструкціи ничего не говорятъ объ уравниеніи земель между крестьянами. Но душевой раздѣлъ являлся неизбѣжнымъ логическимъ выводомъ изъ принциповъ, установленныхъ инструкціями въ связи съ принятой системой подушной подати.... Межевыя инструкціи по отношенію къ сѣверному крестьянскому землевладѣнію, — да и не къ нему одному, — являются настоящими декретами конвента“. Появленіе указанныхъ актовъ застало населеніе, по словамъ автора, въ тотъ моментъ, когда поземельная долевая деревенская организація пала, и индивидуализація поземельной собственности быстро совершала свое побѣдоносное шествіе. Крестьяне все болѣе и болѣе сознавали себя собственниками занятыхъ земель. Акты генеральнаго межеванія прервали этотъ процессъ, лишивъ крестьянъ права собственности и взамѣнъ естественно разви-

произвести отрѣзку, обыкновенно возражаетъ, что у него земли совсѣмъ не такъ много, или даже очень, по его мнѣнію, мало, что она ему не лишняя, а напротивъ очень пужна и проч.“ (А. Кауфманъ. *Loc. cit.*)

вающей индивидуализаціи выставили принципъ душевого раздѣла предоставленныхъ во владѣніе крестьянъ земельныхъ угодій. Генеральное межеваніе явилось, слѣдовательно, актомъ вмѣшательства правительства въ поземельныя отношенія крестьянъ, повлекшимъ къ замѣнѣ индивидуализма чуждымъ крестьянамъ принципомъ общиннаго землевладѣнія¹⁾. Врядъ ли можно согласиться съ такимъ взглядомъ на значеніе актовъ генеральнаго межеванія. Во всякомъ случаѣ мы не рѣшаемся распространять ихъ революціонное вліяніе на районъ, занятый зырянъ. Мы уже говорили о томъ, что объявленіе земель государственной собственностью ни мало не отразилось на сознаніи зырянъ и нисколько не измѣнило фактической стороны землевладѣнія. Правда, генеральное межеваніе установило то положеніе, что земля, вошедшая въ предѣлы крестьянской дачи, находится *въ общемъ владѣніи* крестьянъ всѣхъ селеній дачи, но это положеніе также не нашло себѣ отраженія въ дѣйствительности. Г. Ефименко сообщаетъ въ своемъ изслѣдованіи, что правительство до середины XIX вѣка тщетно пыталось склонить населеніе къ душевому раздѣлу угодій. Населенію была совершенно чужда навязываемая ему форма общиннаго землевладѣнія. Весь ходъ исторической жизни, всѣ условія развитія хозяйства способствовали созданію иного отношенія къ землѣ, при которомъ въ основу кладется отдѣльная личность съ ея желаніемъ и правомъ трудиться. При такомъ положеніи

¹⁾ Разъясненіе значенія актовъ генеральнаго межеванія по отношенію къ крестьянскому землевладѣнію нельзя не признать наиболѣе слабымъ пунктомъ въ трудѣ г. Ефименко. Авторъ не считалъ возможнымъ вывести существующія формы общины, какъ естественное слѣдствіе началъ, выработанныхъ эпохою индивидуализаціи поземельной собственности, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не хотѣлъ вмѣстѣ съ Чичернымъ утверждать, что крестьянское общинное землевладѣніе явилось созданіемъ государства. Лавируя между этими Сциллою и Харибдой, авторъ высказываетъ положеніе, что указы и манифестъ о генеральномъ межеваніи, экспроприровавъ у крестьянъ право собственности на землю, какъ бы вычеркнули весь путь, пройденный крестьянскимъ землевладѣніемъ со времени распаденія поземельной долевой организаціи, какъ обусловливающійся именно существованіемъ частной собственности на землю, и поставили общинное землевладѣніе въ непосредственное сосѣдство съ разложившейся долевой организаціей, какъ прямое продолженіе заключавшихся въ ней принципъ. Это утвержденіе въ высшей степени искусственно. Ибо, какимъ образомъ общинное землевладѣніе, вызванное вмѣшательствомъ правительства, могло вмѣстѣ съ тѣмъ явиться и естественнымъ слѣдствіемъ періода долевой поземельной организаціи, когда эта послѣдняя разложилась сама собою также въ силу естественнаго развитія безъ всякаго вмѣшательства?

дѣла все значеніе актовъ, какъ „декретовъ конвента“ имѣло мѣсто только на бумагѣ. Они не могли переработать правосознанія зырянъ. Акты генеральнаго межеванія создали только рамку, внутри которой все осталось нетронутымъ. Если имѣть дѣло не съ тѣми названіями, какіе устанавливаются для владѣнія законодательными актами, а съ *народнымъ юридическимъ правосознаніемъ* и тѣсно связанными съ нимъ *фактическими формами землевладѣнія*, то мы будемъ вынуждены сказать, что объявленіе земель, вошедшихъ въ крестьянскія дачи, общимъ владѣніемъ всѣхъ селеній дачи—не сдѣлало землевладѣнія общиннымъ. Но отрицая революціонное значеніе актовъ, мы не думаемъ вообще отрицать всякое значеніе ихъ для крестьянскаго землевладѣнія. Не будучи самостоятельной причиной, вызвавшей переходъ отъ индивидуальнаго владѣнія къ общинному, принципы генеральнаго межеванія тѣмъ не менѣе сыграли свою роль въ этомъ переходѣ. Когда, подъ вліяніемъ указанныхъ двухъ причинъ: увеличенія значенія земледѣлія съ одной стороны и уменьшенія земельного пространства съ другой—въ средѣ населенія начало зрѣть убѣжденіе въ необходимости ограничить трудовое право, то „логическій выводъ“ генеральныхъ актовъ—душевой раздѣлъ, явился готовой формой этого ограниченія. Однимъ изъ мотивовъ, побудившихъ правительство приступить къ генеральному межеванію, было желаніе обезпечить правильность поступленія податей. Такъ какъ главнымъ источникомъ, откуда населеніе черпаетъ свой доходъ, является земля, то для обезпеченія платежеспособности, очевидно, необходимо предоставить имъ въ пользованіе достаточное количество земли. 15 дес. и было признано такой нормой. Но правительство не могло само заботиться объ обезпеченіи платежеспособности каждаго отдѣльнаго крестьянина; сдѣлавъ землю предметомъ общаго владѣнія крестьянъ, оно возложило эту заботу на міръ, на общину, предоставивъ имъ право распредѣлять землю между крестьянами. Съ другой стороны, въ средѣ наименѣе обезпеченныхъ группъ крестьянства съ каждымъ днемъ крѣпло убѣжденіе въ томъ, что разъ они обязаны, какъ и всѣ, платить подати, то, очевидно, они должны имѣть и землю, откуда можно было бы извлекать доходъ. Въ крестьянствѣ съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе усиливается группа, для которой проведеніе въ жизнь логическаго вывода генеральныхъ актовъ является самымъ горячимъ желаніемъ. Если ранѣе крестьяне, нестѣсненные въ землѣ и спокойно сидящіе на своихъ участкахъ, воз-

ставали противъ попытокъ правительства провести на практикѣ душевой раздѣлъ, то теперь часть крестьянъ сама идетъ имъ на встрѣчу. Вліяніе генеральныхъ актовъ на переходъ отъ индивидуальнаго землевладѣнія къ общинному начинается такимъ образомъ не ранѣе того момента, когда необходимость перевода созрѣваетъ въ самомъ крестьянствѣ подѣ вліяніемъ указанныхъ причинъ. Вліяніе выражается въ томъ, что акты содѣйствуютъ скорѣйшему осуществленію этого перехода.

Дѣятельность правительства по отношенію къ крестьянскому землевладѣнію на сѣверѣ не ограничилось изданіемъ указанныхъ актовъ. Время отъ времени оно продолжаетъ издавать новые законы съ цѣлью дальнѣйшаго регулированія земельного вопроса. Со второй половины эта дѣятельность, какъ было указано выше, встаетъ въ нѣкоторое противорѣчіе съ принципами генеральнаго межеванія. Забота объ обеспеченіи платежеспособности населенія отходитъ на второй планъ, а на первый—выдвигаются интересы лѣснаго хозяйства, именно стремленіе къ возможно большому охраненію безконечныхъ лѣсныхъ пространствъ отъ вторженія въ нихъ населенія. Новое направленіе въ дѣятельности правительства сильно отражается на крестьянскомъ землевладѣніи; оно значительно усиливаетъ дѣйствіе одной изъ причинъ перехода къ общинному землевладѣнію, именно—уменьшенія земельного пространства. Хотя крестьяне по прежнему продолжаютъ производить разчистки въ чертѣ своихъ дачъ, тѣмъ не менѣе запрещеніе виситъ надъ ними, какъ дамокловъ мечъ, и иногда обрушивается въ видѣ секвестра урожая или тяжелыхъ штрафовъ. Территорія, на которой они имѣютъ возможность осуществлять самое основное изъ своихъ правъ—право на трудъ, сильно суживается. Съ этого только времени крестьянство начинаетъ понимать смыслъ главнаго принципа генеральнаго межеванія: объявленія земли государственной собственностью. Съ этого же времени начинается и усиленный переходъ къ ограниченно-трудовому владѣнію.

Мы разсмотрѣли три фактора, подѣ вліяніемъ которыхъ происходитъ стѣсненіе неограниченно—трудового владѣнія. Первые два: увеличеніе значенія земледѣлія въ экономикѣ зырянской жизни и уменьшеніе земельного пространства служатъ той почвой, на которой возникаетъ и развивается недовольство существующимъ порядкомъ землевладѣнія и намѣчаются желательныя измѣненія, третій—дѣятельность правительства—дѣйствуя въ духѣ этихъ измѣненій, ускоряетъ ихъ достиженіе.

Общинное владѣніе у зырянъ не есть что-то прирожденное, существующее „съ начала вѣка“; оно не является воплощеніемъ какихъ либо идеаловъ, смутно носящихся въ зырянскомъ міросозерцаніи—какъ это склонны утверждать многіе изслѣдователи по отношенію къ русской общинѣ, а есть слѣдствіе цѣлаго ряда экономическихъ, естественныхъ и историческихъ причинъ, вырывающееся наружу лишь послѣ долгой упорной борьбы. Лучшимъ доказательствомъ этого служитъ фактъ, что тамъ, гдѣ для дѣйствія большинства этихъ причинъ еще нѣтъ мѣста, нѣтъ и поземельной общины, если за таковую не принимать бытовую административную общинную организацію. Мы не можемъ не привести здѣсь слова г. Кроли, которыми онъ характеризуетъ появленіе общиннаго землевладѣнія у забайкальскихъ инородцевъ.

„Переходъ отъ захватной формы къ уравнительной, при естественномъ своемъ развитіи, никогда не совершается внезапно; этотъ переходъ достигается не юридической катастрофой, а долгой, глухой борьбой между „собственниками“ земли и лицами, обдѣленными ею; это цѣлый рядъ самыхъ разнообразныхъ, иной разъ въ высокой степени тонкихъ компромиссовъ, при помощи которыхъ жизнь исподволь подвигивается подъ захватное пользованіе, склоняя все болѣе и болѣе вѣсы общественнаго мнѣнія на сторону тѣхъ, кто добивается уравнинія земельныхъ угодій“¹⁾.

Какой принципъ лежитъ въ основѣ новаго порядка, котораго добиваются обдѣленные землею? Этотъ принципъ напрашивается самъ собою, вытекаая изъ сущности понятія трудового права. Какъ мы упоминали, трудовое право проявляется въ различныхъ формахъ, сообразно различнымъ видамъ труда. Разработка участка изъ подъ лѣса, т. е. приведеніе его въ культурный видъ, даетъ право на эксплуатацію; трудъ эксплуатаціонный, т. е. обработка участка даетъ право на произрастанія. При свойственныхъ сѣверу урожаяхъ ежегодный доходъ не только покрываетъ затраты по обработкѣ, но и даетъ вромѣ этого болѣе или менѣе значительный плюсъ, идущій въ теченіе нѣкотораго времени на покрытіе затратъ по расчисткѣ. Въ эксплуатаціи участка наступаетъ моментъ, когда расходы по разработкѣ оказываются окупившимися ежегодными доходами. Строго говоря съ этого момента дальнѣйшее

¹⁾ Матеріалы Высочайшіе утвержд. подъ предсѣд. ст.—секр. Куломзина Комиссія для изслѣд. землевл. и землепольз. въ Забайкальской обл. Вып. 10, стр. 29.

владѣніе нисколько не отличается отъ того случая, когда участокъ даетъ возможность приступать непосредственно къ эксплуатаціи безъ предварительной расчистки, а въ такихъ случаяхъ зырянское правосознаніе не признаетъ за лицомъ, захватившимъ участокъ, права на владѣніе, предоставляя ему въ собственность лишь продукты эксплуатаціи, если таковая производилась. Пока никто не стѣсненъ въ землѣ, населеніе, слишкомъ высоко цѣня трудъ по расчисткѣ, не измѣняетъ своего взгляда въ зависимости отъ того, окупился или нѣтъ затраченный на разработку трудъ и свободно даетъ свою санкцію на неограниченное владѣніе разработаннымъ участкомъ. Но когда начинается чувствоваться недостатокъ въ землѣ, притомъ какъ разъ въ то время, когда земледѣліе приобретаетъ все большее значеніе, въ головахъ тѣхъ, кому главнымъ образомъ приходится считаться съ послѣдствіями малоземелья, этотъ взглядъ подвергается суровой критикѣ. Для нихъ не составляетъ большой трудности понять, что затрата труда на расчистку не настолько велика, чтобы не могла когда нибудь окупиться, а разъ это такъ, дальнѣйшее исключительное владѣніе участками, разработка которыхъ уже окупилась, является, по ихъ мнѣнію, настолько же несправедливою, какъ напр. захватъ природныхъ сѣновосовъ. Это сознаніе обостряется подъ давленіемъ нужды въ землѣ и съ теченіемъ времени формулируется въ видѣ требованія предъявленнаго къ обладателямъ большихъ и лучшихъ участковъ: *довольно ты пользоваться землею, надо дать и другимъ*. Съ того момента, когда бытовая административная община, уступая группѣ недовольныхъ, выходитъ изъ насильнаго отношенія къ своимъ членамъ, какъ владѣльцамъ участковъ и впервые беретъ на себя новую функцію — регулировать поземельное владѣніе крестьянъ, — она становится и поземельной общиной. Вновь сформировавшаяся поземельная община въ теченіе нѣкотораго времени какъ будто еще не рѣшается открыто заявить объ экспроприаціи у своихъ членовъ права владѣнія землею и предоставленіи имъ лишь болѣе или менѣе ограниченнаго пользованія; ея задача сводится сначала къ ослабленію отдѣльныхъ наиболѣе вопіющихъ неравенствъ, и нужна еще долгая упорная борьба, прежде чѣмъ поземельная община начинаетъ чувствовать себя на той высотѣ, на которой находится въ настоящее время.

Большановъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Адольфъ Бастіанъ.

Род. 26 (13 іюня) 1826 г., сконч. 3 февр. (21 янв.) 1905 г.

Одна за другою сходятъ со сцены крупныя фигуры создателей и пропагандистовъ науки о человѣкѣ... За Несторомъ германской антропологіи, Р. Вирховымъ, скоро послѣдовали въ прошломъ году Ф. Ратцель, учитель и реформаторъ антропогеографіи, а въ началѣ наступившаго года скончался старѣйшій этнологъ нашего времени, Адольфъ Бастіанъ, другъ и ученикъ Р. Вирхова.

Въ наше время общей нивелировки личности и отсутствія крупныхъ индивидуальностей, крупная и оригинальная фигура Бастіана невольно останавливаетъ на себѣ вниманіе. Личность Бастіана, не только какъ ученаго, но и какъ чловѣка, настолько своеобразна и оригинальна, что для правительнаго сужденія о ней, потребуется не одинъ томъ детальныхъ и многолѣтнихъ изслѣдованій. Въ настоящее время, непосредственно послѣ смерти ученаго, къ послѣднимъ трудамъ котораго относились съ легкой усмѣшкой и котораго, можно сказать, уже почти никто не читалъ, судить о немъ очень трудно. Предоставляя будущему опредѣлить болѣе научно мѣсто, занимаемое Бастіаномъ въ этнологіи, психологіи, антропологіи и другихъ областяхъ знанія, мы ограничимся лишь краткимъ очеркомъ жизни и ученія Нестора нѣмецкой этнологіи.

Бастіанъ родился 26 (13 іюня ст. ст.) 1826 г. въ Бременѣ и былъ сыномъ зажиточнаго купца. По окончаніи средней школы, онъ изучалъ сперва право въ Іенѣ, затѣмъ медицину въ Іенѣ, Гейдельбергѣ, Прагѣ и Вюрцбургѣ. Въ Вюрцбургѣ онъ засталъ еще Вирхова, у котораго слушалъ патологическую анатомію. Въ университетѣ Бастіанъ успѣвалъ вести одновременно веселую и бурную жизнь корпоранта и быть серьезнымъ и прилежнымъ студентомъ. Въ Іенѣ онъ принадлежалъ къ корпорации „Саксонія“, а въ Гейдельбергѣ къ „Вандали“. Будучи истиннымъ сыномъ своего „вольнаго“ приморскаго города—отчества, молодой докторъ невольно почувствовалъ потребность

попутешествовать и повидать свѣтъ. Недаромъ гласить древняя бременская поговорка „*Navigare necesse est, vivere non necesse est!*“ Уже въ 1851 г. онъ устраивается судовымъ врачомъ и отправляется на парусной шкунѣ въ Австралію. Первое путешествіе длилось цѣлыхъ восемь лѣтъ. Бастианъ объѣхалъ за это время весь свѣтъ: побывалъ въ Перу и Мексикѣ, посетилъ Китай и Индо-Китай, путешествовалъ по Гангу и Евфрату, былъ въ Палестинѣ, Африкѣ и Австраліи. Результатомъ наблюденій за этотъ періодъ явились двѣ работы. Первая носила болѣе описательный характеръ (*Ein Besuch in San Salvador; Die Hauptstadt des Königreichs Congo—1859*), вторая была вполне зрѣлымъ и продуманнымъ трудомъ, въ которомъ сказанъ тогда великій Бастианъ. Работа эта (въ трехъ томахъ) носила названіе: „*Der Mensch in der Geschichte.—Zur Begründung einer psychologischen Weltanschauung*“. Уже въ этой работѣ Бастианъ выступилъ энергичнымъ поборникомъ и провозвѣстникомъ идеи отсутствія индивидуальной психологіи, и существованія психологіи народа, которая отражается въ отдѣльной личности.

Второе путешествіе онъ совершилъ съ 1861 по 1865 г. по Азіи и объѣхалъ Индію, Филиппины, Японію, Китай, Монголію, Сибирь и Кавказъ. Все путешествіе описано Бастианомъ въ его шеститомномъ трудѣ: „*Die Völker des Oestlichen Asiens*“. Главная сторона работы была посвящена буддизму Сіама и Бирмы. Вернувшись послѣ пятилѣтняго отсутствія на родину, Бастианъ сталъ читать лекціи этнологіи въ Берлинскомъ университетѣ, въ качествѣ экстраординарнаго профессора и одновременно принялъ должность ассистента Королевскихъ музеевъ, завѣдуя маленькимъ этнографическимъ отдѣломъ ихъ (въ то время этотъ отдѣлъ помѣщался въ двухъ небольшихъ и полутемныхъ залахъ). Въ концѣ шестидесятыхъ годовъ, состоя съ 1868 г. предсѣдателемъ Берлинскаго Географическаго Общества, Бастианъ стремится выдѣлить изъ среды его членовъ лицъ, интересующихся этнографіей и антропологіей. Воззваніе антропологической секціи Съѣзда естествоиспытателей въ Иннсбрукѣ только объединило нѣмецкихъ антропологовъ на подготовленной Бастианомъ почвѣ. 17 ноября 1869 года было основано Бастианомъ, подъ предсѣдательствомъ Вирхова, Берлинское Общество антропологіи, этнологіи и доисторической археологіи. Основавъ общество, Бастианъ основалъ и печатный органъ для него, подъ названіемъ: „*Zeitschrift für Ethnologie und ihre Hilfswissenschaften, als Lehre vom Menschen in seinen Beziehun-*

gen zur Natur und Geschichte“,—herausgegeben von A. Bastian und R. Hartman“; черезъ годъ Бастіанъ связалъ его неразрывно съ Антропологическимъ Обществомъ,—съ того времени изданіе носить названіе: „Zeitschrift für Ethnologie“. Съ Обществомъ и своимъ журналомъ Бастіанъ не порвалъ живой связи до конца дней своихъ.

Объединенной Германіи стали тѣсны ея границы: пытливый взоръ прирожденнаго путешественника указалъ Бастіану на необходимость изученія Африки, какъ будущей арены и основы германской колониальной политики. Работы нѣмецкихъ изслѣдователей Африки (Бартъ и Фогель—1850—56), путешествіе англичанъ Ливингстона (1852—73), Бъртона, Спика, Гранта и Бекера (1858—64), Нахтигала съ своимъ путешествіемъ въ Суданъ (1870—74), Швейнфурта (1870)—оставляли все-таки центральную Африку во мракѣ неизвѣстности, и съ запада никто не пытался проникнуть въ невѣдомыя страны. Бастіана интересуеетъ берегъ Лоанго, какъ путь въ центръ материка и для выполненія своего плана, онъ старается привлечь частную инициативу и собрать средства. Въ качествѣ предсѣдателя Берлинскаго Географическаго Общества, онъ убѣждаетъ предсѣдателей всѣхъ германскихъ географическихъ обществъ сплотиться въ Нѣмецкое Африканское Общество и обложить всѣхъ своихъ членовъ „податью“ въ пользу затѣяннаго имъ дѣла. Деньги были собраны, а въ 1873 г. экспедиція двинулась въ путь. Началась она къ С. отъ устья Конго. Самъ Бастіанъ въ началѣ не принималъ въ ней участія, но вскорѣ послѣ выѣзда экспедиціи онъ не утерпѣлъ и присоединился къ ней. Это было третье путешествіе Бастіана. Къ сожалѣнію, раздробленныя мелкія племена на берегу предъявляли путешественникамъ непомѣрныя требованія относительно уплаты дани; кромѣ того, туземцы совсѣмъ не годились въ носильщики, средствъ было мало, однимъ словомъ, экспедиція не удалась. Ея значеніе заключалось однако въ томъ, что она дала толчокъ для изслѣдованія З. Африки такими учеными путешественниками, какъ Виссманъ, Вольфъ и др..

Ко времени университетской дѣятельности Бастіана въ Берлинѣ относится рядъ этно-психологическихъ работъ. Сравнивая право и обычаи разныхъ народовъ, Бастіанъ стремится окончательно формулировать положеніе, слегка намѣченное имъ въ его второмъ трудѣ (см. в), именно: „Völkergedanke“. Съ 1875 по 76 гг. Бастіанъ собираетъ коллекціи для этнографическаго музея на З. Южной Америки, въ Центральной

Сѣверной Америкѣ и на Антильскихъ островахъ. Сводка этой четвертой поѣздки дана въ трудѣ „Die Kulturländer des alten Amerika“. Въ пятое свое путешествіе онъ посѣтилъ, съ цѣлью сбора этнографическаго матеріала, Персію, Индію и Ассамъ, проѣхалъ черезъ Тихій океанъ на Н. Зеландію и черезъ Гаваи и западную часть Соед. Штатовъ вернулся въ Берлинъ. Въ Полннезій онъ на этотъ разъ записывалъ тексты и собиралъ мѣологическія данныя. Въ промежутокъ времени отъ 1880 по 1889 г. Бастианъ былъ всецѣло занятъ созданиемъ новаго дворца этнографіи берлинскаго „Museum für Völkerkunde“, который и былъ торжественно открытъ 18 дек. 1886 г. Окончивъ это грандіозное предпріятіе, Бастианъ снова предпринимаетъ путешествіе — шестое по счету. Длилось оно съ 1889 по 1891 г. Ему удалось черезъ Закаспійскую дорогу попасть въ Туркестанъ, а затѣмъ въ Индію, гдѣ онъ изучалъ джайнскія и буддійскія религіозныя системы. На обратномъ пути въ Европу онъ посѣтилъ Вост. Африку. Съ 1896 по 1898 г. онъ работаетъ на Явѣ и на Малыхъ Бали, гдѣ изучаетъ памятники древняго буддійскаго искусства. Восьмое путешествіе началось съ 1901 и длилось по 1903 г. Въ этотъ разъ Бастианъ посѣтилъ Цейлонъ и снова занимался буддійскою философіей, которой онъ посвятилъ въ молодости лучшія свои силы. Девятое путешествіе началось 28 ноября 1903 г. и было прервано его смертью.

Въ общей сложности изъ 79 лѣтъ жизни Бастианъ провелъ 28 лѣтъ исключительно въ путешествіяхъ. Эти годы были преимущественно годами собиранія научнаго матеріала, будь то въ видѣ музейныхъ сокровищъ или въ видѣ литературныхъ данныхъ и замѣтокъ. Въ промежутокъ между путешествіями маленькій и слабый съ виду, но неутомимый человѣкъ энергично работалъ надъ созданиемъ двухъ обществъ и громаднаго берлинскаго музея народовѣдѣнія, ставшаго въ настоящее время самой богатой въ мірѣ сокровищницей этого рода. Однако, главная заслуга Бастиана заключается въ его литературныхъ трудахъ, къ которымъ онъ являлся пророкомъ новыхъ направленій въ наукѣ о человѣкѣ. Написанное имъ можетъ свободно составить цѣлую солидную бібліотеку. Въ сборникѣ, поднесенномъ ему почитателями во дню его 70-лѣтняго юбилея, отъ празднованія котораго скромный Бастианъ искалъ спасенія въ путешествіи, данъ перечень его трудовъ. Перечень однихъ крупныхъ оригинальныхъ трудовъ занимаетъ двѣ съ половиной страницы, названія же мелкихъ работъ, статей, замѣтокъ, рецен-

зій и т. д. заполняютъ цѣлыхъ 14 страницъ въ листъ. Мысль Бастиана вращалась въ области не одной только этнологіи: какъ философъ и психологъ, онъ работалъ надъ религіей и ея исторіей и собиралъ матеріалъ по фольклору. Въ немъ сказывается и ученый юристъ, и политикъ современнаго типа, и лингвистъ. Антропология и доисторическая археология служили ему главной основой для этнологическихъ изысканій. Не давая самаго списка работъ Бастиана, далеко не полнаго и приведеннаго въ 1886 г. въ „Internationales Archiv für Ethnographie“, мы думаемъ, что вышесказаннаго достаточно для характеристики разнообразія и широты мысли покойнаго. Самъ Бастианъ смотрѣлъ на свою работу, какъ на подготовительную. По этому поводу онъ еще въ молодости писалъ Карлу Андрэ: „Мои толстопузья книги, не что иное, какъ тачки, свозація въ одно мѣсто неотесанные камни и вываливаюція ихъ въ кучу передъ публикой. Вы, конечно, повѣрите мнѣ, если я вамъ скажу что эта работа поденщика мнѣ очень тяжела, но что дѣлать!“ Это Бастианъ повторялъ не разъ въ теченіе своей долгой жизни. Смотри на свою литературно-научную работу вышесказаннымъ образомъ, Бастианъ еще энергичнѣе придерживался того же мнѣнія въ своей музейной дѣятельности. Онъ смотрѣлъ на задачу свою, какъ на миссію. „Было бы преступленіемъ, повторялъ онъ, упустить малѣйшую возможность собирать все, характеризующее духовную и матеріальную культуру человѣка“. Его пламенный призывъ, въ которомъ онъ приглашаетъ собирать сокровища этнологіи, характеризуетъ его взглядъ на задачи музея; онъ пишетъ: „Насталъ послѣдній моментъ, пробилъ часъ! Документы неизмѣримой, незамѣнимой важности для исторіи человѣчества гибнутъ! Спасайте, спасайте ихъ, пока не поздно!“ Говоря это про матеріальную культуру, болѣе устойчивую при соприкосновеніи съ нивелирующимъ вліяніемъ западно-европейской культуры, Бастианъ еще съ большей скорбью говоритъ то же относительно культуры духовной. Такъ, вернувшись изъ путешествія по Полинезій и Н. Зеландіи въ 1880 г., онъ на Берлинскомъ конгрессѣ Антропологовъ заявляетъ съ грустью объ исчезновеніи данныхъ туземной міеологіи, при соприкосновеніи съ европейской культурой.

„Вездѣ во время моей послѣдней поѣздки, говоритъ онъ, я болѣе, чѣмъ когда-либо раньше, блуждалъ среди развалинъ и обломковъ. Эти обломки не монументальнаго характера и не напоминаютъ въ качествѣ нѣмыхъ свидѣтелей исчезнувшія культуры, загадки которыхъ еще не разрѣшены, — нѣтъ, — эти

обломки болѣ легкихъ, эфемерныхъ образованій, и, если они разъ разсыпались, они пропали навсегда и никогда болѣ уже не могутъ быть восстановлены!“

Ставя себѣ главной задачей собираніе матеріала и относя его обработку на задній планъ, Бастіанъ въ противоположность своему современнику, Ф. Ратцелю, не стремился дать общаго освѣщенія предмету и избѣгалъ общихъ характеристикъ. Въ этомъ отношеніи характеренъ споръ Бастіана съ Геккелемъ, котораго онъ упрекалъ въ увлеченіи широкими горизонтами и обобщеніями, совлекшими его съ пути чистаго, естественно-историческаго научнаго метода. Однако такая крупная фигура, какъ Бастіанъ, съ громаднымъ опытомъ путешественника, знакомаго со всѣми народами вселенной не только по книгамъ, по и изъ живого общенія, не могъ писать только однѣ замѣтки, копить только матеріалъ для будущихъ поколѣній. Поэтому, быть можетъ, даже помимо желанія, а, такъ сказать, инстинктивно, онъ рѣзко и опредѣленно сформировался въ этнолога-психолога.

Его главное ученіе касалось вопроса объ отношеніи отдѣльной личности ко всему человѣчеству (*Verhältniss der Einzelnen zur Gesamtheit*), а равно и вопроса о происхожденіи элементарной мысли или „души“ народа (*Elementargedanke, Völkerversuche*). Въ первомъ вопросѣ онъ придерживался взгляда на пассивность роли отдѣльнаго индивидуума, который является только отраженіемъ всего общества. Въ этомъ вопросѣ онъ особенно близко сходилъ и напоминалъ Гербарта.

Болѣ оригинальнымъ онъ является въ ученіи „о психологій народовъ“. Поразительныя на первый взглядъ сходства въ миѳологій, культѣ, обычаяхъ, матеріальной культурѣ и т. д., у народовъ, живущихъ другъ отъ друга на громадномъ разстояніи, объяснялись Бастіаномъ общностью человѣческой мысли, являющейся мыслью не „индивидуальной“, а „общественной“ (*Gesellschaftsgeranke*) или въ видѣ географически ограниченной—мыслью народной (*Völkergedanke*). Въ началѣ мысль была едина, она развивалась, дифференцировалась и въ результатѣ получились различія въ міросозерцаніи, а вслѣдствіе этого и въ культурѣ народовъ. При своемъ развитіи и ростѣ эта мысль — элементъ—приспособляется къ географически представленной ей области. Создаются такъ называемыя географическія провинціи, т. е. области одинаковой культуры. При дальнѣйшемъ ростѣ и распространеніи человѣческія общины соприкасались другъ съ другомъ и заимствовали и передавали

другъ другу свое культурное достояніе. Съ этого момента, когда географическія условія—привинція—перестаетъ всецѣло дѣйствовать на судьбы человѣка, когда его развитіе идетъ по точно опредѣленному пути, начинается періодъ историческій. Что касается ученія „заимствованія“, то Бастіанъ относился къ нему крайне сдержанно и допускалъ заимствование только въ случаяхъ, гдѣ культурное сходство не могло быть объяснимо ничѣмъ инымъ. Однако онъ не отрицалъ возможности заимствованій, наоборотъ признавалъ ихъ и находилъ споръ между приверженцами своего ученія объ „Elementargedanke“ и ратцелевскимъ „Entlehnung“ бессмысленнымъ: „Такого спора, говорилъ онъ,—я тысячу разъ твердилъ это, вовсе не существуетъ!“

Заимствованія признаетъ онъ главнымъ образомъ для народовъ, стоящихъ уже на болѣе высокихъ ступеняхъ развитія. Такъ, по его мнѣнію, самострѣль, разнесенный по Западной Европѣ монгольскими завоевателями, какъ слишкомъ сложный и тонкій механизмъ, не могъ быть изобрѣтенъ обязательно всѣми народами, употребляющими его одновременно. Его далекое распространеніе объясняется только заимствованиемъ уже готовой формы, возникшей и развившейся въ одной мѣстности въ предѣлахъ одной этнической группы. Болѣе простыя и менѣе сложныя проявленія культуры, элементы ея не нуждаются однако въ заимствованіи, они могутъ зарождаться одновременно у разныхъ народовъ свободно и независимо другъ отъ друга. Какъ естественно развитіе для защиты острыхъ когтей у хищнаго звѣря, такъ естественно и пользованіе всѣмъ человѣчествомъ для защиты проекціей своихъ органовъ, въ видѣ примитивнаго оружія. Въ этомъ отношеніи чувствуется вся глубокая разница между Рихардомъ Андрѣ и Бастіаномъ. Несмотря на то, что оба имѣли одну и ту же исходную точку—область единства человѣческой мысли, первый допускалъ въ своихъ „Parallelen und Vergleiche“ лишь возможность возникновенія сходныхъ идей и культуръ у различныхъ народовъ, второй же въ рядѣ своихъ работъ опредѣленно указываетъ на логическую необходимость возникновенія общихъ элементовъ культуры.—Изъ отдѣльныхъ вопросовъ этнологіи Бастіанъ особенно много поработалъ надъ вопросомъ о матриархатѣ; цѣнно также его авторитетное указаніе на отсутствіе „безкультурныхъ народовъ“ и пр. Отдѣльные вопросы, интересовавшіе энциклопедическій умъ Бастіана, безчисленны. Къ сожалѣнію, манера Бастіана писать, особенно съ середины 90-хъ годовъ, принимала все менѣе и менѣе понятныя формы. Чтеніе его послѣднихъ трак-

татовъ представляетъ тяжелый трудъ. Безконечныя цитаты безъ точнаго указанія ихъ источника, сравненія, витіеватыя возгласы, цѣлый потокъ отдѣльныхъ, навязанныхъ безъ связи, мыслей — дѣлаютъ его работы мало понятными. Каждый трудъ его нуждается въ комментаріяхъ, конечно, лицъ, знавшихъ Бастіана лично и много бесѣдовавшихъ съ нимъ. Исслѣдованія этихъ трактатовъ, несомнѣнно, дадутъ богатый и благодарный матеріалъ. Работалъ Бастіанъ до послѣдней минуты: еще за нѣсколько мѣсяцевъ до его смерти въ 1903 и 1904 гг. появился его послѣдній трудъ: „Die Lehre vom Denken“.

Подводя въ самыхъ общихъ чертахъ итогъ плодотворной и грандіозной дѣятельности Бастіана, мы назовемъ на первомъ мѣстѣ созданіе имъ Берлинскаго музея народовѣдѣнія и обогащеніе его этнографическими сокровищами, его литературныя работы и путешествія, носившія обыкновенно характеръ экспромтовъ (Бастіанъ никогда не готовился къ поѣздкамъ, боясь всего преднамѣреннаго, програмнаго) и, наконецъ, тѣ гениальныя обобщенія, которыя онъ невольно дѣлалъ. Разработкой этого громаднаго матеріала, завѣщаннаго покойнымъ любимой имъ больше всего наукѣ, должны будутъ заняться этнологи. Образъ неутомимаго и скромнаго Бастіана да послужитъ имъ примѣромъ для подражанія.—Какъ скромно и тихо протекла жизнь Бастіана, такъ же тихо, въ дали отъ родины и во время путешествія, смерть унесла великаго ученаго. Онъ проболѣлъ всего нѣсколько дней, и не приходя въ себя, скончался въ госпиталѣ въ Портъ-офъ-Спэнѣ на Тринидадѣ. Черезъ три недѣли только европейское общество узнало объ его смерти. Ни рѣчей, ни пышнаго погребенія, конечно, не могло быть устроено на чужбинѣ: его личный секретарь взвалилъ простой гробъ на телѣгу, запряженную муломъ, сѣлъ на нее самъ и отвезъ тѣло на кладбище. Въ настоящее время берлинцы мечтаютъ о перевезеніи праха „своего“ Бастіана на родину, чтобы похоронить его рядомъ съ Вирховымъ.

Б. Адлеръ.

Фридрихъ Ратцель, какъ этнографъ.

Род. 30 (17) августа 1844 г.—скончался 28 (15) июля 1904 г.

30 августа н. ст. 1904 г. друзья и почитатели Ратцеля готовились отпраздновать съ своимъ учителемъ и другомъ день его 60-лѣтняго рожденія. Задумана была коллективная работа изъ 28 отдѣльныхъ оригинальныхъ статей, написанныхъ преимущественно учениками Ратцеля, разбѣянными по всему свѣту. Судьба судила иначе: изъ „Festschrift“ работа обратилась въ „Gedenkschrift“. Ратцель не дожидъ 3-хъ недѣль до своего юбилея: онъ скончался въ Аммерландѣ на Штарнбергскомъ озерѣ, въ В. Баваріи, во время прогулки, отъ разрыва сердца.

Жизнь этого человѣка такъ сильно отличается отъ обыкновенной „карьеры“ и „жизни“ нѣмецкихъ ученыхъ, что сама по себѣ она представляетъ интересъ и служитъ поучительнымъ примѣромъ безграничной силы воли, соединенной съ благородной мягкостью и рѣдкой деликатностью по отношенію къ человѣческой личности вообще. Эти качества, наряду съ гениальнымъ и пытливымъ умомъ географа-натуралиста, обезпечили Ратцелю при жизни и послѣ смерти одно изъ самыхъ почетныхъ мѣстъ среди географовъ всего міра.

Ратцель не готовился быть присяжнымъ ученымъ. Онъ родился 30 августа 1844 г. въ Карлсруэ и происходилъ изъ бѣдной семьи привратника герцогскаго замка. Дѣтство описано имъ въ полуфантастической формѣ въ запискахъ, вышедшихъ уже послѣ его смерти въ „Grenzboten“ и носящихъ названіе „Glücksinseln und Träume“. Съ раннихъ лѣтъ, играя на дворѣ своего дома, онъ прислушивался къ біенію пульса природы, которую любилъ инстинктивно: каждая травка, каждый червякъ въ глазахъ мальчика были преисполнены интереса. Однако мечтамъ ребенка не посчастливилось: по окончаніи средней школы, Ратцель былъ отданъ въ аптеку въ сосѣдній городъ. На аптекарскомъ дѣлѣ онъ остановился, не покидая мечты заниматься одновременно естество-

знаніемъ. Онъ работалъ въ трехъ городкахъ: Рапперсвилъ, Эйгерсгеймъ и Мёрсѣ. Долгимъ путемъ лишений и отказа во всемъ, юношѣ удалось скопить небольшія средства, на которыя онъ и поступилъ въ университетъ въ Гейдельбергѣ. Здѣсь онъ занялся зоологіей и работалъ надъ червями. Кромѣ Гейдельберга онъ слушалъ лекціи въ Іенѣ и Берлинѣ. Первою появилась его докторская диссертация на тему „Къ вопросу систематики и анатоміи олигохетъ“. Для дальнѣйшихъ работъ Ратцель избралъ Францію, гдѣ работалъ у Шарля Мартина. Онъ успѣлъ побывать еще въ двухъ французскихъ университетахъ: Монпелье и Сеттѣ. Занятія зоологіей являлись для молодого ученаго исходнымъ пунктомъ для всей будущей работы. Познакомившись съ зоологіей и занимаясь главнымъ образомъ червями, въ которыхъ онъ видѣлъ низшую ступень сегментации, достигшей послѣдней стадіи своего развитія въ позвоночныхъ и въ частности въ человѣкѣ. Ратцель рѣшилъ изучить и ископаемый міръ въ его остаткахъ и съ жаромъ накинудся на палеонтологію, но вскорѣ долженъ былъ оставить эти занятія; недостатокъ средствъ принудилъ молодого доктора принять предложеніе „Cölnische Zeitung“ и въ качествѣ ея корреспондента объѣхать всю Западную Европу (1869 г.). Результатомъ этого перваго путешествія явились въ названной газетѣ „Zoologische Briefe vom Mittelmeer“, послужившія впоследствии матеріаломъ для его инструкціи „Wandertage eines Naturforschers“, въ свое время давшей въ популярной формѣ много полезныхъ указаній для путешественниковъ. Война 1870—71 гг. привела Ратцеля въ качествѣ волонтера въ ряды его родного 14-го Баденскаго корпуса. Пуля не пощадила его, и раненый въ голову, Ратцель долго пролежалъ въ лазаретѣ. Жизнь въ послѣднемъ описана имъ въ „Grenzboten“; описаніе это проливаетъ свѣтъ на духовный обликъ чудной личности Ратцеля. Еще оправившись отъ раны, Ратцель рѣшилъ привести въ исполненіе свое давнишнее желаніе заняться палеонтологіей и поѣхалъ въ Мюнхенъ, гдѣ сталъ изучать геологію и палеонтологію у Циттеля. Здѣсь онъ особенно близко сошелся съ Морицомъ Вагнеромъ, ученіе котораго о миграціяхъ организмовъ привлекала его своей свѣжестью. Это ученіе, которое онъ не разъ называетъ въ своихъ трудахъ „геніальнымъ“, на всю жизнь положило на Ратцеля опредѣленный и неизгладимый отпечатокъ. Однако въ Мюнхенѣ ему не удалось отдаться научной работѣ. Матеріальныя соображенія принуждаютъ его снова принять приглашеніе

„Кельнской Газеты“ и отправиться въ 1872 году въ качествѣ ея корреспондента на этотъ разъ уже въ Новый Свѣтъ. Невиданныя имъ ранѣ страны: Соед. Штаты, Антильскіе острова, Мексика пробудили въ немъ инстинктъ ученаго путешественника. Для большой публики появлялись въ газетѣ фельетоны, а записная книжка съ серьезными наблюденіями разрослась въ двухтомный трудъ его о Соединенныхъ Штатахъ Сѣв. Америки (Die Vereinigten Staaten von Nord Amerika). Работа эта до настоящаго времени считается по Америкѣ одной изъ лучшихъ. Кромѣ этой двухтомной работы, непосредственно вслѣдъ за возвращеніемъ Ратцеля на родину, появился выше упомянутый трудъ „Die Wandertage eines Naturforschers“. Трудъ этотъ, хотя не серьезный, а скорѣй фельетоннаго характера, въ свое время принесъ пользу. Большой публикѣ вскорѣ стали приѣдаться фельетоны, несмотря на ихъ блестящій слогъ и богатое научное содержаніе,—молодому ученому приходилось думать о болѣе обеспеченномъ существованіи. Вернулся онъ прямо въ Мюнхенъ и не зналъ, чтó начать. Въ политехникумѣ въ это время только что скончался отъ холеры Гутъ, и катедра географіи оставалась не занятой. Только что вернувшись изъ путешествія, Ратцель не рѣшался начать новое дѣло, но Гюнтеръ, въ то время приватъ-доцентъ математики, посоветовалъ ему сдать свою приватъ-доцентскую работу и начать чтеніе лекцій. Ратцель послѣдовалъ совѣту и въ 1875—76 г. занялъ катедру географіи. Его пробная лекція была чисто физико-географическаго характера и носила названіе „Ueber das Nordamerikanische Felsengebirge“. Съ того времени онъ проработалъ въ Мюнхенѣ 21 семестръ, два года въ качествѣ экстраординарнаго, а потомъ ординарнаго профессора. Въ мюнхенскій періодъ приходится также и приглашеніе института Юстуса Пертеса въ Готѣ принять завѣдываніе всѣмъ центральнымъ учрежденіемъ германской географіи. Это предложеніе Ратцель отклонилъ.

Съ переходомъ отъ безпокойной жизни путешественника къ спокойной и кабинетной дѣятельности ученаго профессора начинается второй періодъ жизни Ратцеля, періодъ творческой работы, заврѣщенной въ его многочисленныхъ трудахъ. Въ продолженіе всего Мюнхенскаго періода, пока онъ не былъ приглашенъ въ 1886 г. въ Лейпцигъ на мѣсто Рихтгофена, ушедшаго тогда въ Берлинъ, Ратцель нащупывалъ подъ собою почву и намѣчалъ вѣхи своей дальнѣйшей работы. Преподавательская дѣятельность въ Мюнхенскомъ политехникумѣ мало удовлетворяла молодого профессора. Программа географіи, при-

направленная въ специальныхъ учебныхъ заведеніяхъ къ практическимъ задачамъ и читаемая будущимъ таможеннымъ чиновникамъ Баваріи, не могла быть особенно полной и обширной. Главнымъ курсомъ, естественно, была коммерческая географія. Подобная работа не могла удовлетворить Ратцеля, и онъ всѣ свои силы отдалъ литературной дѣятельности. Одинъ за другимъ, въ общихъ чертахъ, появлялись его будущіе труды, составившіе впоследствии его славу. Вышли два первые тома перваго изданія (3 тома) его „Народовѣдѣнія“, рядъ мелкихъ этнографическихъ работъ, прототипъ его будущей „Die Erde und das Leben“ въ видѣ сборника, состоящаго изъ 24 публичныхъ лекцій, читанныхъ имъ въ Мюнхенѣ и носящаго названіе просто „Erde“. Специальныя работы (три), посвященныя вопросу эмиграціи китайцевъ, работа „Die Stellung der Naturvölker in der Menschheit“ слѣдуютъ одна за другой. Работа о китайцахъ приобретаетъ въ настоящей исторической моментъ борьбы бѣлой и желтой расъ особенный интересъ. Еще незадолго до смерти въ еженедѣльномъ журналѣ „Die Woche“ Ратцель указалъ на важность желтаго вопроса и подчеркивалъ, что единственнымъ способомъ парализовать эту опасность является обращеніе Россіи на путь западноевропейской цивилизаціи. Въ работѣ о положеніи первобытныхъ народовъ среди человѣчества, онъ указываетъ на отсутствіе на землѣ безкультурнаго человѣка,—есть народы только болѣе и менѣе культурные. Въ тому же періоду относится и 1-ый томъ его антропогеографіи, вышедшей въ Штуттгартѣ, подъ названіемъ „Anthropogeographie oder Grundzüge der Anwendung der Erdkunde auf die Geschichte“.

Съ этого времени Ратцель становится дѣятельнымъ сотрудникомъ и редакторомъ изданія учебниковъ у Энгельгарта въ Штуттгартѣ. Ратцель впервые ввелъ терминъ антропогеографіи и придалъ ему то значеніе, которое вполне проникло въ настоящее время въ науку. Второй томъ „Anthropogeographie“ вышелъ черезъ 10 лѣтъ послѣ перваго, а второе изданіе черезъ 12 лѣтъ послѣ появленія перваго тома. Появленіе этой работы, за которой въ скоромъ времени послѣдовалъ большой ажіотажъ, робкая попытка и прототипъ будущей „Politische Geographie“ (подъ названіемъ: „Entwurf einer neuen politischen Karte von Afrika nebst allgemeinen Bemerkungen über politische Geographie — Peterm. Mitth. 1885)—вызвали взрывъ негодованія, нападокъ и злой критики со стороны школы ф. Рихтгофена, который въ то время являлся законодателемъ въ наукѣ о землѣ. Зато политико-экономи, исто-

рши и натуралисты разныхъ оттѣнковъ и направленій при-
кѣтствовали новнй трудъ, пытавшійся перебросить мостъ
между науками гуманитарными и естественно-историческими.
Особенно благосклонно отнесся въ начинающему ученому по-
литико-экономъ Roscher, вліянію котораго и необходимо при-
писать переходъ Ратцеля въ одинъ изъ лучшихъ нѣмецкихъ
университетовъ на мѣсто Рихтгофена.

Признавъ себя открыто и опредѣленно противникомъ одно-
сторонняго изученія земли, только какъ физическаго тѣла, Рат-
цель пошелъ по пути, намѣченному уже слегка К. Риттеромъ.
Какъ и К. Риттеръ, а затѣмъ О. Пешель, съ которымъ у Рат-
целя было очень близкое духовное родство, послѣдній оставался
все время географомъ; склонность же найти живую органическую
связь между землей и ея обитателями придала и ему ту окраску,
которая дѣлаетъ фигуры этихъ трехъ географовъ наиболѣе цѣль-
ными. Однако, отливаясь въ форму антропогеографа, Ратцель въ
Мюнхенѣ усердно занимался чтеніемъ лекцій. И тогда уже, не-
смотря на узость программы, размѣры и число читаемыхъ имъ
курсовъ, были очень велики. Онъ читалъ: общее и частное
землевѣдѣніе, коммерческую географію, обзоръ главнѣйшихъ
географическихъ открытій и путешествій, основы политической
географіи и т. п. Къ мюнхенскому періоду относится также
рядъ цѣнныхъ и часто цитируемыхъ работъ по физической
географіи Альпъ, работы о фіордахъ въ озерахъ, о земляныхъ
столбахъ, о снѣжномъ покровѣ въ горахъ, о снѣжной линіи и т. д.

Съ переходомъ въ Лейпцигъ для дѣятельности Ратцеля
открылось болѣе широкое и плодотворное поле. Здѣсь онъ чи-
талъ рядъ интересныхъ и богато обставленныхъ, частныхъ и
общихъ курсовъ по географіи: общей, частной, сравнительной,
по методикѣ землевѣдѣнія, отдѣльныя главы изъ физической
географіи, курсъ ландшафтовѣдѣнія, народовѣдѣніе, антропогео-
графію, политическую географію и, наконецъ, біогеографію. Въ
Лейпцигѣ Ратцель засталъ послѣ Рихтгофена, пробывшаго здѣсь
лишь 2 года, полное заустѣніе. Ни коллекцій, ни библиотеки,
подобной нынѣшней, не было и въ поминѣ. Пешель, умершій въ
1875 г., оставилъ свой „географическій аппаратъ“, въ послѣдствіи
географическій „семинарій“ въ зачаточномъ состояніи. Преємника
долго не находилось, и лейпцигская кафедра до появленія
Рихтгофена, при Деличѣ и др. переживала тяжелое безвременье.
Рихтгофенъ сдѣлалъ въ Лейпцигѣ и для Лейпцига немного, что
объясняется его кратковременнымъ пребываніемъ. Ратцель за-
сталъ все въ зачаточномъ видѣ.

Въ то время, какъ періодъ работы Ратцеля въ Мюнхенѣ былъ періодомъ внутренней, творческой, подготовительной работы, періодъ лейпцигскій слѣдуетъ, несомнѣнно, назвать временемъ жатвы на нивѣ литературной и педагогической. Продолжая редактировать „Geographische Handbücher“, Ратцель редактировалъ и журналъ „Ausland“, слившійся впоследствии съ „Globus'омъ“, и велъ научный отдѣлъ *Veröffentlichungen d. Vereins für Erdkunde zu Leipzig*, состоя въ теченіе многихъ лѣтъ предсѣдателемъ лейпцигскаго географическаго общества. Одновременно онъ неустанно трудился надъ окончательной обработкой своего „Народовѣдѣнія“, вышедшаго въ Лейпцигѣ въ 2-хъ томахъ, написалъ 2-й томъ „Антропогеографіи“ и далъ ей второе переработанное изданіе, выпустилъ „Политическую географію“ и за 2 года до смерти, наконецъ, успѣлъ подарить наукѣ научно-популярное сочиненіе „Земля и Жизнь“. Эта послѣдняя работа должна была предшествовать давно уже задуманной имъ „біогеографіи“, которую онъ мечталъ дать въ строго научной формѣ. Не разъ въ теченіе своего университетскаго преподаванія онъ читалъ курсъ біогеографіи. Слышавшіе его знаютъ, что окончательнымъ заключительнымъ аккордомъ его дѣятельности должна была быть именно эта отрасль землевѣдѣнія, въ которой онъ мечталъ дать картину движенія и распространенія жизни на землѣ.

Въ послѣднее время наряду съ этимъ громаднымъ трудомъ умъ Ратцеля занималъ и рядъ частныхъ, такъ сказать, побочныхъ вопросовъ. Изъ числа ихъ назовемъ увлеченіе его формулировкой понятія о географическомъ ландшафтѣ. Выдѣляя ландшафтъ изъ его исторической оболочки, онъ нарисовалъ передъ глазами читателя картину неприкрашенной чистой природы, съ которой человекъ столкнулся при своемъ движеніи на землѣ. Къ этому вопросу онъ подходилъ, однако, и какъ ученый и какъ художникъ, — въ этомъ сила ума Ратцеля. Не рисуя лично самъ, Ратцель былъ тонкимъ знатокомъ живописи разныхъ школъ. Онъ понималъ ландшафтъ не только въ природѣ, но и на холстѣ. Въ цѣлой серіи работъ объ облакахъ, о водѣ, о ландшафтѣ онъ далъ рядъ художественно-научныхъ эскизовъ. Все это объединено въ маленькой книжкѣ „Ueber Naturschilderung“, вышедшей уже послѣ смерти автора.

Работы по колониальнымъ вопросамъ, этнографическія монографіи (о лулѣ, палочномъ папцырѣ и т. п.), этюды по физической географіи (преимущественно о берегахъ), замѣтки по всевозможнымъ вопросамъ слѣдуютъ въ Лейпцигѣ одна за

другой. Масса написанного, казалось бы, должна была поглощать все время покойного, однако на ряду съ громаднѣйшей корреспонденціей, которую Ратцель аккуратно велъ со своими друзьями и наиболѣе близкими учениками, покойный готовился къ каждой лекціи. Онъ тщательно записывалъ все и читалъ исключительно по написанному, говоря, что боится сказать слушателямъ хотя долю невѣрнаго. Эта отдѣлка содержанія дѣлала и внѣшнюю форму лекцій крайне поучительной. Курсъ лекцій, читанныхъ Ратцелемъ въ Лейпцигѣ въ теченіе 18 лѣтъ его профессорской дѣятельности поражаетъ обширностью. Назовемъ: антропогеографію, ученіе о снѣгѣ, фирнѣ и глетчерахъ; географію горъ и наблюденія въ горахъ; общее землевѣдѣніе, исторію колонизаціи, политическую географію Европы, полярныя страны, Германію и сосѣдей ея, Альпы, Африку, область распространенія нѣмцевъ, введеніе въ изученіе географіи, Соединенные Штаты; страны Средиземнаго моря; внѣ-европейскія страны; естественный и историческій ландшафтъ, географію воды и климатологію, коммерческую географію; положеніе Англии и ея политику, біогеографію, главнѣйшіе пути сообщенія, океанографію и т. д. Университетская дѣятельность упрочила за Ратцелемъ извѣстность одного изъ лучшихъ учителей географіи. Его ученики разбросаны по всему свѣту, и многіе изъ нихъ уже сами успѣли создать школы (Hettner, Hassert, Weule и т. д.), имѣющія въ основѣ ученіе самого Ратцеля. Въ послѣдніе годы, когда покойному удалось создать образцовый географическій семинарій, число слушателей его возрасло до 200 человекъ, такъ что школа Ратцеля въ Германіи самая многочисленная и сплоченная. Немало и русскихъ географовъ обязано Ратцелю своими познаніями. Методъ преподаванія Ратцеля былъ своеобразный: читая лекціи, онъ особенно подчеркивалъ тотъ или иной вопросъ, какъ бы направляя интересъ слушателей на область, которою онъ считалъ нужнымъ самъ заняться. Кромѣ лекцій онъ занимался со слушателями въ семинаріи. Здѣсь работали только спеціалисты, и главнымъ образомъ лица, желавшія достигнуть степени доктора. Въ назначенный заранѣе день онъ задавалъ вопросъ на объявленныя въ началѣ года темы и самъ разъяснялъ тотъ или иной вопросъ; Впослѣдствіи онъ этотъ методъ измѣнилъ, задавая заранѣе темы, отдѣльнымъ лицамъ и вызывая ихъ затѣмъ на диспуты, въ которыхъ участвовали всѣ слушатели. Плоды преподавательской дѣятельности Ратцеля на лицо: его школа въ Германіи наиболѣе многочисленная. Учениковъ Ратцель вербовалъ не всегда

обычнымъ путемъ, — какъ вообще и самъ онъ шелъ не зауряднымъ, а всегда своимъ оригинальнымъ путемъ. Вспомнимъ д-ра Шмельца, нынѣ директора Лейденскаго музея, по профессіи простого столяра, котораго Ратцель отыскалъ и въ которомъ инстинктивно угадалъ природнаго этнографа. Его друзья и ученики выбирались имъ изъ разныхъ слоевъ общества. Припоминаю рассказъ, какъ на могилѣ одного изъ незамѣтныхъ школьныхъ тружениковъ, скромнаго нѣмецкаго народнаго учителя лежалъ вѣнокъ отъ Ратцеля.

Смерть мгновенно унесла Ратцеля: сердечный недугъ свалилъ въ мигъ гигантскую на видъ фигуру удивительнаго человѣка. Еще за два года до смерти носились слухи о болѣзни сердца, объ arteria sclerosa, но это были только слухи. Весной прошлаго года Ратцель въ теченіе цѣлаго дня плохо видѣлъ, но припадокъ скоро прошелъ, и ничто не указывало на близость развязки. Усталый отъ работы семестра и экзаменовъ, Ратцель поѣхалъ въ свое лѣтнее убѣжище, въ Аммерландъ, виллу на берегу Штарнбергскаго озера. Здѣсь ему суждено было во время прогулки найти вѣчное упокоеніе, всего за 3 недѣли до своего юбилея. Небольшая кучка товарищей, друзей, почитателей и учениковъ похоронила любимаго учителя и рѣдкаго человѣка въ сосѣдней деревушкѣ Мюнзингѣ. Задуманная во дню его рожденія Festschrift обратилась въ Gedenkschrift и вышла въ день рожденія покойнаго. Уже взявъ эту книгу въ руки, можно понять, какъ велика и разнообразна была дѣятельность покойнаго.

Набросавъ въ краткихъ чертахъ біографію Ратцеля, мы остановимся въ послѣдующемъ на личности его, какъ *этнографа*. Ратцель никогда не называлъ себя этнографомъ, антропологомъ и т. п. — онъ всегда подчеркивалъ фактъ, что онъ только географъ. Если же ближе опредѣлить занимаемое имъ положеніе, то онъ антропогеографъ. И между тѣмъ, несмотря на собственное признаніе, Ратцель былъ все-таки этнографомъ. Взявъ сперва его 3-х-томное „Народовѣдѣніе“, а затѣмъ 2-х-томное изданіе его, мы уже по внѣшности видимъ, какъ великъ былъ матеріалъ, которымъ располагалъ Ратцель, какъ велика была его эрудиція (въ то время еще молодого ученаго) и какъ широки были горизонты, открываемые имъ. Это общее сочиненіе доставило автору славу классика-этнографа. Популярная по изложенію, книга быстро разошлась по всему свѣту и переведена на англійскій и русскій языки. Маленькое изданіе въ Meyer's Völksbücher является превосходнымъ экстратомъ того

же труда. Этими работами не исчерпываются заслуги Ратцеля перед наукой о человеке. Не касаясь работ по разным отраслям физической географии, антропо- и биогеографии и т. п., где накоплена и разбросана масса этнографического материала, мы укажем здесь только работы, из области этнографии. Вопросу об эмиграции китайцев посвящено 3 работы, далее следуют обзоры этнографической литературы с 1876—78 гг. в Archiv für Anthropologie, три работы о луке и стрѣлах в Африке, работа о людоедстве, о переселении народов и его роли в создании типов и рас, о происхождении арийцев с географической точки зрения, о панцире из палочек и т. д. Ряд работ о географическом методе в этнографии, о связи истории, этнографии и исторической перспективы — составляют наиболее ценный вклад в науку.

Ратцель рассматривает человечество как нечто целое. Главная задача, которую, по его мнению, должна преследовать этнография, заключается в доказательстве взаимной, генетической связи человечества. Для этого необходимо руководствоваться двумя точками зрения: во-первых нельзя упускать из виду естественной генетической связи человека с природой, среди которой он живет и которой он принадлежит, а с другой стороны следует, для выяснения темных и запутанных сторон связи человечества чаще обращаться к истории развития человечества, памятуя, что история бывает не только письменная, но что следы ее находятся и в культуре, языке, орнаменте, последней чашке и плошке, как дикаря, так и культурного человека. Главная задача состоит поэтому при использовании всех упомянутых выше данных географического и исторического характера в „указании переходов и внутренней связи“, а не различий. Наиболее оригинальна и своеобразна идея Ратцеля относительно наблюдаемых в человечестве различий. Признавая в полной мере важность „элементарной“ мысли (термин, введенный А. Бастианом и часто замѣняемый им же названием Völkergedanke), Ратцель говорит: *„Элементарные идеи обладают непреодолимой силой распространения, и мы не видим причины, почему они должны были бы останавливаться перед живой какурой или костромъ вонюды. Для ихъ распространения существуют, однако, безчисленные препятствия, действующие задерживающимъ или замедляющимъ образомъ, и, кроме того, они изменчивы, как все живое, будучи порождаемы и распространяемы жизнью. Здесь заключается главная причина различий въ человечествахъ и*

многя друія задачи народовѣднїя. Можно сказать даже, что въ географическомъ распространенїи стера самихъ народовъ, а затѣмъ ихъ культурныхъ приобретенїй и культурныхъ средствъ, отъ оня до высшихъ идей историческихъ націй, лежитъ ключъ къ первобытной исторїи человечества“¹⁾). Въ приведенной въ „Народовѣднїю“ видержѣ видимъ, какое громадное значенїе придавалъ Ратцель географическому элементу въ народовѣднїи и исторїи. Всѣ его стремленїя были направлены главнымъ образомъ къ проведенїю этого новаго принципа: поэтому ратцелевское „Народовѣднїе“ понятно только наполовину безъ его „Антропогеографїи“. Въ противоположность Бастиану, низводившему человѣческую особь на ступень пассивнаго носителя воли массы—общества, Ратцель отводилъ особи, выдающейся надъ массой, большую роль при проведенїи и распространенїи культурныхъ завоеванїй. Въ то время, какъ другїе этнографы его времени дѣлили народъ на этническія группы или расы по странамъ свѣта и образу жизни, Ратцель ввелъ дѣленїе на „культурныя“ цѣлы, имѣющїе сходную культуру. Въ этомъ отношенїи нужно отдать Ратцелю справедливость,—онъ сумѣлъ придать своимъ цѣламъ опредѣленный и точно формулированный видъ. Понятїе „ойкумены“ подъ его перомъ приобрѣло установившуюся форму, и безповоротно принято въ наукѣ. Поэтому же и географическія соображенїя, въ видѣ границъ, естественныя препятствїя въ формѣ горъ, океановъ, рѣвъ и т. п. приобрѣтаютъ тотъ особенный интересъ, который такъ новъ въ ученїи Ратцеля. То, что онъ намѣтилъ въ общихъ чертахъ въ своемъ „Народовѣднїи“, мы видимъ въ болѣе детальной разработкѣ и въ его монографическихъ работахъ „объ „африканскомъ лукѣ“, о „Stäbchenpanzer'ѣ“, о „странствїи арїйцевъ“, о „географическомъ методѣ въ этнографїи“. Это были какъ бы громадныя этюды въ широко задуманной картинѣ появленїя, расселенїя и дифференцировки человѣческаго рода. На этихъ частныхъ примѣрахъ Ратцель доказывалъ возможность прежнихъ культурныхъ заимствованїй негроидовъ, сохраняющихся и на Н. Гвиней и въ самомъ западномъ углу Африки близъ устья Конго (работа объ африканскомъ лукѣ); въ работѣ о „палочномъ панцырѣ“ онъ доказывалъ возможность культурнаго влїянїя малайо-полинезійцевъ въ самыхъ отдаленныхъ углахъ В. Океана, въ Японїи, Аляскѣ и т. п.

1) „Народовѣднїе“, т. I, стр. 4.

Его направленіе было схвачено наиболѣе полно и притомъ наиболѣе талантливо покойнымъ Генрихомъ Шурцомъ. Работы послѣдняго (помимо его „Исторія первобытной культуры“), какъ, на примѣръ, объ „африканскомъ метательномъ ножѣ“, объ „аинскомъ орнаментѣ“, о „глазномъ орнаментѣ“ о „деньгахъ“ и т. д. всѣ проникнуты ратцелевскимъ духомъ. Поэтому безвременная кончина Шурца, котораго Ратцель по праву считалъ своимъ преемникомъ по духу, хотя и другіе ученики его старались подражать своему великому учителю, произвела на Ратцеля тяжелое впечатлѣніе. Теперь, когда оба, учитель и ученикъ почли вѣчнымъ сномъ, а труды ихъ стали достояніемъ общества, можно безпристрастно оцѣнить заслуги обоихъ. Ратцель былъ провозвѣстникомъ новыхъ вѣяній, новаго направленія, онъ былъ создателемъ цѣлой науки, науки о связи человѣка съ его матерью-землей. Шурцу было приготовлено разработанное поле, на которомъ онъ могъ сѣять зрѣлое и всхожее сѣмя.

Упрекъ, который можно поставить Ратцелю, это увлеченіе слишкомъ широкими перспективами и горизонтами. Увлеченный на этотъ путь, онъ отвлекался иногда отъ строгаго естественно-историческаго метода и превращался на время въ художника и поэта. Въ этомъ, однако, можно видѣть и преимущество его. Громадный умъ его не довольствовался муравьиной работой накопленія сырого матеріала, а искалъ всюду связи и поэтому легко увлекался опасными для средняго ученаго обобщеніями. Повторяемъ, однако, эти обобщенія переходя временами границы, носили все-таки печать генія; всякая простая вещь и обыденное явленіе пріобрѣтали новую интересную окраску. Въ этомъ сила таланта покойнаго.

Потеря Ратцеля незамѣнима. Ни въ одной странѣ на земномъ шарѣ нѣтъ ему преемника въ этнографіи. Настало полное безвременье. Этимъ то періодомъ затишья и желательно воспользоваться для болѣе детальной разработки этнографическаго матеріала, накопленнаго въ достаточной мѣрѣ для того, чтобы достойный преемникъ Ратцеля на нивѣ уже подготовленной, могъ продолжать дѣло изученія человѣчества.

Б. Адлеръ.

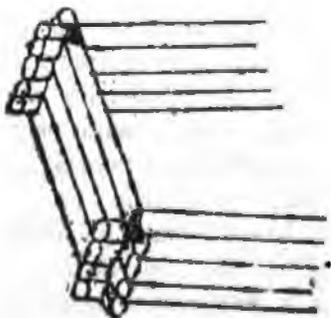
О постройкахъ Бѣлорусскаго крестьянина.

Черниговской губ., Мглинскаго уѣзда: села Росухи, деревни Бородинки и Амелькина хутора.

Всѣ постройки въ данной мѣстности дѣлаются преимущественно изъ дѣснаго матерьяла, довольно примитивнымъ способомъ, такъ какъ каждый домохозяинъ—онъ же хлѣбопашецъ, онъ же и строитель своего двора.

Смолоду онъ собственно нигдѣ не обучается строить; но у нихъ первое элементарное упражненіе и подготовка къ плотничеству, это рубка дровъ: подростокъ беретъ топоръ въ руки и упражняется. Если ему удастся съ размаху попадать на колоду въ одно и то же мѣсто,—значитъ ужъ начинается владѣть топоромъ, рука наловчилась цѣлить, а это самое важное.

Рис. 1.

Далѣе присматривается онъ, какъ старшіе ладятъ соху, борону и прочія хозяйственныя принадлежности. По мѣрѣ надобности онъ помогаетъ отцу, и, наконецъ, становится такимъ же неискusstvenнымъ плотникомъ какъ и отецъ, не двигаясь впередъ и не помышляя объ усовершенствованіи въ строительномъ искусствѣ.

Здѣсь плотникъ-хлѣбопашецъ строитъ себѣ хаты и амбары, дѣлая срубы „съ углами въ чашку“. Это не что иное, какъ известный способъ великорусскихъ построекъ, въ которыхъ, при скрещиваніи бревенъ на углахъ, вырубленное углубленіе называется „чашка“, отсюда получается терминъ „рубить въ чашку“. Четыре бревна, сложенные такимъ образомъ называются „вѣнцомъ“. Для хаты полагается 10—12 вѣнцовъ (рис. 1).

Свою плотницкую работу дѣлаетъ крестьянинъ очень неаккуратно: несмотря на суровую зиму, бревно въ бревно и углы прилаживаются неплотно. Поэтому всѣ погрѣшности рубки, въ видѣ

довольно больших щелей, заполняет онъ дѣснымъ болотнымъ хомъ, который конечно при морозѣ и вѣтрѣ — тоже плохо защищаетъ отъ холода. Во избѣжаніе чего углы хаты, а также „по шпарахъ“ (т. е. въ углубленіи при соединеніи бревенъ) загвѣпляются красной глиной; отъ чего постройка приобретаетъ какъ бы недокопченный некрасивый видъ, но у крестьянина одна цѣль — защита отъ холода.

По нѣкоторымъ стариннымъ пѣснямъ народнымъ, возможно предположить время, когда означенная „рубленая хата“ (рис. 1) начинала только входить въ употребленіе, и люди, по всей вѣроятности, жили въ постройкахъ иного какого-нибудь издѣлія. Такъ въ пѣснѣ упоминается, какъ двѣ дѣвчины приходили смотрѣть казака, который:

„Лежалъ убитый,
Укинуть у жито“.

Но о третьей дѣвчинѣ, главной героинѣ, говорится:

„Вышла дѣвчина
Эъ „рубленыхъ хаты“.

Здѣсь слово „рубленая“ вовсе не изображаетъ эпитетъ въ родѣ сыра-земля, красна-дѣвица, а показываетъ именно выдающуюся въ обшденной жизни обстановку.

Въ слѣдующей же пѣснѣ названіе „рубленая хата“ тоже означаетъ несомнѣнно рѣдкую роскошь наравнѣ съ убранствомъ коврами:

„Што у нашего Иванечки
Да „рубленая кѣтъ“
Позавѣшана коврами
До самаа земли,
Тамъ лежить, лежить
Породильничка...“ и т. д.

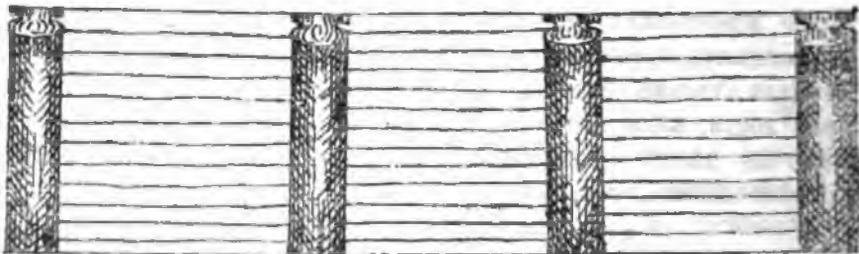
Кѣтъ есть холодная постройка, выполняющая въ одно и тоже время два назначенія: кладовую и спальню, гдѣ и зиму, и лѣто, несмотря на лютые морозы, спитъ кто-нибудь изъ семьи, но преимуществу молодежоны. Собственно говоря, кѣтъ, какъ приспособленіе для зимняго ночлега, есть остатокъ древней некультурности и напоминаетъ собой времена, когда вмѣсто печей раскладывали костры.

И такъ, „рубленая хата“ вытѣснила собой какое-нибудь болѣе примитивное устройство жилья: можетъ быть, этотъ пред-

шествующій способъ строить и былъ именно „закидка въ шулаки“, который, въ свою очередь, замѣнилъ шалаши и будки.

Теперь этимъ способомъ (рис. 2) строятъ помѣщенія для скота и нѣкоторыя другія холодныя постройки; онъ состоитъ

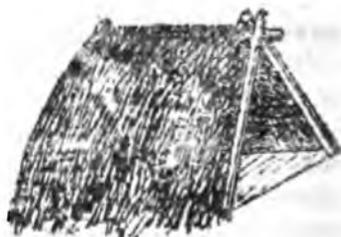
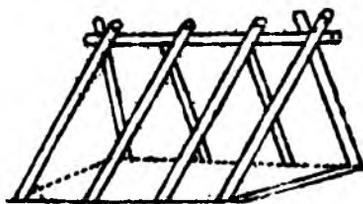
Рис. 2.

въ томъ, что по направленію вмѣющейся быть стѣны вкапываются въ землю на извѣстномъ разстояніи одинъ отъ другого, высотой до крыши, дубовые столбы, называемые „шулаки“ или шулы, по обѣимъ сторонамъ которыхъ продѣлываются во всю длину шулы желобы или „шпарты“. Пространство между шулами закладывается горизонтально бревнами, концы которыхъ стесаны, смотря по ширинѣ шпарты.

Рис. 3.

Рис. 4.

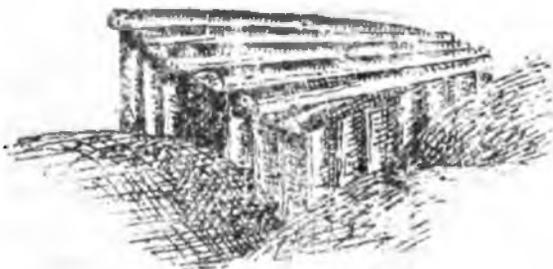
Къ числу остатковъ первобытнаго приспособленія для жилья относится будка. Это родъ двускатной соломенной крыши, устроенной изъ жердей, стоящей прямо на землѣ безъ всякаго фундамента. Ея тыльная сторона тоже защищена соломой, а лицевая остается открытой. Будка эта не высока и приспособлена больше для ночлега или для укрытія отъ непогоды (рис. 3 и 4).

Такая же будка, только еще ниже, устраивается теперь въ лѣсахъ охотниками-любителями, чтобы сторожить тетеревей.

Покрывается она сплошь со всѣхъ сторонъ зелеными вѣтками и оставляется только сбоку небольшая лавейка.

Относительно первобытнаго приспособленія къ зимовкѣ можно сказать вотъ что: не имѣя жилья и ничего готоваго подъ рукой, — чѣмъ могъ человѣкъ прежде всего защитить себя отъ стужи, какъ ни землей? — а потому землянка должна была быть первымъ убѣжищемъ отъ непріязненныхъ стихій. Устраивается она и нынѣ рабочими, которые въ зимніе мѣсяцы сходятся съ ближайшихъ селъ для рубки дровъ въ лѣсныхъ складахъ при полотнѣхъ желѣзныхъ дорогъ, лѣсопилеѣхъ и т. п. Очень углубленныхъ землянокъ здѣсь не дѣлаютъ — въ нашей глинистой почвѣ это былъ бы погребъ, поэтому человѣкъ предпочитаетъ устраивать себѣ полуземлянки,

Рис. 5.

Землянка (см. описаніе землянки).

куда легче проникаетъ притокъ свѣжаго воздуха. Дѣлаютъ это такъ: выкапывается четырехъ-угольная яма до непромерзающаго слоя земли, до материка, аршина въ полтора глубины. Яма эта обставляется

какимъ-нибудь деревяннымъ заплотомъ, высоты въ ростъ человѣка (Рис. 5).

Сверху въ одинъ скатъ накладываются концы какихъ-нибудь досокъ, бревенъ. На этотъ потолокъ наваливается дернъ. Вотъ тутъ-то мать сыра-земля сослуживаетъ человѣку службу: набрасываетъ онъ ее и на потолокъ, и къ стѣнамъ, — и все-то свое зимовье одѣваетъ земляней. А сверхъ всего еще и зима приходитъ на помощь человѣку, укутывая землянку снизу доверху свѣжнымъ одѣломъ, которое бываетъ подчасъ не менѣе аршина толщины.

При нуждѣ получается убѣжище, изолированное отъ вѣтра, вьюги и мороза.

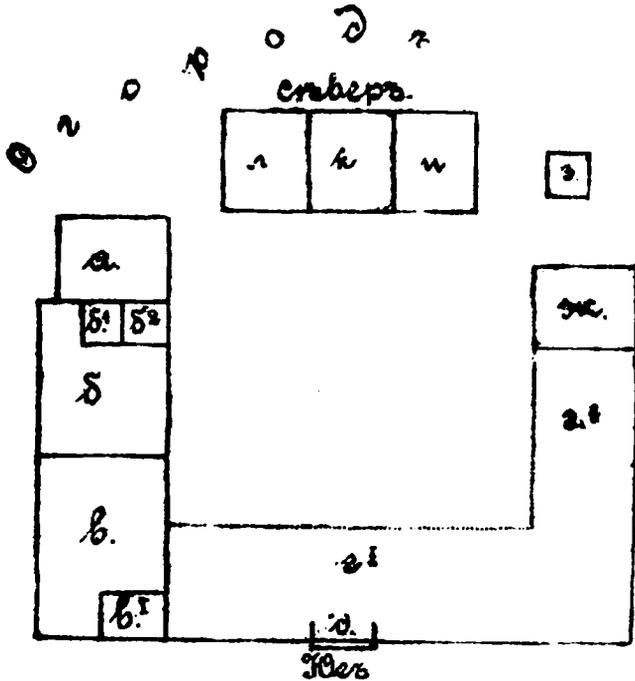
I. Описаніе и планъ двора защиточнаго крестьянина.

Жилое помѣщеніе во дворѣ, какъ видно изъ рисунка (6), помѣщается отдѣльно, но холодныя постройки идутъ всѣ подъ одну сплошную крышу „глаголемъ“. Крестьянинъ любитъ сучн-

вать свои постройки и при выражении высокой похвалы строителю скажетъ: „дворъ хорошій щитный, язь у вѣночку“.

Большое вниманіе обращается при закладкѣ строенія на страны свѣта, и лицевая сторона съ окнами и входными дверями не только въ жильѣ, но и въ помѣщеніи для скота ставится на „усходъ солнца“, — т. е. на востокъ, или „на поудень“ — на югъ.

Рис. 6.

д в о р ъ

а—амбаръ, б—пуня для коній, б¹—свиннарка, б²—телятникъ, в—карovníкъ, б¹—овчарка, в¹—повѣтъ, в²—повѣтъ, д—ворота, ж—клетъ, з—погребъ, и—хата, к—сени, л—хата.

а) Амбаръ ставится безъ всякаго фундамента, на землѣ, и такъ какъ дерево отъ соприкосновенія съ землей скоро портится, то первый вѣнецъ кладется дубовый. Крыша дѣлается соломенная четырехъ-скатная, въ видѣ пирамидки. Внутри для сыпки зерновыхъ продуктовъ засѣки (закормы). Амбары большею частью не замащиваются и не запотолачиваются.

Но неудобство амбаровъ безъ половъ и потолковъ очевидно: въ деревнѣ, между крестьянами найдется два три малосемель-

ных крестьянина, готовые всегда посягнуть на чужую собственность и залезть въ амбаръ въ болѣе зажиточному сосѣду. Въ этомъ случаѣ они темною ночью, не входя во дворъ, могутъ подкопаться подъ стѣну немощенаго амбара съ вѣйшей стороны двора и вытащить продукты.

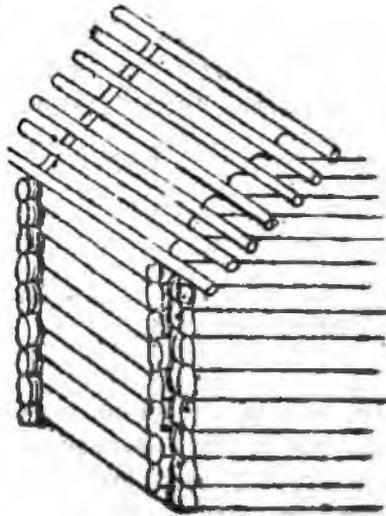
А нынѣ злоумышленники предпочитаютъ продѣлывать дыру въ соломенной крышѣ и, спустившись внутрь по веревкѣ, успѣшно вытаскиваютъ все, что имъ понадобится.

Нужда слѣдовательно указала на необходимость мостовъ и половъ въ амбарѣ. Но для этого потребуются гвозди и доски, а покушныя материалы хозяину-плотнику не по карману, онъ привыкъ обходиться своими средствами. Поэтому вмѣсто досокъ раскалываетъ онъ тонкія бревна вдоль, или беретъ „абаполки“¹⁾; при мощеніи пола онъ ужъ ищетъ, какъ обойтись безъ гвоздя: одну сторону пола прикрѣпляетъ и втиснетъ въ стѣнѣ амбара въ шпарты бревенъ, на противоположные концы обаболокъ поставитъ засѣки; словомъ, приспособится такъ, чтобы изъ-подъ амбара нельзя было поднять половицы.

Вмѣсто потолковъ устраиваетъ онъ въ амбарахъ крыши „съ покотомъ“, а именно: (рис. 7) докончивши поперечныя стѣны амбара, продолжаетъ рубить изъ тонкихъ бревенъ остова двускатной крыши такимъ образомъ: вмѣсто шалѣвокъ (т. е. тонкаго теса) кладетъ бревна и, уменьшая ихъ постепенно, сводитъ къ коньку крыши на нѣтъ. Въ то же время, въ концы этихъ „фронтонныхъ“ бревенъ врубаетъ, черезъ одно бревно, концы бревенъ, идущихъ вдоль, по обѣ стороны ската крыши такъ, что между этими послѣдними остается промежутокъ не болѣе $\frac{1}{4}$ аршина. Оба ската еще переплетаются лозой и покрываются толстымъ слоемъ соломы и пролѣзть сюда во внутрь трудно, не взорвавши всей крыши.

Слѣдующая холодная постройка для скота (рис. 6, б, в) навъ-

Рис. 7.

¹⁾ Въ Великороссіи называются „горбыли“.

вается „ворен, кашары“ или „пуна“: Одна изъ сторонъ этого сооруженія плотно прилегаетъ вмѣстѣ съ крышей къ амбару а, внѣшняя стѣна котораго служитъ также стѣной для пуны (рис. 6).

Въ богатыхъ дворахъ углы вѣровъ дѣлають рубленые, а всѣ стороны закидываютъ въ шулаки. Внутри не полагается ни половъ ни потолковъ, устраиваются только на скорую руку отдѣльныя перегородки — „пуньки“ для мелкаго скота, (рис. 6, б¹, б², в¹).

Если вѣровъ поставленъ отдѣльно, то крыша дѣлается четырехскатная. При скученности же построекъ, она является двускатной, такъ какъ остальные двѣ стороны прилегають и упираются въ сосѣднее зданіе.

Основаніе крыши въ „пуняхъ“ дѣлается проще, чѣмъ въ жилыхъ помещеніяхъ, а именно: по срединѣ, на равномъ разстояніи отъ продольныхъ стѣнъ, вкапываютъ вдоль зданія высокія бревна „сѣхи“ (рис. 9) съ остатками природнаго развѣтвленій вверху

Рис. 8.

ввидѣ двухъ рогулей. Въ эти-то рогули вкладываются толстыя бревна, называемыя „сѣомя“, которыя и служатъ опорой для конька крыши. Конекъ называется здѣсь „царѣкъ“.

Отъ конька крыши на верхнюю наружную часть стѣны спускаются жерди, называемыя „крючка“, въ верхнемъ концѣ каждаго изъ нихъ высверливается отверстіе, куда вбивается кусочекъ дерева, что и образуетъ родъ крюка, повѣшеннаго на солома (рисунок. 8).

Затѣмъ вдоль крыши, въ горизонтальномъ направленіи, къ крючкамъ привязываются березовымъ хвостомъ или лозою, жерди, называемыя переплетъ (отсюда — названіе „переплетать крышу“).

Такого рода работа придумана вѣроятно съ давнихъ временъ, когда о гвоздяхъ и помину въ Полѣсьѣ не было.

Повѣтъ (рис. 6 г¹ г²) есть ничто иное, какъ двускатный навѣсъ, обращенный открытой стороной къ двору, гдѣ его крыша опирается только на столбъ — „на подсошкѣ.“ А съ внѣшней стороны двора, она имѣетъ такія же стѣны „въ шулаки“, какъ и вѣрки, она служитъ ховяину для склада громоздкихъ вещей: туда ставятся сани, колеса, тележки, сохи, бороны, дрова, лѣсной матерьялъ. Кромѣ того повѣтъ — самое излюбленное

и удобное мѣсто для домашнихъ хозяйственныхъ работъ во время непогоды.

Постройка клѣти (а) ничѣмъ не отличается отъ амбара. Только внутри вмѣсто засѣковъ придѣланъ помостъ изъ

Рис. 9.

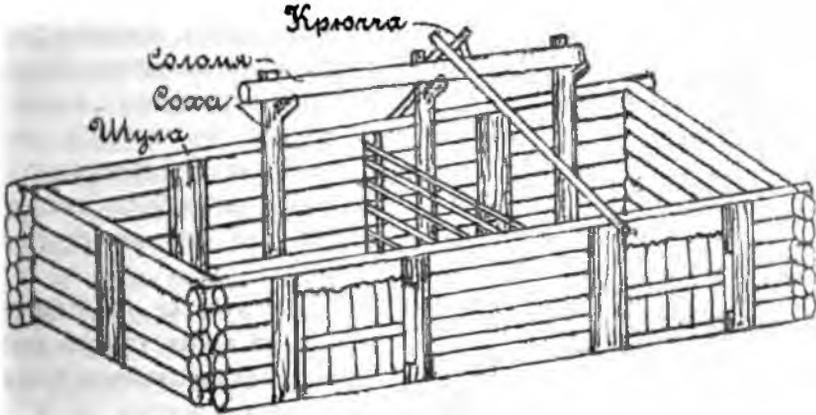

Рис. 10.

обрѣзовъ обанюковъ или старыхъ досокъ и на немъ помѣщается постель. Посреди клѣти, или немного къ сторонѣ, спускается отъ потолка на веревкахъ висячая горизонтально жердь, на которую взвалена на перевѣсъ праздничная одежда и козухи.

Погребъ (рис. 11): выкапывается въ землѣ четырехугольная яма не менѣе 4 аршинъ глубины, обставляется дубовыми „плѣшками“ (колотые куски дерева). Наравнѣ съ поверхностью земли кладется деревянный потолокъ, на который толстымъ слоемъ насыпается земля.

Рис. 11.

Въ потолокъ оставляется четырехугольная лазейка, обшитая деревомъ, куда приправляются дверцы; отверстіе это называется „жерело“. Черезъ жерело въ погребъ вставляется деревянная лѣстница для входа. Надъ погребомъ ставится

двускатный навѣсъ, покрытый соломой или (за недостаткомъ ея) „суволокой“.

Двѣ хаты (рис. 6, 12, 13 и, в, л) рубятся и ставятся отдѣльно одна противъ другой, затѣмъ, къ двумъ угламъ этихъ построекъ вкапываются шулаки, куда и закладываются бревна, образующія сѣни (в). Въмѣсто фундамента кладется прямо на землѣ одинъ или два дубовыхъ вѣнца. Когда срубъ готовъ, стѣны скрѣпляются двумя-тремя поперечными брусками, на которые кладется потолокъ; сверхъ этого надрубливается вѣнецъ, называемый „въвязъ“ затѣмъ еще поперекъ сруба кладутся „балки“, на концахъ которыхъ и утверждаются „кроквы“ или стропилы. Затѣмъ крыша рѣшетится жердями и это называется „переплетъ“. Кроятся всѣ постройки соломой безъ исключенія.

Описанная постройка на видъ имѣетъ четырехскатную форму крыши. Между тѣмъ боковые фронтоны крышъ обѣихъ хатъ, обращенныя внутрь сѣней, остаются открытыми (сѣни не запотлачиваются). Другихъ отверстій съ чердака не дѣлается. Чердакъ не имѣетъ особеннаго предназначенія, туда забрасывается только ненужный хламъ.

Называется онъ здѣсь „гора“. Что бы залѣзть „на гору“ приставляется въ сѣняхъ къ стѣнѣ хаты деревянная лѣстница.

Плавъ № 12 представляетъ жилье богатаго человѣка; и коль скоро онъ богатъ — значитъ и многосеменъ, потому что у крестьянъ богатство зависитъ отъ количества рабочихъ рукъ; значитъ при живыхъ родителяхъ имѣется нѣсколько женатыхъ сыновей, только потому, что тѣсно и негдѣ дѣться, позволить онъ себѣ расширять помещеніе въ видѣ двухъ хатъ, соединенныхъ сѣнями.

Осмотрѣвъ внимательно постройку стараго домохозяина, вы не замѣтите ни малѣйшаго поползновенія къ украшенію: навѣсъ крыши надъ стѣной устраивается также какъ и въ пунѣ, и носитъ названіе „хатняя стреха“. Оконныя рамы вставлены только въ „лутки и подоконники“ (жосаки и подушки въ Великоруссіи) и не обрамлены наличниками (карнизами). Двери—съ очень высокими порогами, при отсутствіи крыльца.

При этомъ нельзя не замѣтить, что вся мысль строителя направлена къ тому, чтобы въ хатѣ было тепло, чего и достигаетъ онъ съ большимъ успѣхомъ: для этого дѣлается низкій потолокъ, аршина въ три съ небольшимъ высоты, окна—въ $\frac{3}{4}$ аршина, а окно противъ печи—вдвое меньше прочихъ. Дверь настолько низка, что при входѣ надо обязательно наклониться, чтобы не ушибить голову о „лутку“. Русская печь и лежанка съ отдѣльной топкой занимаетъ почти четвертую часть хаты.

Бурныхъ избоѣ, называемыхъ „куренька“, гдѣ дымъ черезъ хату идетъ въ дверь, дѣлаютъ мало. Теперь по большей части для выхода дыма продѣлываютъ въ стѣнѣ дыру, гдѣ стѣна прилегаетъ къ печи. вмѣсто вьюшекъ это отверстіе съ стѣной закладывается затычкой изъ тряпокъ, что и называется „затынуть верхъ“.

Внутренность печи, гдѣ кладутъ дрова называется „подъ“, холодная кирпичная площадка спереди печи, (продолженіе пода) носитъ названіе, „загнетъ“. Дугообразный раздѣлъ между печью и загнетомъ—„челестникъ“¹⁾). Черезъ него-то проходитъ дымъ въ первый дымоходъ называемый коминъ. При большомъ количествѣ дровъ въ печи вмѣстѣ съ дымомъ тянетъ пламя въ коминъ, гдѣ не рѣдко и вспыхиваетъ скопившаяся сажа—причина частыхъ пожаровъ. Внизу печи подпѣче, куда сажають нестись буръ.

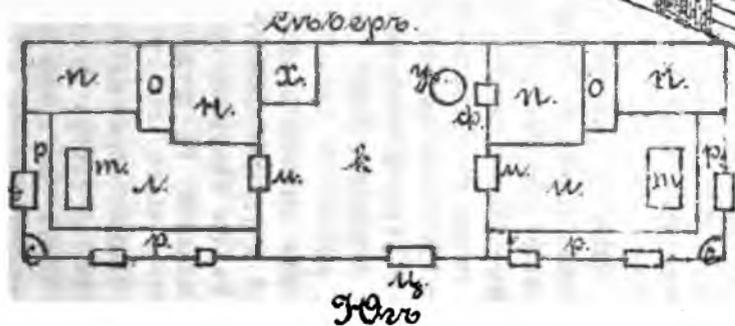
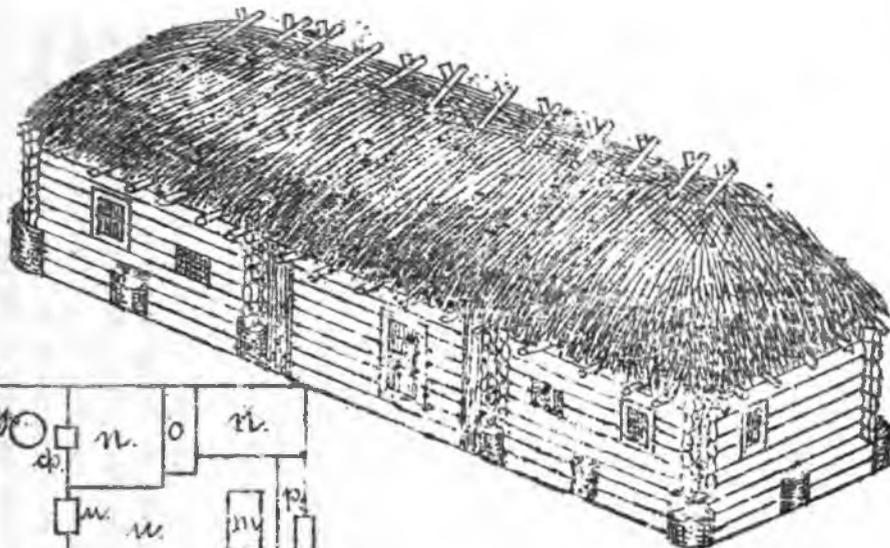
Въ видахъ тойже теплоты и отсутствія досокъ, полъ хаты насыпается землей и утрамбовывается, на $\frac{1}{4}$ аршина и болѣе. Снаружи, нижнихъ два вѣнца въ свою очередь обкладываются землей и закладываются въ шулачки деревомъ. Это и есть „загавалены“.

Укупоренная такимъ образомъ хата бываетъ не только тепла, но и жарка; не смотря на то, въ семьѣ всегда находятъ охотники спать на печкѣ и лежанкѣ. (Самое горячее мѣсто печи называется червнѣ).

¹⁾ Отъ слова челюсть. Авторъ

А не отъ слова „чело“, какъ въ Великоруссіи? Н. В.

Рис. 12 и 13.

н, н. - жатки.

к. - стены.

у - входная дверь.

н, н. - двери

н, н. - печи.

о, о. - лезанка.

н, н. - парь (паратит).

р, р - ухваты (лавки).

н, н. - станы

х. - загородка для коровы.

у - доска со водой.

сп. - заплата дымохода.

кобаня.

Внутри хаты всё необходимые предметы, составляющие обстановку, какъ у богатыхъ, такъ и у бѣдняка, занимаютъ одни и тѣ же мѣста: печка всегда у порога къ сѣверной стѣнѣ, рядомъ обязательно „полъ“ для спанья (т. е. полати). Для сооружеиія этого помоста необходимы доски, но бѣлоруссы съ давнихъ временъ умудрялся безъ пилы вытесывать ихъ топоромъ „изъ плашекъ“.

Въ этой мѣстности нѣтъ большихъ селъ: 10—20 дворовъ не болѣе. Какъ улицы такъ и дворы въ Полѣсьѣ весьма не привѣтливы и носятъ на себѣ отпечатокъ жилища лѣсного звѣря; какъ тотъ стремится забраться поглубже въ нору и дальше въ лѣсъ, такъ здѣсь и въ селахъ: хаты стоятъ обязательно въ глубинѣ дворовъ. Если вы проѣзжаете вечеромъ, вы не увидите свѣтящихся огней въ окнахъ, все отвернулось отъ васъ, и улица представляетъ собой сплошныя „повѣти съ воротами“, (см. рис. на стр. 84). Какъ бы ни былъ высокъ заборъ, но въ случаѣ надобности человекъ всегда можетъ перелѣзть черезъ него. Въ данномъ же случаѣ, чтобы очутиться во дворѣ при запертыхъ воротахъ, надо взбираться на двухскатную крышу повѣти.

Въ этомъ пополозновеніи строятъ баррикады у воротъ, со-здать себѣ крѣпость, хотя бы изъ повѣти, сказывается боязнь, страхъ безоружнаго хлѣбопашца тѣхъ временъ, когда человекъ долженъ былъ (подобно волку) ходить съ оглядкой днемъ и не заснуть спокойно на ночлегѣ.

Только за послѣднее десятилѣтіе молодые хозяева при от-дѣлѣ отъ стариковъ начали себѣ строить хаты съ окнами на улицу. Въ с. Росухѣ имѣется ихъ три; въ Амельиномъ хуторѣ и Бородинѣ усадьбы еще на старыи ладъ.

III. Описаніе и планъ двора небогатаго крестьянина.

Какъ весь дворъ, такъ и отдѣльныя постройки небогатаго землевладѣльца отличаются прежде всего малыми раз-мѣрами (рис. 14, 15, 16). Система же устройства вездѣ одинакова.

Небольшое количество построекъ, отсутствіе повѣтей не даютъ ему закрытого вида, а потому этотъ дворъ стоитъ внѣ идеала крестьянина; на его взглядъ это будетъ: „дворъ бѣдненькій, не щитный, семеро вордтъ, и тѣя вси на (о)гордѣ“. Оттого, какъ бы ни былъ бѣденъ хозяинъ этого двора, но въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ онъ непременно застроитъ его отъ

улицы повѣткой, на остальныхъ пустыхъ пространствахъ тоже устроить такъ, чтобы слить все подъ одну крышу.

Рис. 14.

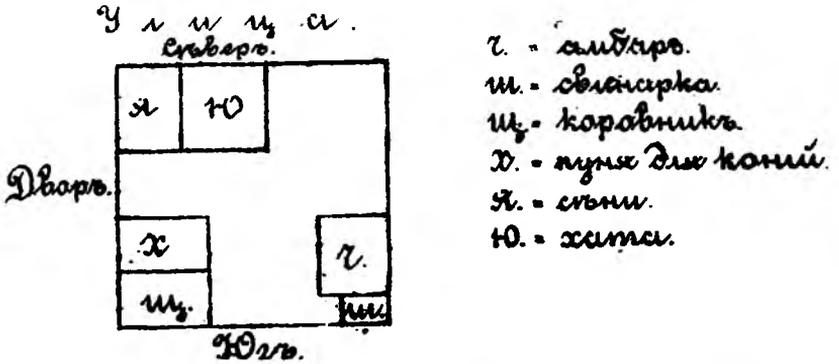

Рис. 15.

Рис. 16.

ф. - печь.	з. - столъ
б. - лосанка.	к. - помойница
с. - печь.	к. - дверь.
в. - услоны.	д. - окна.

Въ деревняхъ строятъ себѣ иногда жилье люди совершенно убогіе, не имѣющіе ни клочка своей земли; для этого наня-

ИМЮТ ОНИ НѢСКОЛЬКО Сажень общественаго выпуска въ селѣ, взносятъ за то обществу рубля 2 — 3 въ годъ и живутъ въ своемъ помѣщеніи, зарабатывая лѣтомъ хлѣбъ на зимніе мѣсяцы. Жизнь ихъ, конечно, пополамъ съ нуждой; но эти такъ называемыя „бобыли“, любители своихъ собственныхъ угловъ, выражаются такъ: „хоть безъ хлѣба сидѣть, да въ своей хатѣ“ (рис. 17, 18).

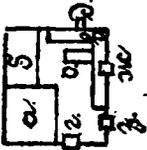

Рис. 17, 18.

Величина такой хаты будетъ конечно очень мала: 5—4 аршина не болѣе. вмѣсто сѣней „припаты“ — жерди, прикрытыя „суволокой“ (суволока — это волокнистыя растенія, которыя сгребаются съ огородовъ осенью послѣ уборки конопли и употребляются для защиты холодныхъ помѣщеній отъ вѣтра). Срубъ хаты дѣлается обыкновенно; крыша четырехскатная, безъ всякаго отверстія на чердакъ; окна въ поларшина величины. Внутри такое же распредѣленіе предметовъ по своимъ мѣстамъ, какъ и въ богатыхъ помѣщеніяхъ, только все будетъ сдѣлано изъ „ломачча“ (ломъ), лавен узкія, вмѣсто стола вкопаны въ землю 4 столбика и на нихъ положены двѣ сбитыя дощечки. Взамѣнъ погреба подъ „поломъ“ (полотьями для сна) выкопана аршина въ полтора яма для храненія зимой картофеля и бураковъ.

Печка устраивается всетаки такъ, что дымъ выходитъ не въ хату, а въ отверстіе въ стѣнѣ. Матерьяломъ для отопленія служатъ мелкая сухая „пѣваль“, которую они всю зиму таскаютъ на плечахъ изъ близкаго лѣса.

Подобное жилие не есть еще послѣдній видъ бѣдности; напротивъ, оно

оставляетъ владѣльцу довольство и душевный покой: „я сама съ хозяйка, никто мною не понукѣетъ (отъ слова „ну“)

- а. — печь.
- б. — полъ (посыпанъ).
- в. — челнокъ (лавки).
- г. — дверь.
- д ж. з. — окна.
- о — столъ.

говорятъ онѣ. Ей еще и завидуютъ тѣ, которыя принуждены проситься зимовать у когонибудь и „тереть чужія углы“. Мужчина-бобыль никогда не способенъ устроить себѣ такого очага и остается бездомнымъ до конца дней.

Эти представители деревенской нищеты, очутившись въ городѣ, незамедлили бы сдѣлаться, можетъ быть, нетрезвыми обитателями ночлежныхъ пріютовъ, но въ деревнѣ они, при крайне-малыхъ потребностяхъ, остаются до конца симпатичными тружениками и протягиваютъ руку за милостынею только тогда, когда не хватаетъ силъ работать.

Хаты бобыльковъ обыкновенно не остаются долго на своихъ мѣстахъ и со смертью владѣлицы перевозятся къ какомунибудь сосѣду, который въ виду интереса полученія хаты, присматривалъ за больной и хоронилъ покойницу.

Примѣчаніе о плотникахъ: настоящимъ плотникомъ среди крестьянъ называется тотъ, кто умѣетъ приладить „лутку въ оконѣ“. Такой плотникъ имѣетъ кромѣ топора и „скобля“ (кору соскабливать)—поперечную пилу, рубанокъ, долото, сверло и проч. Въ виду малоземельности, онъ „зарабатываетъ себѣ хлѣбъ топоромъ“. Такого-то плотника каждый почти домохозяинъ нанимаетъ присаживать „лутки“, вставлять двери, рамы, что и называется „прибирать хату“. Среди этихъ, такъ называемыхъ, настоящихъ плотниковъ уже проявляется стремленіе украшать постройки. Напримѣръ, сдѣлаетъ онъ, съ согласія, конечно, хозяина, наружный наличникъ у оконъ и прибьетъ вырѣзанную изъ доски фигуру.

Затѣмъ, у молодыхъ хозяевъ, при новыхъ постройкахъ, поставленныхъ окнами на улицу, замѣчается иногда окраска оконныхъ рамъ и наличниковъ въ синій и зеленый цвѣтъ. Это украшеніе является, впрочемъ, только въ тѣ годы, когда въ селѣ происходитъ окраска церковной крыши и остатки отъ маляровъ можно получить чуть-ли не даромъ.

Кромѣ того зажиточные крестьяне теперь нерѣдко нанимаютъ плотниковъ мостить полъ въ свѣтлицѣ: впаивается въ землю нѣсколько паръ „стояндовъ“ (столбы), на нихъ кладутъ дубовые длинные по величинѣ хатъ „подмостники“ и затѣмъ доски.

„Настоящій плотникъ“ — крестьянинъ, когда нанимается на плотницкую работу въ болѣе культурнымъ деревенскимъ обывателямъ: въ священнику, причту, волостному писарю, въ

еврею,—дѣлаетъ въ постройкѣ карнизъ вокругъ крыши, при ея спускѣ въ стѣнѣ, что называется „подшивать коробку“, крилечко или гѣнки на колоннахъ съ навѣсомъ. Но крестьянинъ хозяинъ не дозволяетъ себѣ такой роскоши, и нанятый имъ плотникъ ограничивается только необходимой „приборкой хаты“.

Баня ставится преимущественно на общественномъ выпускѣ, воелѣ рѣчки, для того, чтобы было ближе носить воду. Во всякомъ небольшомъ селѣ имѣется 4—5 бань. Кромѣ своего specialнаго предназначенія они исполняютъ еще роль сушильн:

Рис. 19.

Рис. 20.

тамъ каждую осень сушатъ „прядево“, т. е. ленъ, пѣсконни или замашки (волоконистыя растенія), рис. 19, 20.

Баня всегда дѣлается срубомъ „пощитнѣй“, чтобы духъ не выходилъ, съ 4-хъ-скатной крышей, потолкомъ изъ плашекъ, но безъ пола. Взамѣнъ оконъ дѣлается въ стѣнѣ дырка въ квадратную четверть величины; когда моются, ее затыкаютъ затычкой изъ суволоки (рис. 19).

Печка дѣлается аршина въ полтора высоты, безъ всякихъ дымоходовъ, такъ, что дымъ идетъ въ дверь. Форма печи имѣетъ видъ сѣнной копны, полой въ серединѣ для вкладки дровъ и для нагрѣванія чугуна съ водой. Сверху — въ большомъ количествѣ кладется булыжникъ, на который чтобы „поддать духу“ выливаютъ нѣсколько корцѣвъ (ковшией) холодной воды, и баня тотчасъ сверху до низу наполняется густымъ паромъ, такъ что въ двухъ шагахъ ни видно передъ собой человѣка. Чѣмъ больше жару и пару, тѣмъ лучше: „славная баня, говорить.

духу много.“ Въ то же время кладутъ на раскаленный булыжникъ мокрый березовый вѣвникъ и на полатяхъ парятъ имъ другъ друга. Мыла не полагается, только голову моютъ щелокомъ. Въ баню безъ всякаго спроса идутъ сосѣди, кто только пожелаетъ; набирается иногда цѣлая толпа, и парятся въ потьмахъ, такъ какъ огонь, въ воздухѣ сильно насыщенномъ паромъ, гаснетъ...

Большую рѣдкостью и новинкою считается „примылникъ“ т. е. сѣни, гдѣ можно раздѣться; иногда просто дѣлаютъ навѣсъ, подъ которыми мнутъ пѣсконни.

„Гумно“ ставятъ всегда на окраинахъ села, среди огородовъ. Горькій опытъ научилъ удалить его отъ жилыхъ построекъ, потому что во время осени, какъ только начнется молотьба, въ окрестности то и дѣло горятъ гумна, наполненные годовымъ урожаемъ.

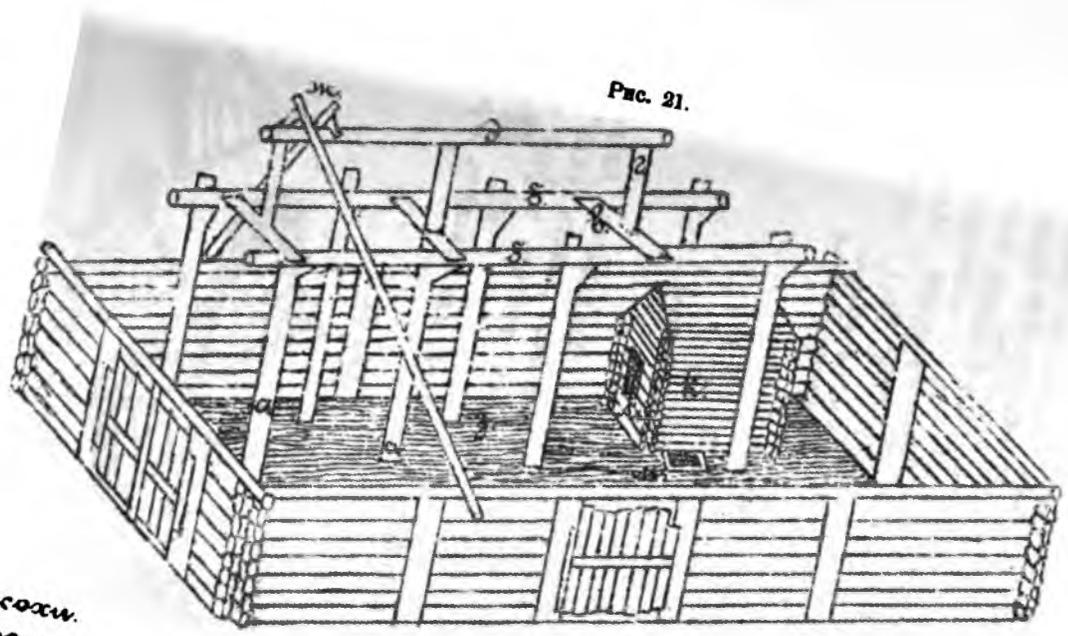
Строятся гумно на подобіе вѣрковъ: углы рубленные, а стѣны закидываются въ шулакв; постройка эта довольно объемиста, не меньше 20 арш. длины и 15 ширины, такъ какъ вмѣщаетъ въ себѣ кромѣ годового урожая, еще и нормовые продукты для скота. Утвердить крышу на такомъ большомъ пространствѣ для крестьянина плотника довольно затруднительно. Дѣлается она тоже какъ крыша на вѣркахъ и пунахъ съ тою разницею, что крыша пуни покоится на „сохахъ“ неопаннанныхъ посреди зданія (рис. 20).

Въ гумнѣ же, середину его занимаетъ „токъ“ для молотбы, а „сохи“ съ рогулями ставятся по бокамъ на подобіе аллен. Между сохами и стѣной складывается въ склади не мелоченный хлѣбъ и ярь (гречиха, ячмень и проч.).

Изъ нижеслѣдующаго рисунка (рис. 21) видно, что крышча вѣшаются также какъ и въ пунахъ, но на второе „соломя“, поддерживаемое „чапелками“ укрѣпленными въ переводни или клади. Въ свою очередь нѣсколько этихъ „кладей“ помѣщается поперекъ гумна и концами утверждается въ „сѣломя“, которое состоитъ изъ нѣсколько скрѣпленныхъ вѣтками бревень, покоящихся на сохахъ.

Внутри гумна при концахъ „тѣла“ помѣщается рубленый овинъ для сушки съ аршиннымъ отверстіемъ, черезъ которое накладываются снопы. Съ боку видна лазейка въ „дѣходъ“, т. е. въ вырѣтую 4-хъ — 5-ти аршинную яму, гдѣ подъ са-

1 стѣны остаются провозъ въ двѣ-три косячки (т. е. поперечн.).

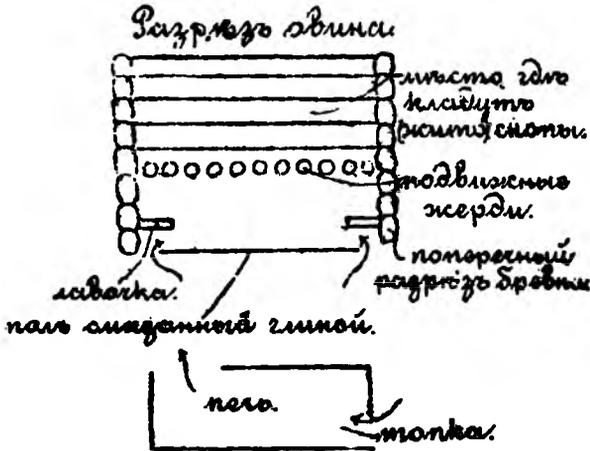
а - сѣки.
 б. д. - салама
 в. - проводни или насадки
 г. - гатки
 ж. - верхнее салама.

ж. - крыша.
 з. - такъ.
 к. - обивка.
 л. - отверстие для накладки основы.
 м. - ходъ и въ проходъ.

— 91 —
 КИРЬ ОНИКОМЪ КЛАДЕТСЯ БОЛЬШАЯ СУШИЛЬНАЯ ПЕЧЬ; КИРЬ В
 ТЕПЛОТѢ ПОДНИМАЮТСЯ ПРЯМО ВЪ ОНИКЪ, ВЪ ПОЛУ КОТОРАГО

Устройство печи настолько несовершенно, что пламя иногда „шибаетъ черезъ челюстникъ“ по овину и производитъ пожары, во избѣжаніе чего сушить овинъ поручается только

Рис. 22.

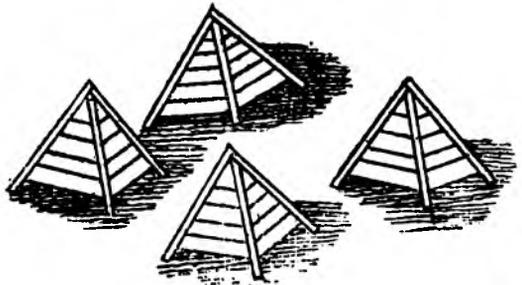
опытному человѣку, который долженъ накладывать дрова понемногу. Для окончательной высушки надо „вложить тепло“ дватри раза, такъ что рабочій человѣкъ тратитъ на это цѣлый день.

Крышу овина или кроютъ соломой, или обиваютъ берестой,

Рис. 24.

Рис. 23.

чтобы задерживалась теплота (оставляютъ конечно не большую щель, для выхода, чтобы дымъ не задерживался внутри). Для той же цѣли и въ крышѣ гумна дѣлаютъ отверстіе въ родѣ слухового окна.

Хлѣбныя ямы, не менѣе 5 арш. глубины и ширины, выложенныя берестой, служатъ зернохранилищемъ и замѣняютъ собой общественныя магазины (гамазей) для ссыпки зерна съ осени. Наполненную зерномъ яму замащиваютъ деревомъ, засыпаютъ сверху землей и ставятъ надъ ней четырехскатную пирамидку изъ досокъ (рис. 23).

Крестьяне этого края рѣдко лично нуждаются въ подобныхъ ямахъ по недостатку хлѣба.

Каждый крестьянинъ для своихъ печей работаетъ изъ красной глины самодѣльный кирпичъ-сырецъ, называемый „цѣгла“. Для сохраненія его отъ дождя устраивается тутъ же у глиняной горы 4-хъ скатный навѣсъ на столбикахъ, носящій названіе „цѣгельня“. (рис. 24).

М. Н. Косичъ.

О говорѣ въ мѣстности „Хворостань“

Воронежской губерніи ¹⁾.

Мѣстность, извѣстная подъ именемъ „Хворостань“, расположена въ сѣверо-западномъ углу Коротоякскаго и смежной части Воронежскаго уѣздовъ Воронежской губерніи, по теченію небольшой рѣчки Хворостанки. Заключаетъ она въ себѣ волости: Новохворостанскую, Тресоруковскую, Олень-Колодезскую и части Лѣво-Россошанской, Голышевской и др.

Въ этой мѣстности издавна пролегалъ „большая дорога“ изъ Воронежа въ Коротоякъ и не такъ давно прошла Козлово - Воронежско - Ростовская желѣзная дорога (въ описываемой мѣстности лежатъ станціи: Давыдонка и Колодезная). Неподалеку живутъ малороссы (ближайшія малороссійскія селенія: слобода Урывъ, слобода Троицкая, — обѣ Коротоякскаго уѣзда).

Населеніе „Хворостани“ исключительно великорусское. Дѣлится оно на двѣ особыя группы: 1) цукань и 2) талаган.

По мнѣнію Н. И. Второва ²⁾, поводомъ къ прозвищу „цукань“ послужило цованье, существовавшее нѣкогда среди этой группы населенія. Прозвище же „талагань“ можно связывать со словами: *талала* — „картавый дурно говорящій“ (Толк-Слов. В. Даля) и *іагь* — говорить, или же съ словами *талалакатъ* ³⁾ — „картаво, дурно выговаривать“. Такимъ образомъ, оба эти прозвища можно объяснять особенностями мѣстнаго говора.

Возможны однако же и другія объясненія, а именно на основаніи различій въ бытѣ, сохранившихся и до настоящаго

¹⁾ Пользуюсь случаемъ выразить свою признательность уважаемому товарищу Д. К. Зеленину за его совѣты и указанія при веденіи мною настоящей работы. А. П.

²⁾ „О размселеніи Воронежской губерніи“, см. „Воронежск. Бесѣда“, 1861, стр. 265.

³⁾ „Великорусскія народныя присловья, какъ матеріалъ для этнографіи“, — Д. К. Зеленина въ „Живой Старинѣ“, 1904 г., I вып., стр. 61.

времени. Различія эти касаются одежды. Талагайскіе мужики носят рубахи „полеками“, т. е. узкими надплечными „таш-ками“¹⁾ или „строчками“²⁾, какъ на женскихъ рубахахъ. Эта-то особенность въ одеждѣ и могла послужить основаніемъ къ просвищу „талагай“. *Talagáj* — „верхняя мордовская женская рубаха съ вышивками“. (Срвни. Слов. В. Дала). Мордовскій же костюмъ могъ быть извѣстенъ цуканамъ по мѣсту ихъ первоначальнаго жительства. Слово это они могли примѣнить сначала къ „талагайскимъ“ рубахамъ, а потомъ и къ носящимъ такія рубахи. Что до клички „цуканъ“, то она могла образоваться въ зависимости отъ словъ: *чуканый* — „догадливый, снѣтливый“ (Толк. Слов. В. Дала) и *чуканъ* — „щеголь“ (кур., орл. Толк. Слов. В. Дала). Пришельцы-цуканы отказались нультурнѣ, чистошлотнѣ и щеголоватѣ талагаевъ. Передѣлка слова *чуканъ* въ *цуканъ* могла произойти, особенно если цуканы дѣйствительно цокали.

Цуканы живутъ въ селахъ, расположенныхъ по верхнему теченію р. Хворостани („верховскихъ“): Тресорукой, (Трушкиномъ), Дмитревскомъ (Митяевѣ), Марьиномъ, Почепскомъ, Рождественѣ, Олень - Колодезѣ (Оленьяхъ), Дранинѣ, Давыдовѣ (Новой-Хворостани) и Солонцахъ — Коротояскаго уѣзда и Московскомъ, Можайскомъ, Боршевѣ — Воронежскаго уѣзда. Талагайскія же села — въ низовьяхъ указанной рѣчки и ближе къ р. Дону. Къ послѣднимъ относятся села: Старая Хворостань, Машкино, Бодѣвка, Аношкино, Сторожевое, Голышевка и Селявное Коротояскаго уѣзда.

Талаган, живущіе по р. Дону, осѣли въ этой мѣстности гораздо раньше цукановъ. Основаніе талагайскихъ селъ: Сторожевого (въ старину „Сторожевой Поляны“), Старой Хворостани (въ старину: „Избыльного“, „Фарсана“, „Форосаны“), Селявнаго (въ старину „Селявной Поляны“), Аношкина восходитъ къ XVII вѣку. Цуканы же пришли сюда уже въ XVIII вѣкѣ, большею частью въѣвъ изъ Москвы. На послѣднее указываютъ названія селъ: Московское, Можайское и пр.

Вполнѣ возможно, что „цуканъ“ и „талагай“ нѣкогда отличались и особенностями въ говорѣ, какъ теперь отличаются особенностями въ бытѣ. Но въ настоящее время по „Хворостани“ и талаган, и цуканы имѣютъ одинъ общій, сильно акающій говоръ.

¹⁾ См. въ прилож. словарѣ.

²⁾ *Ibidem*.

Изъ бытовыхъ отличій рѣзче всего различіа цукановъ и талагаевъ—въ одеждѣ. Талагайскій костюмъ лучше сохранился въ селахъ, находящихся на правомъ берегу р. Дона, какъ наиболее удаленномъ отъ посторонняго вліянія: Сторожевомъ, Селявномъ и Голышевкѣ.

Цуканскія дѣвушки поверхъ рубахи носятъ сарафаны изъ черной „самодѣльской“ шерстяной матеріи, отороченные на рукавахъ и подолѣ кумачемъ, и перевязываютъ высоко грудь подпояскою. Талагайскія дѣвушки, въ старину носившія юбки изъ набойчатой холстины желтаго цвѣта, теперь имѣютъ послѣднія изъ „хрэнцуской“ матеріи краснаго цвѣта съ черными, желтыми и зелеными узорами. „Цуканскія“ рубахи у женщинъ имѣютъ узкіе и длинныя рукава съ рядомъ „ташекъ“ на нихъ и безъ брызжей. Талагайскія женскія рубахи съ богато расшитыми или вытканными „полеками“ имѣютъ широкіе рукава съ брызжами или „вошивками“. Замужнія „талагѹшки“ и „цуканки“ носятъ „панѣвы“ изъ черной шерстяной, выпраденной ими самими, матеріи въ клѣтку. Клѣтка у цуканскихъ „паневъ“ маленькая и при томъ изъ желтоватой или красной и бѣлой шерсти, а у талагайскихъ—клѣтка большая и бѣлаго или зеленого цвѣта. Кромѣ того, талагайскія „паневы“ богаче украшаются на подолѣ: позументомъ, лентами, краснымъ кашемиромъ и блестками.

Въ верхней одеждѣ между талагаями и цуканами почти нѣтъ различій. Исключеніе нужно, впрочемъ, сдѣлать для талагайскихъ сель за-донскихъ, гдѣ не носятъ обычныхъ шубъ, халатовъ и поддевокъ, а „шупшаны“—нѣчто въ родѣ балахона безъ сборокъ назади. Кокосники носятъ и талагайскія и цуканскія замужнія женщины до перваго ребенка. Онъ дѣлается изъ золотого позумента въ видѣ шапки со скопленнымъ задомъ. Свади къ нему прикрѣпляется рядъ разноцвѣтныхъ лентъ, кымохренныхъ шелкомъ. Ленты съ мохрами называются—„патзатѣлинь“. На уши вѣшаются „пушки“, т. е. картонныя кружки, обмотанныя разноцвѣтными нитками. Въ „пѣсикки“ иногда втѣкаютъ перья изъ хвоста селезня. За послѣднее время, какъ среди талагайскихъ, такъ и цуканскихъ молодыхъ бабъ появилась мода—носить на головѣ вѣнки изъ дешевыхъ искусственныхъ цвѣтовъ. Обычный головной уборъ у талагѹшекъ и у цукановъ—кичка. У цукановъ она выше и съ болѣе острыми розжами.

Одежда талагайскихъ и цуканскихъ мужиковъ мало различается. Обычно у талагая—бѣлая холстинная рубаха, иногда

набойчатая синяго цвѣта, и порты набойчатые или же „вѣтѣйчатые“. Цуканы рѣдко носятъ бѣлую рубаху. Чаще всего—она спита изъ „самодѣльской“ матеріи, вытканной изъ черныхъ и красныхъ нитовъ въ клѣтку. Порты или изъ вѣтѣйки, или изъ сотканной въ полоску матеріи. Верхняя одежда тѣхъ и другихъ почти вездѣ одинакова: поддевки, халаты и въ послѣднее время „спиньжаки“. За-донскіе талагаи носятъ лишь шушпані—халаты съ кострецами, а не въ сборку. За-донскіе талагаи носятъ малахай, т. е. шапки съ наушниками, а остальные талагаи и цуканы—обычныя низенькія шапки. Послѣднія у цукановъ зачастую изъ карауля.

Что до занятій, то талагаи живутъ теперь почти однимъ земледѣліемъ. Раньше они уходили на заработки въ качествѣ полевыхъ рабочихъ „на нивы“ (югъ), а теперь тамъ не находятъ заработка потому, что въ экономіяхъ завели машины. Цуканы же, кромѣ земледѣлія, занимаются сапожнымъ ремесломъ, разведеніемъ лука, выкормкой гусей и быковъ и развозною мелкою торговлей. Вслѣдствіе того, что среди цукановъ промыслы болѣе развиты, они живутъ зажиточнѣе талагаевъ.

По своему физическому строенію цуканы представляютъ изъ себя рослыхъ, сильныхъ людей и иногда даже слишкомъ высокихъ въ сравненіи съ низенькими, коренастыми талагаями.

Среди цукановъ много старовѣровъ, а среди талагаевъ (особенно въ сс. Аношкинѣ¹⁾, Старой Хворостани, Бодѣевѣ²⁾)—развита хлыстовщина, проникшая въ послѣднимъ въ 80-хъ годахъ съ „низовъ“³⁾.

¹⁾ Про Аношкино—центр хлыстовщины—даже сложилась въ народѣ пѣсенка:

„Аношкино стоитъ въ ямѣ,
Все наполнено хлыстами..“

²⁾ Наша статья была уже написана, когда мы познакомились съ мнѣніемъ академика *А. И. Соболевскаго*, по которому названіе *цукановъ* „основано на какомъ-нибудь другомъ ихъ признакѣ“, а не на говорѣ („Русск. Филолог. Вѣстникъ“, 1905 г., № 3, стр. 42). Что касается предположенія, высказаннаго акад. *А. Соболевскимъ* въ той же статьѣ (стр. 46), относительно йотаціи начальныхъ гласныхъ, то мы можемъ подтвердить, что случаи *агтарь* (алтарь), *ипять* (онять)—встрѣчаются и въ обычной разговорной рѣчи.

І. Фонетическія особенности ¹⁾.

1.

Вокализм.—*А* подь удареніемъ звучитъ открыто и иногда переходитъ въ *о*, какъ напр. въ словахъ: плѣтять (платать), вѣля (валить), вѣря (варить), вѣтять (ватить), плѣить (палить), сѣдя (садить), брѣнитца (бранится), скѣмьн (скамьн), вѣмьн (камень), башмѣѣ (башмакъ).

Неударяемое *а*—закрытое и глухое. Передь ударяемымъ слогомъ переходитъ въ *и* въ словахъ: нѣпять (опять), дилѣка (далеко), вилѣк (валекъ), атчѣюна (отчаюна). Сюда-же: нѣять „пѣть“ (изъ *нѣять*: пою?)

Въ началѣ словъ иногда *а* = *я*: ялтарь (алтарь); ятврѣлси угар—отврѣлся угаръ (изъ пѣсни).

Звукъ *я* рѣдко удерживается, даже подь удареніемъ. Онъ замѣняется звуками:

1) <i>и</i> (или <i>ju</i>)	{	взялси (взялся), јинтәр (янтәр), дівалси (дѣвался), јиравѣй (яровой), тѣсичу (тысячу), чижѣлай (тяжелый), зѣјиц (заяцъ), зѣјичѣй (заячій);
2) <i>е</i>	{	мѣчь (мачъ), минѣ (меня), плимѣньница (племянница), јиѣ (ея, ее);
3) <i>ѣ</i>	{	пѣтнушка (пятнышко).

Въ нашей мѣстности сильно развита привычка приставлять *а* въ началѣ словъ, начинающихся съ согласной. Такъ напр.: ахрамѣднѣй (громѣднѣй), альянѣй (льнянѣй), асилѣтѣва (сееледка), авчирѣ (вчера). Это дало поводъ къ возникновенью такой шутки: изображая часто икающаго, говорятъ: *а* (икота)—птѣва; *а*—чилъсѣн; *а*—вчирѣ; *а*—силѣтѣва ²⁾.

О неударяемое въ произношеніи не отличается отъ *а*. Такъ напр.: рѣнѣла (роняла), аба мнѣ (обо мнѣ), падь ѣю (подь нею). Изрѣдка неударяемое *о* совершенно опускается—за'снѣять (заосенять); вѣи'на (вонъ она).

Иногда оно переходитъ:

въ <i>у</i> :	{	утымѣть (отымать), изутьнѣять (отнять), утьнѣять (отнять);
въ <i>ы</i> :	{	вѣи'мнѣ (вонъ онъ).

¹⁾ Вслѣдствіе неизмѣннѣя въ типографіи соответствующаго знака, *ѣ* съ удареніемъ вездѣ замѣнено *ѣ*. Надъ нѣкоторыми мѣстными словами нѣтъ ударенія и въ оригиналѣ. *Ред.*

²⁾ Точно такую же шутку намъ приходилось слышать отъ коренныхъ Петербуржцевъ и Костромичанъ. *Н. В.*

Звукъ *e*, какъ на мѣстѣ орфографическаго *e*, такъ и *ъ*, произносится мягко. Безъ ударенія онъ переходитъ:

- 1) въ *и* (*ји*): { *јиé* (ея, ее), но́жить (ноеть),
минé (меня), сирéт (середь, среди),
вру́тннѣкяй (врутенѣй);
- 2) въ *я*: { *палѣчү* (полечу), но́я (ноеть),
бѣрижѡв (бережокъ), сѣрдѣчѣя (сердечко),
прасѣтя (просите), вѣрѣльѣф (крыльевъ),
ничѣвѡ (ничего), дѣшава (дешево).

Ударяемое *e* произносится мягко (на мѣстѣ *e* и *ъ*):
швѣнчѣкя (швенчка), зѣлинѣ (зелень),
дѣрѣва (дерево), дѣвѣ (двѣ), минé (мнѣ),
падѣ жею (подъ нею), лѣс (лѣсъ).

Орфографическое ударяемое *ъ* произносится иногда какъ *и*:
ји́сть (ѣсть и ѣсть), жи́стьюшки (уменьшительное
неопредѣленное наклоненіе отъ ѣсть)—ѣсть. си-
вѣрка (холодно) сѣверко;—ни́ять (пѣть),

вѣроятно изъ по́ить (по аналогіи съ *пою*); рядомъ формы: пи́ю,
пи́ишь.

Звукъ *э* рѣдко слышится и замѣняется мягкими
e или *и*: *же́тат* (этотъ), ван-э́нтат.
же́зэминт или даже *же́зэминт* (экзаменъ).

Наблюдается при этомъ, что этотъ звукъ замѣняетъ собою:
то *о*, то *у*, то *ю*, то *е* — тѣй (той), аттѣля (отсель); пѣвѣда и
пѣкѣда (повуда), пѣвѣдава (повуда): атцѣда (отсюда), пѣкѣль,
пѣкѣля (повуда).

И въ началѣ словъ произносится мягко: и́знавѣсти (вне-
запно), и́зумѣть (сумѣть), и́жахо́шка.

Ударное *и*=*e* (и даже *ѣ*) въ словахъ:
Кѣ́жива (Кіевъ), *каврѣна* (коврига), *карвѣна*
(коврига), *хвѣтѣра* (квартира), *мундѣръ* (мун-
диръ).

И, произносимое какъ *и*, распространено чаще послѣ *р*:
скрише́ть (скрипѣть), *ри́на* (рига),
ви́шавья (вишня).

Обратное *и*=*и* въ словѣ: *висѡ́вай* (высокій),
висѡ́чишшай (весьма высокий).

И=*a* въ иностранномъ словѣ: анѣтирѣс (интересъ).

И иногда замѣняется звукомъ *у* (и наоборотъ):

бы́тта (будто), *солну́шка* (солнышко).

И=и въ словахъ: баби (бабы); крыси (крысы—*род. ед.*);
род. ед. хати (хаты), ради (рады—*им. мн.*).

У неударяемое иногда замѣняется черезъ *ѳ*: вдѣрил (ударилъ).

у=е въ словѣ свѣшунья (свашенька),

Въ началѣ словъ **у=ю**: юшка (ушка, уха), юлица (улица).

Случаи *выпаденія гласныхъ* въ началѣ словъ рѣдки, такъ напр.:
пята^нѣ (эпитемія).

Чаще его можно наблюдать въ концѣ словъ: *жаваньѣ*ль (евангеліе), бурь (бура), *обал* (около).

Въ срединѣ словъ оно встрѣчается часто. Таковы слова: за'синя^ть (заосеня^ть), пол'сав^атъ (полосов^атъ), дос'ти (досы^та), сильч^ь (сирѣч^ь), хт^о зн^атъ (кто зн^аетъ).

Явленія *вставки гласныхъ* наблюдается здѣсь очень часто. Какъ уже упомянуто выше, часто въ началѣ приставляется *а*. Затѣмъ—*и*: изумѣ^ть (сумѣ^ть), изутьня^ть (отня^ть), и'дѣ (гдѣ). Въ срединѣ—въ словахъ: пасалт^ырь (псалты^рь), зачирѣ^л (зачерпнулъ), твѣр^итъ (тверд^ь), сваварѣ^цъ (свворец^ь), ни токам (не токмо).

Полногласіе—въ словахъ: приварат^итъ (прекратит^ь), ваварат^итъ (возвратит^ь), ваварот^ъ (возврат^ь), па-сарам^я, па-саромски (срамно, по срамному), сирѣ^т (середь, среди), маладѣниц^ь, маладѣн'ская (младенец^ь, младенческая).

2.

Консонантизмъ.—Звукъ *ѳ* характеренъ по своей неустойчивости: онъ то опускается, то прибавляется, то замѣняется другими звуками. Онъ опускается въ словахъ: зѣ^к (звукъ), за'тра (завтра), за'тривать (завтрак^атъ), с'ирбѣ^ть (свербѣ^ть), ку'шин (кувшинъ), пал^о'ник (уполовникъ). В приставляется въ началѣ словъ: вострай (острый), вогник (огневикъ, — болѣзнь), вѣ^ха (ухо). Замѣна *ѳ*: черезъ *м*—въ словахъ: басамик (босовикъ, босякъ), сабрамшис^ь (собравшис^ь), гамн^о, гамѣ^ннай (го . но, го . . нный); черезъ *л*: Алд^оха (Авдотья), Алдакѣшчиха (Евдокимовна, образ. такъ же, какъ и *Василиха*—Васильевна и проч.), Алдаким (Евдокимъ), слабоднай (свободный), аслабанит^ь (освободит^ь); черезъ *й* въ одномъ словѣ—кр^ой (кровь), кр^оји (крови).

Что касается до чередованія *ѳ* и *у*, то оно довольно частое явленіе. Чаще наблюдается однако *ѳ=у* (слоговое), чѣмъ *у=ѳ*. Таковы слова: в^нѣ^к (внукъ), в^нѣ^чья (внучка), в^нутр^ѣ (внутри), в^кѣ^с (вкусъ), удав^а (вдова), вдѣрил (ударилъ). Весь произ-

носятся какъ *увѣсь*, Женск. родъ—*уся* (вся); род. ед. муж. р. *всяво* (всего), жен. р.—*всей* (*В*—губно—зубное).

Ф — соответствующій орфографическимъ *ф* и *ө* отсутствуетъ. Онъ существуетъ только, какъ замѣна *ө*: *Пятрѳ* (Петровъ), *валѳ* (волковъ), *внѳ* (вѣнцовъ). *Ф* замѣняется черезъ звуки:

1) *Х*—въ словахъ: *Хамá* (Θома), *хлáк* (флагъ), *Хавронья* (Февронія), *полуштѳх* (полуштофъ). *Ихим* (Евфимъ), *Мархутка* (Мареутка), *штрах* (штрафъ).

2) *к*—въ словѣ: *кухвáйка* (фуфайка).

3) *н*—въ словахъ: *Апрасинья* (Евфросинія), *Стапáн* (Степанъ).

4) *хө*—въ словахъ: *хвѣршáль* (фельдшеръ), *ахвицѣр* (офицеръ), *кухвáйка* (фуфайка),

5) *кө*—въ словѣ: *каниквáс* (канифасъ).

6) *ө*—въ словахъ: *прасвѣрка* (просфора) и *прасвирья* (просфорня).

Въ произношеніи плавныхъ звуковъ здѣсь нѣтъ особенностей въ сравненіи съ обычнымъ произношеніемъ. *Диссимиляція гласныхъ*—въ словахъ: *сталавѣр* (старовѣръ), *старовѣрскій*—*сталавѣрскáй*, *моклай* (мокрый)—*Л=Р*. *М* и *н*—въ словахъ: *лáмпá* (лампа), *анбáр* (амбаръ), *Микитáха* (Низитка), *Мивѳла* (Николай), *панпүшка* (пампушка), *ланпасѣя* (монпансье).

Л и *н*—въ словѣ: *балабѳнка* (у Даля приведено „балабѳлка“), *альяно́й* (льняной).

Р=л въ словахъ: *рыбáльскáй* (рыбарскій у Даля), *ливарвѣрт* (револьверъ), *силъч* (сирѣчь).

Зубные т, д, з, с. Въ словахъ: *паркí* (портки), *умѣснай* (вмѣстный, половинный)—*т* выпускается, а иногда оно вставляется, какъ напр.: *стра́м* (срамъ), *страмáтá* (срамота), *истру́п* (срубъ), *прѳтычíй* (прочій).

Т=ч—въ словѣ: *чѳжáлѳ* (тяжело), а въ словѣ *аддáть* (отдать) оно замѣнилось *д*.

Д—опускается въ словахъ: *бѣзъма* (бездна), *пѳзна* (поздно), *наглá'ка* (погляди-ка).

Ш вмѣсто *с* наблюдалось въ словахъ: *шѳбрка* (скорка), *шпíчкí* (спички), *шѳ чѳмъ* (съ чѳмъ), *шѳ читъварhá* (съ черта).

Ж—произносится твердо. *Жѳмка* (выжимъ), *жѳла* (жила), *Жанá* (жена), *жульятá* (жуликъ).

Ш—тоже въ твердомъ произношеніи: *шѳла* (шило), *шукáть* (искать).

Ассимиляція Звуковъ *с* и *ш*—въ словахъ: *шаша* (шоссé), *шышвѣтцать* (шестнадцатъ), *шаштой* (шестой) *шшила* (сшила), *рашшибу* (расшвбу).

Двойное *ж*=*жж* твердому. Кромѣ того *жж* на мѣстѣ *жж*, *жд*,—тоже въ твердомъ произношеніи: *дрѣжжы*, *вѣжжы*, *давжжѣ* (дожди), *заважжѣть* (завозжѣть), *вижжѣть* (визжѣть).

Орфографическое *ш* почти всегда замѣняется „*шш*“ или „*ш*“ произносимыми твердо: *шшѹка* (щука), *шшилактѣть* (щелоктѣть), *шшѣки* (щеки), *тягушшой* (тягущой), *ишшѣ* (еще), *вѣшш* (вещь), *вишшавство* (вещество), *таваршш* (товарищъ), *боршш* (борщъ), *баршшѣ* (борщъ).

Въ нѣкоторыхъ однако мѣстахъ (гдѣ наиболѣе сохранилось вліяніе „талагайскаго“—стариннаго—говора) уцѣлѣло *ш*, произносимое мягко, какъ *шѣ*—*щѣ* (что), *паци* (почти).

Ц—звукъ сравнительно рѣдкій здѣсь;—тамъ, гдѣ онъ уцѣлѣлъ, произносится твердо: *цынан* (цыганъ), *цыбар* (приборъ у колодца).

Замѣняется онъ (орфографическій) звуками:

- 1) *тѣ*: *тѣвѣты*, *тѣвѣтъ* (цвѣты, цвѣтъ).
- 2) *сѣ*,—*яйсѣо* (яйцо), *агуресѣ* (огурецъ¹⁾), и т. п.
- 3) *ч*—*чирямонія* (церемонія), *чѣпля* (цапля—птица и кухонный приборъ), *чирѣбѣть* (царапѣть), *чѣвѣты* (цвѣты), *блинчѣи* (блинцы), *авсичѣ* (овсеца), *атечѣ* (отецъ).

Ч—произносится мягко, какъ *чѣ*: *чѣрстѣй* (черствый), *чѣвѣкѣть*.

Замѣны звука *ч* черезъ *ш* намъ не приходилось наблюдать ни въ одномъ изъ селъ, гдѣ живутъ такъ называемые *щуканы*. Наоборотъ, мы видимъ *ц*=*ч* даже въ такихъ словахъ, какъ напр. *авсичѣ* (овсеца), *блинчѣи*, *атечѣ* (отецъ). *Ц*=*ч* наблюдается особенно среди старухъ въ *щуканскихъ* селахъ, что весьма интересно, такъ какъ установилось въ нашей литературѣ неизвѣстно на чемъ основанное мнѣніе, что *щуканы* произносили и произносятъ *ч*=*ц*. Нужно замѣтить, что эта фонетическая особенность нашего говора почти исчезла. Мнѣ удалось записать всего нѣсколько словъ съ приведеннымъ произношеніемъ. Но цоканье мною не наблюдалось. Между тѣмъ, по словамъ Н. И. Второва, цоканье существовало у щукановъ въ 50-хъ и 60-хъ годахъ прошлаго столѣтія²⁾.

Иногда *ч*=*ш*: *папирѣшнай* (поперечный), *паштѣрь* (почтарь), *пашанишнай* (пшеничный).

¹⁾ Сц—звукъ „С“ съ слабымъ отдѣльнымъ звукомъ „Ц“.

²⁾ См. статью его: „О разселеніи Воронежской губерніи“ въ „Воронежской сѣдѣ“ на 1861 годъ.

Х произносится какъ **к** въ словахъ: па́зука и па́зака (пазуха); конечное **х** изъ **к**: хлак (флагъ), уменьш. хлачѣк (флажокъ).

Г—спирантъ, равняющийся латинскому **h**: Лантри́на (безпутный), халалѣбай (лысый), хутарли́вай (разговорчивый), халханка (чашка, блюдо), харьнитѣравай (шелковый), хорп (горбъ). Смычное **г** совсѣмъ неизвѣстно.

Въ концѣ словъ этотъ звукъ равняется **х**: читьвѣрх (четвергъ), друх (другъ), Бѣх (Богъ).

Спирантъ **h** въ иностранныхъ словахъ замѣняется **j**: жива́н-жиль (евангеліе), а́нѣжиль (ангелъ) и анналь, живара́л (генераль), живро́й (герой), Жи́борій (Георгій).

При этомъ нужно замѣтить, что **j**, замѣняющее **г**, не вполне совпадаетъ съ латинскимъ **j**. Это **j** имѣетъ спирантическій отгнѣнокъ, равняется какъ бы **j^h**: живанъ^h иль, анъ^h иль.

К—послѣ мягкихъ согласныхъ и **й** въ концѣ словъ произносится мягко: капѣйкя (копейка), рѣчкя (рѣчка), малачкѣ (молочко), сярдѣчкя (сердечко), малѣдинькя, хухвайкя (фухайка), чайкю (чайку), свамѣйкю, Ду́нъкя (Дунька), Па́нъкя (Панька, Павлушка), ма́лькя (родит. над. отъ слова *малѣк*— $\frac{1}{8}$ бутылки).

Но: пѣтнышка (пятнышко), хармѣшка, рякя (рѣка), ма́нъкя (род. пад. отъ слова *маѣк*).

Переходъ мягкаго **к** въ **т** наблюдается рѣдко и преимущественно среди стариковъ, параллельно съ **к**: Тѣива (Кіевъ) и Кѣжива, чайтю (чайку) и чайкю, яблачтам (яблочкомъ) и яблачкям.

К=**х** въ словахъ: хтѣ (кто), хтѣзнать (кто знаетъ, неизвѣстно кто). Кроме того **к**=**х** въ предлогѣ **кз** передъ словами, начинающимися съ согласной: **х** дяди (къ дядѣ), **х** читьварху (къ четвергу), **х** цѣркви (къ церкви).

II. Морфологическія особенности.

1. Существительныя.

Въ склоненіяхъ существительныхъ—слѣдующія особенности:

Въ *род. ед. муж. рода* преобладаетъ окончаніе на **у**, **ю**: изъ лѣсу, безъ вѣтру, ат краю, ат саду. *Мѣстный п.* Един. ч.—имѣетъ **у**, **ю** и **и**: на бираху, на атцѣ, у лясѣчкю, на кустѣчю, на бѣриши, в лѣси, на кустики. Въ *Именит.* Множ. ч. наряду съ **ы**, **и** и **а** и **я**: атцы, браты, сыны, винтирѣ, гадѣ (годы). Иногда вмѣсто именят. множ. употребляется существи-

тельное въ собирательной формѣ: чарва́ (черви), дажджа́ (дожди), мужичье́ (мужики), сабарье́ (собаки). Родит. мн. имѣеть *оѡ* (*оѡ*) на мѣствѣ *ей*—дажджѡѡ́ (дождей), наждѡѡ́ (ножей) кирьпичеѡѡ́. Иногда и *разѡѡѡ́* (разъ Свѣдѣя разѡѡѡ́—Сколко разъ).

Существительныя женскаго рода—въ *родит.* пад. един. ч. имѣють *е* (и въ *мѣстномъ* п.): на, нс избѣ́ (изъ избы) и изъ нвбы́, аб, ат авцѣ́ (отъ овцы) и ат авцы́, на лашадѣ́, пичѣ́, станѣ́ (на лошади, печи, стѣнѣ́).

Въ твердомъ склоненіи вмѣсто *ы* иногда *и*: нс хати́ (изъ хати́), ат старасѣти́ (отъ старосты), ат тырли́ (отъ тырлы).

Творительный п. имѣеть ай́ (аю), яй́ (яю): книшкай́, бу-машкаю́. Въ *родит.* п. множ. ч., кромѣ *пѣсыяѡѡ́*, *хатаѡѡ́*, *книшкаѡѡ́*, *дѡскаѡѡ́*, имѣеть *матирій*, *дѡчирій*.

Мать, дочь—Винит. ед. имѣеть *матирю́*, *дѡчирю́*. Творит. ед.—*матирій*, *дѡчирій*.

Цѣркаѡѡ́ (церковь)—Винит. ед. *цѣрвѡѡ́*, Творит. *цѣрвѡѡ́*, Мн. *цѣрвѡѡ́*.

Притчія́ (притча) въ *родит.* мн. записано *притчѡѡ́*.

Средній родъ существительныхъ въ нашемъ говорѣ представляетъ интересное явленіе въ томъ отношеніи, что 1) они почти всегда согласуются съ прилагательными въ женскомъ родѣ: *каванъ чижѡлая* время, *багатая* именія, *ядьрѣная* яйсѡ, *чѣстая* хѡрюшка, 2) они имѣють падежныя окончанія то мужскаго, то женскаго рода. Окончанія мужскаго рода—во множ. числѣ: Именит. пад.—*ѡвны*, *далѡты*, *вѣслы*, (наряду съ ударяемымъ *а* на концѣ *летѡ*, *полѡ*, *вримѡнѡ*). Родит. пад.—*вѣслаѡѡ́*, *именіяѡѡ́*, *ѡвнаѡѡ́* (*окнаѡѡ́*). Женскія окончанія—въ Винит. пад. Ед. ч.—*лѣту* (*лѣто*), *пѡлю* (*поле*), *именію* (*имѣніе*), въ Именит. пад. множ. ч.—*именіи* (*имѣнія*).

2. *Прилагательныя* оканчиваются на *ай* (вмѣсто *ий*) и *яй* (вмѣсто *ій*), *ая*, *ія* (*ая*, *яе*, *ее*): *дѡбрай*, *смѣрнай*, *лѣхкай*, *гѡрькай*, *гѡрькая*, *малюсичькай*, *малюсичььяя*, *сѣнѣй*, *сѣнѣя*.

Средній родъ на *ая*, *яя*, *ія*—*сѣнѣя авнѡ* (*синее окно*), *хѡрькая мѡсла* (*горькое масло*).

Мужескій родъ въ единственномъ числѣ имѣеть *ава*, *ява*, *аму*, *яму*...; не противорѣчитъ обычному склоненію, кромѣ творительнаго падежа—иногда оканчивающагося на *ам* (*дѡбрамъ*); Женскій родъ имѣеть вездѣ суффиксъ *а* на мѣствѣ *о*, даже и въ винительномъ падежѣ—*дѡбраю*, *малюсичььяю*. Прилагательныя на *ой*—имѣють по большей части *уя*—*валатюя* (*золотую*), *глухюя* (*глухую*).

Средній родъ въ единственномъ числѣ имѣеть женскія окон-

чанія въ именит. и винит. падежѣ: добрая дѣла... Я изъделалъ хорóшю вясло.

Прилагательныя на *ий, ія* (синій, синяя) въ единств. числѣ всѣхъ родовъ вмѣсто обычныхъ *е* и *я* имѣють *и* (иногда *я*) въ суффиксахъ: синива (синяго), синій (синей)...

Множ. числа именит. и винит. падежи въ твердомъ склоненіи имѣють: добрай, салатын, синіи во всѣхъ родахъ. Въ сокращенныхъ прилагательныхъ вмѣсто *и*—*и*—*сѣти*, нбладьни, рады (сыты, голодны, рады). Творит. над.—на *ими* и *ами*: дóбрами мужиками (вѣроятно, по аналогіи съ существительными).

Сравнительная степень оканчивается на:

1) *ея, ей*—добрѣн, спалѣй, смалѣя. 2) *жа*—хúжа (хуже). 3) *я*—тѣпля (теплѣе), чижѣля (тяжелѣе), бóля (больше), мѣня (меньше). 4) *ча, чьчи*—жарьча (жарьче), мельча (мельче), громча (громче), лúччи (лучше), глубóча (глубже). 5) *ша, шы*—толша (толще), тоньша (тоньше), дашѣвши (дешевле), тоньшы (тоньше). 6) *яя* (яй)—скарjá (скорѣе).

Превосходная степень обычно замѣняется прибавленіемъ словъ: „сáмай“, „сáмай, што ни на ёсть“, „сáмай што ни“—самай, што ни на есть злой, сáмай хорóшай, сáмай што ни хúжа; „ис всѣхъ“—ис всѣхъ злой; повтореніемъ самого прилагательнаго съ прибавленіемъ во второму „при“—злой-при-злой, харóшай-при-хорóшай. Иногда превосходная степень оканчивается на *имій*—злюшшій. Въ сравнительной степени иногда „дюзѣя“ (очень, сильно) прибавляется для усиленія—дюзѣя нрómчи, сильнѣя. Превосходная степень на *имій* усиливается прибавленіемъ „при“—злюшшій-при-злюшшій.

3. *Мѣстоимѣнія*.—*Юн* (ѣч)—онъ можно слышать весьма рѣдко въ разговорѣ, но въ пѣсняхъ—обычное явленіе. Родит. пад.—яво и яно. Послѣдняя форма рѣдка; можно наблюдать въ селахъ (напр., въ Сторожевомъ, Аношкинѣ), наиболѣе удаленныхъ отъ „цузановъ“.

Женск. родъ имѣеть въ родит. и винит. падежахъ—*ііе* и *ііѣ* (ея, ее). Дат. и мѣстн. падежи въ мѣстоимѣніи второго лица и въ возврати.: табѣ, сабѣ (тебѣ, себѣ). Родит. единств. ч.—минѣ, тибѣ, свѣбѣ (меня, тебя, себя), мѣстн. над.—ап минѣ, абъ ём и абъ нём (о ней, о немъ).

Тотъ имѣеть формы—*тэй* въ родит. п. един. ч. и *таѣ*—въ винит. падежѣ (той, ту).

Увесь (весь) имѣеть—*уся, усѣ* (вся, всё), родит. п.—фсаяво, фсей, въ винит. п. ед. ч.—усю (всю), всію (всю), всіе (всю и все), *множ. ч.*: усѣ, усѣх... и всѣ, всѣх, всѣм...

Јѣтат (этотъ) — въ винит. ед. ж. р. *јѣтаю* (эту).

Јѣнтаж (= онъ, тотъ) употребляется при указаніи на болѣе отдаленный предметъ (= тотъ); склоняется по образцу — „*јѣтат*.“

Каѣ — что; *кѡльѣя* — сколько; *тольѣя* (столько); *хтѡй-та* — кто-то; *хтѡ знатъ хтѡ* — кто-то, *aliquis*.

Кѡжнай (каждый) имѣеть и сокращенную форму — *кѡжнн*.

Притяжательное мѣстоименіе 3-го лица — *јихаф*, (*јих*), *јиха*, *јиха* — ихъ домъ, хата, окно... Склоняется такъ:

Падежи.	Едив. число.	Множ. ч.
Имен.	<i>јихаф</i> (<i>јих</i>), <i>јиха</i> , <i>јиха</i>	<i>јихи</i> , <i>јихи</i>
Родит.	<i>јихава</i> (<i>јиха</i>), <i>јихай</i> , <i>јихай</i>	<i>јихих</i> (<i>јих</i>), <i>јихних</i>
Дат.	<i>јихаму</i> (<i>јиху</i>), <i>јихай</i> , <i>јихай</i>	<i>јихим</i> , <i>јихним</i>
Вин.	<i>јихава</i> (<i>јиха</i>), <i>јиху</i> , <i>јиху-а</i>	<i>јихих</i> (<i>јих</i>).
Твор.	<i>јихим</i> (<i>јих</i>), <i>јихай</i> , <i>јихай</i>	<i>јихими</i> , <i>јихними</i>
Мѣстн.	<i>јихам</i> (<i>јих</i>), <i>јихай</i> , <i>јихай</i>	<i>јихихъ</i> , <i>јих</i>

4. *Числительныя* не имѣють особаго интереса. Замѣчены формы: отъ *адйн* (одинъ) родит., творит., мѣстн. ед. ч. жен. рода *аднѣй*, винит. над. *аднѣ*; *абѡи* (оба, обѣ), *абѣм* (обоимъ); *дѡумѣ* (двумя); *чатырѣх* (четырехъ); *аднѣцатъ* (одиннадцать);

Шѣшнатцатъ (шестнадцать); *тыща* (тысяча), *тыщай* (тысячей) и *тысичій*; *миліѡн* (милліонъ); *аднава* (однажды); *дѡѡжди*, *дѡѡщи* (у талагаевъ) дважды; *нѣскамакѣ* (нѣсколько).

5. *Глаголь*. Въ Неопредѣленномъ наклоненіи двойное окончаніе: притѣть (притти); итѣть (итти).

Суффиксъ *ова* иногда выпадаетъ:

пробовать — имѣеть — *прѡбатъ*,
 совѣтовать „ *савѣтатъ*,
 гребовать „ *грѣбатъ*.

Съ другой стороны — *грѣбаважитъ* и *грѣбаја* (3 ед. наст. врем.), *трѣбаја* и *трѣбаваја* отъ требовать. Въмѣсто *пѣтъ* говорится *пѣтъ*: *пѣю*, *пѣјишь* и т. д. Плавное *Л* въ глаголахъ въ изъяв. накл. иногда опускается, такъ напр.: *трѣпа* (треплеть), *капа* (каплеть).

К, *ѣ* не смягчаются — *тякѣу*, *тякѣшь* (и *тякѣшь*) *тякѣ* (и *тякѣ*), *биряһу*, *биряһѣш*, *биряһѣтъ*.

Въ *настоящемъ* времени 3 лицо ед. ч. оканчивается на: е, ё, а, я, еть, ить; такъ напр.: плачу имѣть *плача* и *плачить*, корю—*коря* и *корить*, варю—*воря* и *ворить*,

грызу — { *грызѣ* и *грызѣть*,
 { *игрызѣ* и *игрызѣть*,
 зову—*завѣ*, *завѣ* и пр.

Третье лицо множ. числа того же времени, кромѣ обычныхъ *ат*, *ят*, *уть*, *ють*, оканчивается, и на *а*, *я*: лежѹ имѣть *ляжѹ* (и *ляжѹтъ*), говорю—*наваря* (и *наварятъ*), ѣмѹ—*ядя* (и *ядятъ*), гляжѹ—*глядя* (и *глядятъ*).

Какъ можно замѣтить, такое окончаніе имѣютъ тѣ глаголы, которые въ 3 лицѣ ед. ч. того же времени оканчиваются *только на ить* и въ 3 лицѣ множ. числа имѣютъ удареніе на послѣднемъ слогѣ. Напр.:—*сидѹ*, 3 ед.—*сидѣтъ*, 3 множ. ч. *сидя*; *стаю* — *стајѣтъ*, *стајѹ*; они же имѣютъ и окончаніе съ тѣ—*стајѣтъ*, *сидятъ*.

Въ 1 лицѣ множ. числа чаще слышится *ем*, чѣмъ *ѣм*, *стя*, чѣмъ *ѣтя*: *падѣмъ*, *падѣтя* (*пойдемъ*, *пойдете*), *завѣмъ*, *завѣтя* (*зовемъ*, *зовете*), *павѣмъ*, *павѣтя* (*побьемъ*, *побьете*).

Окончанія *ишся* = *сьси*: *дирѣсьси*, *авунѣсьси* (*дерешся*, *окунешся*); *тсья*, *тсья*=*тца*: *матнѣтца* (*мотнется*), *вазьметца*.

Частица *ся*, *сь* — переходить въ *си*, *сы* (иногда съ удареніемъ на концѣ), такъ напр.—*варатилсь*, *пустилсь*, *приснилсь*, *пустилсь*, *принилсь*.

Въ повелительномъ наклоненіи есть сокращенная форма (наблюдаемая рѣдко): *трѣш* (*тронь*), *пѣть* (*пойди*), *палѣш* (*положи*), *робѣш* (*робѣй*).

Окончаніе дѣепричастія *виши*, *вишись*—передается *миши*, *мишись*: *глядѣмши*, *пасматрѣмши*, *брѣсимшись*, *растѣмшись*.

Какъ вліяніе малорусскаго языка (населеніе, говорящее на немъ—испорченномъ уже—находится по сосѣдству) нужно отмѣтить черту нашего говора — любовь къ уменьшительнымъ именамъ: *свашунья* (*свашенька*); *ничавѣхунья* (*ничего*), *гүлюшка* (*голубь*); *ничавѣшунья* (*ничего*).

Особенно это замѣтно отразилось на неопредѣленномъ наклоненіи. Такъ замѣчены формы его:

јисѣтьюшки (отъ *ѣсть*),
купѣньюшки (отъ *купать*),
гүлюшки (отъ *гулять*).

Слѣдуетъ еще отмѣтить другую особенность въ говорѣ. Это—замѣна множественнаго числа существительными въ собирательной формѣ. Мною записаны слова:

свинота (свиньи); чарва (черви),
рибятѣш (ребята); вилина (зелени)
мужучѣ и мужичѣ (мужики),
дажжа (ложди); сабарьѣ (собаки),
листвá (листья); бабьѣ (бабы).

Остатки члена, когда-то существовавшего въ русскомъ языкѣ, наблюдаются рѣдко. Фразы съ частицею этою мною записаны слѣдующія:

- 1) А на дѣла-та ня к спѣху.
- 2) Х чаму ты јѣта спрашивашь-та? — Штò? — Пѣсьни-ты!
- 3) Стаканы-та идѣжак (гдѣ-же)?
- 4) Эй ты, необразованай, пастáфъ настѣчькю свамѣйкю-та!
- 5) Идѣ пасуда-та?—Ф карапкѣ спрятана!—Тò-та сáмая?
- 6) Изъ дывенни-ты? 7) Кòхти-ты.
- 8) Чавò, чавò, а јѣтава-та добра хвтáти!
- 9) Идѣ припасы-ты наши?—Ван тѣ-ми... (вонъ тѣ...).
- 10) Падый рýку-ту! 11) Дай судá сýмку-ту.

Къ описанію талагайско-цуванскаго говора присоединено мною собраніе лексическаго матеріала въ фонетической записи.

А.

абаркáтца—привыкнуть.

аблажить)—выругаться сильно,—„по матерному“.

абнакавѣнья, ны —обыкновеніе, привычка, обычай (у Даля— „обнакъ“—раз.), „абнакавеннай“ — обычный, обыкновенный.

абы, абы-абы, (союз, нар.) — лишь бы, кое-какъ. „Мнѣ абы дабратца да Кѣјива“, „Какъ-живѣш?—Абы-абы“...

авчáрскай—принадлежащій овчару.

авчирá, (нар.)—вчера.

агарнаватъ—окружить, одолѣть, оборвать.

адры́, óф, м. мн.—(у Даля—„одръ“) погребальныя носилки.

*) Звѣздочкою отмѣчены слова, имѣющіяся въ словарѣ В. И. Даля, но въ другомъ значеніи.

адъжя-адъжя-дъжя—слово, заимствованное отъ цыганъ, живущихъ здѣсь зимою; употребляется въ плясовомъ „припѣвѣ“.

акраинцы, цаф } м.—проталины на рѣвѣ у береговъ.
(акрайницы)

*алахарь, я, м.—(Срв. *алаха*, *аланя*—Д. I. 8—офенское слово: „пиво, брага“) пьяница, лантрыга, жуликъ.

амарам, нар.—быстро, моментально.

*амачья, и, ж.—соусъ изъ толченаго сѣмени коноплянаго и пр.

ачапкатца—(у Даля *очапаться*, —кур.) опомниться, поздоровѣть, просохнуть.

асниья (и аюшка)—откликъ въ лѣсу, дома.

аскрѣтки (plural. tant.), аж—крохи, негодные остатки.

аслабанить—освободить.

асмытка, и, ж.—недовареное яйцо.

атьчюна, и, м.—отчаянный, разбойникъ.

*атшибѣе, пкѣ, м.—отказъ. „Онъ бы рѣтъ за нѣ сватѣтца, ды байтца атшибѣе палучить“.

Б.

баваина, и, ж.—сторона, половина, бокъ.

*балабѣека, и, ж.—(у Даля—*балаболка*) то, что виситъ.

баркаватъ—браковать, брезговать.

баркѣека, и, ж.—бракованое что-нибудь, негодное.

*бизалабаршина, и, ж.—беспорядокъ, безтолочь (корень, вѣроятно, отъ: „алаборъ“—устройство, порядокъ и „безъ“).

бзыюка, и, ж.—пасленъ (*solanum nigrum*)—у Даля *тамб.*—*„жибзника“*.

бо'зна'кадашнѣй } неизвѣстнаго времени, давнишнѣй. Корень
бо'знатъ кадашнѣй } отъ: „Богъ“, „знаеть“, „когда“.

браньчльивай—любящій ругаться. Въ пѣснѣ свадебной дѣвица спрашиваетъ: „Не браньчльиф ли свѣкар-бѣтюшка?..“.

*брѣх, а, м.—врунь, лгунъ (у Даля—враки).

брыхучѣй—лгунъ, злой (о собакѣ).

буздѣкватъ }
буздануть } ударить сильно, отколотить.
бүзнутъ }

*бурда, е, ж.—грязная жидкость.

*буранить—брѣдить (о квасѣ); говорить „абы-што“ (о пьяномъ человѣкѣ).

буробить—сочинять, лгать.

*бутить (чаще набутить) — наливать, насыпать не въ мѣру много. У Даля—дѣлать бутъ.

В.

*валавóдитца—мѣшкать, возиться, связываться, лкшаться.

вазпáвду, нар.—истинно.

винапóбля, и, ж.—казенная винная лавка.

винапóлька, и, ж.—водка.

винапóльшик, а. м.—сидѣлецъ въ казенной винной лавкѣ.

вдрѣск (вдрѣск) | до-пьяна, до крайняго предѣла. „Онъ пьянъ, в лóскъ (нар.) | в лóскъ“; „Јавó абабрáли вдрѣск“.

вóныи, вóнна—этотъ.

вантjетат,-та—тотъ.

вóратъ, а, м.—поворотъ, которымъ повертываютъ верхъ мельницы на вѣтеръ.

*вша, é и ú, ж.—вошь. У Даля—псковское.

*вѣбуздать—вырвать, нарвать, выкопать, поѣсть. У Даля—вы-хлебать.

вѣзвалка, и, ж.—(кор. вызвалйтца) поправка, подправка, вы-правка.

вѣкамарить—сдѣлать что-нибудь, придумать, „выкинуть фор-тель“.

вѣтрухнуть—вытрусить.

вѣка, и, ж.—(дѣтское) человѣческое испражненіе; плохая, не-годная вещь.

Г (=h).

háвратъ } —портить дѣло, браться за что-нибудь не умѣючи.
háврúлить }

háлалётка—гололедица.

háлалóбай—лысый.

*háлубók, пкá, м. } —крестъ, точище—божница въ полѣ.
háлупчикъ, а, м. }

háрбáтай мѣрин, м.—созвѣдіе Большой Медвѣдицы.

háлышѣм, (нар.)—голякомъ, нагишомъ.

háлызина, ы, ж.—плѣшь, плѣшина, пустое мѣсто (у Даля—*ю-лизна, юлина*).

*háлубка, и, ж.—(у Даля—*юлубеизъ*) голубая краска.

háмáй, я, м. | —необразованный, москаль (ругательное).
háмаjишша, ы, м. |

һанадударь—слово, повторяемое въ припѣвѣ послѣ куплета
нѣсколько разъ, не имѣющее значенія.

һарлапатай—горлодеръ, крикунъ, мироѣдъ.

һармощка, и, ж.—уменьшительное отъ сл. *һармония*.

һармощь, и, ж. }
һармония, и, ж. } —гармоника. Въ частушкахъ поется:

Ох, мамаша, купи һармощь,—
А ни купиш,—уйду въ Рамощь.

Ох, һармощья Баранцова,
Ни мая воля,—атцова.

һарнитуравай } —шелковый; гарнитураван платки у бабъ и
һарнитуравай } дѣвицъ.

һас, а, м.—керосинъ.

һасныйца, и, ж.—посуда для керосина, лампа.

һатчишшай—(превосх. степень отъ сл.: глатвай, часто упо-
требл.) жирный, очень жирный.

һухапатай—глухой (передѣлка этого слова „һухапѣрдя“).

һнидъвай—(у Даля—*нидный*) имѣющій много гнидъ, вшивый.

*һоднай, ава, м.—новобранецъ.

һюлюшка, и, ж.—голубь.

һундосай—говорящій въ носъ.

һрак, а, м.—грачъ.

*һрэхат, а, м.—1) (у Даля—*прохоты*) рѣдкое рѣшето, 2) смѣхъ
до упаду.

*һрахатать—смѣяться.

Д.

дакамъсьлинна—(нар.) хитро, умно.

дакамъсьлиннай—хитрый, умный, мудрый.

*дадбон, а, м.—тупоумный, дуракъ.

*дѣшка, и, ж.—кадка для тѣста (у Даля—дежа).

длйкаты—пѣть: „длйй, длйй“ во время пляски.

длйканьы, и, ср.—пѣнне „длйй-длйй“ (припѣва).

дирбулызнуть—1) ударить, 2) поѣсть, пожрать.

*дирюшка, и, ж.—ткань, въ которой затканы порванные на ленты
тряпки, служащая одѣяломъ.

дойминна, нар. (до-нять) вѣрно, подлинно.

’досталь } вдоволь (у Даля—*вдосыть*).

’дости } „У атца нашава всяво ’досталь“.

*дубалас, за, м. дуболазъ, баловникъ.

дубаника, и, ж. — твердое.

дудѣть — играть въ дудеу, издавать свистъ.

*душагупка, и, ж. — маленькая плоскодонная лодка, какъ известно, очень опасная при ѣздѣ въ бурю. Последнее — и дало поводъ къ такому имени.

*дрань, и, ж. — щиты (отъ снѣга) на желѣзнодорожномъ полотнѣ.

дрѣпа, ы, общ. — ротозѣй, медленный.

*дрючокъ, чькя, м. — колъ, палка.

*дрыхать — спать; очень долго, не въ мѣру спать.

дыбшкы, ак, ж. (Plug. tant.) — стоймя; „Стать на дыбшки“ — стать на заднія ноги; переносн.: топорщиться, злиться.

дык — такъ; „Вотъ дык“; „Вотъ дыкъ маладѣц“.

Е.

јебулызнуть (јибулызнуть) — ударить, сильно побить.

јентат — тотъ.

јерепѣс јирипѣс), а, м. — задира, шалунъ.

Ж.

жап — точное значеніе неизвѣстно. „Жап тебе засади!“, ругалась одна баба. „Мама, мама!“ — „Жаба!“ — отвѣчала мать на приставанья ребенка.

жадюка, и, общ. — жадный.

*жадоба, ы, общ. — жадный.

жамка, и, ж. — четырех-угольный или круглый пряникъ на сахарѣ или на меду.

*жапчѣтца — жалѣть, беспокоиться.

*жикать, жикнуть — ударить, — хворостомъ, разсѣвая воздухъ.

жирѣбанай — (у Даля есть *бережяя*) беременный, (о лошади).

жистина, ы, ж. — приволье.

жистѣнай — привольный.

жмякнуть — повалить на землю кого-либо, ударить.

*жомка, и, ж. — (у Даля — *выжимъ*) пучекъ чего-либо, связка.

жох, на, м. — 1) проигрышъ; 2) при игрѣ въ костяшки („шашки“) положеніе восты „низомъ“; 3) пройда, хитрый.

жѹт, а, м. — туго свитый для битья конецъ веревки.

*жѹчить — пробирать, ругать, бить.

З.

завиртка, и, ж.—оглобля у саней.

завѣска, и, ж.—длинный фартукъ у бабъ и дѣвокъ, который бываетъ разныхъ цвѣтовъ и украшается лентами и бахромой (у Даля—*завѣсушка*).

загáять—(у Даля—*зачайкать*)—кричать за кѣмъ-нибудь вслѣдъ.

зазубрик, а, м.—(у Даля—*зазубра*) крючекъ на удочкѣ.

*закавърнстай—(Даль: „выраженіе не совсѣмъ точное“—*челоткъ хитрый, замышляющій дѣло мудреное*) искусный, мудреный. „Закавърнстая пѣсна“—слишкомъ хорошая, но трудная для исполненія.

закубрить—запрятать, запечатать; загулять, закутить.

замалáживать—1) засинѣть небу, 2) бурлить (о квасѣ молодомъ), 3) молодиться, ухаживать за кѣмъ-либо (о старикѣ).

замануха, и, ж.—(у Даля—*заманиха*—возни; волж.—глухое русло) опасное мѣсто въ рѣкѣ, глубокое съ крутымъ обрывомъ или водоворотомъ.

'занарóшки (нар.) }
'занарóшна (нар.) } въ шутку; ложно, обманно.

занарóшнискáя—шуточный, ложный.

зáпань, и, ж.—(у Даля—*запанъ*) длинный фартукъ.

*запой, я, м.—„пропитье“ невѣсты, начинающееся вслѣдъ за сватовствомъ въ домѣ невѣсты.

'заправду, нар.—истинно, вѣрно, подлинно, нешутя.

заправдускáя—истинный, вѣрный, подлинный.

*зарóчья, и, ср.—трудное, хитрое дѣло, чудо.

за'свѣать—заосенять, заолодять.

*засу́ха, и, общ.—тотъ, кто приворожить къ себѣ, влюбить. предметъ любви:

„Я засу́ху тваѡ знаю
Ат прау́лку живѣ с краю“—

изъ мѣстной частушки.

засу́блить—(у Даля—*засосуливать*) загрязнить на себѣ одежду и др. слюнями; „сублка“—слюнявый.

засу́блнна́я—загрязненный слюнями.

захлабы́нуть,—тца—захлебнуться, скрыться подъ водой.

зашта́нная—находящійся въ штанахъ, портахъ. „Эх, ты, вша заштáнная“,—ругань.

зыгáло, á, ср. (у Даля—*зыга*) постоянно ругающійся, спорящій изъ-за каждой мелочи, дразнящій.

- звѣгучій — ругательный, трескучій, неприятный. „Звѣгучія пѣсня“ — назвала одна старуха новую пѣсню (частушку).
- * зѣбры, аф, м. (Pl. t.) — нижняя челюсть (у Даля орл., тамб., сямб.).
- зикавать — (у Даля *зыкаться*) бѣгать, задравъ хвостъ (о скотѣ); бѣситься, бушевать (о человѣкѣ).
- * зипун, а, м. — талагайская женская одежда въ родѣ балахона, безъ сборокъ назади.
- звнздануть — сильно ударить.
- * зѣрить — искать глазами что-либо, искать вообще. У Даля — смотреть.

И.

- * изнависты, (нар.) — внезапно, неожиданно.
- изумѣть — сумѣть.
- изутьнѣть — отнять.
- ихахощки, ак, ж, (Pl. t.) — названіе частушки отъ часто повторяемаго въ припѣвѣ послѣ каждого куплета „Их — ах — ох — а!“; напр.:
- „Въ Хварастани на платини (плотинѣ),
Сидя дѣвки какъ картини.
Их — ах — ох — а, их — ах — ох — а
Сидя дѣвки какъ картини“ (с. Хворостань).

К.

- * кабарощка, и, ж. — (У Даля *ворон* — тощая скатина) горбъ, спина.
- кабл, бла, муж. — кобель, пѣсь (и ругательное).
- кабысть } какъ будто, какъ бы. „Кабысть ты у парвѣй рас“. „За-
кабысь } чѣмъ ты взялъ тапѣр, кабыть онъ тебѣ нужин?“ „Кабысь
кабыть } пахода пражисьянтца“. „Анѣ кабыть ничавѣ“.
- * какошник, а, м. — головной уборъ у замужней женщины въ 1—3 года послѣ замужества. „Какошник“ шьется изъ золотого нозумента въ видѣ высокой шапки со скошеннымъ задомъ и плюсовымъ дномъ „малиноваго цвѣта“. Въ нему назади прикрѣпляется рядъ разноцвѣтныхъ лентъ, въ ушамъ привязываютъ (къ серьгамъ) кружки картона, обмотанные разноцвѣтными нитками съ пришитыми нуговицами и „пушкоу“. Кружки эти такъ и называются „пушки“. Иногда къ пушкамъ прикрѣпляютъ еще (за уши затыкая) кучеравныя перья изъ хвостовъ селезня („касичьки“).

калѣшка, и, ж. (у Дали—калѣ, калѣн, калѣушка, калѣшка)—деревянная или глиняная чашка, по большей части собственной работы.

калатушашникъ, а, м.—ночной сторожъ, ходящій съ „колотушкой“, предостерегающій обывателей деревни отъ пожаровъ.

камбля, и, ж, палка, въ которой привѣрпляется конецъ бредня. **камблай**—однорогій, безрогій.

каменичка, и, ж.—увеличительное слово отъ „камень“.

каменичка, и, ж.—уменьшительное слово отъ „каменичка“.

кандыббирам, (нар.).—Точное значеніе слова неизвѣстно.

Приблиз. знач.: съ шикомъ, отлично. „Сапай съ кандыббирамъ“. „Прайдѣсь кандыббирамъ“.

кандыбать—медленно идти, прихрамывать.

кандѣр, а, м.—жидкая каша изъ пшена съ саломъ или масломъ, „вулешъ“.

кандырять—играть въ „кандырялки“.

кандырялка, и, ж.—тоненькая палочка для игры. Игра состоитъ въ бросаніи палочекъ посредствомъ удара однимъ концомъ (стойма) о землю. Кто три раза подрядъ броситъ свою палку ближе всѣхъ, того прогоняютъ „свовой строй“.

канка, и, ж.—порода тывѣвъ, очень маленькихъ, неупотребляющихся въ ѣду,—желтаго цвѣта.

* **капна**, и, ж.—вуча сѣна (около $\frac{1}{2}$ — $\frac{1}{3}$ лѣтняго вога); въ хлѣбѣ „капна“ состоитъ изъ четырехъ „хрестцовъ“ (т. е. вучъ сноповъ, сложенныхъ на-крестъ). „Хрестецъ“ у „цукановъ“=17 снопамъ, а у „талагаевъ“=13 снопамъ. Следовательно, у „талагаевъ“ кошна хлѣба=52 снопамъ, а у „цукановъ“=68 снопамъ.

* **капѣк**, -пѣк, м.—(у Дали—пинокъ ногою) дѣтская игра, состоящая въ томъ, что маленькую палочку („кѣп“, „кѣн“), заостренную съ обѣихъ сторонъ, поднимаютъ высоко однимъ концомъ большой палки. Тотъ кто водить, долженъ послѣ попадать „кѣпомъ“ въ большую палку.

карвѣть, и, ж.—кровать.

карѣшка, и, ж.—горбушка, край у „коврегі“ („корвѣги“).

касапузай (и „кацапузай“)—носящій рубаху съ напускомъ впереди; дразненіе, данное „цуканамъ“, „талагаямъ“ за вышеуказанное. „Цуканы“, носящіе попросторнѣ поясъ (и, следовательно, безъ напуска) называются „талагаями“ „вислож . . ме“. Дразненія эти теперь уже рѣдко можно слышать, такъ какъ и тѣ, и другіе теперь утратили эту свою особенность.

кастрикъ, а, ж. — ругающийся, задира, во все глбуущій; человекъ неприятный (отъ слова „кастрика“ — крапива).

касюнѣтъ, -нѣтъ, м. } ласкательное слово отъ „конь“.
касюнѣтъ, и, ж. }

катиляска, и, ж. — маленькое колесо (уменьшительное отъ „колесо“).

кулабѣхъ, кулабушки, а, м. — прѣсная лепешка.

* купаросятца — упрямитъся, ломаться.

курахотъ, а, м. — хороводъ, толпа вообще.

куржунай — (у Даля — *коржавый*), неказистый, недорослый.

кусучій — кусливый, кусака.

куръакъ, а, м. — куриный пометъ.

кухвѣйка, и, ж. — безрукавная короткая бабья и дѣвчья одежда изъ китайки или сукна.

кучурай — кучерявый.

кучурка, и, ж. — кучерявая.

качадыхъ, а, м. — (у Даля — *кочедыкъ*), свайка для плетения лаптей.

* кашникъ, а, м. — пышки изъ „малюшной каши“, смѣшанной съ яйцами, поджаренныя въ маслѣ.

кашаварья, и, ж. — мѣсто на бахчахъ въ видѣ ямы — для варенія пищи.

* каюкъ — (у Даля „каюкъ“ *стѣ.* — полубарка) конецъ, смерть.

килимъ, а, м. — коверъ изъ разноцвѣтной простой шерсти ручной (домашней) работы.

* кичья, и, ж. — головной уборъ въ видѣ подушечки съ розками, надѣвающийся на лобъ; носится подъ платкомъ замужними женщинами. У „цуканскихъ“ бабъ кичья выше, чѣмъ у „талагайскихъ“.

* клѣтка, и, ж. — (отъ *класть*) выговоренное невѣстою у жениха: деньги (отъ 20—40 р.), поддевка изъ „хвабрѣцкава“ сукна, башмаки, серьги.

* князѣкъ, -къ, м. — верхняя слеза на стропилахъ избы, сарая; самый верхъ избы.

кбй — кали, (нар.) — кое-когда, иногда.

крѣвка, и, ж. — мороза яблокъ, меленхъ и кисло-сладенхъ.

крбй, —ји, ж. — кровь; это слово въ такомъ произношеніи здѣсь наблюдается нерѣдко.

крутѣль, и, ж. — карусель; послѣднее слово, передѣланное для большей понятности.

кыльнѣть — кольнуть, уколоть.

Л.

- ⁴ лабѣц, бѣц, м.—конецъ, смерть.
лактать—локать.
лапсасѣя, н, ж.—момпансьѣ.
лапатушачьки, шачькаф, м. (Pl. t.)—лапотки (уменьш. слово);
„Ой, лапачки, лапатушачьки,“...—поется въ пливов. гѣспѣ.
* лапшѣвни, а, м.—запеченая въ яйцахъ лапша.
* ластавка, н, ж.—четыреугольные клочки (по большей части—
красные) вшиваемые у мужскихъ и женскихъ рубахъ подъ
мышками.
ливарвѣрт, а, м.—револьверъ.
лиминація, н, ж.—(испорч. слово „иллюминація“) ругань, брань,
перебранка, проборъ. „И јиму задалъ такую лиминацію,
што долга буда помнить“.
* личьманнстай—съ круглымъ лицомъ; красивый.
лѣдья, н, ж.—(то же, что и „лодарь“) лежань, бездѣльничъ.
* лѣжнич, а, м.—одѣяло изъ оческовъ или тряпья, порваннаго
въ ленты (см. днрѣшка).
лупцѣвка, н, ж.—драка, битье.
лупцаватъ—бить, колотить.

М.

- мазѣлка, н, ж.—неаккуратный, замарашка.
макавѣшачька, н, ж.—маковочка.
макуха, н, ж.—вершина у дерева.
макрапайка, н, ж.—(исковерканное въ народѣ слово „непро-
мокайка“) —резной плащъ.
маладѣнниц, нца, м.—младенецъ.
маладѣнска, ѣ, ж.—болѣзнь, выражающаяся въ формѣ при-
падка съ судорогами (родимчикъ).
малѣ, —ька, м.—¹/₈ бутылки.
малѣсничья } —весьма маленький; то же, что „мѣханья“.
малѣсничья }
маладѣшнич, а, м.—вечеръ (подъ свадьбу) въ домѣ жениха.
манѣста, н, ж.—полоска матеріи (шириною—¹/₂ вершка), ушитая
разноцѣтнымъ бисеромъ и украшенная пуговицами, — съ
бисерными же кружевами.
манѣк, ѣ, м.—дерево, оставляемое послѣ порубки лѣса для
замѣтокъ (испорч.—„маякъ“).

ма́там (нар.) } — матерщи́ною, по-матерному; „аблажи́ть
матрво́м (нар.) } ма́там“ — выруга́ться по-матерному.
матну́тца, мотнутца — скоро сб́гаты, поверну́ться, оберну́ться.
ма́тня, и, ж. — 1) мѣсто соедине́нiя обои́хъ порто́въ; 2) рука́въ
въ бреднѣ́ съ грузило́мъ.

матра́сiть — мороси́ть.

маши́на, и, ж. — ва́лъ съ крыльями на мельницѣ́; — иногда и
весь верхъ мельницы-вѣтрянки, поворачиваемый воротомъ
на вѣтеръ.

мента́м (нар.) — моментально, скоро, быстро. Иногда и употре-
бляется „мѣнт“ (моментъ): „В адiн мѣнт сб́гаю“.

мiа́, и, ж. — мелкiй дождь.

ми́лка, и, ж. — милый, милая. Въ частушка́хъ употребляется
очень часто:

„Страда́й, ми́лка, страда́й ду́шеа, —
Ты рассу́кин сын Ваню́шеа...
Ми́лка же́нитца, спать ля́жа,
Пра ми́не усѣ́ раска́жа.

миндѣ́жiва́тъ — мѣнять, мѣняться, дѣлать размѣ́нъ. Слово, взятое
отъ цыганъ, распространенное здѣсь.

музю́калка, и, ж. — (У Даля — *музюка* — сосунъ, картавый) не-
внятно, неразборчиво говорящiй.

муля́вать — рисовать, красить; „наму́лёванай“ — нарисованный,
разрисованный, раскрашенный.

* мусо́лить — грязнить, пачкать; „замусо́линай“ — загрязненный.

муца́вать — рвать, трепать.

Н.

набдiйчiтай — набивной (о холстинѣ́).

на́валачья, и, ж. — рыболовная сѣть для ловли рыбы съ лодки.

на́впратí (и „наспратí“) нар. — напротивъ.

на́врмыскí (нар.) — быстро, рысью.

накава́ленья, и, ж. — стальной кусокъ, вбиваемый въ дерево
для отбиванiя косы.

написня́к } (нарѣ́ч.) — съ пѣснями.
написня́к }

начѣ́тиста (нар.) — невыгодно, убыточно.

не́ркам (нар.) — (не сокращено ли изъ „ненарѣ́кам“ — ненарочно,
безъ умыслу?) нечаянно.

ни́вдамѣ́к (нар.) — не въ догадку.

- никуда́шній — куда негодный, ненужный.
 нѣтокам (нар.) — (? нѣтокомо) не только что, ничего.
 нѣхто́шнѣ } — ненужный, негодный.
 нѣхто́шній }
 нутрѣ, *и сред.* — внутренность.
 няпнѣтѣх, *а, м.* — непьющий, трезвый.
 няпрѣм, *а, общ.* }
 няпрѣмаха, *и, общ.* } — не принимаемый, неподходящий, негодный.
 няпрѣмучѣй }

О.

- обить, *дн, ж.* — (у Даля — *ож ., тор.* „ободь“ — кругъ, врыкъ; изгибъ) кругъ для колеса, на колесѣ; полузругъ, согнутый для саней, (дуга).
 обидьнѣ, *а, м.* }
 *обѣднѣ, *а, м.* } — занимающийся выдѣлкою обедей.

П.

- навсидѣ }
 павсидѣ } — всегда.
 *падылака, *и, ж.* — подкладка у мужской рубахи отъ плечь до пояса.
 *паду́жная — лошадь, вдущая въ ворнѣ.
 *паду́лька, *и, ж.* — груша немного мельче, чѣмъ „дула“.
 падворотнѣ, *и, м.* — (у Даля — *подворотня*) закладка (доска, бревно) подъ ворота.
 *падвѣтка, *и, ж.* — желто-красный песокъ, употребляющійся для наведенія (для большей красоты) полосъ у оконъ и на стѣнахъ послѣ побѣлки извѣ.
 *падвѣтлинѣ, *и, ж.* — оборка, унизанная чернымъ бисеромъ, проглядывающая напередѣ изъ-подъ козошника и подвязывающаяся на затылкѣ.
 *падвѣтлѣнѣ, *ак, ж.* (Pl. тапт) — мятель зимняя по-низу (по землѣ).
 *падѣна, *и, ж.* — полянка, участокъ земли, покоса.
 *паднарѣт, *да, м.* — 1) подбой кожи въ обуви; 2) небо во рту.
 пазалѣтасѣ (ся), *нар.* — позапрошлое лѣто, два года тому назадъ; отсюда прилаг: „пазалѣташнѣй“ — позапрошлогоднѣй.
 пазака (пазука), *и, ж.* — пазуха.
 *пазакѣбвишна, *и, ж.* — проемъ по двору, существующее рядомъ съ фамилею.

палавѣнь, ня, м.—сарай для складыванія половы, сѣна, обмо-
лоченной соломы.

паминѹшка, и, ж.—кусочки кренделей, алады и проч., разно-
симые въ церкви (послѣ службы) для раздачи на поминѹ
объ умершемъ.

папирѣжа, нар.—прежде.

папирѣшная (пила)—пила большая двухручная—для распилы-
ванія бревенъ.

па-сарма, (нар.)
па-сарьма, (нар.)
па-саромски, (нар.) } —срамно, постыдно. „Онъ ругаѣтца па-
сарма“...

*патдѹшник, а, м.—кусокъ ленты, пришиваемый напередѣ около
шеи (что-то въ родѣ галстука).

патбрѣндыть—стануть, взять, украсть.

пахабник, а, м.—(у Даля—*похабъ*) безстыдникъ, циникъ.

пѣхачъ, би, ж.—(похабъ)—срамное, стыдное.

пачѣсь }
пачѣсть } —почти что, почти.

паштѣрь, ѣ, м.—общественный извозчикъ для развоза старосты,
писаря и для почты.

пѣрьник, а, м.—первая наволока (нижняя), въ которую зашиты
перья, на подушкѣ.

пишшѣкъ, ѣ, м.—(у Даля—пищѣкъ пищикъ) дудка изъ камня
съ нѣсколькими клапанами. Пара (и болѣе) такихъ пища-
ковъ вкладывается иногда въ рогъ для большей звучности.

питяньѣ, ѣ, ж.—(исковерк.) эпитемія.

плантаватъ—планировать, мѣрить землю.

пбкнуть—ударить, стукнуть.

призрѣчвстай—прозрачный, ясный, понятный.

призрѣчиста, (нар.)—прозрачно, ясно, понятно (у Даля—*прозо-
рбчисто*).

приступачья—порожекъ при печи, для болѣе удобнаго поднятія
на печь.

пристрашеннай—престрашный, огромный, большой.

присѣдникъ, а, м.—огороженный около дома небольшой садикъ.

притулѣтца—пригнуться, прислониться.

прѣтчя, и, м.—притча, сказка, басня.

пузырь, ѣ, м.—колпакъ, стекло на лампѣ.

пушѣкъ, ѣ, м.—картонные кружки, немного болѣе мѣднаго пя-
така, обмотанные „шлѣнкою“ и пухомъ и унизанные
бисеромъ и пуговицами, которые носятъ бабами надъ
ушами.

пушня, и, ж. — небольшой плетеный сарайчикъ (или „чигинь-вай“), предназначенный для одной супружеской пары въ семьѣ.

пушня, и — пучокъ; „За мѣлатца лык пушню“... (свад. пѣсня).
пыжѣтай — пышный, полный красивый (отъ слова: пыжить — взудувать, взбивать).

пѣхалка, и, ж. — круглый дождевой грибокъ.

пѣсать — мочиться.

пѣтѣшница, и, ж. — пятирублевая бумажка.

Р.

разбутрѣть — пробовать, поругать.

разлѣтый — (у Даля — *разлоий*) расплюснутый; *разлѣтима* — что-нибудь расплюснутое.

развнхлюй, я, м. — нестройный, нестатный, вялый.

раздѣшкой, (нар.) — раздѣвшись, безъ одежды.

размылаха, и, ж. — мила, милый. Изъ частушки:

Эх, ты, мила-размылаха,
На нѣмъ шитая рубѣха.

размулѣванай — раскрашенный, накрашенный, намазанный.

размуливать — раскрасить, накрасить, намазать.

*разбра, и, ж. — разоренье, бѣда (у Даля общ. рода — *разоряющій* что, кого).

рвань, и, ж. — 1) рвань, тряпки и (руг.) 2) самый „последній человекъ“, сволочь.

раскарѣка, и, общ. — растопыривающійся (общ. рода).

расѣдня, и, ж. — града для выгонки рассады капусты главнымъ образомъ, устроенная на столбахъ.

*рѣли, ий, ж. (Pl. t.) — качели.

рѣшнуть — треснуть, лопнуть, разорваться.

рундукъ, а, м. — дверной порогъ, небольшой помостикъ у порога, устраиваемый для удобства ходьбы.

рунить — дѣйствовать скоро (о ѣдѣ — главн. образ.); „Кашу уш парунѣли“ ... — Кашу поѣли.

рунякомъ, (нар.) — быстро, скоро (употребляется рѣдко сравнительно).

рыбальскай — рыбачій, рыболовный.

рыдванъ, и, ж. (— женск. рода у Даля — отмѣчено, какъ *сорыдванка*, и, ж.) *ронез.* слово „рыдванъ“ — широкая повозка съ одинаковыми по ширинѣ градеками и невысо-

книзь кузовомъ. Другой родъ повозки— „телѣга“, у которой задъ выше и уже, а передокъ—низкій и широкій. „Телѣга“ употребляется (у кого, кромя нея, есть и рыдванка), такъ сказать, въ торжественныхъ случаяхъ, а „рыдванка“—для обычной работы.

С.

савастѣжить—состряпать, сдѣлать, состроить (употребляется по большей части иронически).

садыкнуть—ударить, рѣзнуть (ножомъ).

саланцавать—лакомиться соленымъ (сеledкою).

*самаварьничить—пить чай; перен.:—по пусту проводить время.

Изъ частушки: „Уш я чайничила,—самаварьничила“.

самалѣхам (нар.)—нахально, силомъ, незванно.

саман, *а, м.*—огромные кирпичи (квадратной или цилиндрической формы) выработываемые самими крестьянами изъ глины съ соломою и необжигаемые. Идутъ на постройки дворныхъ, на хаты—рѣдко. Названіе „саман“ одинъ крестьянинъ мнѣ объяснилъ тѣмъ, что—кирпичъ дѣлается имъ „самими“ (?).

саманный—сдѣланный изъ самана, относящійся къ саману.

свивалить, *я, м.*—широкая тесьма для свиванія ребенка (у Даля—*свивальникъ*).

сигануть,—прыгнуть, перескочить.

сигушки, *ак, ж.* (Pl. t.)—дѣтская игра въ прыганье.

сильчь—(отъ „сирѣчь“) то-есть.

сирьбарина, *н, ж.*—(у Даля отмѣчено, какъ *ворон. „сирьбариникъ“*)—ягоды шиповника, шиповникъ.

склыкѣ, *н, жем.*—(у Даля *склыкѣ*—споры) споръ, скандалъ, ругань.

скрѣсть—сквозь.

скравной—сквозной.

скупендыря, *н, общ.*—скупой.

слѣшпитъ—украсть, подтѣрить.

смирѣтѣнай—въ смерти относящійся, напр.: „смирѣтѣная рубаха“.

старинскай—старинный.

старьчик, *а, м.*—нищій.

стойка, *н, ж.*—мѣсто, гдѣ стоятъ лошади пожарнаго обоза въ салѣ,

сто́йникъ, а, м.—стоящій все глѣто (за деньги) на „стойкѣ“ съ лошадыю.

страшѹчий—страшный, сильный, большой, огромный, ужасный.
страшенна́я—страшный, большой, огромный.

страда́ть—1) пѣть „страданья“ (т. е. „частушки“ или „иха-хощки“). Изъ частушек:

Давай, мѣлка, *страдать* вмѣстѣ:

Ты ф гармоны, а я ф пѣсьни.

2) любить, взымывать отъ любви. Изъ частушек:

Глѣнь кя Вѣнька на нѣбну,

Давай *страдать* по забѣну.

страда́нья, ий, ж. (Pl. t.)—частушка, ихахощка. Название частушка это получила, вѣроятно, или отъ часто повторяемыхъ въ ней: „страдать“, „страданье“, или же отъ того, что въ ней описывается *страданье*.

страхалю́дина, н, ж.—страшный, пугало.

страма́та, н, ж.—срамъ, стыдъ.

стука́льщикъ, а, м.—ночной сторожъ, ходящій со стукалкою.

стрыга́чъ, ѓ, м.—(у Дала—нѣтъ) жеребенокъ, уже отнятый отъ матери.

стру́чка—выстроченная, вышитая разноцвѣтными нитками полоска на полевкахъ и пр.

сукара́тить—сопротивить, унять, прекратить.

сукаро́тъ, а, м.—угроженіе, унятіе.

сума́нъ, ѓ, м.—пріятель, знакомый.

суманѣнъ,—нѣкъ, м.—сумочка, мѣшечекъ.

сусла́ка, н, ж.—неаккуратный, небрежный.

Т.

та́рабарки, ак, ж. (Pl. t.)—тревожникъ для вѣшанія котла при варкѣ въ полѣ, или люлькѣ.

та́ранка, в, ж. (у Дала—*тарань*) сушеная рыба, т. н. *Suprius gimba*.

та́рантухъ, а, м.—(у Дала—*тарантуль-а*) ядовитый паукъ, водящійся въ землѣ.

та́рактир, а, м.—характеръ.

*та́шки, ак., ж. (Plur. tant.)—вытканныя самими же крестьянскими бабами полоски краснаго цвѣта, пришиваемыя на подолъ, воротникъ, рукава, „налка“.

та́бать—буждѣтѣть.

тигулёвка, и, ж. — отдѣленіе при сборнѣ, волости для аресто-
ванныхъ; иначе называется „халодная“.

трѣнка, и, ж. }
трѣшница, и, ж. } — трехрублевка.

тѣрла, и, ж. — 1) мѣсто, куда сгоняють коровъ предъ угономъ
въ стадо, 2) мѣсто отдыха стада.

тигушбой — затажной; протяжный (о напѣвѣ пѣсни послѣдн.).

тыпѣнка, и, ж. — (у Даля — *тыпецъ* и *тыничка*) короткая часть
цѣпа, которую выбиваютъ зерно.

У.

ужастѣнная — ужасный, огромный, страшный.

унутрѣ — внутри.

ускарбна (нар.) — скудно, убого.

уьспидакъ, тка, м. — пивокъ (у Даля — plural. tant.).

утришникъ, а, м. — молоко утренняго подоя.

у́тулка, и, ж. — втулка въ колесѣ.

утнѣять — отнять.

ухабѣка-и }
ухабѣка-и } общ. — удалой, ухарь.

Х.

хабѣлка, и, ж. — побѣгушка, лантрыга (о женщинѣ).

хазина, и, ж. — строеніе (сравни: итальян. casino; татарск. *каза* —
хлѣвъ, сарай; тульск.: хиза, хизина — сарай, пунька — см.
Шейнъ „Великорусъ“, т. I, 2 в., стр. 573) — употре-
бляется почти всегда въ ироническомъ смыслѣ.

халява, и, ж. (сбир.) — дѣтвора (иронич.; корень отъ: „хо-
лить“ — нѣжить, заботиться).

хамутатъ — сочинять, лгать, плестъ.

хьвѣтина, и, ж. — смерть, конецъ, гибель (корень не отъ
„хитить“ ли?). „Хьвѣтина јавѣ забири!“

хлѣк, ѣ, м. — флагъ.

хлыставѣгъ — быть хлыстомъ (изв. секта).

хрумтатъ — ѣсть, жвакать, жевать громко (у Даля — *хрумкатъ*).

Ц.

*цѣбар, а, м. — высокій двурогій дубъ съ перекладиной наверху,
на которой поднимается и опускается „слѣга“ съ привя-
занной „цѣбаркой“, опускающейся въ колодезь.

цѣбарка, и, ж. — (нѣмецк. Zuber) ведро, баяль.

Ч.

- *чалыцб, *а, ср.*—отборное зерно въ вороху, при вѣяніи.
- *чарпак, *а, м.*—мѣшокъ изъ сѣтен на длинномъ шесту для рыбы въ проруби.
- члѣнак, *а, м.* (корень отъ: „члѣнать“) —воробей; члѣята—воробы.
- члѣк, *а, м.*—человѣкъ.
- *чврѣкнуть—рѣзнуть, зарѣзать.
- чиркатца—ругаться „чертомъ“.
- чиркѣть—ругать „чертомъ“.
- *чичир, *а, м.*—мелкій дождь.
- чвѣрстай—черствый, твердый, сухой.
- чвѣкаты—брызгать (водою).
- чвѣкалка, *и, ж.*—брызгалка (игрушка деревенской дѣтвory, устриваемая изъ ствола дьглия).
- *чувал, *а, м.*—(у Дала въ значеніи камня, очага, „очелья“ съ трубой) большой („осьминный“) мѣшокъ.
- чувалык, *а, м.*—уменьшительное отъ слова „чуваль“.
- чўкатца—шептаться, шушукаться, входить въ интимныя сношенія.

Ш.

- шантрапѣ, *е, ж.*—дрянь, сволочь, куда негодный, -ая (ругательное слово).
- шактѣр, *а, м.*—работающій на каменоломняхъ; иногда ругательное слово—отчаянный, отпѣтый человѣкъ.
- шарамѣшка, *в, ж.*—(въ именит. пад. рѣдко—въ смыслѣ „даровщина“) „на шарамѣшку“—„на дурнѣчку“.
- шаршѣпка, *и, ж.*—рубанокъ, которымъ впервые стругаютъ дерево (начерно), имѣющій закругленную пластинку.
- шїнтар-на-вынтар—швороть-на-выворотъ, наизнанку.
- *шѣрка, *и, ж.*—скорка, скорлупа съ деревьевъ, плодовъ.
- *шѣнка, *и, ж.*—шерстяныя нитки разноцвѣтныя фабричнаго приготовленія.
- *шшлѣктѣть—(у Дала приведено, какъ *воронежское*—„шалыктѣть“, что намъ не приходилось, однако, слышать) щекотать.
- шшарбѣ, *е, ж.*—уха изъ рыбы.
- *шшшан, *а, м.*—женская верхняя одежда изъ домашняго сукна; назади вѣтъ сборокъ, а перехватъ; употребляется только талатлями.

Ю.

*юшка—уха, наваръ вообще.

*юнкарь—военный.

Я.

*яруга, и, ж.—участокъ лѣса, земли.

яръчѣтца—храбриться, форсить.

ДОВАВЛЕНІЕ.

Абармѣт, а, м.—оборванецъ; сорванецъ (руг.).

азіят, а, м.—употребляется въ ругательномъ значеніи, какъ жестовій, дикій. „Ах, ты, азіятъ!“

азіятчина, и, ж.—жестокость, дикая расправа, тяжелая жизнь.

„Ат жетай азіятчины дай Бох избавитца.“

Бадик, а, м.—коромысло, палка для ношенія бѣлья на рѣку.

блукать—блуждать; пропадать безъ вѣсти. „Корѣва блукѣжа“.

бѣба, и, ж.—рубашка (дѣтское).

бурдѣвай } —темнокрасный; испорч. слово „бордо“.

Втрѣхатца } —всадиться, попасть въ просаекъ; влюбиться.

нарѣша, и, ж.—страдающая; влюбленная. „Спрашу у салѣвѣюша тужить ли нарѣша аба мнѣ“... изъ пѣсни.

нарѣшной—жалобный; „нарѣшная пѣсня“—жалобная пѣсня, въ которой невѣста прощается съ родителями.

нѣрушка, и, ж. уменьшительное отъ „гора“ (пѣсени). „Да за нѣрушку салнышка закатѣлася“.

Дыкшѣтѣш } —Да! Хорошо. „Ты прѣдиш ныня ка мнѣ?—Дыкшѣтѣжак } шѣтѣшъ!“

Жѣлчій—желтый.

Задѣхлай } —чуть живой, слабый, замороженный. „Задѣхлай цы замѣрух } плѣнакъ“.

за'сѣ прѣста—ходячее выраженіе: 1) легко, не трудно и 2) по-просту, безъ церемоніи. „Вы будьтѣ за'сѣ прѣста“; „Лѣта мѣжна выдѣлать за сѣ прѣста“.

Калдыбань, н, ж.—яма, ухабъ.

Лѣтушка, н, ж.— проталина, обнаженная отъ снѣга полянка.
ликадѣнской } —испорченное слово „декадентскій“. Появилось
ликадѣнской } недавно въ деревнѣ въ значеніи „модный“, такъ
какъ оно пошло въ народъ изъ лавки, гдѣ бабы покупали
матеріи въ декадентскомъ вкусѣ. „Юбка изъ ликадѣнскава
хранцузѣ“, „Ликадѣнскай узор“.

Мышлявай—хитрый, со смысломъ. „Тапѣрѣ люди мышляван
стѣли; ни то, што папирѣжа“.

маставая, ой, ж. } —плата за проѣздъ по мосту.
маставой, ова, м. }

Нажигія, ия, ж.—вмущество, имѣніе; дворъ. „У Пѣтъи-ты
никакой нажити вѣтути“...

Пасѣшица, ы, ж.—помощница. „Я табѣ ни пасѣшица“.

парусѣсинька, н, ж.—сосна (пѣсен.). „Ни дуйтѣ вѣтры, маи
витарѣчьи, ни сдувайтѣ маю парусѣсинку“...

Расставанія, ія, ср.—разстояніе. „Да Каратайка отъ насъ рас-
ставанія вѣрст двѣтцѣтъ будѣ“...

рукамесло, а, ср.—ремесло.

Сликатарь, а, м.—испорченное слово „секретарь“—письмоводи-
тель, секретарь.

спабѣднннйкай—горемычный, горькій. „Малѣтка—малѣдушка
малоднннйка, Галѣвушка твая спабѣднннйка“... (пѣсня).

сляпушѣонак, ика, м.—слѣпой, слѣпецъ.

сѣтильнай—сотенный. Сѣтильнай билѣтъ, катяринка — стору-
блевнѣкъ.

стѣтъ, н, ж.—холодъ, морозъ, стужа.

старѣока, н, ж.—стерва (ругательное).

салучѣтца—случиться (пѣсенное)... „Какъ въ вѣради салучѣлася
бѣдѣ“...

Трѣхнутъ—1) ударить сильно, 2) скоро убѣжать.

Убѣвѣта, н, ср.—убійство.

увѣбушка, н, ж. вдова (пѣсенное)...

Встань-праснѣяся, увѣбушка маладѣ“... „Савѣлики... на-
сами увѣбушку разбудѣли“.

утырнѣй—утренній.

утопнннннѣ, а, м.—утопленнѣкъ.

Хлѣт, да, м.—толстая палка съ приспособленіемъ для носе-
нія ушата.

храмтыль, *я, ж.*—хромой; калѣка.

Цѣльной — цѣлый. „Цѣльной день малатыли, аш спинá балыть“.

Чыста, нар.—1) какъ, 2) какъ будто. „Абнасылси, чыста лан-
трына“... „Наскачыл, чыста кабел“... „Што ты в нам ни хо-
диш? Чыста ни радьна!“

Шанутца — рвануться впередъ, назадъ; удирать; броситься.

швытка, нар.—быстро, скоро.

штраховка, *и, ж.*—страховка.

Алексѣй Путинцевъ.

1905 г.

Рѣшеніе споровъ о межахъ.

Одною изъ причинъ крестьянскаго неуройства является неопредѣленность и запутанность границъ разныхъ ихъ земельныхъ угодій. Это явленіе съ особенною силою выразилось въ нашемъ Уломскомъ краѣ, обнимающемъ собою 10 волостей Череповецкаго уѣзда. Всѣ крестьяне Уломскаго края—бывшіе помѣщичьи, за исключеніемъ жителей нѣкоторыхъ обществъ Горской волости, которые принадлежали государству. Помѣщики здѣсь, за рѣдкими исключеніями, не жили. Многие изъ нихъ, по разсказамъ компетентныхъ старыхъ людей, не имѣли и смутнаго представленія о количествѣ своихъ земельныхъ угодій, потому что большая часть ихъ состояла изъ земель малоцѣнныхъ, а иногда и совсѣмъ ничего не стоящихъ: мхи, болота. Земли одного болота часто не были размежеваны отъ земель другого. При освобожденіи отъ крѣпостной зависимости крестьяне получили въ большинствѣ случаевъ всю ту землю, которою они владѣли и при помѣщикахъ. Нормальнымъ надѣломъ здѣсь было по $5\frac{1}{2}$ дес. на душу. Остальная земля, за исключеніемъ лѣсныхъ дачъ, крестьянамъ досталась или по дарственной, или по купчей крѣпости, иногда за баснословно дешевую цѣну: по 25, по 50 кон. за десятину. Такихъ земель крестьяне много приобрѣли отъ князя Голицына и помѣщика Секретарева, самыхъ крупныхъ бывшихъ нашихъ помѣщиковъ. Нерѣдко въ купчихъ крѣпостяхъ и дарственныхъ документахъ можно встрѣтить такіа выраженія: продается или уступается въ вѣчное потомственное владѣніе крестьянамъ извѣстной деревни такое-то урочище или угодье, въ которомъ считается столько то десятинъ или сколько окажется. А иногда излишекъ противъ предполагаемаго количества оказывался очень внушительныхъ размѣровъ. Такъ, напр., крестьяне дер. Коротова покупали у помѣщика урочище „Вершину“ за тысячу десятинъ „или сколько въ ней окажется“, а въ томъ урочищѣ оказалось лишва противъ предполагаемаго болѣе тысячи деся-

тинъ, которыми они и стали владѣть. Возлѣ этого урочища есть еще не одна тысяча десятинъ земли—моховое болото,— которая слыветъ подъ именемъ Боговой. Боговой эта земля называется потому, что ей нѣтъ хозяина. Теперь лѣсомъ изъ этого Богова участка пользуются крестьяне нѣсколькихъ деревень. Неопредѣленность и путаницы границъ въ земляхъ бывшихъ владѣльцевъ помѣщиковъ перешли вмѣстѣ съ землей и къ крестьянамъ. Такъ, напримѣръ, въ упомянутому Богову участку въ нѣсколько тысячъ десятинъ подходятъ владѣнія многихъ деревень, находящихся на разстояніи одна отъ другой на 10, 15 и 20 верстъ. Каждая деревня свои межи отодвинула въ Богову дачу и теперь еще переносятъ границы и захватываютъ изъ дачи, кто сколько можетъ. Подобныхъ Боговыхъ участковъ по нашей мѣстности очень много. Такіе участки земли вначалѣ, послѣ освобожденія крестьянъ, мало представляли для нихъ интереса; мужики даже иногда чуждались, отбивались отъ нихъ. Это, во-первыхъ, потому, что у крестьянъ, при очень рѣдкомъ населеніи, было много такихъ и своихъ земель; во-вторыхъ, потому, что налоги на землю иногда превышали ту выгоду, которую крестьяне могли извлекать изъ этихъ земель; въ-третьихъ, подобныя земли большею частью находятся далеко отъ жилищъ, и пользоваться ими очень неудобно. Такъ, напр., крестьяне деревни Коротова свою тысячу десятинъ моховой земли, доставшейся имъ даромъ, благодаря выраженію „или сколько въ ней окажется“, охотно отдавали кому угодно въ собственность, лишь бы ихъ это избавило отъ платежа земскаго налога.

Но времена перемѣнились. Теперь населеніе увеличилось болѣе, чѣмъ вдвое. Въ землѣ сталъ ощущаться большой недостатокъ. Лѣса, которыхъ у крестьянъ было довольно много, перевели на уголь, благодаря вѣвечному промыслу. Мужики стали поглядывать и на болота. Тѣмъ болѣе, что, при ближайшемъ знакомствѣ съ ними, они оказались совсѣмъ не такъ бесполезными, какъ о нихъ думали. На очень многихъ болотахъ растетъ небольшой сосновый лѣсъ. Правда, этотъ лѣсъ, хотя онъ росъ, можетъ быть, и сотни лѣтъ, невеликъ, но онъ даровой. Дрова и уголь изъ мохового лѣсу вдвое даютъ больше жару, чѣмъ такія же дрова и уголь изъ лѣса, выросшаго на высокомъ песчаномъ мѣстѣ. Кромѣ того, нерѣдко среди необозримаго мохового пространства, поросшаго мелкимъ соснякомъ, встрѣчаются гривы и островки съ настоящимъ лѣсомъ. По опушкамъ такихъ лѣсныхъ островковъ иногда растетъ по-

рабочая трава, что, при недостаткѣ покосовъ, далеко не лишнее для нашего крестьянина. Появлялись крестьяне, что настаетъ время—и оно не за горами,—тогда и болота будутъ имѣть большое значеніе, такъ какъ и изъ нихъ можно извлекать большую пользу, и стали болота присоединять къ землямъ надѣльнымъ и покупнымъ. Понятно, изъ-за этого возникали ссоры, тяжбы. Судиться по правамъ, но ни у кого никакихъ правъ нѣтъ на спорныя земли. И выходило, какъ въ баснѣ: „кто одолѣетъ, тотъ и правъ“.

Я не буду описывать всѣхъ тѣхъ способовъ, какіе практиковались и теперь практикуются при рѣшеніи споровъ о земельныхъ участкахъ крестьянами разныхъ обществъ, а опишу только болѣе характерныя изъ нихъ.

У крестьянъ д. д. Грязливецъ и Харламовской Горской волости было спорное поле. Спорнымъ оно сдѣлалось потому, что, при освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости и надѣленіи ихъ землею, не были точно указаны границы между владѣніями упоминаемыхъ двухъ деревень. Одинъ годъ пріѣдутъ пахать поле грязливецкіе мужики, а харламовскіе всей деревней соберутся и прогонятъ ихъ. Сами отправляются на работу всей деревней вмѣстѣ съ топорами и вольями на случай отраженія, если грязливецкіе вздумаютъ сдѣлать нападеніе. Владѣютъ годъ, другой. Бдительность начинаетъ ослабѣвать у харламовскихъ. Тогда грязливецкіе, вооружившись дреколіями, идутъ всѣмъ обществомъ и прогоняютъ харламовскихъ. Пробовали разобраться по правамъ, но никакіе суды не могли дать толку въ этомъ путаномъ земельномъ спорѣ. Крестьянамъ и самимъ надоѣла судебная волонита: тратись, говорили они, только на адвокатовъ да марки, проводи время, а толку все никакого нѣтъ. Крестьяне обѣихъ деревень рѣшили спорный вопросъ полюбовно. Въ одинъ весенній день передъ посѣвомъ собрались они на спорное поле и предложили кому-нибудь пройти по предполагаемой межѣ съ нлостомъ дерна на головѣ. При этомъ обычай проходить съ землей на головѣ не всякому позволяютъ. Человѣку, не пользующемуся довѣріемъ и уваженіемъ, или въ комъ предполагаютъ отсутствіе религіознаго чувства, не позволяютъ указывать межу. Долго никто не рѣшался принять на себя роль судьи и опредѣлить границу, которую и на самомъ дѣлѣ никто точно не зналъ. Наконецъ, одинъ грязливецкій мужикъ снялъ шапку, вырѣзалъ кусокъ дерна, положилъ его на голову и, со словами: „пусть погрозитъ меня эта земля, если я неправильно буду показы-

вать “,—пошелъ. По словамъ участниковъ, крестьянинъ, возвращаясь съ обхода, едва дышалъ и былъ блѣденъ. Онъ вскорѣ серьезно захворалъ и померъ. Но Грязливецкое общество теперь пользуется этимъ полемъ безспорно. У тѣхъ же харламовскихъ крестьянъ отняли небольшой участокъ покосу крестьяне деревни Озерковъ. Деревня Озерки больше Харламовской и озерковскіе мужики каждый разъ побивали харламовскихъ, когда тѣ являлись на спорный покосъ. Последніе побились, да такъ и отдали въ вѣчное владѣніе покосъ, который считали своимъ. Рѣшить споръ юридическимъ путемъ они тоже не могли, потому что ни у той, ни у другой деревни не было никакихъ данныхъ для этого. Крестьяне деревни Аннино, Уломской волости, и деревни Хмелины, Самосорской волости, рѣшили вопросъ о спорномъ моховомъ болотѣ, на которомъ попадалось много островковъ съ хорошимъ лѣсомъ, единоборствомъ своихъ богатей. Спорное болото находится между покупными землями крестьянъ д. Аннино и крест. д. Хмелины. Каждая деревня, когда покупала землю отъ помѣщиковъ послѣ воли, не знала опредѣленно границъ покупаемыхъ участковъ. Долго ни та, ни другая деревня не обращали вниманія на это болото. Наконецъ, хмелинскіе крестьяне, вырубивъ лѣсъ на своей землѣ, стали пользоваться лѣсомъ изъ болота, которое дер. Аннино считала своимъ. Аннинскіе крестьяне стали запрещать хмелинскимъ рубить на болотѣ лѣсъ; тѣ и вниманія не обратили на эти протесты. Тогда и аннинскіе поѣхали и стали изводить лѣсъ начисто. Запротестовали хмелинскіе,—и возникъ споръ, который рѣшить судомъ не могли. Начались драки и побоища: то аннинскіе побьютъ хмелинскихъ, то хмелинскіе аннинскихъ. Надоѣло это обѣимъ сторонамъ. Наконецъ, крестьяне деревни Аннина шлютъ въ Хмелину вызовъ: выберите изъ своей деревни лучшаго борца и пусть онъ потягается съ нашимъ. Чей борецъ одолѣетъ, тѣхъ будетъ и мохъ. Хмелинскіе приняли вызовъ. Въ назначенный день они собрались на спорномъ болотѣ, и борьба началась. Долго боролись, но ни тотъ, ни другой не могли повалить другъ друга и начали драться. Но дрались только двое; остальные, согласно уговору, участія въ дракѣ не принимали, а только смотрѣли на тяжущихся. Хмелинскій борецъ, наконецъ, повалилъ своего противника и порядочно его поколотилъ. Отъ дальнѣйшихъ побоевъ борца удержали и защитили не свои деревенскіе, а сторона противная: своимъ очень досадно было, что изъ-за него они проиграли спорное болото. Этотъ спо-

собъ рѣшенія спора напоминаетъ времена Владиміра Красное-Солнышко.

Одинъ петербургскій богачъ, по фамиліи Максимовъ, владѣлъ большимъ участкомъ земли и хорошо лѣсною дачею въ Самосорской и Ольховской волостяхъ. Всю землю и лѣсъ Максимовъ пожертвовалъ на устройство женской общины (теперь женскій Деушинскій монастырь). Лѣсъ вырубилъ на постройки и другія нужды монастыря. Огромная площадь изъ-подъ лѣсу осталась пустою и никакого значенія для монастыря не представляла. Эту пустопорожнюю землю выпросилъ у настоятельницы общины одинъ мѣстный богачъ. Приложивъ капиталъ къ негодной землѣ, онъ сдѣлалъ ее годною: на одномъ мѣстѣ онъ выкорчевалъ пни, прорылъ канавы и устроилъ покось, на другомъ пашню, на третьемъ образовался выгонъ для скота. Денегъ, какъ говорятъ сосѣдніе крестьяне, онъ ухлопалъ тутъ много.

Такъ прошло лѣтъ 10. Въ общину, которая уже была переименована въ монастырь, явилась новая настоятельница бой-баба, какъ о ней отзываются новые крестьяне. Она пожелала возвратитъ монастырю утраченный земельный участокъ, тѣмъ болѣе, что онъ уже въ это время представлялъ значительную цѣнность. Фактическій владѣлецъ, понятно, не пожелалъ разстаться съ землею. Она предъявила къ нему искъ, а онъ, на основаніи свидѣтельскихъ показаній, просилъ окружный судъ признать за нимъ право на вѣчное владѣніе спорнымъ участкомъ на основаніи десятилѣтняго пользованія землею на правахъ собственности. На церковныя и монастырскія земли десятилѣтняя давность не простирается, но дѣло въ томъ, что монастырь самъ владѣлъ землею отъ Максимова, не по нотаріальной дарственной, а по частной. Такъ „игуменя и съѣла грибъ“, какъ выразился одинъ крестьянинъ, бывшій въ качествѣ свидѣтеля на судѣ по этому дѣлу.

В. Антиповъ.

3 янв. 1905 г.

ОТДѢЛЪ II.

Нѣсколько былинъ и духовныхъ стиховъ въ старыхъ записяхъ (к. 40-хъ, 50-хъ и 60-хъ гг.)¹⁾

П Ъ С Н Я

про князя Владиміра Кіевскаго.

Было, братцы, во городѣ Кіевѣ
У князя Владиміра,
У солнышка, у Числаева (Лучиславьева)
Пированье, столованье почетное,
Хвально и радостно.
Они пьютъ, ѣдятъ, прохлаждаются,
За собой погибели не знаютъ и не вѣдаютъ,
Что надъ Кіевомъ градомъ за погибель,
Инь подступила сила жидовская и бусурманская
И подступилъ собака Батый Камановичъ
Со сыномъ со Артусомъ и со зятемъ со Гончугомъ.
Онъ и пишетъ князю Кіевскому: „дай мнѣ поединку,
А не дашь, то я въ Кіевъ-городъ войду
И честны монастыри пожгу,
А чернь порублю,
А тебя князя въ полонъ возьму,
Опраксу Королевишну дамъ на срамъ и поруганье“.
Тогда князь Кіевскій созывалъ князей и бояръ,
Чиновныхъ людей и сильныхъ могучихъ богатырей.
Тогда они въ подсыта наѣдалися
И между себя похвалялися.
Тогда князь Кіевскій былъ въ своей комнатѣ.
И выходитъ онъ, становится средь горницы
И говоритъ рѣчи: „Ой, еси вы, князья-бояре
И честные люди, и могучіе богатыри!

¹⁾ Въ архивѣ Отдѣленія Этнографіи хранится нѣсколько старыхъ записей былинъ и духовныхъ стиховъ, еще не напечатанныхъ въ изданіяхъ И. Р. Георг. О-ва Редакція Живой Старины намѣрена по возможности использовать въ этомъ отношеніи Архивъ Отдѣленія.

Какъ бы кто изъ васъ вышелъ противъ собаки
Батя Камановича?“ Тогда никто не отвѣчаетъ,
Старый прячется за малаго,
А малый за стараго.

Только средь торгу, ярмарки
На государевомъ кружалѣ
Валяется пьянъ Василій Игнатьевичъ, валяется—
Онъ такими рѣчами похваляется:

„Я де бы послужилъ царю Кіевскому вѣрою и правдою!“
Тогда царь Кіевскій посылалъ посла.

Приходитъ къ нему посолъ
И говоритъ: „пьянъ Василій Игнатьевичъ!
Царь бажаетъ тебя предъ себя“.

И отвѣчалъ онъ послу:
„Что глупъ царь и неразуменъ:
Я нагъ и босъ, какъ могу предъ царя итти?“

Тогда приходитъ посолъ,
Спрашиваетъ его царь:
„Что, не привелъ пьяна Василя Игнатьевича?“

Тогда отвѣчалъ ему посолъ:
Что, Ваше Величество, онъ васъ изругалъ,
Что глупъ царь и неразуменъ:
Я нагъ и босъ, какъ могу предъ царя итти!“

Тогда царь Кіевскій
Не посла посылалъ,
Но самъ побѣжалъ,

Скидалъ съ себя шубу соболиную
И шапочку миткалинную,
И сапожки сафьянные,
И штаниви кумашные со напусками,
И надѣвалъ на пьяна Василя Игнатьевича,
И взялъ его за бѣлы руки,
И повелъ его въ свои палаты бѣлокаменны,
И внесъ ему полведра пива пьянаго,

Полведра меду сладкаго
Да полведра зеленого вина.
Добрый молодець стростилъ въ одно мѣсто
И выпилъ за единый духъ.

Тогда сталъ поговаривать:
„Ой, еси ты, князь Кіевскій,
Внеси-ка ты мнѣ три стрѣлочки нестрѣляющихъ
И тугой улуку нетануты!“

Тогда взялъ добрый молодець
И пошелъ на високу стрѣмь:
Изъ первой-то стрѣлочки стрѣлилъ,
Да не дострѣлилъ.
А изъ другой-то стрѣлилъ,
Да перестрѣлилъ,
А изъ третьей-то стрѣлилъ,
Да убилъ зятя Гончуга—
Тогда сквозь его стрѣла та прошла,
Да въ камень такъ по уши ушла.
Тогда собака Батый Камановичъ
Со всей своей силой выдерживалъ,
Да не выдернулъ.
И пишетъ грозно царю Кіевскому:
„Ой, еси, князь Кіевскій!
Выдай мнѣ виноватаго,
А не выдашь, такъ я въ Кіевъ градъ взожду
И честны монастыри пожгу,
А чернь порублю,
А тебя князя въ полонъ возьму,
Опраксу Королевишну дамъ на срамъ, на поруганье“.
Тогда князь Кіевскій созывалъ всѣхъ князей и бояръ,
И могучихъ богатырей.
И говорилъ царь Кіевскій:
„Что намъ за пьяна Василя Игнатьевича
Стоять, или выдать его?“
Тогда князья, бояре отвѣчали:
„Что намъ за него стоять,
Онъ его только что собаку раздразнилъ!“
Тогда услышалъ пьянъ Василій Игнатьевичъ
И пошелъ самъ въ чистое поле,
Тогда встрѣчалъ его
Собака Батый Камановичъ и говорилъ:
„Ты-ль виноватый?“
Онъ ему сказалъ: „я“.
И повелъ онъ его въ стрѣлѣ
И говорилъ: „твоя-ль стрѣла?“
Онъ сказалъ: „моя“.
„Нутка выдернешь ли ее?“
Онъ взялъ межъ перстиковъ и выдернулъ.
Тогда собака Батый Камановичъ просилъ его:
„Добрый молодець! послужи мнѣ вѣрою и правдою,

Какъ служилъ князю Киевскому!“

Тогда добрый молодецъ свазалъ:

„Пожалуй, только сдѣлаемъ уговоръ:

Я тебя введу въ Киевъ градъ на три часа,

Бей князей, бояръ, а до черни дѣла нѣтъ,

А на княжескій дворъ и не гляди“.

Тогда подошелъ добрый молодецъ

Къ каменной стѣнѣ и пехнулъ правымъ чоботомъ,

И повалила сила жидовская и бусурманская

Въ Киевъ градъ.

Тогда добрый молодецъ сталъ у княжескаго двора;

Кто сунется во дворъ, онъ ему голову рубитъ.

Тогда три часа проходитъ.—

Собака Батый Камановичъ изъ города не выходитъ.

Тогда добрый молодецъ сѣлъ на добра коня

И началъ по улицамъ ѣздить

И басурманску силу бить.

Какъ гдѣ онъ ѣдетъ, такъ ровно лицу дѣлаеть,

А поворотится, такъ площадь.

Тогда собака Батый Камановичъ видитъ,

Что его силу побиваетъ,

И вышелъ изъ Кіева града,

И вынесъ имѣнія видимо и невидимо,

И дѣлитъ на три груды:

Себѣ груду да сыну груду,

Да зятю мертвому груду.

Тогда говорилъ ему сынъ:

„Кому, батюшка, третья груды?“

Онъ говоритъ, что зятю.

„Да на что мертвому-то?

Лучше бы тому, кто насъ въ Киевъ ввелъ“.

Онъ ему говорилъ: „э, дуракъ!

Какъ-бы я того человѣка увидѣлъ,

Я бы его мяса наѣлся“.

Тогда онъ, пьянъ, лежалъ подъ повозкой

И слышалъ эти рѣчи,

И взялъ изъ-подъ повозки-то ось,

И взялъ ихъ остальныхъ всѣхъ перебилъ,

И досталось ему все ихъ имѣнье.

Б Ы Л И Н А

о битвѣ Ильи Муромца съ сыномъ.

(Записана въ Землянскомъ уездѣ Воронежской гув.)

Какъ то было за Днѣпромъ рѣкой:
Стояли заставы немалыя,
Заставушки немалыя—великія.
Выль на заставахъ старой казакъ Илья Муромецъ,
Выль Алеша Поповичъ,
Еще были два брата родимые
Лука да Матвѣй, дѣти боярскіе.
Утромъ то было ранѣмъ рано,
На зарѣ то было на утренней,
Выходилъ Илья Муромецъ изъ бѣла шатра
На свои балконы широкіе;
Онъ смотрѣлъ во чисто поле,
На всѣ четыре стороны;
Ничего нѣтъ въ полѣ хорошаго,
Ни худаго, ни добраго,
Все въ полѣ по старому,
Подъ востокомъ лишь морочить ¹⁾ стало.
Спускается старой Илья Муромецъ ко быстру Днѣпру,
Изъ быстра Днѣпра умывается,
Шитой шириной утирается,
Самъ смотритъ во чисто поле,
Видитъ: ѣдетъ богатырь, торопится
Ко старому козаку Ильѣ Муромцу.
Ѣхалъ то Добрыня Никитичъ младъ.
Подъѣзжаетъ онъ къ Ильѣ Муромцу,
Говоритъ ему таковыя слова:
„Ой ты, гой еси, старой Илья Муромецъ,
Проѣхалъ богатырь мимо меня,
Мимо меня, мимо моей заставы,
Подъ нимъ добрый конь, что лютый звѣрь,
Самъ богатырь на конѣ храбрѣ сидитъ,
На правомъ плечѣ тяжка палица,
На лѣвомъ плечѣ сидитъ бѣлъ кречеть,
По стремяню бѣгутъ сѣры выжмыки.“
Говоритъ Добрыня Илья Муромецъ:

¹⁾ Мрачить, меренуть. темнѣть.

„Поѣзжай ты, Добрыня, за богатыремъ,
Не бери съ собой тяжкой палицы,
Не бери съ собой сабли вострыя,
Сабли вострыя, копыя мурзамецкаго.
Спроси ты богатыря про дѣдину,
Про дѣдину, про отчину,
Коего города, какой земли!“
Ѣдетъ Добрыня Никитичъ за богатыремъ,
Наѣзжаетъ Добрыня на богатыря,
Сталъ кричать ему зычнымъ голосомъ,
Говорить ему языкомъ русскимъ:
„Гой ты еси, добрый молодець,
Сильный, могучій богатырь,
Ты скажи мнѣ про дѣдину, про отчину,
Коего города, какой земли?“
Отвѣчаетъ ему добрый молодець,
Сильный, могучій богатырь:
„Отлейся ты, какъ вода вешняя,
Отѣзжай, мужикъ, деревенщина,
Отлети, ворона перелетная,
Не хочу я съ тобой рѣчей вести,
Не хочу съ тобой слова говорить“.
Отворачивалъ Добрыня своего коня,
Ѣхалъ къ старому Ильѣ Муромцу,
Говорилъ ему Добрыня таковы слова:
„Богъ тебя суди, старой казакъ,
Богъ тебя суди, Илья Муромецъ,
Не ведѣлъ ты мнѣ братъ тяжку палицу,
Сабли вострыя, копыя мурзамецкаго.
Обзывалъ меня богатырь:
Отлейся ты, какъ вода вешняя,
Отѣзжай, мужикъ, деревенщина,
Отлетай, ворона перелетная,
Не хочу я съ тобой рѣчей вести,
Не хочу я съ тобой слова говорить“.
За бѣду стало старому Ильѣ Муромцу,
За великую досаду показалось,
Его сердце разгоралось,
Его кровь раскипалась,
Говорилъ Добрыня Ильѣ Муромецъ:
„Ой ты, гой еси, Добрыня Никитичъ младъ,
Я поѣду за богатыремъ,
Ты же поѣзжай въ столичный Кіевъ градъ,
На улочку на съѣзжую,
На площадку на схожую;
Ни къ чему ты коня не привязывай,
Никому ты его не приказывай,
Самъ ступай во Божій храмъ
Во свѣтлой Христовой заутрени,
Ставь свѣчи мѣстныя
Исусу Христу, Вожьей Матери.

Третью свѣчу Михаилу Архангелу,
Стой, молися Богу милостивому,
Клади поклоны до сырой земли,
Проси у Бога милости.
Когда свѣчи станут обливатися,
По ту пору стану я воеватися“.
Скрутно ¹⁾ они тутъ сряжались,
На добрыхъ коней сажались,
Другъ съ дружкой распростилися:
Добрыня поѣхалъ въ столичный Кіевъ градъ,
Илья Муромецъ въ чисто поле.
Не стукъ стучить во чистомъ полѣ,
Не громъ гремитъ во раздольцѣ:
Ѣдетъ старѣй Илья Муромецъ, торопится,
Его вѣрный конь разсержается,
По чисту полю разстидается,
Мелкіе лѣса промежду ногъ бросалъ,
Мелки рѣчки, ручьи пескомъ засыпалъ.
Услыхалъ тутъ добрый молодець,
Сильный, могучій богатырь,
Топоту конинаго, голосу богатырскаго—
Подъ нимъ добрый конь сталъ спотыкаться.
„Что ты, конь мой, спотыкаешься?
Аль неслыхивалъ топоту конинаго?
Аль неслыхивалъ голосу богатырскаго?“
Спускалъ добрый молодець
Съ лѣва плеча бѣла кречета:
„Полети, бѣлъ кречеть, во чисто поле,
Побѣгите, сѣры выжлыки, во темны лѣса,
Мнѣ теперь не до васъ пришло...“
Наѣзжалъ на богатыря старѣй Илья Муромецъ,
Съѣзжались они во чистомъ полѣ,
Стали битися—рубитися.
Долго билися богатыри,
Тяжки палицы поломались,
А другъ дружку не поранили.
Съѣзжались они въ другой разъ,
Долго билися-рубилися,
Сабли вострыя призабилися,
А другъ дружку не поранили.
Съѣзжались они въ третій разъ,
Скочили съ добрыхъ коней
И схватилися въ рукопашную.
У богатыря была уловка недобрая:
Онъ бралъ Илью Муромца на косой носокъ,
Бросалъ его на сырую землю,
Разстегалъ его груди бѣлыя,
Видергивалъ чингалище-булатный ножъ
И хотѣлъ вспороть его бѣлу грудь,

¹⁾ Поепѣшва.

Какъ въ локтѣ рука застоилася.
Онъ заноситъ её во другой разъ,
Но въ локтѣ рука застоилася.
Онъ заноситъ её во третій разъ,
Но рука опять застоилася.
Говорить тутъ добрый молодець:
„Что жъ это за диковина:
Не могу я вспоротъ груди бѣлыя.
Аль ты въ родствѣ, али во племени?
Скажи мнѣ про дѣдину, про отчину,
Коего города, какой земли?“
Взговорилъ старой Илья Муромецъ:
„Охъ ты, Боже мой милостивый,
Исусъ Христосъ, Матерь Божія!
Я стоялъ всегда за вѣру православную,
Православную Русь, христіанскую,
Былъ я на семи бояхъ,
На семи бояхъ, на семидесяти,
Все мнѣ старому удавалось.
А нынѣ Господь Богъ прогнѣвался:
Сидитъ богатырь на моей груди
И не можетъ вспоротъ груди бѣлыя.
Когда бъ я былъ на его грудяхъ,
Не спросилъ бы про дѣдину и отчину“.
Спускались съ неба два ангела,
Шептали Ильѣ Муромцу во правое ухо:
„Встрепенись, встрепенись, старой Илья Муромецъ,
Какъ трепещется на синемъ морѣ сивой орелъ“.
Встрепенулся старой Илья Муромецъ,
Какъ трепещется на синемъ морѣ сивой орелъ,
Онъ сбрасывалъ богатыря съ бѣлой груди,
Улетѣлъ богатырь выше дерева стоячаго.
Взбѣгалъ на богатыря старой Илья Муромецъ,
Не разстегивалъ его груди бѣлыя,
Выдергивалъ чингалище—булатный ножъ,
Хватилъ богатыря во бѣлу грудь,
Но сгибался булатный ножъ до черена.
Удивлялся тутъ: что жъ это за диковина?
Разстегалъ у богатыря грудь бѣлую,
Увидалъ на немъ крестъ серебряный,
Сталъ спрашивать про дѣдину, про отчину:
„Ты скажи мнѣ, удадой молодець,
Коего города, какой земли,
Какого отца и матери?“
„Матери польки я, отца Илья Муромца“.
Бралъ старой богатыря за бѣлы руки,
Становилъ его на ноги рѣзвыя,
Цѣловалъ въ уста сахарныя.
„Ужъ ты здравствуй, дитя мое милое,
Я отецъ твой Илья Муромецъ“.
Садлись они тутъ на добрыхъ коней.

Вхали въ столичный Кіевъ градъ
Ко Солнышку, ко Владимиру.
Встрѣчалъ ихъ Солнышко Владиміръ-князь
Съ честію, радостію,
Выкатилъ Солнце бочку вина сорокъ ведръ,
Наливалъ чашу въ полтора ведра,
Подносилъ ее къ Ильѣ Муромцу.
Были всѣ тутъ веселы, радостны
Богатыри храбрые, поляница¹⁾ удалая,—
Гуляли они, потѣшались
Не много, не мало—два мѣсяца.

(Изъ бумагъ покойнаго А. И. Селиванова † 1865, бібліотекаря Воронежской публичной бібліотеки, члена Воронежскаго статистическаго комитета и сотрудника московскаго Археологическаго Общества. См. о немъ „Воронежскій Листокъ“, 1865, № 85 (некрологъ) и „Пятидесятилѣтіе Воронежскихъ Губернскихъ Вѣдомостей“ I. Состав. Н. В. Воскресенскій. Воронежъ 1888—1890, стр. XI и XXVIII, гдѣ указаны нѣкоторые изъ его трудовъ, посвященныхъ исторіи, археологіи и этнографіи Воронежской губерніи).

В. Жуковскій.

¹⁾Жаль, что не помѣчено, отъ кого эта былина слышана и записана, въ ней будто есть кое-гдѣ что то дѣланное. *Ред.*

СТАРЫЕ РУССКІЕ СТИХИ ¹⁾.

Пѣсни стихарей

Къ числу драгоценныхъ памятниковъ старой русской народной поэзіи принадлежатъ пѣсни слѣпцовъ, встрѣчающіяся въ рукописныхъ сборникахъ XVII и XVIII столѣтій и сохраняющіяся еще въ памяти народа. До сихъ поръ, несмотря на многія неблагоприятныя обстоятельства, эти пѣсни или стихи, какъ ихъ обыкновенно называютъ слѣпые стихари, переходятъ изъ рода въ родъ, отъ поколѣнія въ поколѣнію; они извѣстны по всей Россіи и поются нищею братією во время храмовыхъ праздниковъ въ монастыряхъ, по селамъ и деревнямъ. Нельзя однако не замѣтить, что въ послѣдніе годы число стихарей уже значительно уменьшились и со временемъ совершенно исчезнутъ; самыя эти произведенія народнаго духа перерождаются и уступаютъ мѣсто виршамъ позднѣйшаго изобрѣтенія, отличающимся безсмыслицей ²⁾. Поэтому уже давно пришла пора обратить вниманіе на собираніе этихъ драгоценныхъ памятниковъ старины; оно уже, правда, начато покойнымъ Кирѣевскимъ; но далеко еще не исчерпано, потому что, хотя цѣль этой поэзіи, если можно такъ выразиться, и не отличается богатствомъ содержанія, зато съ другой стороны представляетъ обиліе и богатство формъ языка. Одна и та же пѣснь или стихъ, напр. стихъ

¹⁾ Въ архивѣ Отдѣл. Этнографіи имѣется между неизданными въ трудахъ Общества нѣсколько болѣе или менѣе важныхъ матеріаловъ. Предлагаемые духовные стихи записаны покойнымъ учителемъ Новгородской гимназіи И. Отто. Превосходныя его записи были извѣстны покойному И. И. Срезневскому, но, сколько мнѣ извѣстно, не были имъ вполне использованы въ приложенияхъ къ Изв. II Отд. И. Ак. Н., а въ изданіяхъ И. Р. Г. Общ., куда были доставлены авторомъ, г. Отто, еще въ началѣ 1860-хъ гг., когда извинительно было назвать собирателю эти стихотворенія „древними“, „памятниками древней русской народной поэзіи“. Конечно, теперь, когда уже принято, и вполне правильно, древній періодъ русскаго языка и словесности, русской исторіи доводить до конца XIV в., и вмѣсто древнихъ стихотвореній слѣдуетъ называть ихъ старыми или старинными.

Ред.

²⁾ Для образца можно привести здѣсь извѣстный стихъ „За здравіе“ который обыкновенно поютъ витебскіе и псковскіе нище, извѣстные въ народѣ подъ именемъ поляковъ:

А мы нищая братія,
Мы убогіе люди;
Мы должны Бога молить,
Христа малюста просить
За Николаево здоровье,
За его долю, за счастье,
Спаси его, помилуй,

Самъ Христовъ, Царь Небесный,
Мать Пречистая Царица,
Богородица Мать Божья,
Воскресеніе Христово,
Вознесеніе Святое,
Живоначальная Троица
И со духами святыми
Нареченная Пятица и т. д.

о Голубиной книгѣ, объ Алексѣѣ Вожемѣ Человѣкѣ и т. д., представляетъ, смотря по мѣстности, особые оттѣнки и колоритъ, влияние извѣстнаго нарѣчія и проч.; одинъ и тотъ же стихъ поется разными стихарями различно: онъ у одного короче, у другого подробнѣе,—что составляетъ и составляло всегда особенность и отличительную черту народной поэзіи. Эти древнія пѣсни, сохраняемыя въ памяти народной, слѣдуетъ изучать въ живомъ родникѣ, изъ устъ народа: онѣ могутъ представить много данныхъ для изслѣдованій ученыхъ, могутъ внести новые факты въ область отечественной филологіи. Высокаго и важнаго интереса заслуживаетъ исторія этого рода поэзіи; но для разъясненія ея необходимо глубокое изученіе: нѣкоторыя изъ этихъ пѣсней носятъ печать отдаленной старины, другія же распространились у насъ позже, заимствованы изъ юльскихъ губерній и не утратили въ устахъ народа признаковъ и колорита своего происхожденія. Весьма важно было бы показать, какъ проиняли онѣ къ намъ и въ какой степени измѣнились подъ влияніемъ народности. Это влияние болѣе или менѣе замѣтно въ каждой пѣснѣ, но, по нашему мнѣнію, особенно должны быть важны тѣ изъ нихъ, въ которыхъ народной элементъ преобладаетъ, которыя сложились въ устахъ народа и запечатлѣны и дышатъ истинною красотой и прелестью поэзіи.

Вообще говоря, характеръ этого рода поэзіи отличается мрачностью, аскетическимъ духомъ, проникнуть глубокою грустью, которая вѣетъ въ каждой стихѣ. Стоять только внимательно прислушаться къ пѣснямъ слѣпой нищей братіи, жалобно и тоскливо поющей гдѣ-нибудь у святыхъ воротъ монастырскихъ или у какой-нибудь старой деревенской часовни, освѣщенной столѣтними елями или березами—и напѣвъ, и содержаніе пѣсней, главную и любимую тему которыхъ бываетъ страшный судъ и муки грѣшниковъ, произведутъ на васъ какое-то особенно грустное впечатлѣніе. Эти пѣсни можно сравнить съ произведеніями древней живописи, представляющими адъ со всѣми атрибутами,—съ произведеніями, въ которыхъ видите болѣе мрачныхъ тѣней, чѣмъ свѣта.

Предлагаемыя пѣсни составляютъ часть коллекціи, собранной нами въ разныхъ мѣстностяхъ Новгородской губерніи и записанной со словъ слѣпыхъ. Мы не имѣли возможности повѣрить и сличить ихъ съ пѣснями того же содержанія у Кирѣевского, думаемъ, однако, что онѣ во многомъ отличаются и имѣютъ особые оттѣнты. Одинъ изъ стиховъ „Объ Алексѣѣ“ былъ уже напечатанъ въ IV-омъ томѣ Извѣстій Академіи Наукъ подъ заглавіемъ: „Про змѣю въ Рахлейскомъ царствѣ“, читатели могутъ сравнить оба варианта. Стихъ „Про удачу добраго молодца“, представленный нами въ двухъ слискахъ, пользуется особенною популярностью, онъ составляетъ отрывокъ изъ недавно найденнаго произведенія народнаго „О Горь-аосчастіи“. Предлагаемыя стихотворенія мы старались по возможности записывать съ соблюденіемъ мѣстнаго говора.

Н. Отто.

Голубиная книга.

(по двумъ вариантамъ).

Изъ-подъ той страны изъ-подъ
восточныя
Выставала туча темна, грозная;
Да изъ той изъ тучи грозной,
темныя
Выпадала книга голубиная.
На славную она выпала на
Фаворъ-гору,
Ко чудну кресту къ животворя-
щему,
Ко тому ко камню, ко бѣлатырю,
Ко честной главы ко адамовой.
Ко этой книги голубинныя
Собирались къ ней, собѣжались
Сорокъ царевъ, все царевичи,
И премного князей, много князе-
вичей;
Изъ нихъ было пять царевъ
набольшнхъ:
Былъ Исай царь, другой царь
Костянтинъ,
Былъ Василей царь, сынъ Акуль-
евичъ,
Волотоманъ царь былъ Волото-
мановичъ,
Нашъ премудрый царь Давидъ
Евсѣевичъ.
Возговоритъ Волотоманъ царь
Волотомановичъ:—
„Государя! братцы, сорокъ царей,
„Хто изъ насъ, братцы, гораздъ
по памяти,
„Хто прочелъ бы намъ книгу
голубиную:
„Какъ бы узнать намъ во книгѣ
что написано,
„Въ голубиной напечатано?“
Тогда всѣ цари тутъ приумолк-
нули.
Имъ отвѣтъ держалъ на то пре-
мудрый царь,
Имъ отвѣтъ той страны съ-
подъ восточныя
Уставала туча темна, грозная;
Изъ-подъ той тучи темной, гроз-
ныя
Выпадала книга голубиная
И на славную на Хаворъ-гору,
Ко чудному кресту животворя-
щему,
Ко тому ко камню, ко бѣлатырю,
Ко честной главы ко адамовой.
Какъ къ этой книгѣ голубинныя
Собиралися кнѣзи, собѣжались,
Сорокъ царей, сорокъ царевичей,
Премного князей, много княже-
вичей;
Ино пять царей всѣхъ набольшіе:
Былъ и царь Исай, другой Ко-
стянтинъ,
Былъ Василей царь Сенакуръ-
евичъ,
Былъ Волотоманъ царь Волото-
мановичъ,
Нашъ премудрый царь Давидъ
Авсѣевичъ.
Взговорилъ царь Волотоманъ
Волотомановичъ:—
„Ино кто жъ бы съ насъ, братцы,
по памяти,
„Кто прочелъ бы намъ, братцы,
про бѣлый свѣтъ,
„Чтобы знать во книгѣ что на-
писано,
„(Въ) голубиной книгѣ напеча-
тано“.
Оны всѣ цари тутъ приумолк-
нулись.
Имъ отвѣтъ держалъ на то пре-
мудрый царь,
Нашъ премудрый царь Давидъ
Авсѣевичъ:

Нашъ премудрый царь Давидъ
Евсѣевичъ:

„Государи! братцы, сорокъ царей,
„Я вамъ такъ скажу, братцы,
по памяти!

„По памяти, какъ по грамоты,
„Про эту книгу голубиную.

„Великая книга голубиная!
„Вдлинну книга сорока локоть,
„Поперегъ книга тридцати ло-

„Въ толщину книга десяти ло-

„Не узнать намъ во книгѣ что
написано;

„На рукахъ держать намъ книгу,
не удержать будётъ;

„Умомъ намъ сей книги не со-

„И очамъ намъ книгу не обо-

„Великая книга голубиная!
„Писалъ эту книгу святъ Исая

„Читалъ эту книгу Иванъ Бого-

„Онъ читалъ эту книгу ровно
три года,

„Прочиталъ во книгѣ только три
листа.“

Ему всѣ цари поклонилися:

„Тебе спасетъ Богъ, свѣтъ-сударь,
премудрый царь,

„Нашъ премудрый царь Давидъ
Евсѣевичъ.

„Хорошо сказалъ, государь, намъ
по памяти.

„Ты еще, государь нашъ, намъ
про то скажи:

„Отчего начался у насъ бѣлый
свѣтъ,

„Отчего у насъ солнце красное,
„Отчего у насъ младъ свѣтель

мѣсяцъ,

„Отчего у насъ звѣзды частыя,
„Отчего у насъ зори свѣтлыя?“

Имъ отвѣтъ держалъ на то пре-

„Нашъ премудрый царь Давидъ
Евсѣевичъ:

„Государи, и вы, братцы, сорокъ
царей,

„Не узнать вамъ, братцы, что
написано,

„(Въ) голубиной книгѣ напеча-

„Я вамъ такъ скажу, братцы, по
памяти:

„Великая книга голубиная!
„Намъ читать, всей книги не

„На рукахъ держать, не судер-

„Намъ очамъ всей книги не

„Намъ умомъ всей книги не

„Великая книга голубиная!
„Какъ, вдоль есть книга сорока

„Поперегъ есть книги тридцати

„Толщиною есть книги десяти

„Писалъ эту книгу свѣтъ-Исая

„Читалъ эту книгу Иванъ Бого-

„Онъ читалъ одну ровно три

„Прочиталъ въ книгѣ только

„Великая книга голубиная!“

Ему вси цари тутъ поклонилися:

„И спасетъ Богъ, свѣтъ, нашъ
премудрый царь,

„Нашъ премудрый царь Давидъ
Авсѣевичъ!

„Хорошо сказалъ, сударь, по
памяти

„Намъ про эту книгу голубиную;
„А яще ты, сударь, намъ про то

„Отчего начался у насъ бѣлый
свѣтъ,

„Отчего ли у насъ солнце красное,
„Отчего ли у насъ младъ свѣтель

мѣсяцъ,

„Отчего ли у насъ звѣзды частыя
„Отчего у насъ зори свѣтлыя,
„Зори утреннія, зори вечернія?“

„Начинался бѣлъ свѣтъ отъ
свята Духа,

„Отъ Святаго Духа, самого
Христа,

„Самого Христа, Царя Небѣснаго.

„Солнце красное—отъ лица Божья,

„Младъ свѣтелъ мѣсяцъ—отъ
грудей Божьихъ,

„Звѣзды частыя—оны отъ ризъ
Божьихъ,

„Зори свѣтлыя—отъ очей Божьихъ,

„Самого Христа, Царя Небѣснаго.“

Ему вси цари поклонилися:

„Тебе спасеть Богъ, свѣтъ-сударь,
премудрый царь,

„Нашъ премудрый царь Давидъ
Евсѣевичъ!

„Хорошо сказалъ, сударь, намъ
по памяти

„Про эту книгу голубиную.

„Ты еще, государь нашъ, намъ
про то скажи:

„Отчего цари зачадилися

„И отчего князья со боярами,

„Отчего крестьяны православ-
ныя“?

Имъ отвѣтъ держалъ на то пре-
мудрый царь,

Нашъ премудрый царь Давидъ
Евсѣевичъ:

„Зачадилися цари со царицами

„Отъ честной главы отъ ада-
мовой;

„Зачадилися князья со боярами

„Отъ честныхъ мощей отъ ада-
мовыхъ;

„Завелось крестьянство право-
славное

„Отъ того колѣна отъ адамова“.

Ему всѣ цари поклонилися:

„Тебе спасеть Богъ, свѣтъ су-
дарь, премудрый царь,

„Нашъ премудрый царь Давидъ
Евсѣевичъ!

„Хорошо сказалъ, государь нашъ,
намъ по памяти

„Про эту книгу голубиную.

„Ты еще, государь нашъ, намъ
про то скажи:

„Который у насъ городъ горо-
дами (sic) мать

Оны вси цари тутъ приумолкну-
лись.

Имъ отвѣтъ держалъ на то пре-
мудрый царь,

Нашъ премудрый царь Давидъ
Авсѣевичъ:

„Государи и вы, братцы, сорокъ
царей,

„У насъ начался бѣлый свѣтъ
отъ Свята Духа,

„Отъ Святаго Духа, отъ самого
Христа,

„Отъ самого Христа Царя Небѣс-
наго,

„Младъ свѣтелъ мѣсяцъ—отъ
груды Божей,

„Солнце красное—отъ лица Божья,

„Звѣзды частыя—отъ ризъ Божей,

„Зори свѣтлыя—отъ очей Божьихъ,

„Самого Христа, Царя Небѣснаго.“

Ему вси цари тутъ поклонилися:

„И спасеть Богъ, свѣтъ-сударь,
премудрый царь!

„Хорошо сказалъ, сударь, по па-
мяти

„Намъ про эту книгу голубиную.

„А еще ты, сударь, намъ про то
скажи:

„Отчего цари у насъ зачадилися,

„Отчего князье у насъ со боя-
рами,

„Отчего крестьянство правосла-
вное?“

Имъ отвѣтъ держалъ на то пре-
мудрый царь,

Нашъ премудрый царь Давидъ
Авсѣевичъ:

„Государи и вы, братцы, сорокъ
царей,

„Зачадилися цари со царицами

„Отъ частной главы отъ ада-
мовой;

„Въ насъ пошло князье со боя-
рами

„Отъ тыхъ отъ мощей отъ ада-
мовыхъ;

„Въ насъ пошло крестьянство
православное

„Отъ того колѣна отъ адамова“.

Ему вси цари тутъ поклонилися:

„И которая церква надъ церк-
вами мать,
„И который царь всѣмъ царями
царь“?
Имъ отвѣтъ держалъ на то пре-
мудрый царь:
„Иерусалимъ городъ — городамъ
мать.
„Почему Иерусалимъ городъ го-
родамъ мать?
„А стоитъ Иерусалимъ городъ
посреди земли,
„Посреди земли — во ней путь
земной.
„Во начальномъ градѣ, во Іеру-
салимѣ—
„Тутъ построена церковь со-
борная,
„Во этой церкви во соборныя,
„Въ ней содержится гробница
Господняя:
„Она на воздусяхъ, сама на
вознесяхъ.
„Тутъ темьянъ и ладонъ рядомъ
курятся,
„Свѣча теплится неугасимая—
„Потому Иерусалимъ городъ го-
родамъ мать,
„Потому эта церква надъ цер-
квямъ мать,
„А нашъ бѣлый царь всѣмъ ца-
рями царь.“
Ему вси цари поклонилися:
„Тебе спасеть Богъ, свѣтъ су-
дарь, премудрый царь,
„Нашъ премудрый царь Давидъ
Евсѣевичъ!
„Хорошо сказалъ, государь нашъ,
намъ по памяти
„Про эту книгу голубиную.
„Ты еще, государь нашъ, намъ
про то скажи:
„Которая у насъ земля всѣмъ
землями (sic) мать
„И которая гора всѣмъ горамъ
мать,
„И которое древо всѣмъ древамъ
мать?“
Имъ отвѣтъ держалъ на то пре-
мудрый царь,

„И спасеть Богъ, свѣтъ-сударь,
премудрый царь,
„Нашъ премудрый царь Давидъ
Авсѣевичъ!
„Хорошо сказалъ, сударь, по па-
мяти
„Намъ про эту книгу голубиную.
„А еще ты, сударь, намъ про то
скажи:
„Который у насъ городъ горо-
дамъ отецъ,
„Которая церква всѣмъ церквамъ
отецъ,
„Который у насъ царь всѣмъ
царями царь?“
Имъ отвѣтъ держалъ на то пре-
мудрый царь,
Нашъ премудрый царь Давидъ
Авсѣевичъ:
„Государи, и вы, братцы, сорокъ
царей,
„Иерусалимъ у насъ городъ го-
родамъ отецъ.
„Почему Иерусалимъ городъ го-
родамъ отецъ?
„А стоитъ Иерусалимъ посреди
земли,
„Посреди земли, середь свѣту
бѣлаго,
„Подъ имъ держится, подъ имъ
путь земной—
„Потому Иерусалимъ городамъ
отецъ.
„Во славномъ градѣ Иерусалимѣ,
„Тамъ сотворена церква собор-
ная;
„Какъ да въ той во церкви во
соборныя,
„Тамъ содержится гробница Го-
сподняя,
„Самого Христа, Царя Небѣснаго,
„И на воздусяхъ и на логостахъ,
„Тамъ темьянъ и ладонъ рядомъ
курятся,
„Свѣча топится тамъ неугаси-
мая—
„Потому тая церква всѣмъ церк-
вамъ отецъ.
„А нашъ бѣлый царь всѣмъ ца-
рями царь“

Нашъ премудрый царь Давидъ
Евсѣевичъ:

„Государи, братцы, сорокъ царей!

„Свята Русь-земля всѣмъ зем-
лямъ (sic) мать.

„Почему свята Русь-земля всѣмъ
землямъ мать?

„Изукрашена свята Русь-земля
Божьимъ церквамъ,

„На ней строятся церкви со-
борныя—

„Потому она всѣмъ землями мать.

„А Фаворъ-гора всѣмъ горамъ
мать.

„Почему-жъ Фаворъ-гора надъ
горами мать?

„На славной было на Фаворъ-
горы

„Преобразился на горы самъ
Исусъ Христосъ

„Се двумъ-на-десятью со апо-
столамъ—

„Потому Фаворъ-гора надъ го-
рами мать.

„Кипарисъ-древо всѣмъ древамъ
мать.

„Почему-жъ кипарисъ-древо
всѣмъ древамъ мать?

„Изъ того изъ древа кипариснаго,

„Изъ него былъ вырѣзанъ пре-
чудный крестъ;

„На томъ крестѣ животворя-
щимъ,

„На немъ былъ распятъ Самъ
Исусъ Христосъ—

„Потому кипарисъ-древо всѣмъ
древамъ мать.“

Ему вси цари поклонилися:

„Тебе спасеть Богъ, свѣтъ су-
дарь, премудрый царь,

„Нашъ премудрый царь Давидъ
Евсѣевичъ!

„Хорошо сказалъ, государь нашъ,
намъ по памяти

„Про эту книгу голубиную.

„Ты еще, государь нашъ, намъ
про то скажи:

„Какое у насъ море надъ мо-
рами мать.

„И которое озеро озерамъ мать,

„Почему нашъ бѣлый царь всимъ
царями царь?

„Какъ у нашего царя бѣлаго,
„Въ его царствѣ вѣра благоувер-
ная,

„Благоуверная, благочестивая;
„Высокая его рука царьская
„По всей земли, всей подселен-
ныя—

„Потому нашъ бѣлый царь всимъ
царями царь.“

Они вси цари тутъ поклонилися:

„И спасеть Богъ, свѣтъ-сударь,
премудрый царь!

„Хорошо сказалъ, сударь, по па-
мяти

„Намъ про эту книгу голубиную.

„А яще ты, сударь, намъ про то
скажи:

„Какоторая земля у насъ всимъ
землямъ отецъ,

„Какоторая у насъ гора всимъ го-
рамъ отецъ,

„Какоторое у насъ древо всимъ
древамъ отецъ?“

Они вси цари тутъ приумолкну-
лись.

Имъ отвѣтъ держалъ на то пре-
мудрый царь,

Нашъ премудрый царь Давидъ
Авсѣевичъ:

„Государи и вы, братцы, сорокъ
царей,

„Свѣтла Русь-земля всимъ зем-
лямъ отецъ.

„Почему свѣтла Русь-земля зем-
лямъ отецъ?

„Сокращена земля Божьимъ цер-
квамъ,

„По ней строятся церкви собор-
ныя,

„По усей земли, всей подселен-
ныя—

„Потому свѣтла Русь-земля всимъ
землямъ отецъ.

„А Хаворъ есть гора всимъ го-
рамъ отецъ.

„Почему Хаворъ-гора всимъ го-
рамъ отецъ?

„А на славной было на Хаворъ-
горы,

„И которая рѣка всѣмъ рѣкамъ мать?“

Имъ отвѣтъ держалъ на то премудрый царь,

Нашъ премудрый царь Давидъ Евсѣевичъ:

„У насъ Кіань-море всѣмъ морямъ мать.

„Почему Кіань-море надъ морямъ мать?

„Обошло Кіань - море вокругъ земли,

„Вокругъ земли, всей подселенныя—

„Потому Кіань-море надъ морямъ мать.

„А Ильмень озеро надъ озерамъ мать.

„Да не тотъ Ильмень, кой надъ Новѣмъ-Градѣмъ,

„И не тотъ Ильмень, кой во большой Орды,

„А есть тотъ Ильмень, кой въ Турецкой земли.

„Изъ того Ильменя, изъ озера „Протекаетъ матушка Иордань-рѣка—

„Потому Ильмень озеро озерамъ мать.

„А Иордань-рѣка надъ рѣкамъ мать.

„Во славной матушки, во Иордань-рѣки

„Окрестился въ ней самъ Иисусъ-Христосъ—

„Потому Иордань-рѣка надъ рѣкамъ мать.“

Ему всѣ цари поклонилися:

„Тебе спасетъ Богъ, свѣтъ-сударь, премудрый царь,

„Нашъ премудрый царь Давидъ Евсѣевичъ!

„Хорошо сказалъ, сударь, по памяти

„Намъ про эту книгу голубиную.

„Ты еще, сударь, намъ про то скажи:

„Которая у насъ рыба надъ рыбамъ мать

„И которая птица надъ птицамъ мать.

„Преобразился тамъ самъ Иисусъ Христосъ,

„Со двумъ ангеламъ, свѣтъ-апостоламъ—

„Потому Хаворъ всимъ горамъ отецъ.

„Кипарисо-дерево всимъ деревьямъ отецъ.

„Почему кипарисо-дерево всимъ деревьямъ отецъ?

„А на славномъ деревѣ кипарисовомъ,

„Тамъ вырѣзанъ былъ пречудный крестъ;

„И на томъ кресту животворящимъ,

„Тамъ распятый былъ самъ Иисусъ Христосъ—

„Потому кипарисо всимъ деревьямъ отецъ.“

Ему вси цари тутъ поклонилися:

„И спасетъ Богъ, свѣтъ-сударь, премудрый царь,

„Нашъ премудрый царь Давидъ Авсѣевичъ!

„Хорошо сказалъ, сударь, по памяти

„Намъ про эту книгу голубиную.

„А еще ты, сударь, намъ про то скажи:

„Которое море всимъ морямъ отецъ?“¹⁾

„У насъ Кіань-море всимъ морямъ отецъ.

„Почему у насъ Кіань всимъ морямъ отецъ?

„Обошло Кіаньъ вокругъ земли,

„Вокругъ земли, всего свѣту бѣлаго—

„Потому Кіанъ всимъ морямъ отецъ.

„А Ильмень есть озеро озерамъ отецъ.

„Почему Ильмень озеро озерамъ отецъ?

„Да не тотъ Ильмень, кой надъ Новѣмъ градѣмъ,

„Да не тотъ Ильмень, кой у Большой Орды,

¹⁾ Очевидно, здѣсь пропускъ, какъ видно изъ отвѣта Давида Авсѣевича.

- „И который звѣрь надъ всѣмъ звѣрями звѣрь?“
Имъ отвѣтъ держалъ на то премудрый царь,
Нашъ премудрый царь Давидъ Евсѣевичъ:
„У насъ кить-рыба надъ рыбама мать.
„Почему-жь кить-рыба надъ рыбама мать?
„На трехъ китахъ—на рыбамахъ,
„На тридцати было на малыхъ,
„Основана на нихъ вся сыра земля
„И содержится вся подселенная—
„Потому кить-рыба надъ рыбама мать.
„А Стрефилъ-птица надъ птицама мать.
„Почему-жь она надъ птицама мать?
„Сидитъ Стрефилъ-птица посреде моря,
„Она плодъ плодитъ во синем море,
„А полетъ сама держитъ по небесью.
„Послѣ полуночи, во второмъ часу,
„Какъ Стрефилъ-птица—она трепхнется,
„Запоютъ куры у насъ по всей земли,
„Просвѣщается тогда вся вселенная—
„Потому Стрефилъ-птица всѣмъ птицама мать.
„Единорогъ-звѣрь всѣмъ звѣрями звѣрь.
„Почему Единорогъ всѣмъ звѣрями звѣрь?
„Живетъ Единорогъ - звѣрь во Святой-горы,
„Онъ проходъ имѣетъ по подземелью,
„Прочищаетъ всѣ ключи источникны.
„Когда Единорогъ-звѣрь поворочится,
- „А есть тотъ Ильмень, кой (въ) Турецкой земли.
„Какъ изъ того Ильменя, да изъ озера,
„Протекла, прошла мать Иордань-рѣка—
„Потому что тое озеро озерамъ отецъ.
„Мать Иордань-рѣка всимъ рѣкамъ отецъ.
„Почему Иорданъ всимъ рѣкамъ отецъ?
„А крестился въ рѣки самъ Иисусъ Христосъ,
„Утвержалась вѣра христіанская
„По усей земли, всей подселенная—
„Потому Иорданъ всимъ рѣкамъ отецъ.“
Ему вси цари тутъ поклонилися:
„И спасетъ Богъ, свѣтъ-сударь, премудрый царь,
„Нашъ премудрый царь Давидъ Евсѣевичъ!
„Хорошо сказалъ, сударь, по мамати
„Намъ про эту книгу голубиную.
„А яще ты, сударь, намъ про то скажи:
„Которая у насъ рыба всимъ рыбама отецъ,
„И которая у насъ птица всимъ птицама отецъ,
„И которой у насъ звѣрь всимъ звѣрями (sic) звѣрь?“
Они вси цари тутъ приумолкнули.
Имъ отвѣтъ держалъ на то премудрый царь,
Нашъ премудрый царь Давидъ Евсѣевичъ:
„Государи, и вы, братцы, сорочь царей,
„У насъ кить-рыба есть всимъ рыбама отецъ.
„Почему у насъ кить всимъ рыбама отецъ?
„На трехъ рыбамахъ, на китынахъ,
„И основана у насъ мать сыра земля,

„Воскипятъ ключи всѣ подзе-
мельные—

„Потому Единорогъ-звѣрь всѣмъ
звѣрями звѣрь“.

Ему всѣ цари поклонилися:
„Тебе спасеть Богъ, свѣтъ-сударь,
премудрый царь!

„Хорошо сказалъ сударь по па-
мяти.

„Ты еще, сударь, намъ про то
скажи:

„Который у насъ камень каме-
менямъ мать

„И которая трава всѣмъ травамъ
мать,

„И которыми грѣхамъ покойные
есть,

„И которыми грѣхамъ покойныя
нѣтъ?“

Имъ отвѣтъ держалъ на то пре-
мудрый царь,

Нашъ премудрый царь Давидъ
Евсѣевичъ:

„Бѣлатырь камень каменямъ
мать.

„Почему Бѣлатырь каменямъ
мать?

„На томъ камнѣ Бѣлатырь,
„На немъ бесѣдовалъ самъ Иисусъ

Христосъ

„Со двумя-на-десятью со апо-
столамъ,

„Утвержали вѣру Христіанскую,
„Роспушдали книгу голубиную

„По всей земли-подселенныя—
„Потому Бѣлатырь каменямъ

мать.
„А Плакунъ-трава надъ травамъ

мать.“
„Почему Плакунъ-трава надъ

травамъ мать?
„Когда былъ роспать самъ Иисусъ

Христосъ,
„Тогда шла Мать Пресвятая

Богородица
„Ко своему Сыну ко роспятому,

„Она ронила свои слезы пре-
чистыя

„На матушку на сыру землю.
„Отъ еѣныхъ слезъ отъ пре-
чистыхъ

„И содержится вся подселен-
ная—

„Потому у насъ кить-рыба всѣмъ
рыбамъ отецъ.

„А Стрепелъ же птица всѣмъ
птицамъ отецъ.

„Почему Стрепелъ всѣмъ пти-
цамъ отецъ?

„А сидитъ Стрепелъ посреди
моря

„И наплодъ плодитъ въ синѣ
мори,

„А полеть держитъ по подне-
бесью.

„Послѣ полуночи, во второмъ
часу,

„Какъ Стрепелъ же птица во-
стрепехнется,

„Запоютъ у насъ куры по усей
земли—

„Потому Стрепелъ всѣмъ птицамъ
отецъ.

„Единоръ (sic) есть звѣрь всѣмъ
звѣрями звѣрь.

„А живетъ Единоръ-звѣрь во
Святой горы,

„Проходилъ звѣрь самъ по под-
зѣмелью,

„Прочищаль ручьи вси восточ-
ные;

„Когда Единоръ-звѣрь поворо-
тится,

„Воскипятъ ключи вси подзе-
мельные—

„Потому единоръ всѣмъ звѣрями
звѣрь.“

Ему вси цари тутъ поклонилися:
„И спасеть Богъ, свѣтъ-сударь,
премудрый царь,

„Нашъ премудрый царь Давидъ
Авсѣевичъ!

„Хорошо сказалъ, сударь, по па-
мяти

„Намъ про эту книгу голубиную.
„А яще ты, сударь, намъ про то

скажи:

„Который у насъ камень каме-
нямъ отецъ,

„Которая у насъ трава всѣмъ
травамъ отецъ,

„Зарождалась на земли Плакунъ-трава.

„Изъ того коренія изъ плакунова
„Вырѣзають у насъ въ Руси
креста чудные,

„Ино тѣмъ у насъ люди спаса-ются:

„Всѣ монахи и старцы, и всѣ юноши—

„Потому Плакунъ - трава надъ травамъ мать.

„Братцы, всѣмъ грѣхамъ покоянья есть,

„А этнимъ грѣхамъ покоянья нѣтъ:

„Который бранить, братцы, Свята Духа

„И который бранить отца со матерью,

„И который во утробы плодъ запарчивать,

„И кой грѣшить кумъ со кумой крестовою—

„Этимъ грѣхамъ покоянья нѣтъ“.

Ему всѣ цари поклонилися:

„Тебе спасеть Богъ, свѣтъ-сударь, премудрый царь!

„Хорошо сказалъ сударь по памяти

„Намъ про эту книгу голубиную“.

Возговорить Волотоманъ царь Волотомановичъ:

„Государи, братцы, сорокъ царей!

„Что случилось во моемъ во чистомъ полѣ:

„Быть два зайчика сбѣгалися—
„Одинъ сѣренькій былъ, другой бѣленькій,—

„И промежду собой оны подралися,

„Быть какъ сѣрый бѣлаго приобидѣлъ же.

„Пошелъ бѣленькій во чисто поле,

„Пошелъ сѣренькій во темны лѣса.“

Тогда всѣ цари приумолкнули.

Имъ отвѣтъ держалъ на то премудрый царь,

„Которымъ грѣхамъ покоянья нѣтъ,

„Которымъ грѣхамъ покоянья есть?“

Они вси цари тутъ приумолкнули.

Имъ отвѣтъ держалъ на то премудрый царь,

Нашъ премудрый царь Давидъ Авсевиць:

„Государи, и вы, братцы, сорокъ царей,

„Бѣлолатырь камень каменьямъ отецъ.

„Почему Бѣлолатырь камень каменьямъ отецъ?

„И на славномъ камнѣ на Бѣлолатырь,

„Тамъ бесѣдовалъ самъ Исусъ Христосъ,

„И распущали книгу голубиную, (sic)

„И утверждали вѣру Хрестіанскую

„По усей земли, всей подселенныя—

„Потому Бѣлолатырь-камень каменьямъ отецъ.

„Почему Плакунъ-трававсимвъ травамъ отецъ?

„Какъ распятый былъ самъ Исусъ Христосъ,

„Тамъ ишла Матерь Божія Богородица

„Ко своему ко Сыну ко распятому

„И роняла слезушки пречистыя

„И на матушку на сыру землю.
„Какъ же съ тыхъ же слезушекъ пречистыхъ

„Зародилась у насъ на земли Плакунъ трава.—

„Потому Плакунъ-трава всимвъ травамъ отецъ.

„Ино всимвъ грѣхамъ покоянья есть,

„Только тымъ грѣхамъ покоянья нѣтъ,

„Который бранить, братцы, Свята Духа.

Нашъ премудрый царь Давидъ
Евсѣевичъ:

„Это не зайчики въ полѣ собѣ-
галися:

„Тутъ сошлася кривда со прав-
дою

„И промежду собою оны подра-
лися.

„Нонѣчь кривда правду приоби-
дѣла,

„Пошла правда она на вышнія
небеса,

„А кривда оставалась на сырой
земли,

„По всему народу православному.

„Она пала намъ всѣмъ на ретиво
сердце—

„Оттого у насъ въ мирѣ, стало
правды нѣтъ,

„Стали беззаконія великія.“

Ему вси цари поклонилися:

„Тебе спасеть Богъ, свѣтъ-су-
дарь, премудрый царь,

„Нашъ премудрый царь Давидъ
Евсѣевичъ!

„Хорошо сказалъ, сударь, по па-
мяти.“

Возговорить Волотоманъ царь
Волотомановичъ:

„Государи, братцы, сорокъ царей,
„Миѣ ночесе-ночь мало спадоса,

„Миѣ предивный сонъ во снѣ
превидѣлся:

„Быдо во моемъ саду во зеле-
нымъ

„Выростало тутъ древо сахárное;
„На мое на древо на сахárное

„Прилетала пташечка маленька,
„Рослушчала перья до сырой

„Ино кто сказалъ бы, братцы,
про мой дивный сонъ,

„Я-бъ того, сударь, много пожа-
ловалъ.“

Тогда всѣ цари приумолкнули.

Имъ отвѣтъ держалъ на то пре-
мудрый царь,

Нашъ премудрый царь Давидъ
Евсѣевичъ:

„Отъ моей царицы отъ благоу-
вѣрныя

„Только тымъ грѣхамъ покоянья
нѣтъ,

„Который бранить, братцы, отца
со матерью;

„Только тымъ грѣхамъ покаянья
нѣтъ,

„Который грѣшитъ кумъ со ку-
мой крестовою

„Да который во утробѣ плодъ
запарчивалъ—

„Только тымъ грѣхамъ покоянья
нѣтъ.“

Ему вси цари тутъ поклонилися:

„И спасеть Богъ, свѣтъ-сударь,
премудрый царь,

„Нашъ премудрый царь Давидъ
Авсѣевичъ!

„Хорошо сказалъ, сударь, по па-
мяти

„Намъ про эту книгу голубиную.“

Взговорилъ Волотоманъ царь Во-
лотомановичъ:

„Государи, я вы, братцы, сорокъ
царей!

„Что въ моимъ во полѣ солучилося:
„Быть два зайчика собѣгалися—

„Одинъ сѣренькій, другой бѣ-
ленькій—

„И, сошедшия, оны подралися,
„Сѣрый бѣлаго превзабидилъ же.

„Пошелъ бѣленькій во темны
лѣса,

„Пошелъ сѣренькій во чисто
поле.“

И оны вси цари тутъ приумолк-
нулись.

Имъ отвѣтъ держалъ на то пре-
мудрый царь,

Нашъ премудрый царь Давидъ
Авсѣевичъ:

„Государи, я вы, братцы, сорокъ
царей,

„И не зайчики тутъ соходилися:
„Соходилася тутъ кривда со

правдою

„И, сошедшия, оны подралися.
„Нынѣ кривда правду приоби-
дила,

„А правда пошла и на небеса,
„Къ самому Христу, Царю Небес-
ному,

„Народится сынъ, царь Саломонъ:

„А отъ его царицы отъ благо-
честивья

„Народится дочь Саломонидія.

„Мому сыну, царю Соломону,

„На его на дочери быть жени-
тися.

„Черезъ тридцать лѣтъ этотъ
сонъ розсудится.“

„А кривда оставалась у насъ на
земли,

„По всему по міру православно-
ному,

„Она пала намъ на ретиво
сердце—

„За то нынѣ, стало, правды нѣтъ,

„Беззаконія стали великія.“

Стихъ про Егорьевы мученія.

При томъ царѣ при Федорѣ—

У его была царица благувѣрная,

Благувѣрная, благочестивая.

Спородила царица она три отрока:

Два отрока—отроковицы,

Третьяго отрока—Егорья храбраго.

Изъ того-ли изъ града изъ Китаева

Подымался невѣрный царь Диклитіанище,

Іерусалимъ, святой городъ, весь повыгубилъ,

Онъ князей и бояръ всѣхъ подъ мечъ склонилъ,

А онъ Божьи церкви всѣ на дымъ пустилъ,

Святыхъ образовъ подъ коней послалъ.

А благовѣрнаго царя Федора—

Онъ взялъ его невѣрный царь за желты кудри,

Отводилъ его далече въ чисто поле,

Отрубилъ онъ мечемъ ему буйную голову.

А Егорья, отрока премладава—

Онъ мучилъ его мукамъ всякимъ, разнымъ:

Онъ пыталъ Егорья батошьемъ стегать,

Батошьемъ стегать все зельзнымъ.

Не взяло Егорья батошьемъ стегать:

Батошья отъ Егорья всѣ преломалися,

Мастеровыя руки опушались,

Ничего Егорью тутъ не сдѣлалось.

Онъ пыталъ Егорья и колесомъ тереть,

Не взяло Егорья колесомъ тереть:

Колесо все отъ Егорья извертѣлося,

Ничего Егорью тутъ не сдѣлалось.

Онъ, невѣрный царь Диклитіанище,

Онъ пыталъ Егорья и пиламъ пилить—

Не взяло Егорья и пиламъ пилить:

Вси пилы отъ Егорья преизгибалися,

Ничего Егорью тутъ не сдѣлалось.

Онъ пыталъ Егорья и топорамъ рубить,

И не взяло Егорья и топорамъ рубить:

Топоры всѣ отъ Егорья преломалися,

Мастеровыя руки опушались,

Ничего Егорью тутъ не сдѣлалось.

Онъ, невѣрный царь Диклитіанище,
Онъ пыталъ Егорья во смолы варить,
Не взяло Егорью во смолы кипѣть.
Онъ пыталъ Егорья и на воды топить,
Не взяло Егорью и на воды тонуть:
Онъ противъ воды Егорій гоголемъ плыветь.
Гоголемъ плыветь, самъ стихи поеть,
Онъ стихи поеть, Егорій, херувимскіе,
Херувимскіе поеть по архангельски.
Онъ презлой, невѣрный царь Диклитіанище,
Онъ беретъ Егорья за бѣлы руки,
Отводилъ далече его во чисто поле,
На славную гору Сорочинскую;
Приказалъ онъ выкопать ему глыбокъ погрѣбъ,
Глыбиною былъ погрѣбъ сорока сажень;
Посадилъ онъ свѣта-Егорья во глыбокъ погрѣбъ,
Задвигалъ онъ его рѣшетками все желѣзнымъ,
Засыпалъ онъ песками рудожелтымъ,
Онъ дубьемъ и кольемъ заворачивалъ,
Онъ самъ, невѣрный царь, приговаривалъ:
„Не бывать теперь Егорья на бѣломъ свѣту,
„Не видать Егорью солнца краснаго,
„Не слышать Егорью повелѣнья Божьяго“.
Самъ пошелъ онъ, невѣрный царь,
Во свой (во) Китай-городъ,
Во свое во царство беззаконное.
Онъ Егорьевыхъ двухъ милыхъ сестеръ,
Онъ побралъ, проклятый, во полонъ къ себѣ,
Заставлялъ онъ ихъ пасти стада звѣриныя:
Звѣрей разныхъ, различныхъ.
Миновало тому время ровно три года,
Подымалися, вѣтра буйные
На славную гору Сорочинскую—
Всѣ дубья, колодыя разворачило
И песка желтыя всѣ поразвѣяло,
Раскрывалися рѣшетки всѣ желѣзныя,
Выходилъ Егорій вонъ изъ погрѣба,
Помолился Егорій на образа Спасителя,
Пошелъ Егорій храбрый онъ въ Іерусалимъ городъ.
Іерусалимъ, ихній городъ, весь повыгубленъ,
Только оставши во святомъ градѣ, въ Іерусалимѣ,
Единая полата бѣлокаменная
Его батюшки, царя Феодора,
Да еще былъ оставши второй Давыдовъ домъ.
Взошелъ Егорій храбрый въ свои палаты бѣлокаменны,
Онъ крестъ держалъ Егорій по писанному,
Онъ поклонъ поклонялся до сырой землѣ
Своей матушкѣ Софьѣ, царицы благувѣрныя:
„Здравствуй, родимая, родная матушка,
Софья царица, мать благувѣрная!“
Возговорить Егорью родная матушка:

„Ровно три года солнце не пёкло
„На мои полаты бѣлокаменные,
„Но теперь мнѣ солнце возсіяло (sic)
„Во моихъ полатахъ бѣлокаменныхъ“.
Онъ началъ Егорій просить у матери благословленія:
„Благослови, родимая, родная матушка,
„Меня иттить ко злomu царю Диклитіанищу,
„Отплатить ему дружбу прежнюю,
„Отлить мнѣ кровь сваю батюшки“.
Возговорить Егорью родная матушка:
„Мое дитятко ты премладое,
„Гдѣжь тебѣ иттить ко злomu царю Диклитіанищу“.
Возговорить Егорій своей родной матери:
„Благословишь,—пойду, и не благословишь,—пойду“.
Благословила Егорья родная матушка,
Благословила его святымъ образомъ.
Выходилъ Егорій изъ палаты вонъ,
Онъ пошелъ Егорій на конюшенъ дворъ,
Выводилъ коня Егорій самолучшаго
И садился свѣтъ-Егорій на коня храбраго,
Поѣхалъ свѣтъ-Егорій къ царю Диклитіанищу.
Ну, на той пути, на дороженькѣ
Повстрѣчалось Егорью несчастье великое:
Напущалъ онъ Диклитіанъ на Егорья сѣрыхъ волковъ.
Возговорить Егорій звѣрямъ сѣрымъ волкамъ:
„Разойдитесь вы на всѣ четыре стороны:
„По степямъ, по лѣсамъ, по чистымъ полямъ;
„Пейте и ѣшьте вы мое повелѣнное,
„Егорьево благословенное“.
Поѣхалъ свѣтъ-Егорій храбрый къ царю Диклитіанищу.
Опять на той пути, на дороженькѣ
Повстрѣчалось Егорью несчастье великое:
Посреди пути-дороженьки лежитъ тутъ змѣя горюница.
О двѣнадцати змѣя была головахъ,
О двадцати-четырехъ хоботахъ.
Тутъ Егорій храбрый приуضاхнулся,
Онъ беретъ свое жезло булатное,
Жезло булатное и свой вострый мечъ,
Онъ возговорить Егорій змѣи горюницѣ:
„Отойди, змѣя, ты съ пути долой“.
Предъ нимъ змѣя она попротивилась—
Онъ разсѣкъ змѣю на мелки части,
Самъ поѣхалъ Егорій храбрый къ царю Диклитіанищу.
Пріѣзжалъ Егорій во Китай городъ
Ко тому дворцу, ко царскому,
Закричалъ Егорій своимъ громкимъ голосомъ.
Узналъ царь Диклитіанъ гласъ Егорьевскій,
Выходилъ Диклитіанъ царь на свой на крутой крылецъ,
Онъ поклонъ поклонялся Егорью понизешеньки.
Возговорить Егорій царю Диклитіанищу:
„Ты повѣруешь ли вѣру христіанскую,

„Ты состроишь ли во своемъ градѣ три церкви соборныя?“
Диклитіанъ царь нашему Богу не повѣровалъ.
Онъ беретъ Егорій храбрый свой вострый мечъ,
Отрубилъ Егорій храбрый царю буйную голову:
А онъ ихное все царство незаконное
Привождалъ во вѣру христіанскую.

Стихъ объ Олексафіи, царской дочери.

Посторонъ святого града Іерусалина
На земли было три царства незаконныхъ:
Первое царство былъ Содомъ-городъ,
А второе царство былъ Гоморъ-городъ,
А третье было царство Рахлинское.
На ихнее незаконіе великое
Да не могъ на нихъ самъ Господь смотрѣть:
Содомъ и Гоморъ Господь кровъ земли прослалъ,
А на этое третье царство на Рахлинское
Напущалъ Господь Богъ на нихъ змѣя лютаго.
Давали они съ города скотиною
Ко лютому змѣю на съѣденіе
И ко пещерскому на прожреніе—
Во градъ скота у нихъ мало осталось.
Давали они съ городу по головы,
По головы человѣческой
Ко лютому змѣю на съѣденіе,
Ко пещерскому на прожреніе—
Во градъ людей у нихъ мало оставалось.
Собиралися всѣ жители Рахлинскіе
Къ самому оны царю на широкій дворъ,
Метали они жеребьемъ самоволжевнымъ
Со самымъ царемъ, со Агапіемъ,
Но жеребье царю доставалось:
Ко лютому змѣю итти на прожреніе.
Прикручинился царь и припечалился.
Возговорить ему царица Рахлинская:
„Не кручинься, царь, и не печалуйся—
„У насъ есть съ тобой кѣмъ замѣнитися:
„У насъ есть съ тобой дитя единое,
„Она единая, дочь немилая:
„Она вѣруетъ вѣру все не нашу,
„Богу молится она роспятому.
„Отдадимъ мы Олексафію
„Ко лютому змѣю на съѣденіе
„И ко пещерскому на прожреніе“.
Многой радостью царь изнаполнился,
Приходилъ опъ въ полаты бѣлокаменны
Ко своей ко дочери въ одинокія,
Вызывалъ онъ въ упокой ее во особый
Уговаривалъ онъ дочь, обманывалъ:

„Ты, прекрасная Олексафія Агапеевна,
„Ты вставай-ко, Олексафія, изъ утра ранешенько,
„Умывайся, дѣвица, бѣлешенько
„И сваряжайся, Олексафія, хорошихонько:
„Изъ утра я буду тебя за мѣжь давать,
„Ты въ которую вѣру вѣруешь“.
Срадовалася Олексафія, невеселилася,
На ложницу она спать не ложилася,
Всю темную ночь она Богу молилася,
Молилася она Спасу Пречистому,
Второму Миколы Барградскому,
Третьему Егорью свѣту храброму—
Между тѣмъ дѣвица и утро пришло.
Вставала Олексафія ранешенько,
Умывалася она бѣлешенько,
Сваряжалася она хорошихонько,
Выходила Олексафія на крутой крылецъ,
Взглянула Олексафія на широкій дворъ.
Посреди двора было царскаго—
Тутъ стоитъ корета сама черная,
Припряжены кони неученые,
Посажень дѣтина въ платѣ травурномъ.
Ино тутъ же Олексафія догадалася,
Горячимъ слезамъ она обливалася:
„Не на то меня мать спородила,
„Чтобъ отдать меня во свою вѣру;
„А на то меня мать спородила:
„Отдастъ меня батюшка ко люту змѣю,
„Ко люту змѣю на съѣденіе,
„Ко пещерскому на прожреніе“.
Повели Олексафію со крута крыльца,
Сажали Олексафію въ корету черную,
Повезли Олексафію ко синю морю,
Ко тому ко восходу ко змѣиному.
Выходила Олексафія изъ кореты вонъ,
Садилася Олексафія на крутой берѣгъ,
Ко тому ко морю ко синему.
Уѣзжалъ дѣтина въ платѣ травурномъ,
Оставалася Олексафія единешенька;
На листу у Олексафіи было написано:
Святые ангелы были все, архангелы.
Молилася Олексафія Спасу Пречистому,
Второму Миколы Барградскому,
Третьему Егорью Свѣту Храброму.
Услышалъ Господь Богъ ея моленье,
Посылалъ Господь Богъ Егорья Храбраго
Для храпенія дѣвицы отъ змѣя лютаго.
Пріѣхалъ Егорій на добромъ конѣ,
Онъ слѣзалъ съ коня храбраго,
Онъ поклонъ воздалъ дѣвицы низешенько:
„Богъ-на-помочь тебѣ, царская дочь Олексафія!“
Давалъ Егорій храбрый свой шелковъ поводъ

Олексафіи дѣвицы на бѣлы руки:
„Подержи ты“, говоритъ, „Олексафія, моего коня,
„А больше того смотри сама на сине море.
„Когда на морѣ волна будетъ подыматися,
„Изъ пещеръ змѣя лютая появлятися —
„Ты тогда меня, дѣвица, ото сна буди“.
Онъ возговорилъ, Егорій, а самъ спать уснулъ.
Держала Олексафія коня храбраго,
Больше того смотрѣла на сине море.
На морѣ волна стала колыбатися,
Изъ пещеръ змѣя лютая стала появлятися,
Но тутъ же Олексафія она испугалася,
Горячимъ слезами она обливается,
Начала дѣвица Егорья ото сна будить,
Не могла она Егорья ото сна сбудить,
Она жалко Олексафія сама расплакала(сь),
Покатились у Олексафин горячи слезы
На Егорьево на бѣло лице.
Оттого Егорій ото сна возсталъ,
Онъ беретъ свое жезло будатное,
Онъ пошелъ Егорій ко синю морю,
Ко тому къ восходу ко змѣиному,
Онъ бьетъ змѣю копьемъ во прожорище:
„Ты будь, змѣя, и кротка, и смирна;
„Ты пей и ѣшь мое повелѣнное,
„Олексафіево благословенное“.
Распоясавъ Егорій свой шелковъ поясъ,
Онъ продѣлъ змѣи наскровъ прожорище,
Онъ давалъ Егорій, самъ наказывалъ:
„Поведитася, Олексафія, змѣя лютаго
„Во свое во царство во Рахлинское,
„Скажи батюшкѣ царю Агапію:
„Пушай повѣруеть вѣру христіанскую,
„Пусть состроятъ онъ три церкви соборныя.
„Ежели не повѣруеть онъ вѣры христіанскія,
„Ты пусти змѣю на свою волю.
„Потребить змѣя ихъ всѣхъ до единого,
„Не оставитъ имъ людей на сѣмьны“.
Повела Олексафія змѣя лютаго
Во свое царство во Рахлинское,
Становилась Олексафія посреди града,
Закричала Олексафія женскимъ голосомъ:
„Ты услышь, мой отецъ, Рахлинскій царь,
„Ты повѣруешь ли вѣру христіанскую,
„Ты состроишь ли три церкви соборныхъ?
„Ежели ты не повѣруешь вѣры христіанскія,
„Я пушу змѣю на свою волю,
„Потребить змѣя васъ всѣхъ до единого,
„Не оставитъ вамъ людей на сѣмьны“.
Царь со радости онъ вѣры повѣровалъ,
Онъ создалъ свою заповѣдь великую:
„Я сострою три церкви соборныхъ:

„Церковь Матери Божьей, Богородицы,
„Еще Троицы Живоначальной
„И святому Егорью свѣту храброму.
„Я не разъ Егорью буду въ году вѣровать,
„Я не разъ ему въ году—два раза“.

СТИХЪ О МИЛОСТИВОЙ ЖЕНѢ, МИЛОСЕРДОЙ.

Милослива жена, милосердная
Топила во градѣ свою келью,
Держала своего чада на ручахъ.
Къ милосливой къ жены, милосердная
Идетъ сама Дѣва Пресвятая,
Несетъ самого Христа на ручахъ:
„Милослива жена, милосердная,
„Бросай ты свое чадо въ огонь и пламя,
„Ты бери самого Христа на руки:
„Бѣгутъ жи́ды-супостаты
„Съ оружіемъ и съ острыми копіямъ,
„Хотятъ Христа Бога убить“.
Милослива жена, милосердная
Бросила свое чадо въ огонь и пламя,
Брала самого Христа Бога на руки.
Жи́ды-супостаты набѣжали
Съ оружіемъ и съ острыми копіямъ,
Милосливую жену да спрошали:
„Милослива жена, милосердная,
„Ты давноль Христа Бога видала?“
Милосливая жена имъ отвѣчала:
„А вы, жи́ды-супостаты,
„Я топерь Христа Бога поймала,
„Я въ огонь, во пламень его вогнала“.
Жи́ды къ огненной печи приходили.
Во печи младенецъ стрепехнулся,
Показалъ жидамъ овъ руки и ноги.
Жи́ды-супостаты срадовались:
„Мы топерь Христа Бога поймали,
„Мы въ огонь, во пламя его вогнали!“
Мѣдными́мъ заслонямъ заслоняли,
Желѣзными́мъ подпора́мъ подпирала,
Жи́ды прочь отъ печи отходили.
Милосливая жена, милосердная
Не могла Христа Бога содержать,
На его на свѣтлость наглядѣться.
Не стало Христа у ней на ручахъ—
Милосливая жена, милосердная
Къ огненной ко печи приходила:
„Ужоль тамъ сгорѣло мое чадо?“
Желѣзными подпоры отпирала,
Мѣдныи заслоны отслоняла:
Во печи трава выростала,
На травы цвѣты росцвѣтали,

Во двѣтахъ младенецъ играетъ,
На емъ риза солнцемъ возсіяетъ,
Евангельскую книгу самъ читаетъ,
Небесную силу прославляетъ
И со ангелами, съ херувимы
И со всею небесною силой.

Милосливая жена, милосердная—

Она первая въ рай пребываетъ.

Аллилуя, аллилуя, аллилуя! Мы славимъ тебе, Христа Бога!

Стихъ о грѣшной душѣ.

По морю по синему, по Хвалынскому
Тутъ ишли, пробѣгали черезъ карабли.
Во этихъ карабляхъ святые ангелы сидятъ,
Настрѣчу имъ самъ Исусъ Христось,
Самъ Небесный Царь,
Сталъ онъ въ (у) ангелахъ (ловъ) выспрашивать и ввупытывать:
„Святые ангелы, архангелы, гдѣ вы хаживали, гдѣ гуливали,
„Что слышивали, что виживали?“
„Самъ Исусъ Христось, самъ Небесный Царь!
„Мы хаживали на вольномъ на свѣту,
„Много слышали, много видѣли,
„Какъ душа съ бѣлымъ тѣломъ разставалася,
„Разставши, душа сама прочь пошла
„И, отошедши, душа взворотилася,
„Со своимъ съ бѣлымъ тѣломъ попростилася:
„Ты прости, тѣло бѣлое мое,
„Прости, беззаконіе мое!
„Ты пойдешь, тѣло, во сыру землю,
„Червамъ, тѣло, на источеніе;
„Вы, кости, земли на преданіе,
„А я, душа, къ самому Христу на спокояніе“.
Настрѣчу души самъ Исусъ Христось:
„Почему же ты, душа, грѣхи угадываешь?
„Потому я, душа, грѣхи угадываю,
„Что я жила на вольномъ на свѣту,
„Среды и пятницы не пащивалась,
„Великаго говлѣнія не гавливалася,
„Зоутрени, вечерни просыпывала я,
„Въ воскресный день обѣдни прогуливала,
„Въ полюшкахъ, душа, много хаживала,
„Не по-праведну землю раздѣливала:
„Я межу черезъ межу перекладывала,
„Съ чужой нивы земли украдывала—
„Въ этихъ во грѣхахъ Богу не каялась
„И отцу духовному не сказывала,
„Безкорыстный грѣхъ себѣ получивала.
„Еще душа Богу согрѣшила:
„Не по-праведну покосы и роздѣливала,
„Вѣшку за вѣшку позатаркивала,
„Чужую полосу позаякашивала.—

„Въ эвтихъ во грѣхахъ Богу не казлась
„И отцу духовному не сказывала. ¹⁾
„Еще душа Богу согрѣшила:
„Въ соломахъ я салома заламывала,
„Со всякого хлѣба споръ отнимывала—
„Въ эвтихъ во грѣхахъ ¹⁾
„Еще душа Богу согрѣшила:
„Я во поляхъ, душа, много хаживала,
„Проворы во поляхъ пораскладывала,
„Скотину въ поле понапущивала,
„Я добрыхъ людей оголаживала—
„Въ эвтихъ во грѣхахъ ¹⁾
„Еще душа Богу согрѣшила:
„Изъ коровушекъ молоки я выкликивала,
„Во сырое коренье я выдаивала—
„Въ эвтихъ во грѣхахъ ¹⁾
„Еще душа Богу согрѣшила:
„Смалешеньку дитя своего проклинывала,
„Во бѣлыхъ во грудяхъ его я засыпывала,
„Въ утробы младенца запарчивала—
„Въ эвтихъ во грѣхахъ ¹⁾
„Еще душа Богу согрѣшила:
„Мужа съ женой я поразваживала,
„Золотые вѣнцы поразлучивала—
„Въ эвтихъ во грѣхахъ
„Еще душа Богу согрѣшила:
„По улицамъ душа много хаживала,
„По подоконью душа много слушивала:
„Хоть не слышала, скажу—слышала,
„Хоть не видѣла, скажу—видѣла—
„Въ эвтихъ грѣхахъ ¹⁾
„Еще душа Богу согрѣшила:
„По свадьбамъ душа много хаживала,
„Свадьбы звѣрьями оборачивала—
„Въ эвтихъ грѣхахъ ¹⁾
„Еще душа Богу согрѣшила:
„По игрищамъ душа много хаживала,
„Подо всякія игры много плясывала,
„Самого сотану воспотѣшивала—
„Въ эвтихъ грѣхахъ ¹⁾
„Еще душа Богу согрѣшила:
„Напилася душа зеленого вина,
„Отъ зеленого вина душа пьяна была“.
Померла эта душа безъ покаянья,
Безъ того ли безъ пона безъ духовнаго;
Провалилася душа въ преисподній адъ.
Вѣкъ мучиться душѣ и не отмучиться
За свое великое согрѣшеніе,
За свое великое беззаконіе.

¹⁾ Повторяются каждый разъ три строки, набранныя курсивомъ (см. стр. 29).

А горе за нимъ со буйнымъ вѣ-
трамъ:

„Постой, удача добрый молодецъ!
„Никуды отъ горюшка тебѣ не
сбѣгати,

„Великаго горюшка не смыкати“.
Молодецъ отъ горюшка въ темны
лѣса,

А горе за нимъ съ топоромъ
идеть:

„Постой, удача добрый молодецъ!
„Никуды отъ горюшка тебѣ не
сбѣгати,

„Великаго горюшка не смыкати“.
Молодецъ отъ горюшка въ ко-
выль траву,

А горе за нимъ съ косою идетъ,
Онъ съ косою идетъ за нимъ со
вострою:

„Постой, удача добрый молодецъ!
„Никуды отъ горюшка тебѣ не
сбѣгати,

„Великаго горюшка не смыкати“.
Молодецъ отъ горюшка въ сол-
даты идетъ,

А горе за нимъ ружье несетъ:

„Постой, удача добрый молодецъ!
„Никуды отъ горюшка тебѣ не
сбѣгати,

„Великаго горюшка не смыкати“.
Молодецъ отъ горюшка въ по-
стелю слегъ,

А горе ему изголовье владеть,
Изголовье владеть и его одѣть:

„Постой, удача добрый молодецъ!
„Никуды отъ горюшка тебѣ не
сбѣгати,

„Великаго горюшка не смыкати“.
Молодецъ отъ горюшка переста-
вился,

А горе у его въ головахъ сто-
ить:

„Постой, удача добрый молодецъ!
„Никуды отъ горюшка тебѣ не
сбѣгати,

„Великаго горюшка не смыкати“.
Молодецъ отъ горюшка въ Божью
церкву,

А горе за нимъ со свѣчей идетъ:
„Постой, удача добрый молодецъ!

Молодецъ отъ горя въ шелкову
траву,

За имъ горе со косою идетъ:
„Ты постой, удача добрый моло-
децъ!

„Тебѣ отъ горя не уйтить бу-
детъ,

„Горя горькаго вѣчно не смы-
кати“.

Молодецъ отъ горя въ быстрю
рѣку,

За имъ горе съ неведомъ идетъ:
„Ты постой, удача добрый моло-
децъ!

„Тебѣ отъ горя не уйтить бу-
детъ,

„Горя горькаго вѣчно не смы-
кати“.

Молодецъ отъ горя во солда-
тушки,

За имъ горе со ружьемъ идетъ
и ранецъ несетъ:

„Ты постой, удача добрый моло-
децъ!

„Тебѣ отъ горя не уйтить бу-
детъ,

„Горя горькаго вѣчно не смы-
кати“.

Молодецъ отъ горя во царевъ
кабакъ,

За имъ горе съ кошелькомъ бѣ-
жить и грошамъ брячить:

„Ты постой, удача добрый моло-
децъ!

„Тебѣ отъ горя не уйтить бу-
детъ,

„Горя горькаго вѣчно не смы-
кати“.

Молодецъ отъ горя во застою-
чекъ,

За имъ горе со стаканчикомъ со
хрустальнымъ:

„Ты постой, удача добрый моло-
децъ!

„Тебѣ отъ горя не уйтить бу-
детъ,

„Горя горькаго вѣчно не смы-
кати“.

Молодецъ отъ горя винца выку-
шалъ

„Никуда отъ горюшка тебѣ не
сбѣгати,
„Великаго горюшка не смыкати“.
Молодца отъ горюшка хоронить
несутъ,
А горе за нимъ съ заступамъ
идеть,
Съ заступамъ идеть и съ лопа-
тами:
„Спасибо тебѣ, удача добрый-мо-
лодецъ,
„Снесилъ горюшко ты ни въ пе-
чальишкѣ,
„Ни въ печали ты и ни въ кру-
чинушкѣ“.

И съ того винца во хворобу
слегъ,
За имъ горе въ головахъ сидитъ:
„Ты постой, удача добрый мо-
лодецъ!
„Тебѣ отъ горя не уйтить бу-
детъ,
„Горя горькаго вѣчно не смы-
кати“.
Молодецъ отъ горя переставился,
За имъ горе на погостъ идеть и
поповъ ведеть,
И съ ладономъ идеть и кутью
несеть:
„Ты постой, удача добрый мо-
лодецъ!
„Тебѣ отъ горя не уйтить бу-
детъ,
„Горя горькаго вѣчно не смы-
кати“.
Молодецъ отъ горя — во сыру
землю,
За имъ горе съ лопатамъ идеть,
Передъ имъ горе низко кланяется:
„Ты спасибо, удача добрый мо-
лодецъ,
„Что носилъ горе, не кручинил-
ся и не печалился.
„Пошелъ молодецъ во сыру землю,
„А твое горюшко по бѣлу свѣту —
„По вдовушкамъ и по сиротуш-
камъ,
„И по бѣднымъ по головушкамъ.
„Горю слава во вѣкъ не минуется!“

Народныя апокрифическія сказанія, записанныя
въ Ярославской губерніи.

I.

Свитокъ Ерусалимскій, знаменіе Господа Ісуса
Христа къ людѣми посланное.

„Послушайте, люди мои,
Моего божественнаго писанія
И наказанія, и вразумленія,
И истинныхъ моихъ словъ послушайте!
Во святомъ, божественномъ царствѣ
Гласъ невидимый глагола
И спаде камень съ небесе,
И тяготы его никто-же можетъ вѣдать.
А спаде тотъ камень въ первомъ часу дни
И подпись на томъ камни.
Патріархъ же Ерусалимскій со всѣмъ соборомъ
Началъ пѣнье.
Цѣли по три нощи и по три дня,
А на четвертый день развалился тотъ камень надвое,
И обрѣли въ ономъ списокъ, Богомъ написанъ.
Такъ глаголетъ Господь Богъ Вседержитель:
„Послушайте, людѣ мои, моего писанія и наказанія,
Разумѣйте моихъ истинныхъ словъ и слушайте!
Въ воскресные и праздники—дни нареченные не работайте,
Аще кто въ воскресный день трудъ прилагаетъ
И хочетъ себѣ прибытку,
И тотъ человекъ получитъ:
Погубитъ всѣ шесть дней (труда),
Что прежде работалъ,
И собираетъ на главу свою огонь вѣчный—
Воскресенье и праздники Господь далъ намъ на упокой.
Среду и пятковъ почитайте,
Матерныхъ словъ не бранитесь:
Православному человекъ, христіанину, браниться—
Въ церковь не ходитъ и Креста, и Евангелія не цѣловать,
А Причастія отнюдь не вкушать!
Но лучше смолу кипящую пить,
Нежели матерно браниться—
И удобнѣе верблюду сквозь игольны уши пройти,
И въ царство Небесное взойти.
Аще который человекъ при смерти своей помянетъ
И попроситъ прочитать (сіе сказаніе),

И самъ съ вѣрою послушаетъ,—
Аще сколько можеть имѣть грѣха на себѣ,
Яко на древѣ листья, или въ морѣ песку,
Или на небѣ звѣздъ—
То все прощено будетъ (ему),
Царство получить
И ему честь во вѣки вѣковъ!“

II.

Сонъ Пресвятой Богородицы.

Опочивала Пресвятая Богородица въ землѣ Вреданской,
На горѣ Олевой;
И пришелъ къ ней Господь нашъ Ісусъ Христосъ,
Спаситель всего міра, и рече ей:
„О, Преподобная Мати Маріа,
Пресвятая Богородица!
Что во снѣ видѣла, повѣдай Мнѣ?“
Глагола Пресвятая Богородица:
„Сыне возлюбленный!
Видѣла Тебя, Господа Царя Славы,
У садовъ поймана
Во апрѣлѣ мѣсяцѣ, въ восьмомъ-надесять-числѣ;
Поймана и связана,
И приведена къ Понтійскому Пилату, игемонѣ,
И на древѣ кипарисѣ распята:
Рудѣ твоей и ногѣ гвоздемъ пригвоздиша ко кресту
И терновѣ вѣнецъ на главу Твою святую возложиша,
Тростию главу Твою пробиша
И во уста Твоя святая желчью напоиша,
И въ ребра Твоя святые копиемъ прободоша,
И изъ ребръ Твоихъ святыхъ изыде кровь и вода,
Потекоша на исцѣленіе всѣмъ христіанамъ,
На спасаніе душамъ нашимъ.
И съ Тобою два разбойника повѣшена,—
Одинъ одесную, а другой ошую страну.
Одинъ получилъ прощеніе и глагола:
„Помяни мя, Господи, помяни мя,
Егда придеши во царствіи Твоемъ!“
А другой за охуленьемъ погубилъ себя.
И въ то время земля потрясеса
Съ верхняго края до нижняго,
Каменныя горы распадеся,
Луна и солнце предложиса
И бысть тьма по всей земли
Отъ шестого часу до девятаго.
А жиды начали мыслить ¹⁾ Сына Вожія,
А чаяли пророка.
И придоша ноцію Осифъ съ Никодимомъ къ Пилату,

¹⁾ Признавать.

Моляся и кланяяся, и прося у Пилата:
„Дай намъ святое тѣло Ісуса Христа!“
Никодимъ-старецъ Тѣло Твое святое съ креста снемъ,
Благодарный Іосифъ плащаницею чистою обви,
И во гробъ новъ положиша, и покры.
И погребенъ былъ и въ третій день воскресъ изъ мертвыхъ
И всему міру дарова животъ вѣчный,
И раздра рукописаніе Адамово“.
И рече Господь нашъ, Ісусъ Христосъ, Сынъ Божій:
„О, Мати возлюбленная,
Пресвятая Богородица!
Воистину сонъ твой не ложень, а праведенъ!
Аще кто въ путь съ собой возьметъ
И въ чистотѣ носить будетъ,
Къ тому человѣку не прикоснется ни дьяволъ, ни злой человѣкъ,
Отъ меча не посѣченъ будетъ
И скорое избавленіе получить.
Аще который человѣкъ сонъ твой при смерти воспоминаеть,
Ведить прочитаетъ,
А самъ съ вѣрой послушаетъ,
Тотъ человѣкъ избавленъ будетъ вѣчныя муки,
Огня негасимаго:
Ангели Божіи возьмутъ душу его честную,
Донесутъ до Отца Небеснаго
И дадутъ Аврааму, Исааку въ рай во вѣки вѣковъ.
Аще кто сонъ твой спишетъ,
Въ домѣ у себя въ чистотѣ держитъ,
Къ тому дому ни дьяволъ, ни тать, ни разбойникъ,
Ни злой человѣкъ и нечистый духъ не подойдутъ
Къ Господню рабу и рабынямъ:
Здравы сіи поживутъ
И въ земныхъ плодовъ въ изобиліи,
Въ здравіи и скотина (ихъ).
Аще кто молвить, что ложно сіе писаніе,
Тотъ человѣкъ будетъ седмижды проклятъ,
Приметъ муку вѣчную, смерть горькую.
Небо и земля мимо ѣдутъ,
А словеса мои мимо не ѣдутъ!
Во имя Отца и Святого Духа. Аминь.

III.

Слово о мукахъ, заповѣданныхъ Пресвятой Богородицѣ Архангеломъ Михаиломъ.

И рече Пресвятая Богородица Михаилу Архангелу:
„Поведи мя, гдѣ мнози народи мучатся“.
И приведе я Михаилъ Архангелъ во древу желѣзному—
И тутъ мнози народи мучатся¹⁾.

¹⁾ Здѣсь пропущено описаніе муки и вопросъ Пресвятой Богородицы.

Отвѣща ей Михаилъ Архангелъ:

„Сии люди были неправедны и криво судили:
Правога винили, а виноватаго правили“.

И рече Пресвятая Богородица:

„Поведи мя ко иной мужѣ“.

И приведе я Михаилъ Архангелъ къ рѣкѣ ко огненной
Отъ востока и до запада:

Туть многи народы мучатся,

Стоя посреди огня по колѣна—

То есть (суть) дѣти отцевъ и матерей не почитали.

Стоять по поясъ въ огнѣ—

Тѣ есть (суть) блудъ дѣвицы съ отроками

И мужи съ чужими женами,

А жены съ чужими мужьями.

Стоять по груди въ огнѣ—

То есть отцы своихъ дѣтей учили браниться (себя и другихъ),

За тѣ они стояще вопіаху неутешимо.

А иные стоятъ по горло въ водѣ—

То есть отцевъ своихъ духовныхъ бранили и не почитали,

За тѣ они и мучатся.

И рече Пресвятая Богородица:

„Приведи мя ко иной мужѣ“.

Приведе я Михаилъ Архангелъ къ большой рѣкѣ и тяжкой—

Въ ней вопль стоятъ великій.

И рече Пресвятая Богородица:

„Сии люди отъ какихъ дѣлъ въ мукахъ мучатся?“

Отвѣща ей Михаилъ Архангелъ:

„Поста не имѣли,

Среду и пятокъ не постилися,

Отца духовнаго не имѣли,

Тѣла и Крови Христовой не принимали,

За то они и мучатся“.

И рече Пресвятая Богородица:

„Приведи мя ко иной мужѣ“.

И приведе я Михаилъ Архангелъ къ рѣкѣ ко огненной—

И туть мнози народи мучатся,

Аки въ бѣлыхъ ризахъ:

То были митрополиты и епископы,

И прочихъ священныхъ и монашескихъ чиновъ,

За то они мучатся:

Види свѣтъ, а во тьму идутъ,

Заповѣдемъ Господнимъ не радили,

Дѣтей своихъ духовныхъ бранили и не почитали,

За то они и мучатся—

Оставили свѣтъ, а тьму возлюбили,

Тѣмъ себѣ Царство Небесное затворили.

О, юре умноющему гримотъ!

Устами своими чтуть,

А на сердцѣ зло мыслятъ!

И рече Пресвятая Богородица:

„Поведи мя, Михаилъ Архангелъ, ко змѣямъ лютымъ“.

Зубами они скрежещутъ тѣло человѣческое.

И спроси Пресвятая Богородица:

„О какихъ грѣхахъ (сн) мучатся?“

Отвѣща Михаилъ Архангелъ:

„Милости не творили

Сиротамъ, вдовицамъ

И странныхъ въ домъ не пускали,

И въ темницахъ сидящихъ не посѣщали,

За то они и мучатся“.

И рече Пресвятая Богородица:

„Поведи мя ко иной мудѣ“.

И приведе я Михаилъ Архангелъ къ рѣвѣ ко огненной—

И тутъ мнози народи мучатся.

И спроси Пресвятая Богородица:

„Сн люди о какихъ дѣлахъ мучатся?“

Отвѣща ей Михаилъ Архангелъ:

„То были цари и князи,

Напрасно и безвинно рабовъ своихъ мучили,

За то они и мучатся“.

И прослезилась Пресвятая Богородица,

Вида (какъ) множество народа мучатся.

Се, горе ворами и разбойникамъ,

И скоморохамъ, и плясунамъ,

И тѣмъ, кои смущаютъ въ играхъ и игрищамъ,

И кто смущаетъ бѣсовскимъ пѣснями и игрищамъ—

Тѣ пріемутъ отъ меня смерть горькую,

И трудъ (страданіе) ихъ будетъ не милостивъ!

IV.

Плачь Богородицы.

Во мартѣ во мѣсяцѣ, во послѣднихъ дняхъ страшныя недѣли,

Во пятничнѣй день,

Во святомъ градѣ Ерусалимѣ

Плакала, ходила святая Дѣва,

При ней были три мироносицы жень.

Во градѣ, имъ навстрѣчу

Идутъ два жидовина.

Восплакала, спросила Святая Дѣва:

„Гдѣ вы, жида, были, куда градите?“

Что возговорятъ Дѣвѣ два жидовина:

„Живемъ мы теперича въ Ерусалимѣ,

А мы были, мучили Иуса Христа.

Бивши, мучивши, въ темницу всадили,

Въ шестомъ часу, въ пятницу распяли Его,

Ноги и руки прибавши гвоздами;

Вѣнецъ на главу Его возложили,

Мучевій и ранъ Его невозможно исцѣсть;

Исуса копиемъ въ ребра прободали,
Земля обогрилась отъ Его крови“.
Услышала слова ихъ Святая Дѣва,
Она была безъ памяти и больше часа,
Ударилась о землю, едва была жива...
Застонеть, восплачетъ Пресвятая Дѣва,
Въ горести речеть:
„Увы, мать-сыра-земля, возьми меня къ себѣ!
Сыне мой возлюбленный, надежда моя,
Почто не послушался матери своей?
Нынѣ вижу, Сыне, поругаема,
Какое Ты дѣло жидамъ сотворилъ?
О, злые ругатели, беззаконные,
За какое вы дѣло Исуса біете?
Вчера не хотѣла отпустить Тебя,
И поиде, Чадо, на крестную смерть.
Плачьте и рыдайте, солнце и луна,
Стоните и рыдайте, вдовы и сироты—
Наставникъ-учитель покинулъ васъ всѣхъ!
Сыне мой любезный, надежда моя,
Волей терпишь страсти и крестную смерть.
Нынѣ сердце мое терзается,
Составы плоти разсыпаются,
Кровью уста запекаются,
Горестью гортань заграждается.
Сыне мой любезный, утѣха моя,
Пошто оставляешь одну мя здѣсь,
Вкупѣ-бы вкусила съ Тобою смерть!
Кто нынѣ утѣшить отъ горькихъ мя слезъ?
Нынѣ Симоново пророчество сбывается,
Во-истинну глаголы его:
Со страха великаго и ужаса
Сокрылися, бѣжали апостолы всѣ,
Одну меня оставили здѣсь плакати...
Кто мнѣ, Сыне, поможетъ въ слезахъ?
Архангелъ Гавріилъ, помоги ты мнѣ:
Радость моя сошелъ во гробъ“.
Господь проглаголетъ матери своей:
—„Любезная Мати, не плачь обо мнѣ!
Я въ третій день воскресну,
Прославлю тебя—
И радости твоей не будетъ конца“.
У Божіей церкви, у царскихъ дверей
Надвое завѣса раздиралася,
Древа къ землѣ преклонялися,
Рыданье слезъ услышалъ Господь:
Начали трястися небо и земля,
Солнце и мѣсяцъ перестали свѣтить
Отъ шестого часу до девятого.
Со страху великаго и со страсти
Жида припадали ничкомъ на землю,

Внѣ ума лежали четыре часа—
Они, окаянные, не покаядись,
За то ихъ осудилъ Господь въ вѣчную тьму,
Мукамъ ихъ не будетъ конца.

V.

Дашь мнѣ, Господи, о своихъ грѣхахъ поплакати
Плачу я о нихъ день и ночь,
Слезамъ умываюся.
Плакать мнѣ надо,
Во своихъ грѣхахъ покаяться,
Что приходитъ пора-времячо
Отправляться въ путь-дороженьку,
Въ путь-дорожку незнакомую,
Въ ту самую прискорбную.
По меня посланы посланники
Отъ Царя-то отъ Небеснаго,
Отъ Пресвятыя Богородицы.
Я дѣломъ-то непоправная,
Тамъ вопросы будутъ грозные,
У меня отвѣты неготовые.
Посмотрю я, многогрѣшная,
На восточную сторонушку,
Не увижу-ли, многогрѣшная,
Своего я друга вѣрнаго,
Ангела хранителя,
Повсечастнаго свидѣтеля:
Не поможетъ-ли моей бѣдѣ,
Не попроситъ ли прощеньица
У Царя да у Небеснаго,
У Пресвятыя Богородицы,—
Не возьмутъ-ли меня, грѣшную,
Что во стаду ко избранному,
Ко престолу ко Господнему.

VI.

Ужъ летать-то, летать сваты ангелы...
Ужъ вы гдѣ были, куда летали?
„Ужъ мы были, ужъ мы летали,
Гдѣ душа съ тѣломъ разставалася,
Что пошла душа на крутую гору,
На крутой горѣ, на высокой,
Тутъ горитъ огонь, разгорается,
Тутъ смола кипитъ, распирается.
Ужъ какъ тутъ душа утрашилася,
Со своихъ путей душа воротилася,
Со своимъ тѣломъ распростилася:

„Ты прости-ко, прости, тѣло грѣшное,
Тѣло грѣшное, беззаконное!
Что тебѣ, тѣло, въ землѣ лежать,
Ужъ какъ мнѣ, душѣ, на судъ будетъ итти!“

VII.

Плачь Адама передъ раемъ.

Расплатится Адамъ передъ раемъ:
„Стоишь ты, рай мой, рай прекрасный!
Мене ради рай сотворенъ былъ,
Евы ради рай заключенъ былъ.
Ева согрѣшила и меня прельстила,
Весь родъ нашъ отгнала отъ райа святого...
Увы, намъ грѣшнымъ, увы окаяннымъ!
Уже мы не слышимъ архангельскаго гласа,
Уже мы не видимъ райскія пищи“.
Проговорить Ева Адаму:
— Адаме, Адаме, ты, мой господине!
Не велѣлъ намъ Господь жити во прекрасномъ раю,
Сослалъ насъ Господи на трудную землю,
Намъ правдою жить—Богу не грубити,
Намъ хлѣбъ съѣдати отъ потнаго лица“.
Господь породился—
Адамъ свободился.
Во Ерданѣ крестился—
Весь мѣръ освятился.
Мы, друзи и братья,
Прибѣгнемъ ко церкви,
Прольемъ мы слезы
Ко Вышнему Творцу,—
Опъ насъ избавить
Отъ вѣчныхъ муки.
Накормимъ мы гладныхъ,
Напоимъ мы жадныхъ (жаждущихъ),
Одѣнемъ мы нагихъ,
Введемъ мы въ домъ странныхъ,
Посѣтимъ больныхъ,
Проводимъ мы мертвыхъ до Возія церкви—
Насъ Господь помянетъ,
На Престолѣ сѣдя
Всегда и во вѣки.

VIII.

На томъ же злобномъ мѣстѣ
Стояла святая соборная апостольская церковь.
Во той же соборной церкви,
Тутъ лежалъ тружденный Божій,
Руками и ногами не владѣть.

Пришла къ нему Пресвятая Богородица:
„Поди ты, труженный, по народу,
Извѣщай ты всему міру,
Чтобы среды, пятницы постились,
Воскресный день Богу молились,
Другъ друга чтобы почитали,
Братьевъ возлюбляли,
По матерному слову не бранились:
Отъ матернаго слова погибаемъ,
Мать Вожію прогнѣваемъ.
Дѣти отцовъ, матерей почитали,
Отцы и матери дѣтей не проклинали,
Жидамъ дѣтей не называли—
Жида у Христа прокляты,
Жида Христа Бога распинали,
Святую кровь Его проливали,
Святое лицо Его заплевали.
На второмъ, на будущемъ пришествіи
Изыдетъ Господь съ Михаиломъ, Гаврииломъ,
Вострубятъ они въ трубы золотыя:
„Ставайте, живые и мертвые,
Возставайте вы, праведныя души,
Ставайте вы лицомъ на востокъ—
Вотъ вамъ уготовано царство!
А вы, грѣшныя души,
Ставайте вы лицомъ на западъ,
Не миновать вамъ муки вѣчныя
И огня негасимаго,
И зубного скрежетанія!“
Ничто моей душенькѣ не поможетъ,
Ничто душенькѣ моей не подсобитъ—
Ни богатство, ни мірская душѣ слава,
Только душенькѣ моей поможетъ,
Только душенькѣ моей подсобитъ:
Тихомирное моленье,
Тайная плачь, попеченіе
И святая душѣ милостыня.

IX.

Горе мнѣ, увѣ мнѣ,
Во младой юности не знаю я, какъ на свѣтѣ жить!
Хочется пожить, не знаю какъ быть:
Мысли побиваютъ, къ грѣху приклоняютъ.
Кому возвѣщу печаль мою,
Кого призову со мною горько плакати?
Горе мнѣ, увѣ мнѣ, во младой во юности!
Во младой во юности борются многи страсти,
Плоть моя хочетъ больше согрѣшати,
Душа моя желаетъ Царство Божье получити.

Юность моя, юность, младое ты время!
Какъ я съ тобой буду законъ сохранять?
Быстро ты стрекаешь, грѣхи собираешь,
Душу погубляешь:
Очи много видять,
Ноги много ходять,
Руки много грабять,
Гдѣ-бы и не надо,
Вездѣ поспѣвають—
На все, по все побуждаешь, младая ты юность.
Юность ты, моя юность, безбожное ты время!
Сижу я, юность, на тебѣ, какъ на борзомъ конѣ:
По горахъ ты стрекаешь,
Въ ровъ глубокой низвергаешь,
Въ немъ творишь мя пребывать,
Вконецъ Бога забывати,
Бога забывати—грѣхи смертны содѣвати,
Грѣхи содѣвати—плоти угождати.
Плотское угожденье—Бога отступленье,
Бога отступленье—душѣ моей погибель.
Человѣческому роду положилъ Богъ двѣ дороги:
Заповѣдалъ Господь людямъ путемъ узкимъ ходити,
Имъ-же Богу угодити, царство Божье получить.
Людн-же самовластны,
Преступаютъ законъ Божій,
Въ преступленіяхъ закона
Исполняютъ свою волю;
Свою волю совершаютъ,
Законъ Божій нарушаютъ;
Законъ Божій оставляютъ,
Путь прискорбный забываютъ,
Вѣчной жизни себя лишаютъ.
Юность, моя юность, младое ты время!
Къ Богу ты лѣнива,
Ко грѣху спѣшлива.
По тебѣ мнѣ жити,
Бога прогнѣвити,
Въ томъ-бы не постигла
Смертная кончина.
Юность ты, моя юность!
Въ себѣ ощутився,
Когда въ разумъ приходила,
Тогда слезно говорила:
„И кто себѣ худа пожелаетъ,
Развѣ злой соперникъ, добру ненавистникъ“.
Сижу я на борзомъ конѣ,
И тотъ не обузданъ.
Обуздать его нужно,
Но начать весьма трудно.
Стану я Бога въ помощь призывать,
Да какъ-бы юность обуздати:

„Прими мя, Боже, яко заблудшаго.
Приведи мя во свою ограду,
Дай мнѣ вѣчную отраду“.

X.

Чудная Царице, Богородица,
Услышь молитвы рабъ своихъ,
Прими наши слезы теплыя,
Не лиши насъ Царства Небеснаго,
Избави насъ муки вѣчныя!
Земля еси, земля сырая, матерая,
Всѣмъ еси, земля, отецъ и мать!
Гробы вы, гробы, колоды дубовыя,
Всѣмъ вы намъ дома вѣчныя!
Черви вы, черви неусыпающіе,
Всякому человѣку встрѣча первая (на томъ свѣтѣ)!
Мука ты, мука вѣчная,
Не меня ради мука сотворена,
Сотворена она сатаны ради и дьяволовъ.
Этого человѣкъ не разсудить:
Мало жить, а долго мертву быти,
Быть великому богатству остатися;
Не замѣна отъ смерти богатство,
Не замѣна отъ смерти друзья сердечныя,
Ни слезами о смерти,
Не оплакаться моленіемъ—
Отъ смерти не отмолишься.
Пора тебѣ, человѣче, покаяться,
Призвати отца духовнаго,
И вся своя злая дѣла исповѣдати,
Возрѣти на образъ Создателя,
Просити отпущенія своимъ злымъ дѣламъ.
Создатель-человѣколюбецъ милостивъ,
Приметь рыданіе слезное,
Покрыетъ грѣховъ множество,
Избавитъ муки вѣчныя.
Аще-ли ты, человѣче, хочешь получить Царство Небесное,
Отрѣшися міра сего прелестнаго,
Иди въ пустыню дальнюю,
Постригися въ ризы черныя,
Призови Бога на помощь;
А хочешь претерпѣти до конца,
Будешь наслѣдникъ Царства Небеснаго.
Не лжетъ Божественное Писаніе:
На семъ свѣтѣ не долго жить,
Долго будетъ во-вѣки мучиться.
Уже животъ твой, человѣче, скончается
И страшный судъ готовится,
Престолъ Господень поставляется

И святія книги разгибаются,
И тайныя дѣла наши обличаются.
Душа съ тѣломъ разстается,
Очи твои затворяются
И суставы съ костямъ рассыпаются,
Съ головою умъ прощается,
Лѣпота лицу измѣняется,
Любезные и друзи оставляются:
День къ вечеру приближается,
Солнце идетъ къ западу,
Сѣкера лежитъ близъ древа корени;
Уже время торгу содѣвается
И купля минуется,
И граду врата затворяются—
Приходить времена послѣдняя,
Нашему житію конецъ.
Идетъ горе человѣку отъ смерти безъ покаянія,
И возмутъ душу ангелы немилостивы,
Пронесутъ въ мытарства многія
Покажутъ Царство Небесное,
Потомъ покажутъ муки вѣчныя,
Грѣшникамъ плачи неутѣшныя,—
Показавъ, посадятъ въ мѣста темныя
До страшнаго суда, до второго пришествія.
А въ послѣднее время будетъ антихристово пришествіе
И отступныхъ его ангеловъ,
И будетъ его царство въ полчетверта года,
И тутъ сотона сотворитъ всѣ дѣла свои,
И тогда исполнится вся земля беззаконія,
И сойдутъ съ небеси пророки Илія и Енохъ
И станутъ христіаномъ глаголати,
Чтобы не вѣровали во антихристово ученіе,
И обличать злое его ухищреніе.
И всѣ люди узнадутъ,
Что антихристъ—сынъ погибели.
Тогда приступать бѣсы темныя
И побіютъ пророковъ Божіихъ;
И, послѣ убіенія пророческа,
Загорится повелѣніемъ Божіимъ вся земля
За многое наше беззаконіе.
Тогда святіи вси возрадуются радостью великою,
Угодившіе праведніи
И всѣ, не приемшіе печати его,
Антихриста лукаваго и нечестиваго.
И ведомъ будетъ мучитель связанъ отъ ангеловъ
Со всѣми демонами предъ судилищемъ Христовымъ.
И ведомы будутъ вкупѣ съ нимъ
Пріемшіе печать его сверную
Вси грѣшники и нечестивые связаны,
И дастъ Царь на нихъ осужденіе
Въ вѣчныя муки въ огнѣ негасимомъ.

А вси, не пріемшіе печати антихристовы
И прелести его не принявшіе,
И (которыя) побѣгоша въ пустыни и горы,
И въ пропастьхъ земныхъ плачутся ¹⁾,
И тѣ съ женихомъ возрадуются,
И радости ихъ не будетъ конца.

Интересно бы знать происхождение приводимыхъ ниже двухъ стиховъ, невольно обращающихъ на себя вниманіе изящной формой изложенія. Стихи эти весьма распространены между старообрядцами. Въ первомъ изъ нихъ подѣ символомъ пастыря и агницы изображенъ Христосъ, ожидающій обращенія души грѣшника.

XI.

„Гдѣ ты, агница, сокрылась—
Та, которую люблю?
Отъ пастыря ты отлучилась,
О душѣ ея скорблю.
Всѣ луга, лѣса и рѣчки,
Рцыте къ Вышнему Творцу,—
Не видали-ли овечки,
Гдѣ овечку я възыщу?
Агница моя, найдися,
Пастырь ищетъ тебя твой
И къ Тому ты возвратися,
Съ неба шель Кто за тобой!
Кто стези твои направилъ,
За Собой велить итти,
Тя во-вѣки не оставитъ
Безутѣшну на пути.
Не могу уже съ тобою
Долго я въ разлукѣ быть:
Возратись къ тому Началу,
Ты изъ коего течешь,
Радость вѣчную не малу
Кромѣ Меня не найдешь!
Коль тебя мой вопль не тронеть,
Раздающійся въ лѣсахъ,
Иль не чувствуешь, какъ стонеть
Пастырь на крутыхъ горахъ?
Зри, какъ агницы другія
Всѣ пасутся у меня,
Провождаютъ дни златыя,
Не вдыхая, не стая.
Ты не будешь услаждена
Внутреннею тишиной,

¹⁾ Прячутся?

Коль не будешь сопряжена
Сердце искренне со мной.
Утружденных я покою
И болящимъ жизнь даю—
Соединись скорѣй со мною,
Тѣмъ спасешь ты жизнь свою!⁴
Агница моя не внемлетъ,
Тѣмъ смущаетъ весь мой духъ...
— Кто зоветъ ко стаду нынѣ?
Знать, что это пастырь мой.
Возвратиться онъ вѣщаетъ—
Видно я не на пути.
Все крушить меня, смущаетъ...—
„Стану кликать я тебя,
Ты доволѣ не преклонишь
Сердце, пастыря любя.
Приклонись, простру я руки,
Къ персямъ я тебя прижму,
Всѣ твои скончаю муки,
На плечи тебя возьму!⁴
— Я на гласъ твой поспѣшаю,
О, любезный пастырь мой!
Всю себя тебѣ вручаю,
Сколь призывъ пріятель твой!
Со святыми ты другими
И меня совокупи,
Со избранными другими
Славить тебя укрѣпи!—

ХП.

Умоляла мать родная
Свою милую дитя,
Предъ кончиною рыдала,
О судьбѣ ея грустя:
„Распростись со мной навѣки,
Ненаглядный мой цвѣтокъ!
Скоро будешь сиротою
Цвѣсти въ полѣ ты одна:
Мнѣ минута наступила
Тебя на вѣкъ сподидать,
Скоро хладная могила
У тебя отыметъ мать.
Ты, звѣзда моя, денница,
Пожалѣй своей красы,
Не сгуби себя, дѣвица,
Не плети ты двѣ косы¹⁾!
Не мѣнай волю златую

¹⁾ т. е., не выходи замужъ: косы плетутъ на двое замужніа женщины.

На предестные цвѣты,
На богатство, честь земную,
На заботы, суеты.
Ты теперь хошь не богата
И въ народѣ не славна,
Навѣкъ птичка ты крылата,
Безпечальна и вольна.
Не забудь сего, дѣвица,
Твой женихъ—небесъ Творецъ.
Вовѣкъ будешь, какъ дѣвица,
Съ Нимъ ты пойдешь подъ вѣнецъ—
Въ рай пресвѣтлый на востокѣ,
Вѣчной радости страна,
Незамѣненнымъ въ порокѣ
Будешь дѣвамъ отдана.
Лучше царскихъ тамъ палаты,
Вертограды и сады,
Терема, чертоги златы,
Въ садахъ дивные плоды,
Въ рощахъ съ чудными древами
Всегда ангелы поютъ,
Плавно катятся тамъ рѣчки,
Чище слезъ воды струи—
Ты вселишься тамъ навѣки,
Дочь любимая моя.
Тамъ не жди бѣды, напасти
И печали никакой,
Всѣ погибнуть наши страсти,
Но лишь радость и покой.
Ты, звѣзда моя, денница,
Пожалѣй своей красы,
Не губи себя, дѣвица,
Не плети ты двѣ косы!
Ты люби, люби себя-же.
Дочь любимая моя,
Не забудь сего, дѣвица,
Ты послушай свою мать!
Рай пресвѣтлый сего свѣта,
Я тебя тамъ буду ждать“.
Мать послѣдній разъ вздохнула,
Оградившись крестомъ,
На дѣвицу разъ взглянула
И уснула вѣчнымъ сномъ.
Не забыла дѣва слова,
Помнить материнъ совѣтъ,
Безъ препятствія земного
Она жизнь свою ведетъ.

Слѣдующій стихъ содержаніемъ имѣетъ „воспоминаніе преблѣзненное объ озлобленіи кафоликовъ“—воспоминаніе о жестокихъ

преслѣдованіяхъ старообрядцевъ со стороны правительства въ первые времена раскола.

XIII.

По грѣхамъ нашимъ, на нашу страну
Попусти Господь такую бѣду:
Облакъ темный всю осѣни,
Небо и воздухъ мракомъ потемни;
Солнце въ небеси
Скры своя лучи
И луна въ нощи
Свѣтлость потемни,
И дневной свѣтъ предложися въ мракъ.
Тогда твари вси
Ужаснушася,
Но и бездны вси
Содрогнушася,
Егда адскій звѣрь ¹⁾
Узы разрѣши,
На закланье твердыхъ
Нагло искочи.
О, коль яростно
Испусти свой ядъ
Въ кафолическій
Славный Петроградъ.
Зѣло злобный врагъ
Тогда возревѣ,
Кафоликовъ родъ,
Мучить повелѣ,
Святыхъ пастырей
Вскорѣ истреби,
Увы, жалости,
Огнемъ попали.
Четы иноковъ
Уловляхуса,
Злымъ казненіямъ
Предавахуса—
Всюду вѣрніи
Закалаеми,
Аки класове
Пожинаеми.
Тогда вѣрніи
Горько плакаху,
Зѣло жалостно
Къ Богу взываху:
„Время лютости,
Боже, сократи,
Отъ мучительства

¹⁾ Діаволъ.

Злаго исхити.
Аще не твоя
Помощь сохранить—
Избранныхъ всѣхъ
Адскій звѣрь ¹⁾ прельститъ.
О, увы, увы, благочестіе!
Охъ, увы, увы, скорбныхъ оныхъ дней!
Охъ, увы, увы, лютыхъ тѣхъ временъ!
Како лютый звѣрь
Садъ нашъ погуби,
Вся древа сія
Вскорѣ попали.
Аще помянемъ мы благочестіе
И пресвѣтлое правобѣріе,
Егда процвѣтала кринь церковный,
Зѣло облистала чинь священный,
То не можемъ быть безъ рыданія
И безъ скорбнаго воздыханія:
Охъ, увы, увы, благочестіе,
Увы, древнее правобѣріе!
Кто лучи твоя вскорѣ потемни,
Кто блистаніе такъ измѣни?
Десяторожный звѣрь сіе погуби,
Седьмиглавыи змій тако учини,
Весь церковный чинь звѣрски преврати,
Вся преданія злобно истреби:
Церкви Божія осквернишася,
Тайнодѣйствія вси лишашася,
Но и пастыри поплѣнишася,
Жаломъ новшества умертвилася.
Зѣло новшества непотребны намъ!
Зѣло горестно о семъ плачемся,
Увы, бѣдныя, сокрушаемся,
Что всѣ пастыри посмрадилася,
Въ еретичествѣ потопилася.
Оле, бѣдствія намъ безъ пастырей,
Оле, лютости, безъ учителей!
По своимъ волямъ вси скитаемся,
Отъ звѣрей лютыхъ уязвляемся,
Всюду бѣдныи утѣсняемся,
Отъ отечества изгоняеми.
За грѣхи наши днесъ родилися,
Въ таковы бѣды попустилися.
Почто въ юности мы не умрохомъ,
Въ самой младости мы не успохомъ?
Избѣжали-бы сихъ плачевныхъ дней,
Не видали-бы лютыхъ сихъ временъ.
И мы горде вси выну плачемся,
Преболѣзненно сокрушаемся:

¹⁾ Дьяволъ.

Увѣдаетъ днесь благочестіе,
Процвѣтаетъ же нечестіе,
Лжеучители почитаются,
На каедряхъ вси возвышаются;
Вѣрныхъ собори истребляеми,
Сонны мерзостей умножаеми.
Вавилонская любодѣвица
И свершавая чародѣвица
Представляетъ всѣмъ чашу мерзости
Подъ прикрытіемъ малой сладости;
И мы, слабые, тѣмъ линаемся,
Сластолюбиемъ уловляемся.
Вся пророчества сбываются,
Предсказанія скончуются,
А чего еще хошемъ ожидать,
Посреди міра долго пребывать?
Уже жизнь сія скончается,
И день Судный приближается.
Ужаснись, душе, Суда Страшнаго
И пришествія всеужаснаго,
Окрылись, душе, крылы твердости,
Растерзай, душе, мрежи прелести,
Ты пойдь, душе, въ чащи темныя,
Отъ мірскихъ суетъ удаленныя,
Постигай, душе, вѣрныхъ малъ соборъ,
Укрывающихся посреди холмовъ;
Не страшись, душе, страху тлѣннаго,
Но убойся ты огня вѣчнаго;
Изливай, душе, рѣки слезныя,
Посылай къ Богу мольбы многія,
Крѣпко на Него всегда уповай,
Во-вѣки вѣкомъ Его прославляй!

Такимъ образомъ, еще въ первыя времена раскола среди старообрядцевъ явилось убѣжденіе, что для спасенія необходимо уйти изъ среды людей и міра „прелестнаго“, въ которомъ царствуетъ грѣхъ, удалиться въ тайныя мѣста—дебри и пустыни. Впослѣдствіи, когда попытки образовать свою церковь—„съ полною тайнствъ и священства“ оказались тщетными и привели къ раздѣленію старообрядцевъ на множество толковъ и сектъ, число сторонниковъ узаннаго убѣжденія все увеличивалось, и, наконецъ, было выработано ученіе въ защиту такой жизни: „по пророчествамъ“ видимой церкви въ гонительное антихристово время не будетъ, вѣрные будутъ скрываться въ вертепахъ и пустыняхъ; поэтому для спасенія души обязательно будетъ исполненіе церковныхъ предписаній, возможное только при спокойной, нормальной жизни церкви. Въ этомъ отношеніи интересно весьма распространенное среди старообрядцевъ „Сказаніе“ нѣкоего Захаріи, „пророчески“ изображающее жизнь людей „въ гонительное время“. Въ немъ особенно ясно выражено

отрицательное отношеніе автора къ усвоенію русской интеллигенціей европейскаго образа жизни, несогласнаго съ строго-христіанскими убѣжденіями старообрядцевъ. Такъ, напр., въ то время, какъ единственной заботой христіанина должно быть угожденіе Богу, рускія женщины, по обычаю „проклятыхъ нѣмецъ“, мажутъ волосы „вонями“, въ угоду людямъ и на соблазнъ ихъ; востюмъ, сдѣланный въ угоду модѣ, мѣшалъ колѣнопреклоненію и т. д. Полный заголовокъ сказанія: *„Слово отъ старчества инока Захаріи ко ученику своему Захарію, изъ славной обители въ юрахъ, отъ града Тактора три поприща, близъ подъяла, нарицаемаго „Макоимесь“.* Содержаніе „слова“ такое: „Азъ приидохъ, по обычаю, къ старцу и побесѣдовахъ на многъ часъ о пользѣ душевной и воспомянухъ азъ отцу моему: „отче, повѣждь ми, како сіе будетъ — объ антихриствѣ и прелести его и о воинствѣ его“? Старець, вздохнувъ, рече: „виждь сіе извѣстіе, реченное пророкомъ Даниломъ, когда будетъ мерзость запустѣнія на мѣстѣ святѣ, и исполнится число звѣрино „666“, и *расклянется рука людей священнаго, и иноческій чинъ истребитсѣ, и нѣя и чтенія явлено нидѣже слышится.* Тогда будетъ царство антихристово явно. Будутъ брани ратныя на землѣ, не якоже нынѣ — копіи и стрѣлы и палицы желѣзныя: будетъ оружіе огнепальное, о немъ-же страшно и рещи. И не будетъ воинство нарицатися „воинство“, но названіе какое страшное имя „солдаты“, и брады имущи обрѣти, яко жены, уста-же имуще, яко львови; изъ усть исходить дымъ смердащъ ¹⁾. Одѣяніе имуть носити короткое, обтянуто, и хвостъ ²⁾ имуть носити на главахъ и орла (о немъ-же Ездра пророкъ писа); сверху конскіе опаши“. И спросихъ азъ: „повѣждь ми, како христіане спасутся отъ тоя прелести“? Воздохнувъ, старецъ рече ми: „чадо, малы нѣдци, неовязавшіеся суетами, и въ плачахъ безчисленныхъ, тѣи спасутся. Аще ли гдѣ обращетсѣ общее жителство, то изво ста единъ спасаемыхъ будетъ, а въ міру (едва-ли) гдѣ изъ тьмы ³⁾ единъ спасаемыхъ обращетсѣ; зане-же будутъ пастыри и овцы, но не будутъ овцы имѣть повинованія, и мнози будутъ струпы грѣховныя, а данныхъ имъ епетемъ ⁴⁾ изнести не будутъ, и мнози грѣхи ни во что вмѣнять. Мнози отъ христіанъ впадутъ въ растлѣніе, житіе примуть елинскихъ проклятыхъ нѣмецъ, имуть носити короткіе выше колѣну штаны, натянуты чрезъ рамена, и немощи имъ колѣнопреклоненія творити. Жены-же многія отъ христіанъ, насрамився, будутъ имѣть бѣсовскій образъ—главы непокровенны; на главахъ будутъ носить рога ⁵⁾ скотскіе—уподобятся бѣсомъ; лица будутъ мазать и волосы вонями на прелесть поганыхъ; одѣяніе будутъ носити необычайно—мечтанія блудническаая, обычай проклятыхъ нѣмецъ,—съ перетяжками ⁶⁾, на погубельную блудницѣ прелесть. И возлюбятъ конское ристаніе, бѣсовскія игры и пѣсни, и плясанія сатанинская. Еще, по оному, возлюбятъ

¹⁾ Куреніе табаку.

²⁾ Султанъ.

³⁾ 10.000.

⁴⁾ Эпитимій.

⁵⁾ Гребенки.

⁶⁾ Вѣротно, корсеты.

несытое лакомство, безмѣрное питіе ¹⁾ отъ травы, идолопарственное кроиленіе зміинымъ жиромъ, изыдетъ (это лакомство) отъ Еллиновъ, которые змію поклоняются. И еще ко оному будетъ составлена отпеска ²⁾ костей мертвечныхъ нечистыхъ, дабы никто не избѣжалъ отъ руки его (антихриста). Будутъ піуще утри и въ вечеръ, и въ полудни, и честь дѣюще, и не виѣнать въ грѣхъ; зато мнози снудуть во адъ, прельстившиися имъ. Аще-же кто въ то время сохранитъ себя ото всѣхъ соблазновъ, вѣщей и первый мученикъ обращется во-вѣки вѣкомъ“.

Такимъ образомъ, успокоивъ себя тѣмъ, что въ „последніи времена“ такъ и быть должно—„истребится рука священниковъ и инокескій чинъ, пѣнія и чтенія явнаго не будетъ“, многія старо-обрядцы искали спасенія въ пустынѣ. Явилась особая поэзія, изображающая пустынную жизнь, хотя и полную матеріальныхъ лишеній, но ничѣмъ не отвлекающую отъ заботъ о личномъ нравственно-религіозномъ самоусовершенствованіи; таковы напримѣръ:

Хвалебный гимнъ пустыни.

I.

О, прекрасная пустыня!
Самъ Господь пустыню похваляетъ,
Отцы въ тебѣ, пустыня, скитаются,
Ангелы отцамъ помогаютъ,
Апостолы отцовъ ублажаютъ,
Пророки отцовъ прославляютъ,
Мученики ихъ величаютъ,
Всѣ святые похваляютъ.
Отцы въ тебѣ скитаются,
Изъ проточины воды испиваютъ,
Древа въ пустыни вырастаютъ,
Разноличныя цвѣты расцвѣтаютъ.
Птицы по древамъ прелетаютъ,
На кудрявыя вѣтки посѣдаютъ,
Онѣ райскія пѣсни воспѣваютъ,
Отцовъ въ пустынѣ утѣшаютъ.

II.

О, прекрасная пустыня,
Прими мя въ свои частыни,
Въ вѣрныхъ овчатъ стадо,
Въ тихость-ли безмолвную,
Въ палату-ли своевольную.

¹⁾ Чай.

²⁾ Метряческія при церквахъ книги для записи умершихъ.

Любимая моя мати (пустыня),
Всегда тебя хочу знать,
Устамъ сердца цѣлующи,
Въ день и ночь милующи.
Царскія всё поляты,
Отнюдь ихъ не хочу знать.
Древа и кусты кедровые,
И листіи зелѣное,
Отъ вѣтреннаго малаго духа трясущіеся,
Твой воздуха будили.
Оставивъ тотъ злобный міръ,
Одинъ въ пустыни бѣгаючи,
Всегда въ ней скитающись,
Покоевъ и полатъ златыхъ, людей мірскихъ
Во свое младыя лѣта отлучился;
Отъ свѣта—отъ северной той блудницы
Утекаю я въ пустыню.
О, прекрасная пустыня,
Съ любовію прими мя!
Не страши мя своимъ страхомъ,
Да не разсыплюсь я прахомъ;
И пойду-ли я въ твои луги,
Отложивши всё недуги,
Видѣти твой зеленый садъ
И живущихъ въ ней твоихъ чадъ.
И долженъ плавать я, мой Боже,
Кто мнѣ бѣдному поможетъ
Въ далекой пустыни, въ глубокой долини?
О, преподобный отце Варлааме,
Моли Бога непрестанно,
Да и меня Господь сподобить
Со святыми ликовать
И со ангелы Бога воспѣвати всегда и во-вѣки!

III.

Время радости настало,
Я въ восторгъ себя зрю;
Мое сердце встрепетало,
Изъ очей слезъ токи лью:
Прощай весь міръ со страстями
И со прелестью на-вѣкъ,
Я отъ васъ ужъ удаляюсь,
Гдѣ согласнѣй, я вселюсь.
Тамъ пещеры темноваты
Заставляютъ слезы лить
И не царскія палаты
Могутъ душу веселить;
Вмѣсто всякаго напитка
Ключевая тамъ вода,
Текутъ рѣчки безъ убытка—
Я имѣю ихъ всегда.

IV.

Стихъ про Іоасафа царевича.

Боже, отче Всемогущій,
Боже, Сыне Присносущный,
Боже, Душе Параклете,
Свѣтозарный міру свѣте,
Въ тріехъ лицахъ пребывай,—
Къ Тебѣ я, грѣшный, приступаю,
Многи слезы проливаю:
Благоволи меня пріяти,
Дабы Тебѣ работать.
До чего я буду жити,
Хочу Твой рабъ выну быти,
Тебя ради міра лишаюсь,
Царство, други оставляю.
Златъ вѣнецъ мнѣ ни во что-же,
Тебя ради, Христе Боже;
Нѣсть ми воля царствовать,
Много богатство содержать,
Во уметы все вмѣняю,
Тебѣ, Христе, работаю.
Нищъ, убогъ я хочу быти,
Да съ Тобою могу жити;
Въ лѣсы темны изъ полаты
Иду свѣтлы обитати,
Изъ града ко граду, въ пустыню,
Любя зѣло ея густыню.
Да мя сей міръ не прельщаетъ,
Любви къ Тебѣ не лишаетъ,
Ты ми изволь помощь дати
Во пустынѣ обитати.
Яко Твоя воля будетъ,
Да Твой рабъ въ ней пребудетъ,
Тебѣ выну работаю,
Въ совершенство поступаю.
Ты сей путь мой Самъ направи,
Да живу Ты, Самъ настави:
Вся надежда моя въ Тебѣ,
Ты спаси мя, Живый въ небѣ.
Вы-же, дебри и пустыни,
Принми мя во густыни,
Безмятежно въ тебѣ жити,
Богу Жъяву послужити.
Иду внутрь тя обитати,
Ты ми буди, яко мати,
Питающа древесъ плоды,
И дивными былій ¹⁾ роды.

¹⁾ Растеній.

Сладки чаши оставляю,
Только твоихъ водъ желаю,
Да возмогу отъ тѣхъ пити,
Отъ очей слѣзь токи лити,
Грѣхи мои омывая,
Бога въ милость преклоняя.
Міра славу, серебро, злато
Я вмѣняю, яко блато.
Только то намъ есть и треба,
Что хранить намъ Господь въ небѣ,
Того хочу всегда искати,
Въ скорбяхъ, нуждахъ злострадати,
Труды многи положить,
Чтобы въ небѣ съ Тобой жити.
Путемъ тѣснымъ итти тщуся,
Да въ пространныхъ водворюся,
Въ свѣтлы неба, въ нихъ-же сладость,
Безконечна всегда радость.
Звѣрей дивныхъ боюся,
Но на Христа надѣюся,
Яко имать укротити
И подасть мнѣ мирно жити.
Тѣ мнѣ больше лютыхъ звѣрей
Страшны, иже злы безъ мѣры,
Ибо душу убиваютъ,
Когда они во грѣхъ прельщаютъ.
Но и отъ тѣхъ мнѣ есть Спаситель,
Христосъ Богъ и Защититель,
На Него я уповаю,
Всего себя Ему вручаю.
Желаю зрѣти Варлаама,
Дабы жити купно нама:
Онъ мя къ Богу примирилъ,
Свѣтомъ правды просвѣтилъ;
Онъ мнѣ жизни вождь да будетъ,
Съ нимъ мой выну духъ пребудеть,
Съ нимъ вѣкъ жити здѣсь желаю,
Съ нимъ по смерти жити чаю.
Дажь мнѣ, Христе, получитьи
Съ Варлаамомъ мнѣ здѣсь жити,
Да съ нимъ Тебѣ пою,
Въ свѣтломъ небѣ Бога славлю,
Бога-Отца величаю.

V.

Я въ пустыню удаляюсь,
Отъ мірскихъ бѣгу суетъ
И въ томъ мыслью занимаюсь,
Что спасенья въ мірѣ нѣтъ.

Живучи въ уединеннѣ,
Къ Богу всей душой стремлюсь,
Всё мое въ томъ попеченнѣ—
Со страстями я борюсь.
Побѣдить тѣлесну сладость,
Превозмочь грѣховну лѣсть—
То душѣ прямая радость,
Утѣшеннѣ, слава, честь.
На Творца я уповаю,
Стремлюсь духомъ въ небеса
И спокойно ожидаю
Себѣ смертнаго часа.

VI.

Что за чудную превратность
И премѣну зрю въ глазахъ?
Прощай міра вся пріятность,
Не хочу я зрѣть на васъ;
Утѣхъ вашихъ удаляюсь,
Во пустынѣ хочу жить,
Моемъ духомъ восхищаюсь,
Чтобы вѣкъ Богу служить.
Вмѣсто прелести и славы,
Зрю я въ темные лѣса;
Поминутно, вмѣсто сласти,
Взоръ вперяю въ небеса;
Вмѣсто музыки и пѣсенъ
Меня птицы веселятъ,
Міра суетнаго славу
Забывать мнѣ велятъ.
Гдѣ кокушка воскокуетъ
На пустынныхъ древесяхъ,
Она духъ мой возбуждаетъ
Помнить Бога въ небесахъ.
По пустынѣ текутъ рѣки
Повелѣніемъ Творца
По предѣлу ихъ навѣки,
До всего міра конца.
И журчаньемъ водъ текущихъ
Утѣшаюсь я всегда,
Мірскихъ прелестей влекущихъ,
Чтобы не помнить никогда.
Поля зланы и долины
Здѣсь блистаютъ красотой—
Всѣ пріятны мнѣ и милы,
Но считаю я мечтой.
Міръ мнѣ суетный не зрится,
Нѣтъ и прелести въ глазахъ,

Но лишь худъ ¹⁾ мой веселится—
Умъ летаетъ въ небесахъ.
Хотя часто онъ тревожить,
Но считаю я мечтой,
И о томъ мнѣ Богъ поможетъ,
Что всегда Онъ есть со мной.
Что я міру поругался,
Но и прелесть всю поправъ
И подъ власть Отцу отдался,
Жизнь небесную избравъ—
И блаженъ теперь считаюсь,
Что духъ мой достигъ покой,
Повсечасно утѣшаюсь
Я при радости такой.
Хвали, сердце мое, въ вышнихъ,
Хвали Бога въ небесахъ,
Воспой пѣснь Ему приличну,
Самъ ходя подъ древесамъ!
Воспой гласомъ, воспой духомъ,
Воспой милость всю Его,
Ударь въ гусли тонкимъ звукомъ,
Прославь Бога своего,
Что извелъ ты изъ напасти,
Изъ житейскаго мечты,
Удалилъ Онъ ты отъ страсти,
Отъ житейской суеты
И привелъ ты во ограду,
Гдѣ пасеть своихъ овецъ!
За сія Его щедроты
Ты прославь, душе моя,
Что у Бога милости много,
Невозможно изрещи:
Онъ и гнѣвъ Свой утоляетъ,
И лишаетъ вредныхъ мечть,
И грѣхи Онъ всѣ прощаетъ,
И изводитъ выше звѣздъ.

Бываютъ, впрочемъ, случаи, что человекъ, переживши въ пустынѣ всѣ искусы молодости, въ совершенныхъ лѣтахъ уходитъ въ міръ, заразившись его прелестью, какъ показываетъ приводимый стихъ:

VII.

Братія, внимлите, всѣ друзья мои,
Внятно приклоните ушеса свои:
Я стишочекъ вамъ спою
Про судьбину про свою,

¹⁾ Тѣлесная природа.

Про житье жестоко,
Про младые годы.
На восемнадцатомъ годѣ жизни своей,
Въ юношескомъ цвѣтѣ,
Возгнулся сему міру
И послѣдовалъ въ пустыню;
Желая спастися,
Съ суетою распростялся.
Младны тамъ дѣта
Мирно проживалъ,
Прелестей, навѣта
Я во снѣ не зналъ.
Отъ печалей былъ свободенъ
И художествомъ ¹⁾ доволенъ
Въ пищѣ и одеждѣ,
Въ потребахъ тѣлесныхъ.
Вѣрой ограждался,
Въ нуждахъ не скорбѣлъ,
Любовью питался,
Съ надеждой терпѣлъ.
Не роскошно тамъ я жилъ:
Болотную воду пилъ,
Хлѣбъ ѣлъ ячменной,
Иногда съ корой—
Вкушалъ я безъ роптанья
Отъ трапезы той.
Не внималъ страданьямъ,
Въ книгѣ во чтеніи упражнялся,
Отъ прелестей отвращался,
Видѣ имѣлъ степенный,
Взоромъ былъ смиренный,
Воздыхалъ сердечно
О душѣ своей
И думалъ такъ вѣчно
Прожить безъ страстей...
Лѣта млада миновали,
Совершенныя (лѣта) настали,
Сталъ я немощнѣе,
Гораздо слабѣе—
Почувствовалъ страсти,
Сталъ отъ нихъ страдать,
Житейскія сласти
Началъ познавать.
Сталъ я духомъ колебаться,
Понемногу уклоняться
Отъ поста и молитвы
Къ суетной жизни.
Грустно мнѣ наединѣ,

¹⁾ Худой жизнью.

Безмолвное житіе въ пустынѣ
Наскучило мнѣ.
Я съ пустыней распростился,
Въ жизнь мятежну возвратился,
Овязался мечтою, мірской суетою.
Чего я гнушался—случилось со мной,
Чего отвращался—вижу надъ собой:
Сталъ я частенько умываться,
Въ кафтанъ синей наряжаться,
Лѣстовку¹⁾ оставилъ,
На крючекъ повѣсилъ.
Вратія, явите милости своя:
Себя не блааните, вря грѣхи моя.
Прошу, впрочемъ, извинить,
Что горѣлочку сталъ пить—
Я, вѣдь, не до пьяна,
Только для здоровья;
Пьянъ не напиваюсь,
Свой законъ храню,
А хошь что и случится,
Въ томъ можно извиниться,
Что я, вѣдь, не архангелъ,
Даже не безплотный.
А кто позволяетъ брату своему
И не осуждаетъ, я скажу тому:
„Мнѣ за всѣхъ не умолить,
Прошу самимъ честно жить,
На меня не надѣйтесь—
Я вамъ не ходатай“.

Но какъ бы ни крѣпко хранилъ себя въ пустынѣ отшельникъ-старообрядецъ, всетаки иногда у него можетъ явиться сомнѣніе въ спасительности созданнаго самими ученія о жизни внѣ церкви, разъ ученіе въ томъ видѣ не засвидѣтельствовано единственно-убѣдительно для старообрядца авторитетомъ святыхъ:

VIII.

Человѣкъ живетъ, какъ трава цвѣтетъ.
Ужъ человѣка ровно цвѣтъ цвѣтетъ:
Поутру цвѣты цвѣтутъ,
А къ вечеру отпадутъ;
Къ вечеру человѣкъ веселится,
А поутру мертвъ ложится,

¹⁾ Четки.

Руки приложивъ къ ретиву сердцу.
Вы (родные) почто меня водою оmyваете:
Не омылся я слезами предъ Господомъ;
Вы почто меня во гробъ полагаете:
Не имѣлъ я отца духовнаго,
Не имѣлъ я при себѣ пастыря добраго;
Вы почто меня во саванъ облачаете:
*Не облекся я во одежду новобрачнаго*¹⁾;
Вы начто надъ тѣломъ свѣчу возжигаете:
Не возжегъ я свѣтильника души своей;
Вы начто надъ тѣломъ службу совершаете:
Не имѣлъ я у себя поста и моленія.
Ровно утлая ладья на морѣ плаваю,
Она тѣло потопить,
А душу не топить.
Не перенная стрѣла не прямо летить—
Не слышаючи писанья,
Не спасется человѣкъ.

Въ заключеніе сообщаемъ о способѣ распространенія стиховъ между старообрядцами. Стихи эти обыкновенно поются на общихъ собраніяхъ старообрядцевъ въ воскресные и праздничные дни. Благодаря этому, многіе знаютъ ихъ наизусть, что, между прочимъ, значительно облегчаетъ дѣло собранія и записи ихъ.

Яковъ Ильинскій.

¹⁾ На церковномъ языкѣ означаетъ крещальныя одежды.

ЗАГАДКИ

въ Кокшенигъ Тотемскаго уѣзда.

Помѣщаемыя здѣсь загадки записаны мною всё въ деревнѣ Рыкаловской Спасской волости, главнымъ образомъ отъ подростковъ парней и дѣвушекъ, большею частью неграмотныхъ, и только незначительная часть—отъ пожилыхъ людей; при записи я старался тщательно опредѣлять источникъ, изъ котораго загадка взята, чтобы не помѣщать тѣхъ, которыя были вычитаны изъ книгъ, и, если сюда включены нѣкоторыя изъ общераспространенныхъ, то потому лишь только, что онѣ изстари загадывались и здѣсь. Записывая, я старался точно также сохранить (отмѣтить) главнѣйшія особенности мѣстнаго говора.

Кокшенига, 1905 г.

Мих. Едемскій.

1. Безменъ.

Самъ худъ,
А голова съ пудъ.

2. Блины.

- а) Береги приеруты,
Вода дорога,
Рыба бѣзъ кости.
(Растворъ блиновъ въ квашнѣ).
- в) Сѣрой котъ
Матрену трѣтъ,
Матрена ревить
Да прибавить велить ¹⁾.
- с) Курица золѣзна,
Зобъ овсяной,
Хвос(т)ъ деревянной ²⁾.

¹⁾ При печеніи, когда растворъ блиновъ выливается на сковороду, послѣдняя верещитъ.

²⁾ На желѣзной сковородѣ съ деревянной ручкой пекутъ блины.

3. Блоха.

Черненко маленько
Царя шевелить.

4. Брѣвно въ стѣнѣ.

На улицѣ краюшка,
Въ избѣ—ломотокъ ³⁾.

5. Буракъ или пестеръ ⁴⁾.
Скрипнть, хлопочеть,—
На бабу хочѣтъ.

6. Вѣнникъ (вѣнникъ).

По полу гудокъ
Да и по лавкамъ гудокъ,
Тотъ же гудокъ
Да и сѣу въ уголокъ.

³⁾ Снаружи круглое, внутри отѣсанное.

⁴⁾ Большая корзина изъ драки, съ одною ручкою жгутомъ, употребляемая бабами для ношенія изъ гумна корму для скота; корзину несутъ на спинѣ, придерживая за перекинутую черезъ плечо ручку-жгутъ.

7. Вѣнчикъ и нолъ въ избѣ.

Кабы не батюшко
Шантѣюкъ-пантѣюкъ,
Дакъ заросла бы вся у матушки
Шантя-пантя.

8. Вонь.

(В)еругъ носу вьетце,
А въ руки не даетце.

9. Воронцы (балки, брусья)
у печки.

Два вѣрона летать,
Одну голову идать.

10. V u l.

Идѣтъ,— жуѣтъ,
Стойтъ,— моучить;
Нагнѣтсе,— смѣтце.

11. „Висаживаніе“ сно-
повъ съ овина на долѣнь.
Изъ дыры — да на плѣшь.

12. Вши въ головѣ.

Стойтъ кочъ,
На кочѣ трава-повилиця,
А въ травѣ-повилицѣ
Ягода-жаравиця.

13. Глазъ.

Книга-роздвига,
По краямъ волоса,
А въ серединѣ чудеса.

14. Горохъ.

Катѣлисе катѣчки
По липову мостѣчку;
Увидѣли зѣрю,—
Свалилисе въ воду ¹⁾.

¹⁾ Передъ варкой горохъ откаты-
ваютъ на рѣшетѣ (об. липовомъ), очи-
щая т. обр. и сортируя его.

15. Горшокъ.

Ес(т)ь ли таковъ,
Какъ Иванъ Пятаковъ:
Сѣу на конь
Да и поѣхау въ огонь.

16. Гребень.

Широкъ-коротокъ
Побѣжау въ болото
Свиной гонеть.

17. Грибъ.

Мау-малышѣкъ
Въ землю ушѣу,
Красну шапочку напѣу.

18. Доенъѣ коровы.

а) Сѣла баба на сгибень,
Промежу ноги бубень,
Въ обѣ руки тарабуки,
Зачяла играть въ бубень.
в) Возьму я сохачъ за рогачъ,
Промежь ноги бубень,
А въ руки жѣловатикъ.
с) Чѣтыре сестрицы
Въ одну лунку сѣять.

19. Дорѣга.

Кабы стау, кабы стау,—
Дакъ бы до неба достау;
Кабы руки да ноги,—
Я бы вѣра связау;
Кабы ротъ да глава,—
Я бы все розказау.

20. Дровни.

Петъ-петъ Ивановъ
Да петъ огибановъ,
Марья да Дарья
Да двѣ Палагин ²⁾.

²⁾ Колылья по 5 на каж. полозѣ.
вязки, полозья и „нащанъ“.

21. Ж а р а в л и в а
(клюква).

На тоненькомъ дѣревцѣ
Животци наши качаются.

22. Ж е н а Л о т о в а.

Хто въ ветхомъ завѣтѣ ро-
днѹсе, а не умѣръ, не живеть?

23. Ж у к ъ.

Литить по-птичью,
Говорить по-бычью,
На землю падѣтъ,—
Въ колѣно землю орѣтъ.

24. З а м б ъ.

Маленька собачька
Свернуласе лѣжитъ;
Не лаѣтъ, не кусаетъ
И въ домъ не пускаетъ.

25. З а м б ъ и к л ю ч ъ.

Стоитъ ссора
Середѣ поля;
Прилитѣ жуликъ
И говоритъ:
„Ссора, ссора,
Дай стоя!“
— Нѣтъ, жуликъ,—
У тебя великъ,
У мня дырка болитъ!

26. З у б ы, ротъ.

Поўно подпольѣ
Гусей-лебедей.

27. З ы б к а съ робенкомъ.

Стоитъ городъ
Не на землѣ, не на водѣ;
Въ томъ городѣ
Нѣмъ воевода.

28. Й и ч / ц ѣ (яйцо).

Чѣво на спицьбу не повисеть?

29. К а п у с т а.

а) Семьдесятъ одѣжекъ,
Всѣ безъ застѣжекъ.

в) Стоитъ пѣпигъ
Не высокъ не низокъ,
На ѣмъ семьдесятъ ризокъ.

30. К о л о к о л о (церковное).

Живецъ мертвеца бѣтъ,
Мертвецъ вопіетъ,
Народъ слывающе
И спасающе.

31. К о л ѣ ѣ въ угородѣ¹⁾.

Два братца одѣмъ поаскомъ
подпоисались.

32. К о л ѣ д е ц ъ и черпаніе
изъ него воды.

Хай да махай
Да въ серѣдку пехай,
Тычь да мячи
Да подверхъ волочи.

33. К о п н а (скірда) съ хлѣ-
бомъ.

Кругомъ хобото,
А въ серѣдѣѣ золото.

34. К л ю ч ъ и з а м б ъ.

На повѣтъ
Прямо клѣти
Парень дѣвкѣ
Еберзятъ.

¹⁾ Колья въ изгороди, связанные „перевичьями“.

35. Брючекъ у дверей.

Днемъ виситсе,
А ночью—въ дырку опеть.

36. Купау¹⁾ на цервѣ.
Стоять Егорей
Въ полу-угорѣ.

37. Куряца.

У нашей у Маши
Семьдесятъ рубашѣкъ,
Вышла на улицю
И ж . . . гола.

38. Лапти плететь.

Въ лѣсъ идѣтъ,—
Клѣточьки кладѣтъ;
Изъ лѣсу идѣтъ,—
Перекладываѣтъ.

39. Ложки во время ѣды.
Около пролѣбви
Скачють голѣбви.

40. Лукъ (?).

Загону загадку,
Заброшу за градку;
Пус(т)ь моя загадка
Въ годъ пойдѣтъ
Годовикъ возьмѣтъ.

41. Лукъ.

Сидитъ баба на градвахъ,
Вся въ заплатвахъ;
Хто не (в)зглянетъ,—
Всякъ заплачѣтъ.

42. Лѣнка (лѣвн).

Корова въ лѣсѣ,
А черѣва здѣсе²⁾.

¹⁾ Куноль.

²⁾ Т. е. дерево, съ котораго де-
реть лыки, — въ лѣсу, а лыки или
издѣлія изъ нихъ—дома.

43. Малина.

а) Росло—повыросло,
Изъ щановъ повылѣзло,
Красно залушилося,
По рукамъ покатилося.
(Вар. послѣдн. стиха:
Краснымъ дѣвушкамъ полю-
билосо).

б) Ципочька бѣленька,
Пи . . . а красненька.

44. Молотило (цѣпъ).

Криво—криво мотовило
По-нѣмецки говорило,
По-тотарьски лепетало.

45. Мяука для льна:

Сухая м
Все кос(т)ѣ переглодала.

46. Ножъ въ кож. ножнахъ.

Шѣу прохожей,
Несъ подѣ вожей,
Выхватиу изъ-подѣ полы—
Четверти поуторы.

47. Огородъ³⁾ (изгородь),
зелень посѣва.

—Криво-лузаво,
Куда побѣжало?
—Зелено-вудряво,
Тебя стерегчи!

48. Оземь подѣ снѣгомъ.

Подѣ мостомъ подѣ ярусомъ
Лежитъ кафтанъ подѣ гарусомъ.

³⁾ По-комшеньски часто: уго-
родъ.

49. Пѣньё.

Лѣтомъ дивница,
Зимой молодичи ¹⁾.

50. Печь, пламя, дымъ.

Мать тоустá,
Дочь краснá,
Сынъ хороберъ
Подъ небѣса ушѣу.

51. Письма.

Въ Питерѣ дрова рубать,
А въ намъ щепки литья.

52. Поварѣнка ²⁾.

Торонтокъ за локотокъ,
А торонтушка съ горсточку.

53. Ползвѣ дровѣнь ³⁾,
саней и пр.

- а) Два воўка бѣжать,
Оба на небо глядятъ.
б) Два вѣрона литья,
Оба на небо глядятъ.

54. Помело.

а) Выскочу юриўко изъ-подъ
печки:

— Станѣмъ, бабуша, юрить
Да въ одну дырочку гудить ⁴⁾.

б) Що въ избѣ медвѣжья лапа?

55. Попъ съ крестомъ.

Вышѣлъ дѣдъ
Семидесяти лѣтъ,
Вынесъ внука
Себя старяе.

¹⁾ Макушки пней зимою покрываются шапками снѣга, напоминающими „борушки“ (родъ грибов) замужнихъ женщинъ (молодицъ).

²⁾ Кухонная ложка.

³⁾ Ползвѣ дровней.

⁴⁾ Мѣтить, попадать.

56. Потолокъ.

Сорокъ братьевъ
На одномъ сголовѣ спать.

57. Пѣтухъ.

Не выцѣнь ⁵⁾ не рож(д)ѣнь,
А во свѣты попау.

58. Робѣнокъ.

Тѣшу,—въ путь нейдетъ,
И нѣжу,—въ путь нейдетъ;
Повалю да запехну—
Дакъ и въ путь поидеть.

(т. е. чтобы успокоить, надо положить въ постельку и дать соску).

59. Розбойникъ (евангельскій).

Хто прежде Христа
Въ рай (в)ступилу.

60. Рукомойка.

Виситце боутантце,
Всякъ за ѣв хватантце.

61. Рѣпа.

а) Вѣкину клубомъ,
Выростаётъ подъ зелѣнень-
кимъ платкомъ.

б) Въ землю вроска,
А изъ земли лепѣшка.

62. Самоваръ.

У дѣвушки у сиротки
Загоралосе въ середѣ,
У доброво молодца
Повапало изъ конца.

с) Не вращень.

63. Сапоги праз(д)ничные
обуваѣтъ.

Парень молодой
Въ праз(д)никъ годовой
Судѣтъ—пехаѣтъ,
Щобы далѣ шло.

64. Свѣтѣльно (свѣтець)

Стойтъ Тимошка
На одной ножекѣ,
Крошенину крошйтъ.

65. Сер(д)цевина дерева.

Въ лѣсѣ оно,
Съ лѣсомъ ровно,
Изъ-за лѣсу
Не видно ёво.

66. Серпъ.

Маленькой горбатенькой
Всѣ поле оббѣжаѣ,
Всѣ загѣны сосчитаѣ.

67. Скамейка для доенія
коровъ и доеніе.

По двору хожу,
Ширыхаўки ищѣ—
Ширыхатѣце хочю.

68. Скобы въ дверяхъ.

У насъ да у васъ
Поросѣночѣкъ улязъ.

69. Сковорода и подмазка,

У тя чѣрно
И у мя чѣрно,
Пойдемъ въ куть—
Потычимсе.

70. Смерть.

Среди поля стойтъ дубъ,
На дубу сидитъ воронъ;
Онъ лис(т)ьѣ срываѣтъ;
Въ колоду бросаѣтъ:
Въ колодѣ не прибываѣтъ
И съ дуба не убываѣтъ.

71. Соколы деревьевъ (сосны).

Выйду на горушку,
Обдеру телушку;
Мясо съѣмъ,
А кожу брошу.

72. Соха и пашня.

Старъ да матѣръ
По колѣно затѣръ,
Забнѣ до мошни,
Солоднѣ до весны.

73. Соўнышко (соб. луч. с.).

Цѣво въ коробейку
Не *запретъ*?

74. Спаньё на лавкѣ, на
печѣ и на палаткахъ.

Лѣжить—рокѣчетъ,—
На бабу хочѣтъ;
На бабѣ-то (в)спотѣѣ,
Дагъ на дѣвку захотѣѣ.

75. Стѣкла оконныя зи-
мою.

На улицѣ—Петровъ-день,
Въ избѣ—Рождѣс(т)во¹⁾.

¹⁾ Отначивая изнутри, стекла оконъ зимою покрываются слоємъ инея (снѣга и льда), напоминая зиму. время около Рождества, а съ на-ружной чисты, какъ гѣтомъ (петровки).

76. Стреля и лошадь.

Лѣзу, лѣзу
По волѣзу ¹⁾
На мясную гору.

77. Сто ū (столь).

Чѣтыре братца
Подъ одной кровелькой стоять.

78. Сувъ въ стѣнѣ.

Що въ избѣ медвѣжей глазъ?

80. Сѣнокосъ.

Прилитѣу *тень*
На Петровъ-день;
Сѣу *тень* на *пень*,
Стау *тень* плакать ²⁾:
Волосы вянуть,
Дуброва шумить.

81. Тѣртуха (тѣртка).

Бѣжить свинья
Изъ Питѣра,
Вся она
Истыкана.

82. Тѣаньѣ („тоця“).

Ногами скѣтъ,
Брюхомъ прѣтъ,
Рощеперить
Да и пехнеть.

83. Топоръ за опояской.

Въ лѣсъ идѣтъ—
Домой глядѣтъ,
Изъ лѣсу идѣтъ—
Въ лѣсъ глядѣтъ.

84. Ушатъ.

Весь лѣсъ—въ обрѣзъ,
Два деревца выше всѣхъ.

85. Ушатъ и „короми-
сло“ ³⁾.

Дыра прямо дыры,
На середѣ-то бѣда:
Надо (в)сунуть, надо вложитъ,
Надо вынуть не забыть.

86. Хмель на тычинахъ.

Пѣтельки—перепѣтельки,
Утельки—перетульки,
Тюрикѣ вверху,
Тереби сверху.

88. Цѣрва (церковъ).

Плеть плетѣна,
Вверху ведѣна
О ста углѣвъ,
О тысячѣ рублѣвъ.

89. Шипиця ⁴⁾.

Цвѣточьки андельскіе,
А кокти дьявольскіе.

90. Щѣли (щѣли) колютсе.

Що само робитце?

¹⁾ По жѣгзу.

²⁾ Отбиваніе косы (точеніе).

³⁾ Шесть около сажени длиною съ подвѣшенной въ серединѣ палкой— „Клецѣтъ“, приспособленнымъ для вкладыванія въ уши ушата.

⁴⁾ Шиповникъ.

ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ.

(Новг. г. Черепов. у.).

Бѣдный разоряется, а богатый радуется.

Богатому рай, а бѣдному адъ.

Богатый на конѣ, а бѣдный на парѣ.

Въ Сибири тѣ же люди, только воля не своя.

Сколько въ людяхъ не жить, а дома не выжить.

Хорошо бы въ людяхъ жить, да воля не своя.

Хорошо жить по людямъ, да тяжело грудямъ.

Въ Питерь съ котомочкой, а изъ Питера съ ребеночкомъ.

Хоть сухая корка, да своя волька.

На кошкѣ пахать, на козѣ боронить, на собакѣ бревна возить.

Сорокъ лѣтъ, коровы нѣтъ, а масломъ отрыгаетъ, на дворѣ копыта нѣтъ, курица лягаетъ¹⁾.

Тонко, да звонко, и толсто, да пусто.

Дома корочекъ поѣла, на работѣ пѣсни пѣла, а въ людяхъ чаю напилась, а слезами облилась²⁾.

Вода спить, а квась гулить ушелъ.

Нѣтъ молока, такъ подой быка.

Онъ старый волкъ-то, знаетъ толкъ-то.

Свой хлѣбъ лучше чужого калача.

Богородица Покровъ, дай мнѣ смирную свекровь.³⁾

Мужъ съ женой ругаются, только тѣшатся.

Кто пьетъ, тотъ не богатство и наживетъ.

Въ семьѣ согласно, такъ идетъ дѣло прекрасно.

Хорошо богатство, а согласье лучше.

Хорошая слава шагомъ плетется, а худая вскачь несется.

„Будетъ ему старому чужой вѣкъ заѣдать, на томъ свѣтѣ давно его съ фонарями ищутъ“ — говорятъ про того человѣка, который долго зажилъ на этомъ свѣтѣ.

„Сущее наказаніе Божіе“ составляютъ нѣсколько человѣкъ дѣтей въ бѣдной семьѣ.⁴⁾

Живетъ, да несыто жуеть.

Нѣтъ такого дружка, какъ родимая матушка.

¹⁾ Известная во многихъ мѣстностяхъ „частушка“. Н. В.

²⁾ Тоже самое. Н. В.

³⁾ Вторая половина известной „частушки“. Н. В.

⁴⁾ Авторъ слышкомъ суживаетъ смыслъ этой поговорки. Н. В.

Хватилъ горя, что сирота.
Кто сироту обидитъ, тому
Богъ вчетверо отомститъ.

Кто сиротою не бывалъ,
тотъ до-сыта не плакивалъ.

„Это черту баранъ“, гово-
рятъ про самоубійцъ.

Судъ да дѣло собаку съѣло.

У хлѣба не безъ крошекъ,
у торговли не безъ урону.

„И Богу свѣчка и черту
кочерга“—знач., человекъ на
всѣ руки.

„Двое ведутъ, третій ноги
переставляетъ“—этимъ опредѣ-
ляется высшая степень ошча-
ненія.

Нарушишь обѣтъ, наживешь
не мало бѣдъ.

Уговоръ дороже денегъ.

Данное слово должно, какъ
дубъ стоять, а не гнуться, какъ
былинка.

Слово безъ скрѣпы (не под-
крѣпленное письменнымъ обя-
зательствомъ), все равно, что
колесо безъ чеки—живо съѣ-
детъ.

Слово можно дать, его и
назадъ можно взять.

Не слово хозяинъ хозяину,
а хозяинъ слову хозяинъ.

Лады ладили, да поладили,
видно дѣло невпопадъ: всѣ
лады пошли въ разладъ.

„Пустить безъ портокъ“—
знач., разорить до крайности.

Уговоръ совершилъ, такъ и
дѣло порѣшилъ.

„Съ лица не воду пить“—
значить, не нужно обращать
вниманія на красоту.

Незнайка на печкѣ лежитъ,
а знайка по дорожкѣ бѣжитъ.

Слово—олово, а молчаніе—
серебро.

Доказчику-свидѣтелю—пер-
вая палка.

Покажешь на другого, по-
кажутъ и на самого.

Лучше дважды промолчать,
чѣмъ однажды показать.

„Душой покривить“—не-
правду показать на судѣ.

Какъ ни кинь, все кинишь.

Куда не ступи, все въ яму
попадешь.

Какъ не повернись, все
тѣсно.

„Вотъ те святая икона!“ и
„не сойти мнѣ съ мѣста!“—
клятвы.

„Заткнуть глотку“—заста-
вить замолчать при помощи
взятки ¹⁾.

Не пугай волка большимъ
поросенкомъ.

Мальчикъ родится на под-
могу, а дѣвочка на потѣху.

Съ сыномъ домъ наживешь,
а съ дочкой остатки прожи-
вешь.

„Сынъ въ карманѣ прита-
щить, дочь въ подолѣ прине-
сетъ“,—говорятъ про сына и
дочь, уходящихъ на посторон-
ніе заработки.

„Принести въ подолѣ“—ро-
дить или забеременѣть на сто-
ронѣ.

Растить дочку, что воду лить
въ дырявую бочку.

¹⁾ См. предыдущее примѣчаніе.

Сынъ хоть не хлѣбомъ, а плюхами, да все накормить, а дочь послѣдній кусокъ унесеть.

Вѣсъ не попова душа, не возьметъ барыша.

Мѣра не поповъ карманъ: дно имѣетъ.

Вѣсъ и мѣра не поповская совѣсть: не обмануть и лишка не возьмутъ.

Прямо-то ворона летала, да и то домой не попадала.

Баринъ пьетъ, нока хочетъ; пощъ пьетъ, нока чай красный; купецъ пьетъ, нока потъ прошибетъ; а мужицкѣй аппетитъ, сколько воды хозяйка наипятитъ.

„Топоту дѣ поту, а спору нѣтъ“, — говорятъ про человѣка старательнаго, но у котораго мало толку.

Пусти умѣло копѣйку въ ходъ, она двѣ съ собой приведетъ.

Пьянъ не напивайся, съ бабой не ругайся, дѣтокъ поводи и скотинку береги.

„Затылкомъ наволочки стирать“ — лежать, гнѣдиться.

Потеряй стыдъ, такъ будешь смѣть.

До Ильина дня въ сѣнѣ пудъ меду, а съ Ильина дня пудъ навозу.

„Какъ не изъ тучи громъ“ — неожиданно.

Зайцу да воробышу, а третьему приемышу — нѣтъ житья на свѣтѣ хуже.

„На нашемъ товарѣ не живешь рубль на рубль, а хотъ

бы копѣчка на копѣчку пришла, — и то слава Богу“ — можно услышать отъ воробейника.

Мужъ и жена — одна сатана.

Отъ звѣря еще спасешься, а отъ лихого человѣка не уберешься.

Семья вся въ одну точку: мать въ дочку, сынъ въ отца, отецъ во пса, и вся порода собачья.

Учи дѣтей, пока поперець лавки лежатъ, а вдоль лягутъ — учить некогда.

Нужда заставитъ слѣзть съ печи и научитъ изъ мякины дѣлать калачи.

Потеряется межа, такъ не достанется и вода.

Не пойдешь на межу, такъ забудешь и свою полосу.

Какъ загородишь загороду, не возьмутъ тебя за бороду.

Межа не стѣна, а перелѣзать нельзя.

Пьяная баба — чужая баба.

П...а хотъ и дырава, лишь бы морда не ворява.

„Одно приданое шито-крыто, а другое на люди открыто“, — такъ говорятъ про дѣвушку невѣсту, которая хотъ честности не сохранила, но кое-что приобрѣла.

Говорятъ, что и хлѣбы варятъ, а щи пекутъ, да и вѣрь пожалуй.

Парень женится — любую беретъ; вдовецъ женится — кто за него пойдетъ.

Крута горка да забывчива.

Не говори лишняго, а то разгнѣвишь Всевышняго.

Языкомъ гордишься, а дѣломъ нивуда не годишься.

Много знаешь, да мелко плаваешь: ж...у знать.

Зналь твой дѣдъ, да съ виллой померь.

Тѣхъ же шей, да побольше влей.

Наливай полнѣе, чтобы было сердцу веселѣе.

Кто курить табачекъ, тотъ Христовъ мужичекъ, кто нюхаетъ табакъ, тотъ хуже собакъ.

Выбирай воровушку по рогамъ, а дѣвушку по родамъ.

Выбирай быка по рогамъ, а мужика (мужа себѣ) по м...ъ.

„Тебя надо учить, хороший х.й всучить; пошатывать да добывать, тогда и будешь понимать,“ — говорятъ безтолковой женщинѣ.

„Скорѣ найдешь во мху земляницу, чѣмъ у насъ честную дѣвицу“ — говорятъ про дѣвушекъ, одной мѣстности¹⁾, откуда ихъ много уходитъ на посторонніе заработки въ Петербургъ и въ Москву.

Пошла въ люди, узнала и м..я.

Не на то п...а и шита, чтобы сыпать туда жито, а на то Богъ уродилъ, чтобы х.й туда ходилъ.

„Остатки сладки,“ — говорятъ про вдову, выходящую замужъ.

1) Не мѣшало бы точнѣе обозначить мѣстность. Н. В.

Улита ѣдетъ, что-то будетъ.

Голова то мала, а много ума.

Этотъ парень башковать — уменъ будетъ: вишь какая голова-то большая.

У него, должно быть, не мозги въ головѣ, а сѣнная труха.

У него, вмѣсто головы-то, видно ж..а.

Что поѣшь, то и поработаешь.

Пища для силы, а кровь для тепла.

Мужикъ не наноситъ и мѣшкомъ, что баба натаскаетъ горшкомъ.

На свѣчку денегъ нѣтъ, а на вино все найдутся.

Чужое добро въ прокъ не пойдетъ.

Найдешь, да не отдашь — все равно, что украдешь.

Живи своимъ трудомъ, а не чужимъ добромъ.

Нашедшій находку радуется, а потерявшій — плачетъ.

Даютъ — бери, а бьютъ — бѣги.

Отъ добра не отказывайся.

Что не велятъ — не тронь, а что даютъ — въ карманъ положи.

Чужого не надо собирать, да и своего не надо сѣять.

Отрѣзаннаго ломтя не приставишь.

Брань на вороту не виснетъ.

За дѣло побьютъ — повинись да пониже поклонись.

Отъ худого человѣка, какъ отъ худой собаки — не уберешься.

Пьяный да богатый—люди
гароватые.

Пьянаго хоть въ рай и не
пустятъ, да и въ адъ не возь-
мутъ.

Съ міру по нитѣ—голому
рубаха, съ міру по грошу—
старшинѣ кафтанъ.

Міръ не мытьемъ, такъ ка-
таньемъ донять можетъ.

Кто много судится, тотъ ни-
куда не годится.

Кто судится, тотъ нудится.

Съ міромъ не шутя: міръ
можетъ въ дугу согнуть, мо-
жетъ и выправить.

Сперва поговорять, а потомъ
и бросать.

Грамотнаго въ деревнѣ не
найдешь, а пьяницу въ каждомъ
домѣ встрѣтишь.

Вдовѣ въ каждомъ мужикѣ
седьмая доля.

Хорошій пьяница семь дней
валяется.

Не такъ трудно воровать,
какъ концы въ воду дѣвать.

Не тотъ воръ, кто воруетъ,
а тотъ воръ, кто концы умѣетъ
хоронить.

Въ одно ухо влѣзетъ, а въ
другое вылѣзетъ и человекъ
не услышитъ.

„Между глазъ носъ унесетъ,
и человекъ не замѣтитъ“—такъ
говорятъ про вора—знатока
своего дѣла.

Гдѣ что плохо лежитъ, тамъ
у вора и брюхо болитъ.

Богъ папигаль, никто не
видаль, а кто видѣлъ, тотъ не
обидѣлъ.

У бабы волосъ дологъ, да
умъ коротокъ.

Дѣвушка на поводку ходить,
а вдова разнуздана гуляетъ.

Родительское благословеніе
домъ созидаетъ, а материнская
клятва до основанія разру-
шаетъ.

Передъ воюетъ, а задъ го-
рюетъ.

За грѣхи караетъ Богъ, а
за вину судить законъ.

Наша хата съ краю: ничего
не знаю.

Богъ за грѣхи прощаетъ,
а законъ не милуетъ.

Слово дѣлу родной племян-
никъ.

Не будь матокъ, не было
бы и дѣтоѣвъ.

Горбатую березу распаришь,
да поправишь, а дурного чело-
вѣка хоть парь, хоть май—
все такимъ останется.

Утро вечера мудренѣе: ко-
была мерина удалѣе.

Соддать безъ шпаги хуже
бабы.

Голодному Ѳедоту и щи въ
охоту.

На языкѣ медъ, а подъ язы-
комъ ледъ.

Тятка да мамка, ступайте
домой: были паны, да уѣхали.

На брюхѣ шелкъ, а въ
брюхѣ щелкъ.

По Сенькѣ и шапка, по
Ванькѣ колпакъ, по Ефиму
кулакъ.

Пей винцо, какъ суслицо;
пей да ума не пропивай.

Не будь торопливъ, будь
памятливъ.

Пословица говорится: жена
мужа не боится.

Зять любить взять; тесть
любить честь, а шурина глаза
щурить.

Спереди не суйся, да и
сзади не оставайся.

„Горе, горе, гдѣ живешь“? —
Въ кабакѣ за бочкой! — „Горе,
горе что жуешь?“ — Сухари съ
примочкой! —

Не сѣйся вода: сама мо-
лода; не чванься квась: не
лучше насъ; не ершися го-
рохъ: не лучше бобовъ.

Плѣшивый да лысый бы-
ваютъ богаты.

Береги яичко ко дню Хри-
стову, а сыръ къ Петрову.

В. Антиповъ.

С. Улома,
27 февр. 1902 г.

НИЗОВАЯ „ЧАСТУШКА“.

Побѣда частушки, „короткой пѣсни“, надъ старинной пѣсней („долгой“, какъ ее называетъ народъ) несомнѣнно грустный отрицательный фактъ современной народной жизни, свидѣтельствующій объ упадкѣ народнаго творчества. Слѣдуетъ печаловаться о томъ, что народъ забываетъ лучшіе образцы своей поэзіи и предпочитаетъ мучительно-однообразный, бѣдный по содержанію мотивъ „частушки“ широкому, размахистому напѣву старой пѣсни, но считается съ этимъ явленіемъ—повсемѣстнымъ въ нашемъ отечествѣ—поневолѣ приходится всякому ислѣдователю народной жизни. Игнорировать „частушку“, какъ временное, наносное явленіе, по меньшей мѣрѣ странно, а между тѣмъ это такъ: съ грустію приходится отмѣтить крайнюю бѣдность нашей литературы о „частушкѣ“, не смотря на то, что за послѣдней признается всѣми огромное значеніе въ дѣлѣ изученія народной психики. Кромѣ нѣсколькихъ десятковъ короткихъ отрывочныхъ статей и замѣтокъ, разсѣянныхъ въ разныхъ старыхъ журналахъ и газетахъ, насколько помнится, у насъ нѣтъ ни одного обстоятельнаго труда по этому вопросу. Очень вѣроятно, что такая скудость литературы объясняется отсутствіемъ нужныхъ для того матеріаловъ: не существуетъ ни одного болѣе или менѣе полного сборника народныхъ „частушекъ“ по данной мѣстности. Отсутствие нужнаго матеріала исключаетъ возможность авторитетнаго сужденія о причинахъ, породившихъ „частушку“ и убившихъ богатую по своей музыкальности и содержанію старинную пѣсню. Выводъ изъ всего сказаннаго можетъ быть лишь тотъ, что во что бы то ни стало *нужно собирать какъ можно болѣе „частушекъ“ и систематизировать ихъ по какому-либо однообразному плану.* Это тѣмъ болѣе необходимо, что „частушка“—продуктъ извѣстнаго настроенія; смѣнилось одно настроеніе другимъ—пропала прежняя „частушка“, уступивъ мѣсто новой, лучше выражающей народную думу объ извѣстномъ явленіи. Не нужно забывать, что разъ „частушка“ не записана во время, она пропала, сгинула, народъ уже забылъ про нее и восстановить ее невозможно. Поэтому *нужно собирать и накапливать:* только этимъ путемъ, путемъ усиленнаго и непрестаннаго собиранія и накопленія мы, современники, можемъ облегчить трудъ будущему историку народной жизни, поможемъ нарисовать ему полную картину этой жизни, точнымъ отраженіемъ которой является „частушка“.

Пишущій эти строки, конечно, не можетъ претендовать на то, что онъ, сообщая собранныя имъ частушки, заполняетъ въ значительной мѣрѣ существующій пробѣлъ—напротивъ, онъ прекрасно

понимаетъ, что заполнить этотъ пробѣлъ—задача непосильная для одного собирателя, что записанныя имъ случайно „частушки“ — капля въ морѣ современнаго народнаго творчества. Задача его очень скромная и сводится только къ тому, чтобы принести посильную ничтожную лепту въ дѣло изученія жизни роднаго народа и вмѣстѣ съ тѣмъ вызвать подражаніе со стороны другихъ и, такимъ образомъ, накопленіе необходимаго печатнаго матеріала.

Прежде чѣмъ ознакомить читателей „Живой Старини“ съ своимъ собраніемъ „частушекъ“, считаю нужнымъ сказать нѣсколько словъ о томъ, гдѣ, какъ и у кого онѣ собирались и записывались. Всѣ помѣщаемыя ниже „частушки“ записаны въ низовьяхъ Волги (именно въ Царицынѣ, Саратовской губ.) минувшимъ лѣтомъ со словъ чернорабочихъ и судовыхъ матросовъ. Контингентъ рабочихъ, общавшихъ ихъ, состоялъ изъ мѣстныхъ уроженцевъ (крестьянъ Царицынскаго уѣзда) и пришедшихъ на заработки крестьянъ сосѣдней Пензенской губ. (преимущественно Нижне-ломовскаго уѣзда). Провести рѣзкую грань и отдѣлить „частушки“ мѣстныя отъ принесенныхъ изъ другой губерніи не представлялось возможнымъ: пришлые рабочіе (вышедшіе изъ среды землеробовъ) легко поддавали вліянію мѣстныхъ условій жизни большого торговаго центра и, чувствуя превосходство въ развитіи мѣстнаго рабочаго, старались не отстать отъ него въ своихъ привычкахъ, „игралъ“ одинаковыя съ нимъ пѣсни. Тѣмъ не менѣе я все же счелъ нужнымъ, дабы сохранить отгѣнки, отмѣтить въ концѣ каждаго записаннаго куплета его происхожденіе. Тамъ, гдѣ стоитъ въ скобкахъ буква С, нужно понимать, что „частушка“ записана отъ саратовца (уроженца Царицынск. у.), а гдѣ буква П, то, значитъ, частушку сообщил пензенецъ (преимущественно Ниж.-ломовск. у.). Удалось еще записать нѣсколько куплетовъ у костромичей, они отмѣчены особо.

Любопытно то обстоятельство, что „игралъ“ постоянно однѣ „частушки“, народъ уже начинаетъ забывать мелодію прежней пѣсни. На нашу просьбу „поиграть“ намъ какихъ-нибудь „прежнихъ, старыхъ пѣсенъ“, мы обыкновенно получали такой отвѣтъ: *„знаемъ короткія, а дѣмья не наведемъ на юлосъ, не сыграемъ“*.

Пѣніе „частушекъ“ въ Царицынѣ всегда соединяется съ игрой на гармоникѣ и ударами въ бубенъ, при чемъ группа поющей молодежи или садится на берегу Волги, или же (что гораздо чаще) катается на лодкѣ. Въ праздники можно видѣть массу лодокъ, взятыхъ у мѣстныхъ рыбаковъ или же нанятыхъ у нихъ за деньги, съ катающимися молодыми парнями, изрѣдка между ними попадаются и дѣвушки. Съ каждой лодки несутся звуки гармоника, бубна и пѣнія. Обыкновенно одинъ или двое изъ сидящихъ въ лодкѣ 5—6-ти человекъ поютъ куплетъ, затѣмъ слѣдуютъ удары въ бубенъ и „переборъ“ гармоника, затѣмъ опять поютъ куплетъ и т. д. Иногда же куплеты чередуются не только руладами гармоника и звуками бубна, а какимъ-либо припѣвомъ, наприимѣръ:

Шись, мышь, подь камышъ!
Куда парусомъ бѣжишь?
„Я бѣжала парусомъ
„Въ Астрахань за гарусомъ!

Мотивъ „частушки“, какъ уже сказано выше, крайне однообразный и очевидно не имѣетъ никакого отношенія къ ея содержанію, которое очень часто исчерпывается рифмованнымъ наборомъ словъ, причѣмъ куплеты, поющіеся подъ рядъ другъ за другомъ, не имѣютъ между собой никакой связи. Очень часто, занятые „играньемъ“ частушекъ, поощіе создаютъ новые куплеты, которые, варьируясь до безконечности, дѣлаются затѣмъ общимъ достояніемъ.

Огромное большинство „частушекъ“ поетъ про любовь. Въ созданіи *любвнныхъ частушекъ* участвовали какъ мужчины, такъ и женщины и потому мы рѣшили ихъ подраздѣлить на двѣ половины. Ознакомившись съ ними, мы видимъ, что женская частушка отличается большей нѣжностью и большей глубиной чувства, между тѣмъ, какъ мужская обыкновенно рѣзко разнится отъ нея своимъ грубымъ тономъ.

Женскія любовныя частушки.

- 1) Ты припой, кавалеръ,
На Саратовскій манеръ.
Я бывало приѣвала,
Теперь голосу не стало (П.).
- 2) Милый мой по лѣсу пасется,
Тонокъ голосъ раздается.
Прощай, лѣсъ, прощай, зеленатый,
Прощай, милый, неженатый (П.).
- 3) Черезъ быстру рѣченьку
Подай, милый, рученьку (П.).
- 4) Мой миленокъ везетъ сѣно,
А я рядомъ съ нимъ сѣла (П.).
- 5) Зеленые—яровые,
У насъ ребята холостые.
Зеленая рожица,
Съ милымъ гулять хочется (П.).
- 6) Милый мой лежитъ въ садочкѣ,
Подъ яблоней въ холодочкѣ (С.).
- 7) Милый мой, миленочекъ,
Федя—голубеночекъ.
Миленочекъ, не пей водку:
Пожалѣй меня сиротку (молодку)
(С.).
- 8) Вотъ колечко съ пробю,
Подарилъ Петя дорогою;
Вотъ колечко тонко-звонко,
Подарилъ ремонтщикъ Семка (П.).
- 9) Сосѣдъ милый, кто тебя
Могъ обидѣть безъ меня? (П.)
- 10) Милый мой уѣхалъ верстъ за
двѣсти,
Мое сердце не на мѣстѣ.
Милый уѣхалъ во Рязань,
А мнѣ строго приказалъ.
Не послушала приказу,
Полюбила троихъ сразу (П.).
- 11) Ой, ой, падаю,
Поднимите пьяную.
Не вино меня качаетъ,
Меня Саша огорчаетъ (П.).
- 12) Вы скажите мому Петѣ,
Я снялася на патретѣ.
Вы скажите Алексѣю,
Я любить его не смѣю (П.).
- 13) Вы скажите мому Пашкѣ,
Записалась я въ монашки;
Во монахи, въ монастырь
Ко ребятамъ холостымъ (П.).
- 14) Я любила Ваньку нѣнца,
Не видавши, болить сердце;
Я любила хохла Степку,
Мать узнала, дала трѣпку (С.).
- 15) Нѣту, нѣту у меня
Фартува бордоваго!
Нѣту, нѣту у меня
Кости черноброваго (П.).
- 16) Я любила, ты отбила:
Тебѣ гробъ, а мнѣ могила!
Вотъ тебѣ гробъ со цвѣтами,
А мнѣ могила со слезами (П.).

Рабская женская доли также нашла себѣ пріютъ въ частушкахъ:

- 1) Съ неба звѣздочка скатилась,
Разнесчастна дѣвка породилась;
Одна выше поднялась,
Вотъ эта дѣвченка въ няньки на-
ялась (П.).
- 2) Гуляй, дѣвка, до разсвѣту:
Сама мать пойдетъ къ отвѣту.
Гуляй, дочка, мать велѣла,
А людямъ какое дѣло! (П.)

Мужскія любовныя частушки.

- 1) Вы послушайте, ребята, что
гармонья говоритъ,
Намъ жениться не велитъ:
„Не женитесь-ка ребята,
„Холостыми лучше жить:
„Холостого дѣвки любить,
„А женатаго въ шею дуютъ (П.).
- 2) Она моя припаётъ
На лавочкѣ у воротъ (П.).
- 3) Шель я верхомъ, шель я ни-
зомъ,
У Матаньки домъ съ карнизомъ.
Я взглянулъ на конекъ,
Тамъ виднѣлся огонекъ.
Она первую чашку наливаетъ,
За милымъ Петей посылаетъ (П.).
- 4) Она моя припаётъ,
Не боится, мать побѣтъ (С.).
- 5) Она моя милка-душка,
Изъ Погромнаго¹⁾ хохлушка;
Она меня припѣтъ можетъ,
Мое сердце растревожитъ (С.).
- 6) Дѣвочка-дѣвченокка,
Поцѣлуй тихонечко (С.).
- 7) Милыя сосѣдочки —
Што сладкія конфеточки (П.).
- 8) Я пилъ водочку, не брагу;
Любилъ дѣвочку, не бабу.
Она моя, солнце ясно,
Помереть со мной согласна.
Давай, милка, купимъ бубень,
По всей ночи гулять будемъ (С.).
- 9) Мы на лодочкѣ катались,
Подъ лодочкой вода.
Милка юбку намочила,
На милкомъ вся бѣда (С.).
- 10) Въ Царицынѣ—въ городѣ
Дѣвченокки дороги;
Въ Царицынѣ на базарѣ
Продаютъ дѣвокъ возами;
- Въ Царицынѣ на толчкѣ
Продаютъ дѣвокъ въ пучкѣ (С.).
- 11) Вотъ Сашу бравую
Везутъ ее паромъ;
Вотъ Сашу бойкую
Везутъ ее тройкомъ (П.).
- 12) На площадкѣ, на углу
Чернобровую люблю,
Черноброву-черноглазу,
Я влюбился въ нее сразу (П.).
- 13) У гармошки мѣдны ножки,
Позолочены мѣхи.
Возьму замужъ богомолку
Замолить всѣ мои грѣхи (П.).
- 14) Шли мы улицей курили,
Дѣвки окна растворили;
Шли мы улицей свистали,
Дѣвки спали, услышали (П.).
- 15) Вы скажите моей Оксѣ,
Я любить ее зарѣкся.
Моя милочка коварна,
Не стоитъ со мной попарно (П.).
- 16) Шель я лѣсомъ, припѣвалъ.
Громко раздавался;
На посидочки пришель,
Моя милка зазнавалась (П.).
- 17) На горѣ стоитъ аптека,
Любовь сушить человекка,
Любовь сушить, любовь крушить.
Любовь съ милочкой разрушитъ!
(П.).
- 18) Я кормилъ-поилъ Матанью,
Считалъ за свою,
Досталася Матанька
Товарищу моему (П.).
- 19) Черезъ хорошую Матаню
Всѣ товарищи грозятъ,
Всѣ товарищи грозятъ,
Знать побить меня хотятъ —
„Не придется побить вамъ,
„Распроклятымъ кобелямъ!“ (П.)

¹⁾ Названіе села.

20) Я свою сопатую
По башкѣ допатов;
Я свою красивую

По башкѣ бахилов (П.).

21) Она меня колеть вилкой,
Заставляет любить насилкой.
Я насилкой не люблю,
Любь зарѣжу, аль убью (П.).

22) Прощай лавочка съ товаромъ:
Не торговецъ въ лавкѣ я.

Прощай, милка чернобровка,
Не товарищъ тебѣ я (Костром. г.,
Юрьев. у.).

23) Тятка съ мамкой, дай жену,
А то пѣчку столкону.

Тятка, продай жеребца,
Жени меня молодца.

Тятка съ мамкой меня ждуть,
Припасли ременный внуть (П.).

„Пинжакъ“, гармошка вошли въ обиходъ крестьянской жизни, приобрѣли права гражданства. Частушка отмѣчаетъ и эти культурныя приобретения:

1) Вотъ короткій пинжачишка,
Уважительный мальчишка;
Вотъ короткій пинжачекъ,
Держитъ шапку на бочекъ (П.).

2) Тятка мерина продасть,
На гармошку денегъ дастъ (П.).

3) Тятка съ мамкой, вотъ овесъ,
Я тальяночку привезъ (П.).

4) Тятка съ мамкой ѣшь картош-
ку,

А моя доля на гармошку;
Тятка съ мамкой ѣшь мякину,
Я тальяночку не кину (П.).

5) Шель я лѣсомъ, попалъ въ ямку;
Раскололъ гармонь-тальянку (П.).

6) Конфеточки, булочки
Довели до сумочки.

Тятка, тятка мой,
А я пахарь твой родной (П.).

7) Изъ-за той несчастной бл...
Пинжаки лежатъ въ закладѣ (С.).

8) У дубовскихъ¹⁾ у шутовъ
Сапоги по семь пудовъ.

У царицынскихъ ребятъ
Сапожки новые скрипятъ (С.).

О животномъ царствѣ, о природѣ частушка почти что молчитъ. По крайней мѣрѣ, намъ удалось записать только 3 номера, относящихся сюда, которые здѣсь цѣликомъ приводимъ:

1) Залетѣла пташка въ садъ,
Да не вылетитъ никакъ (С.).

2) Соловей, залетна пташка,
Распотѣшь горе мое (Костр. губ.,
Юр. у.).

3) У мово дружка, у Миши
Соловьи поютъ на крышѣ.

У мово дружка, у Вани
Соловьи поютъ на банѣ (С.).

Даже вѣчная красавица Волга, вдохновлявшая когда-то низовую волинцу и породившая цѣлый циклъ разбойничьихъ пѣсней, почти не затрогиваетъ поэтической жилки вышшняго поколѣнія. Удалось записать только одну частушку о ней:

Какъ по Волгѣ, по рѣкѣ
Лодочка мырала.

Зато на сѣбну разбойничьей пѣсни

1) Мы, балканскіе, отпѣты,
Вандалы на насъ надѣты.

На Балканахъ²⁾, на край
Покончаю жизнь свою (С.).

Мы катались въ лодкѣ
На корнѣ бутылка водки (С.).

2) Всѣ Бутырки мы пройдемъ,
Кровь балканскую прольдемъ.

По Бутыркамъ мы ходили,
„Духовыхъ“ не находили (С.).

¹⁾ Посадъ Дубовка, Саратов. г.

²⁾ Балканы и Бутырки—пригороды Царицына, въ которыхъ почти каждый день безобразничаютъ „духовые“ (мѣстное названіе хулигановъ).

Много вниманія отводитъ частушка рекрутчинѣ:

- 1) Мамашинька, выйди въ сѣнцы,
Здѣсь гуляютъ ополченцы.
Мамашинька, выдь сюда,
Здѣсь гуляютъ рекрута (С.).
- 2) Повели меня въ приемъ,
Вся семья идетъ за мной,
А дѣвченка стороной—
Заливается слезой (С.).
- 3) Повели его въ приемъ,
Вся семья идетъ за ѣмъ,
Вотъ жененка стороной—
Заливается слезой,
Слезой заливается,
Платкомъ утирается (П.).
- 4) Мнѣ не жалко тотъ платочекъ,
Жалко вышитые уголки:
Вышивала семь недѣль,
Изорвала въ одинъ день (П.).
- 5) У приемной на порогъ
Затралися руки-ноги,
У приемной у дверей
Растетъ травонька пырей (С.).
- 6) У приема, у суда
Милашка плачетъ безъ стыда (С.).
- 7) Вотъ приемки домъ крашеной,
Стоитъ милый принашеной;
Вотъ приемки домъ метеной,
Стоитъ милой невеселой (П.).
- 8) Вотъ въ приемкѣ за дверями
Стоитъ чашка съ жеребьями.
Вынулъ сто второй,
Закричали: столбовой!
Вотъ забрали молодца,
Одинъ сынъ былъ у отца (П.).
- 9) Привели меня въ приемъ,
А я думалъ въ пивной домъ;
Посадили меня брить,
А я думалъ водку пить (С.).
- 10) Вынулъ жребій двадцать пя-
тый,
Закричали: я принятой.
Какъ свазали, меня взяли,
Милку замертво подняли (С.).
- 11) Вотъ въ приемкѣ на порогъ,
Затралися руки-ноги;
Вотъ вынулъ жребій сто тридца-
той,
Закричали: онъ принятой! (П.).

Отхожіе промыслы, работы на рыбныхъ ватагахъ также нашли свое мѣсто въ частушкѣ:

- 1) Мы не пьяницы, не глоты,
Мы сейчасъ пришли съ работы (П.).
- 2) Вишь ты, милка, какъ картинка,
А я, лодыръ, какъ бурлакъ,
Пришелъ безъ копейки, безъ руб-
левки
Домой такъ (С.).
- 3) Ты, родима моя мать,
Собери котомку:
Собирается сыночекъ
На чужу сторонку (Костр. губ.,
Юрьев. у.).
- 4) Морякъ въ морѣ сѣти рветъ,
Што добудетъ, все пропьетъ (С.).
- 5) Морякъ по морю рыбачить,
А морячка дома плачетъ;
Морякъ въ морѣ потонулъ,
Про морячку вспоманулъ (С.).
- 6) Надоѣло въ морѣ жить,
Соленую воду пить.
Въ морѣ лодочки суются,
На горѣ-жѣ шмари (?) смѣются.
- 7) Въ морѣ тоненькій ледокъ,
Погоди, Алеша, жениться годокъ.

Сообщилъ *Н. Работновъ*.

Ярославль.
25 декабря 1904 г.

ОТДѢЛЪ III.

Библиографія.

Къ свѣдѣнію гг. авторовъ.

О книгахъ, брошюрахъ и оттискахъ статей, этнографическаго характера, присланныхъ въ редакцію „Живой Старины“ (И. Р. Георг. Об-во у Черпышева моста, съ надписью „для рецензій“), кромѣ напечатанія ихъ списка, сотрудниками будутъ даваться рецензій, помѣщаемыя въ III отдѣлѣ.

Сборникъ Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ.

Томъ семьдесятъ пятый. Спб. 1904.

Отдѣленіе русскаго языка и словесности нашей Академіи Наукъ въ послѣдніе годы дѣятельно издаетъ свои „Сборники“.

Въ 75 томѣ „Сборника“ многое имѣетъ отношеніе къ этнографіи. Такъ, въ немъ находимъ статьи:

В. Чернышевъ. „Свѣдѣнія о нѣкоторыхъ говорахъ Тверскаго, Клинскаго и Московскаго уѣздовъ“. Въ приложеніи: I. Пѣсни, записанныя въ Клинскомъ и Московскомъ уѣздахъ. II. Замѣтки о народныхъ пѣсняхъ (1. Гдѣ сложена народная пѣсня? 2. Народныя и ненародныя пѣсни. III. Указатель варіантовъ и книжныхъ источниковъ приведенныхъ пѣсень).

„Отчетъ о четырнадцатомъ присужденіи премій имени А. С. Пушкина 1901 года“, гдѣ напечатанъ обстоятельный разборъ книги *Н. Гальковскаго:* „Сербскій народный эпосъ. Вступительная статья и переводъ. Сумы, 1897“. Рецензентъ, П. А. Ровинскій, одобрительно отзывается о трудѣ г. Гальковскаго, представляющемъ переводъ на русскій языкъ многихъ сербскихъ эпическихъ пѣсней изъ собранія Вука Караджича и Гильфердинга, преимущественно такихъ, которыя еще не переведены на русскій языкъ.

Е. Ѡ. Карскій. „Матеріалы для изученія бѣлорусскихъ говоровъ“. Выпускъ IV.

Материалы содержат въ началѣ наблюденія самого проф. Карскаго надъ болѣе интересными мѣстностями Гродненской и Сувальской губерній и дополненія къ раньше описаннымъ имъ говорамъ Слуцкаго уѣзда Минской губерніи.

Затѣмъ приведенъ цѣнный списокъ отступленій въ удареніи, замѣченныхъ среди воспитанниковъ учительской семинаріи въ г. Несвижѣ Минской губ. Наблюденія производились больше десяти лѣтъ учителемъ приготовительнаго класса П. А. Введенскимъ.

Напечатанные далѣе материалы по бѣлорусскимъ говорамъ разнообразны и интересны.

Е. Ѡ. Карскій. „Материалы для изученія сѣверно-малорусскихъ говоровъ, а также переходныхъ отъ бѣлорусскихъ къ малорусскимъ (Полѣсье). Выпускъ II“.

Здѣсь такъ же, какъ и въ предыдущей статьѣ, редакторъ сопрождаетъ иногда печатаемые материалы своими замѣчаніями.

И. В. Бессараба. „Материалы для этнографіи Сѣдлецкой губ.“

Сообщеніе автора — огромный трудъ (VII+324 страницы), въ которомъ дано подробное описаніе родного для автора Ломазскаго „бѣло-малорусскаго говора, народныхъ обычаевъ и повѣрій этой мѣстности“. Замѣтимъ, что г. Бессараба напрасно присоединяетъ къ своему говору шитетъ „бѣлорусскій“, такъ какъ характерныя черты бѣлорусскихъ говоровъ въ немъ отсутствуютъ. Трудъ автора нужно признать тѣмъ болѣе цѣннымъ, что онъ даетъ свѣдѣнія о нарѣчій и бытѣ одной изъ русскихъ окраинъ и знакомитъ съ малорусскимъ нарѣчіемъ, для котораго не имѣется еще и программы.

„Отчетъ о присужденіи Ломоносовскихъ премій въ 1901 году“.

Здѣсь помѣщена рецензія академика Соболевскаго на „Словарь Областного Олонецкаго нарѣчія“ г. Куликовскаго. Рецензентъ ставитъ въ вину г. Куликовскому, что онъ мало воспользовался печатными источниками для своего словаря; рецензентъ съ подозрѣніемъ относится къ орфографіи словаря и объясненіямъ значеній словъ, указываетъ на смѣшеніе г. Куликовскимъ фонетическихъ и морфологическихъ особенностей съ словарными. Находя, что „Словарь г. Куликовскаго не представляетъ выдающихся достоинствъ и во всѣхъ отношеніяхъ далекъ отъ совершенства“, академикъ Соболевскій не отрицаетъ въ немъ научной и практической пользы и находитъ его заслуживающимъ поощренія.

Мы, съ своей стороны, не можемъ не высказать сожалѣнія о томъ, что трудъ г. Куликовскаго, потребовавшій исключительнаго интереса къ живому языку, большаго труда и времени, являющийся лишь вторымъ словаремъ опредѣленнаго мѣстнаго нарѣчія, поощренъ только почетнымъ отзывомъ, который не даетъ автору возможности продолжать своихъ полезныхъ занятій по собранію сокровищъ родного слова.

В. Чернышевъ.

Pohádkoslovné studie Napsal Jiří Polívka. U Praze 1904, 8°, XXVIII+211 (Národopisný sborník, svazek X. seš. 2).

Главную часть этой книги известного фольклориста, профессора Чешского университета в Праге, Юрия Поливки, составляет сравнительный анализ трех сказок: 1) „Храбрый портной“; 2) „Песняна“, 3) „Стоптаные бальные башмачки“ и трех легенд: 1) о чертѣ, 2) о мстительномъ святомъ и 3) о справедливой смерти. Исслѣдованію предпослана интереснѣйшая статья „О направленіяхъ въ изученіи народныхъ традицій и его цѣляхъ“. Прежде всего авторъ дѣлаетъ въ ней критическій обзоръ различныхъ мнѣній о сущности и задачахъ фольклора, высказанныхъ въ послѣднее время разными учеными. Проф. Поливка несогласенъ безусловно ни со скептиками, утверждающими, что изслѣдовать происхождение сказочныхъ мотивовъ значить „искать вѣтра въ полѣ“, ни съ учеными, старающимися вывести извѣстные мотивы изъ художественной литературы, ни съ антропологической школой, объясняющей сходство сказокъ одинаковыми психологическими условіями и одинаковымъ развитіемъ соціальной и этнической среды, ни даже съ теоріей „миграціи“ или „странствованія“ сказокъ, хотя къ этой послѣдней и принадлежатъ его личныя симпатіи. По его мнѣнію, всѣ четыре теоріи одинаково правы въ извѣстныхъ отношеніяхъ, и потому въ настоящей работѣ онъ сравнивалъ „различныя версіи сказочныхъ мотивовъ совершенно объективно, изслѣдовалъ ихъ взаимную зависимость, выяснилъ ихъ происхождение и родину безъ всякаго апріорнаго теоретическаго воззрѣнія“. Соединяя версіи сказокъ въ отдѣльныя группы по мѣсту ихъ происхожденія, по различнымъ культурнымъ центрамъ— автору удалось установить три довольно-рѣзко ограниченныхъ, территорій ихъ распространенія 1) западно и средневропейскую, 2) восточно-европейскую и 3) юго-восточно-европейскую. Къ послѣдней принадлежатъ малорусская литература и еще въ большей мѣрѣ бѣлорусская. Неосредственныхъ сношеній между всѣми тремя территориями было очень мало, но, во всякомъ случаѣ, Западъ гораздо сильнѣе вліялъ на Востокъ, чѣмъ Востокъ на Западъ. Юго-восточная (балканская) территорія подверглась сильнѣйшему восточному вліянію, причемъ турки играли роль посредниковъ между обоими мірами. Сказочныя традиціи переносились съ одной территоріи на другую, подобно тому какъ сѣмена разносятся вѣтромъ, но, какъ и сѣмена, они только тогда пускали ростки, когда благопріятна была почва, въ которую они попадали. А такую почву и представляли разные культурные центры, по своему перерабатывавшіе и ассимилировавшіе ихъ. Приурочивая оригинальныя особенности композиціи извѣстной сказки къ опредѣленному культурному центру, мы и подходимъ къ рѣшенію вопроса о ея происхожденіи. При этомъ, только въ случаѣ болѣе или менѣе полнаго сходства деталей сказокъ можно говорить о заимствованіи одной изъ нихъ; въ противномъ случаѣ, приходится ставить вопросъ, не возникли-ли онѣ самостоятельно, вслѣдствіе одинаковаго психическаго настроенія ихъ сочинителей.

Г. Ильинскій.

Чтенія въ Имп. О-вѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ. 1905 г., кн. I (212).

Здѣсь: „Болгарскія народныя пѣсни“, собранныя *Любеномъ Каравеловымъ*. Изданныя подъ наблюденіемъ *П. А. Даврова*. Этотъ сборникъ заключаетъ въ себѣ пѣсни, по большей части принадлежащія Оракии. Кѣмъ и гдѣ записаны пѣсни—обозначено въ концѣ каждой изъ нихъ. Въ сборникъ вошло всего 199 пѣсенъ, которыя авторъ распредѣлилъ по рубрикамъ: 1) женскія; 2) мужскія; 3) праздничныя; 4) пастушескія; 5) хороводныя; 6) припѣвки; 7) шуточныя и 8) дѣтскія. Собиратель къ нѣкоторымъ пѣснямъ даетъ примѣчанія и варианты.

Въ I книгѣ помѣщены женскія и мужскія пѣсни.

Въ отдѣлѣ V. Смѣсь. *С. С. Поповъ* сообщаетъ два письма, проливающія свѣтъ на одно темное мѣсто въ биографіи *К. Θ. Калайдовича*, именно относительно столкновенія его съ властями Владимірской губерніи во время поѣздки его въ Владиміръ и Суздаль для собиранія книгъ, бумагъ и рѣдкостей. Изъ писемъ видно, что все сводится къ столкновенію съ полиціею изъ-за открытаго листа, подорожной и изъ-за поведенія Калайдовича („Къ биографіи *К. Θ. Калайдовича*. 1815 г.“, Смѣсь, стр. 76—79).

Святловъ, В. (сообщ.). Новый списокъ хронографа Дороева Монаемвасійскаго (Смѣсь, стр. 73—76).

Здѣсь же: *Отчетъ о восьмомъ присужденіи преміи Г. Θ. Карпова*. Рецензія *С. Середонина* на „*Литто, И. П.* Великое княжество Литовское за время отъ заключенія люблинской уніи до смерти Стефана Баторія (1569—1586 г.). Спб. 1901“.

Кн. 2 (213). *Каравеловъ, Любекъ* (собр.). Болгарскія пѣсни (окончаніе). Послѣ пѣсенъ помѣщены: 1) Списокъ именъ мужскихъ и женскихъ, встрѣтившихся въ сборникѣ Каравелова. 2) Имена народныя и географическія. 3) Гдѣ и кѣмъ записана пѣсня. 4) Оглавленіе, и 5) Послѣсловіе *П. Даврова*, изъ котораго видно, что этотъ сборникъ былъ доставленъ въ О-во еще въ 1866 г. Хотя послѣ и было издано много народныхъ пѣсенъ (между прочимъ и самимъ Каравеловымъ въ „Знаніи“), все же собраніе Каравелова цѣнно, какъ старшая запись.

Бтлокурговъ, С. (сообщ.). Сказанія о Павлѣ, епископѣ Коломенскомъ († 1655 г.), числомъ три (Смѣсь, стр. 31—52).

Мрочекъ-Дроздовскій, П. Списокъ трудовъ проф. *И. Д. Бѣляева* (Смѣсь, стр. 65—88).

Здѣсь же встаетъ, въ дополненіе къ сборнику Каравелова, мы отмѣтимъ и нѣкоторые другіе сборники болгарскихъ пѣсенъ:

Боговъ. Български народни пѣсни и пословици. Кн. I. Пешта. 1842.

Татаръ-Позарджичанинъ, Н. I. Нови Болгарски Народни Пѣсни. Београдъ. 1851.

Безсоновъ, С. (съ помощью *С. Филаретова*). Сборникъ болгарскихъ пѣсенъ. Временникъ Московск. О-ва Ист. и Древн. 1855 (кн. 21 и 22).

Миладинови, К и Д. Български Народни Пѣсни. Загребъ. 1861.
Верхович, С. Народне Пѣсне Македонски Бугара. Книга прва. У Београду. 1860.

Караджич, В. Додатак в С.-Петербургским сравнительним рѣчницима, свију језика и нарѣчија, с особитим огледима бугарског језика. У Бечу. 1822 (на стр. 37—47—пѣсни).

Помѣщались также болгарскія пѣсни въ: *Царградскомъ Вѣстникѣ, Българскихъ книжицахъ, Дунавскомъ Лебедь, Коло, Москвитянинъ* (1845, VI), *Братскомъ Грудь* (1860—61 и въ *Извѣстїяхъ Им. Акад. Наукъ*. Н. В—въ.

Извѣстїя Кавказскаго Отдѣла И. Р. Г. О-ва. Т. XVII. №№ 3, 4 и 5. Тифлисъ. 1904.

№ 3. Въ этомъ номерѣ въ статьяхъ г.г. *К. А. Сатунина* („Очеркъ природы долины р. Куры отъ Елисаветпольскаго уѣзда до Сальянъ“) и *К. И. Подозерскаго* („По Черноморской губерніи“) нѣтъ почти ничего прямо относящагося къ программѣ нашего журнала. Можно лишь отмѣтить въ первой статьѣ—указанїя на этнографическїй составъ населенїя описываемой мѣстности и типы построекъ; во второй статьѣ—характеристику черкесовъ, краткое описанїе черкесской свадьбы, фактъ похищенїя невѣсты и нѣкоторыя другїя мелкія бытовныя замѣтки.

Въ статьѣ г. *Е. А. Далайичъ* собраны „Народныя преданїя о животныхъ у армянъ Елисаветпольской губерніи“. Всего указано семнадцать преданїй съ вариантами. На ряду съ общераспространенными („Комарь и ласточка“, „Мышь, змѣя, ласточка, вошь и блоха“, „Голубь“ и др.) встрѣчаются и новыя, очень интересныя. Въ значительной части преданїй разрабатывается сюжетъ превращенїй.

Довольно подробно описываетъ г. *Н. С. Державинъ* „Свадьбу у анатолийскихъ грековъ“, отъ сватанья до послѣдней пирушки черезъ недѣлю послѣ свадьбы.

Въ статьѣ *того-же автора*: „Матерїалы по этнографїи казачьяго населенїя Кубанской области“ приводится: 240 пословиць и поговорокъ, 2 дѣтскїя сказочки, 4 застольныхъ пѣсни и 2 заговора (отъ кашля „дубоглота“ и отъ зубовъ) и нѣсколько мѣстныхъ словъ и выраженїй. Оригинальнаго мало.

№ 4. Въ статьяхъ *П. Я. Максимовича-Васильковскаго* („Поѣздка въ Персїю“) и *К. Н. Смирнова* („Поѣздка въ Сѣверный Курдистанъ“) встрѣчаются лишь нѣкоторыя указанїя на этнографическїй составъ населенїя, отмѣчаются кое-какія бытовныя черты и приводятся (у *К. Н. Смирнова*) легенды, связанныя съ названїемъ мѣстности.

№ 5 (и послѣднїй). *К. А. Сатунина*, въ описанїи своей „Поѣздки къ истокамъ Куры“ для зоологическихъ изслѣдованій юго-западнаго Закавказья, попутно даетъ нѣсколько краткихъ, но обстоятельныхъ свѣдѣнїй о жилищахъ грековъ и курдовъ въ тѣхъ селенїяхъ, гдѣ онъ останавливался на ночлеги.

Небольшая статейка *А. П. Менаворіана*—„Къ вопросу объ этнографическихъ условїяхъ развитїя народностей Чорохскаго бассейна“ касается омусульманенныхъ христіанскихъ народностей области

города Батума. Народности эти: 1) грузины-гурійцы, извѣстные подъ именемъ аджаралы; 2) грузины-мингрельцы, извѣстные подъ именемъ лазы; 3) греки, извѣстные подъ именемъ офли, и 4) армяне, извѣстные подъ именемъ хамшинлы. Отмѣтивши, что каждый изъ этихъ народовъ подъ влияніемъ новой вѣры измѣнилъ національныя черты своего характера и быта, авторъ даетъ краткую психологическую характеристику этихъ четырехъ народностей, указывая черты характера, прямо противоположныя ихъ собратьямъ, оставшимся христіанами. Это измѣненіе чертъ національнаго характера подъ влияніемъ перемѣны религіи крайне любопытно и заслуживаетъ серьезнаго научнаго изслѣдованія.

Дирръ, А. М. „Кавказское языковѣдѣніе и его будущія задачи“. Трудно отыскать на поверхности нашей планеты другой клочекъ земли, величиной съ Кавказъ, на которомъ бы говорили на столькихъ же различныхъ языкахъ и нарѣчіяхъ. Выраженіе относительно Кавказа—„гора языковъ“ имѣетъ полное право на существованіе. Въ своемъ сообщеніи г. Дирръ перечисляетъ всѣ кавказскіе языки и дѣлитъ ихъ на двѣ группы: а) языки, имѣющіе родичей въ другихъ частяхъ свѣта (неэндемическіе) и б) языки изолированныя, настоящіе кавказскіе, рѣзко отличающіеся отъ другихъ (эндемическіе). Въ концѣ статьи помѣщена и таблица кавказскихъ языковъ.

Н. В—въ.

Извѣстія штаба Кавказскаго военнаго округа, 1904, № 2. Здѣсь: *Шелковниковъ, В.* „Происхожденіе и современный бытъ сиро-халдейской народности“. Въ статьѣ „Округъ Сассунъ“ (извлеченіе изъ статьи неизвѣстнаго автора, напечатанной въ армянскомъ журналѣ найреник—отечество) даны свѣдѣнія о наименѣе извѣстной части Турецкой Арменіи.

Записки Семипалатинскаго Подотдѣла Зап.-Сиб. Отдѣла И. Р. Г. О-ва. В. II. Семипалатинскъ. 1905.

Зобнинъ, Ф. „Семипалатинскіе авантюристы“. Статья отмѣчаетъ нѣкоторыя любопытныя черты изъ быта киргизовъ (статья эта перепечатана изъ „Сибирской Жизни“).

Герасимовъ, В., свящ. „Поѣздка на Барлыкскіе минеральныя источники въ 1905 году (путевыя наброски)“. Авторъ описываетъ свою поѣздку по Семирѣченской киргизской степи и попутно отмѣчаетъ картины быта киргизовъ-кочевниковъ. На стр. 11 находится описаніе „домбры“; на стр. 18—19—импровизація пѣвца-киргиза про султана Кенесару; на стр. 37—своеобразное лѣченіе киргизомъ раны отъ укуса ядовитаго „кара-курта“ (паукъ); на стр. 49—характеристика „джетачества“.

Плотниковъ, В. „Пѣсни казаковъ Сибирскаго казачьяго войска. I. Пѣсни военныя или походныя“. Всего 24 пѣсни,—по большей части передѣлки общерусскихъ или искусственныхъ.

Кожинъ, Н. „Замѣтки объ одномъ киргизскомъ джутѣ“ (нѣкоторыя черты быта).

„Отчетъ о дѣятельности Семипалатинскаго Подотдѣла... съ 1 января 1904 г. по іюль 1905“.

Н. В—въ.

Научно-Литературный Сборникъ. Повременное изданіе „Га-лицко-русской Матицы“. Подъ редакціей *Б. А. Дюдицкаго*. Т. IV, кн. 2 и 3. Львовъ, 1905. Здѣсь: *Петрушевичъ, А. С.* „Русская земля и ея жители въ народныхъ поговоркахъ и пословицахъ“. Въ статьѣ въ алфавитномъ порядкѣ собраны прозвища, поговорки и пословицы, характеризующія русскую землю и ея обитателей. Древнѣйшимъ памятникомъ этого рода является характеристика народовъ содержащаяся въ рукописи XI—XII в.в. и напечатанная П. I. Шафарикомъ въ книгѣ „*Slowanské starožitnosti*“. W Praze. 1837. При составленіи своей статьи г. А. С. Петрушевичъ пользовался русскими сочиненіями Дала и Номиса, польскими—Адлерберга и М. Руча, а также и лично записанными пословицами и поговорками.

Н. В—въ.

Ежегодникъ коллегіи Павла Галагана. Съ 1-го октября 1903 года по 1-ое октября 1904 г. Годъ 9-й. Кіевъ. 1904.

Въ неофициальной части: 1) „Изъ этнографическихъ матеріаловъ“, 10 южно-русскихъ пѣсенъ, собранныхъ и поясненныхъ *А. Степовичемъ*, съ приложеніемъ напѣвовъ (стр. 1—10).

Материалы до украинско-русской этнологіи. Видане этнографичної Комисіи за редакцією *Хр. Вовка*. Т. VI. Львив. 1905.

Здѣсь находятся слѣдующія статьи:

Вироби передмікенського типу у неолітичнихъ становищахъ на Україні, *Хр. Вовка*.

Годівля, купно і продаж овецъ у Мшанці старосамбірського пов., *М. Зубрицького*.

Гончарство у с. Опошні у Полтавщині, *М. Русова*.

Вироби з дерева у с. Груні у Полтавщині, *М. Русова*.

Гребінництво у с. Груні у Полтавщині, *М. Русова*.

Олійниця у с. Землянці Глухівського пов. на Чернигівщині, *Литвинової Бартош*.

Олійні у північно-східній Галичині, *А. Веретельника*.

Виріб олію на Волині в Галачині, *М. Шмигевича*.

Народня медицина у Ровенському пов. на Волині, *В. Доманицького*.

Золотарство у старобільському пов. у Харківщині, *Ол. Радаковой*.

Народний календар Валуйського пов., *М. Дикарева*.

Вахушти, царевичъ. Географія Грузіи. Введеніе, переводъ и примѣчанія *М. Г. Джанашвили*. Тифлисъ. 1904 (Записки Кавказск. Отд. И. Р. Г. О-ва. Кн. XXIV, в. 5).

До сихъ поръ еще не имѣлось полного изданія этого очень важнаго труда, хотя по частямъ онъ вошелъ въ работы Д. Бакрадзе, М. Броссе и проф. Д. Чубинова. Но сравненіе изданныхъ всѣми этими лицами частей труда Вахушти съ его собственноручно переписаннымъ оригиналомъ показываетъ, что въ эти изданія вкралось очень много погрѣшностей, ошибокъ и даже искаженій текста.

Въ настоящемъ изданіи Кавказск. Отд. трудъ царевича Вахушти помѣщенъ почти цѣликомъ. Онъ распадается на два отдѣла: 1) Исторію Грузіи до распадения ея на три царства и пять княжествъ,

и 2) на Исторію и Географію грузинскихъ царствъ и княжествъ съ 1469 г. до конца первой половины XVIII в. „Трудъ Вахушти всегда пользовался заслуженнымъ вниманіемъ ученыхъ. „Географія“ царевича Вахушти, по мнѣнію Броссе, имѣеть такое же значеніе для Грузіи, какъ топографическія замѣтки Гомера для Греціи; сравненіе же его картъ съ картами Кавказск. Воен.-Топограф. Отдѣла обнаруживаетъ несомнѣнную точность Вахуштіевой работы“.

Вахушти можно упрекнуть лишь за излишнее пристрастіе къ филологическимъ толкованіямъ, почти всегда крайне неудачнымъ.

Читатель найдетъ здѣсь хотя и краткое, но обстоятельное описаніе нравовъ и обычаевъ грузинскаго народа, основанное на первоисточникахъ (см. „Введеніе“, стр. XII и XV). Въ „Приложеніи къ этнографическому отдѣлу географіи Вахушти“ М. Г. Джанашивили сообщаетъ: 1) Преданіе о первоначальной роднѣ грузинъ; 2) Преданіе картвельцевъ о сотвореніи міра, солнца и луны, и 3) Перечень языческихъ боговъ грузинъ.

Н. В—въ.

Чурсинъ, Г. Ф. Народные обычаи и вѣрованія Кахетин. Тифлисъ. 1905 (Зап. Кавк. Отд. И. Р. Г. О-ва. Кн. XXV, в. 2).

Настоящій очеркъ является первой попыткой дать хотя сколько-нибудь цѣльную картину народныхъ воззрѣній и обычаевъ обитателей Кахетин, характеризующихъ ихъ со стороны религіи и быта. При этомъ „въ видахъ объясненія происхожденія и первоначальнаго смысла наблюдаемыхъ въ Кахетин вѣрованій и обычаевъ, авторъ счелъ полезнымъ обратиться къ сопоставленію ихъ съ аналогичными фактами, отмѣченными у другихъ народовъ, преимущественно кавказскихъ“. Къ сожалѣнію, нельзя сказать, чтобы собранныхъ матеріаловъ было достаточно для полнаго освѣщенія всѣхъ ступеней развитія религіозныхъ и бытовыхъ представленій современнаго катехинца.

Н. В—въ.

Марковичъ, В. В. На ледникахъ Дигорин. Изв. Имп. Русск. Геогр. О-ва, т. XXXIX, вып. I.

Свѣдѣній о Дигорин въ литературѣ очень мало. А между тѣмъ, по словамъ В. Марковича, „ислѣдователь Кавказа, не побывавшій въ Дигорин, будетъ имѣть о немъ неполное представленіе“. И хотя авторъ—спеціалистъ ботаникъ—и работъ своей придалъ преимущественно ботанической характеръ, однако въ его трудѣ и этнографъ найдетъ достаточно матеріала. Вся первая глава посвящена краткому описанію пути въ Дигорин, характеристикѣ дигорскихъ жилищъ, особенностямъ, отличающимъ дигорцевъ отъ проновъ (восточной группы осетинъ), особенностямъ, выражающимся не только въ языкѣ, но и въ образѣ жизни, промышленности и т. д. Въ четвертой главѣ есть замѣчанія о сословныхъ отношеніяхъ въ Дигорин.

Н. В—въ.

Витте, Е. де. Лѣто 1903 года. Путевыя впечатлѣнія и Историческіе очерки. Чехія. В. 1-й. Кременецъ. 1905.

Путешественница по славянскимъ землямъ, Е. И. де-Витте въ данной книжкѣ съ увлеченіемъ и любовью описываетъ города Чехіи, ихъ окрестности, памятники древности, исторію, культуру и населеніе страны. Въ виду того, что въ Россіи сравнительно мало книгъ, въ которыхъ вѣрно описаны славянскія земли, книжка г-жи Е. де-Витте принесетъ свою долю пользы, способствуя ознакомленію и сближенію двухъ родственныхъ народовъ.¹⁾

Н. В—въ.

Сказаніе объ Едигеѣ и Токтамышѣ. Киргизскій текстъ по рукописи, принадлежавшей Ч. Ч. *Валиханову*, издалъ проф. П. М. *Меліоранскій*. Спб. 1905 (Записки И. Р. Г. О-ва по Отд. Этнографіи. Прилож. къ т. XXIX).

Кромѣ киргизскаго текста—стр. 1—16—содержитъ предисловіе издателя къ тексту „былины“. На стр. 17—18 указана библиографія даннаго сюжета. Стр. 19—23—„Глоссарій“, составленный при участіи г. Ж. *Сейдалима*.

Мартыновъ, С. В. Печорскій край. Очерки природы и быта. Населеніе, культура, промышленность. Спб. 1905.

„Архангельская губернія, благодаря своей обширности, ничтожному населенію, труднымъ, а частью вовсе первобытнымъ путямъ сообщенія и отдаленности отъ центровъ умственной жизни Россіи,—еще очень недостаточно извѣстна“, а нѣкоторыя ея части даже до сихъ поръ ждутъ благосклоннаго вниманія какого нибудь изслѣдователя. Къ одной изъ наименѣе извѣстныхъ областей губерніи относится Печорскій край, описанію и изслѣдованію котораго и посвящена работа С. В. Мартынова.

Административно высланный въ Архангельскую губернію (по дѣлу Воронежскаго комитета о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности) С. В. принялъ участіе въ экспедиціи для изслѣдованія Печерскаго края, снаряженной лѣтомъ 1903 года управляющимъ казенною палатою А. П. Ушаковымъ. Программа работъ экспедиціи намѣчена была очень широко: на ряду съ экономическимъ изслѣдованіемъ этого края должно было вестись изученіе этнографическихъ его особенностей, культурно-бытовой жизни населенія, санитарныхъ условій жизни вообще,—жилища, промысловъ и питанія въ частности.

Во время работъ по вопросамъ этого изслѣдованія авторъ велъ дневникъ, переработанныя записки котораго и дали настоящее произведеніе.

¹⁾ Волге подробный разборъ этой книги см. въ работѣ проф. Т. Д. *Флоринскаго* „Критико-библиографическій обзоръ новѣйшихъ трудовъ и изданій по Славяновѣдѣнію“. Университетскія (Кіевскія). Извѣстія, 1905. XI.

Не смотря на нѣсколько одностороннюю цѣль экспедиціи и специальность автора, книжка составлена очень обстоятельно и съ разныхъ сторонъ освѣщаетъ жизнь аборигеновъ Печорскаго края. И просто любопытный читатель, и человекъ интересующійся нашимъ Сѣверомъ, въ особенности этнографъ, найдутъ для себя очень много достойнаго вниманія.

Отмѣтимъ здѣсь нѣкоторые вопросы имѣющіе особый интересъ для этнографа: въ главѣ *I Общія свѣдѣнія о Печорскомъ краѣ*. Населеніе и его этнографическія особенности. Старообрядцы. Ижемцы. Самоѣды; въ гл. *II Условія жилища и питанія населенія*. Деревни. Крестьянскій домъ. Деревни Ижемскаго района. Скотный дворъ и соединеніе его съ избой. Особенности питанія... въ гл. *III Бытъ населенія и его культурный уровень*. Положеніе дѣтей... Положеніе женщины въ семьѣ и въ хозяйствѣ... Кругозоръ населенія и его умственное развитіе... Отрицательныя стороны духовной жизни населенія. Колдуны и еретницы. Напuskanіе икоты. „Дикость“. Вѣрованія въ нечистую силу и способы предохраненія отъ порчи. Заговоры и заклинанія... Одежда... Вся глава *IV. Экономическія условія жизни населенія*. Главы V и VI посвящены промышленности (настоящей и будущей) Печорскаго края. Въ VII гл. *Заболѣваемость. Организация врачебной помощи. Народная медицина и акушерство*— должно отмѣтить... Икота. Ея симптомы и демономанической характеръ. Напuskanіе икоты среди женщинъ... Народная медицина. Гипнотическіе методы леченія. Баня. Леченіе переломовъ и вывиховъ. Лекарственныя средства. Народное акушерство...

Прочитавши книгу, нельзя не согласиться съ замѣчаніемъ автора, который въ предисловіи пишетъ: „Можно только пожалѣть, что недостатокъ средствъ и краткость времени, а, главнымъ образомъ, архаическій способъ передвиженія ставили экспедицію въ крайне стѣснительное положеніе и не только не позволяли произвести правильное изученіе края, но даже посѣтить наиболѣе отдаленныя его мѣста, почему настоящая работа, представляетъ собою только матеріалъ для будущаго описанія Печоры“.

Но такого рода описанія едва ли можно скоро дожидаться, такъ какъ до сего времени еще есть на Печорѣ такія мѣста, куда не ступала нога человѣка, и даже устья самой Печоры не изслѣдованы въ точности. Поэтому книга С. В. Мартынова является очень цѣннымъ вкладомъ въ научную литературу о крайнемъ Сѣверѣ.

Н. В—въ.

Труды Вятской Ученой Архивной Комиссии.

Вып. I, II, III. Вятка. 1905.

28 ноября 1904 года открылась въ Вятѣ давно ожидаемая здѣсь Губернская Архивная Комиссія и съ слѣдующаго же года приступила къ періодическому изданію своихъ „Трудовъ“. Изъ шести обѣщанныхъ въ годъ выпусковъ „Трудовъ“ три уже вышли.

Мѣстная исторія имѣетъ еще болѣе точекъ соприкосновенія съ этнографіею, какъ съ „живою стариною“, нежели исторія общая. И наши Архивныя Комиссіи вообще не опускаютъ изъ виду, вмѣстѣ съ историческимъ, и этнографическаго изученія своей родины. Такъ, напримѣръ, Костромская Комиссія произвела даже маленькую этнографическую анкету, давшую немало интересныхъ матеріаловъ. Надѣмся, что и Вятская Комиссія не будетъ пренебрегать этнографіею, тѣмъ болѣе, что предсѣдатель ея, Н. А. Спасскій, въ качествѣ редактора „Памятныхъ Книжекъ Вятской губерніи“ (въ продолженіе 26-ти уже лѣтъ) зарекомендовалъ себя человѣкомъ, которому дороги интересы русской этнографіи.

Вятской Архивной Комиссіи предстоитъ очень почтенная задача, одинаково интересная и для историковъ, и для этнографовъ,—разрѣшить вопросъ о ходѣ русской колонизаціи въ Вятскій край.

Задача, въ виду недостаточности источниковъ, не легкая. Но Архивная Комиссія, имѣющая въ своей средѣ, между прочими, маститаго мѣстнаго историка А. Г. Верещагина, которому русская историческая наука обязана критикою извѣстной лѣтописной легенды о новгородскихъ ушкуйникахъ 1174 года на Вятѣ, надѣмся, справится съ этими трудностями.

Какъ и слѣдовало ожидать, Вятская Комиссія начала съ изданія источниковъ, касающихся судебъ мѣстнаго края. Въ первомъ выпускѣ „Трудовъ“ перепечатаны извлеченія изъ русскихъ лѣтописей, относящіяся къ исторіи Вятскаго края. Во второмъ выпускѣ напечатаны съ рукописи вятскій „Временникъ“, писанный въ XVII и началѣ XVIII в.; главнымъ источникомъ этого Временника служилъ, согласно изслѣдованію издателя, одинъ изъ хронографовъ третьей редакціи (по дѣлевію А. Н. Попова), т. е. составленныхъ послѣ 1620 г., съ

заимствованиями из хронографов второй редакціи 1617 года (стр. 75, вып. II). Въ III-мъ выпускѣ напечатана „Повѣсть о странѣ Вятской“ по двумъ спискамъ (XVIII в.)—Толстовскому и Миллеровскому, съ указаніемъ разночтеній изъ прочихъ списковъ.—Всѣ эти изданія сдѣланы редакторомъ „Трудовъ“ А. Верещагиннымъ.

Въ предисловіяхъ и послѣсловіяхъ въ изданію этихъ источниковъ дается описаніе каждаго изъ нихъ, замѣчанія о времени написанія ихъ, о писцахъ и пр.

Въ послѣсловіи въ „Повѣсти о странѣ Вятской“ издатель ударился въ критику этой „повѣсти“, повторяя, впрочемъ, большею частію уже прежде имъ же напечатанное въ разныхъ изданіяхъ. Въ этой критикѣ мы считаемъ умѣстнымъ указать на методологическую ошибку издателя, доказывающаго хронологическую дату (конецъ XIV в.) поселенія русскихъ на Вяткѣ отсутствіемъ въ писцовыхъ и дозорныхъ книгахъ вятскихъ собственныхъ именъ типа Грихно (Григорій) и Давша (Давидъ),—имена, „употреблявшіяся въ Новгородѣ и въ Заволочѣ въ XII—XIV вѣкахъ“ (стр. 74). Авторъ, видимо, считаетъ подобныя имена чѣмъ-то спеціально Новгородскимъ и притомъ свойственнымъ только XII—XIV вѣкамъ, и, конечно, ошибается. По замѣчанію академика А. И. Соболевскаго, этимъ типамъ уменьшительныхъ именъ нужно приписать общерусскую или даже общеславянскую древность („Живая Старина“, 1893 г. стр. 449 и 451). Имена въ родѣ Ивахно встрѣчаются и у малороссовъ (Н. Ѳ. Сумцовъ, малорусск. географич. номенклатура: „Кіевск. Старина“, 1886 г., стр. 13 отд. оттиска); въ Полтавской губ. есть названіе селеній Ильяхновскій, Грихновка, Махновка, Михновка и др. подобныя („Списки насел. мѣстъ“). Имена же типа Петьша, Кирша и подобн. въ большомъ употребленіи и по сѣ дни на Уралѣ и въ Сибири (см. В. Г. Богоразъ, Колымское... нарѣчіе: сборн. II отд. Акад. наукъ, т. 68, Сборникъ Кирши Данилова, подъ редакціею Шеффера, стр. XXVIII, прим. 1, и др.¹⁾). Дѣлать же какія-либо заключенія изъ того обстоятельства, сохранились ли не сохранились въ данной мѣстности тѣ или иныя особенности старины, конечно, никакъ нельзя.

Помимо указаннаго выше главнаго содержанія „Трудовъ“, здѣсь мы находимъ протоколы засѣданій комиссіи и рядъ мелкихъ извѣстій и замѣтокъ, большею частію перепечатан-

¹⁾ Подробнѣе см. нашу замѣтку въ „Вятскомъ Вѣстникѣ“, 1905 г. № 7.

ныхъ изъ разныхъ изданій. Въ этомъ отношеніи намъ представляется совершенно излишнею пространная полемика редакціи, по поводу разныхъ мелкихъ неточностей, съ... „Вятскою Газетою“ (земское изданіе для народа), „Міромъ Божіимъ“ и т. п. (вып. I, стр. 27—29). Если уже пошло на то, такъ достаточно просто указать на неточность, а не полемизировать.

Д. Зеленинъ.

Списокъ книгъ, присланныхъ въ редакцію для отзыва.

Липскій, В. И. Горная Бухара. Результаты трехлѣтнихъ путешествій въ Среднюю Азію въ 1896, 1897 и 1899 году. Часть III. Хребетъ Гиссарскій и Восточная Бухара: хребетъ Дарвазскій, Мазарскій и Петра Великаго. 1899. Изд. И. Р. Г. О-ва, подъ редакціей Ю. М. Шокальской. Спб. 1905 (Съ приложеніемъ 1 карты и XXXIX картинъ).

Отчетъ по Минусинскому мѣстному Музею и общественной библиотекѣ за 1904 годъ. Минусинскъ. 1905. 22 стр. Приложенъ портретъ † Н. М. Мартянова, основателя музея¹⁾.

Коропчевскій Д. А. Времена года. Географическія картинки. Со многими рисунками въ текстѣ. Изд. 4-е. Спб. 1906. Стр. 143.

Виноградовъ Н. Взгляды народа на пчеловодство. Мѣстное описаніе пчеловодства. (Суевѣрія, заговоры, народныя средства) Кострома. 1905.

Его-же. Царь Максемьянъ и его непокорный сынъ Одольфъ. Старый текстъ и нѣсколько словъ по поводу текста. Спб. 1905.

Орбели, Д. I. Сванетія. Зобъ и кретинизмъ. Спб. 1904.

Сочиненія Чокана Чингисовича Валиханова. Подъ редакц. Н. И. Веселовскаго. Спб. 1905 (Зап. И. Р. Г. О-ва по Отд. Этнографіи. Т. XXIX).

Записки Приамурскаго Отдѣла И. Р. Г. О-ва. Т. IV, в. 2. Хабаровскъ. 1905 г. Здѣсь „Отчетъ о дѣятельности Отдѣла за 1908 и 1904 гг. (извлеченія, см. „Хроника“ стр. 20).

¹⁾ † Мартяновъ, Николай Михайловичъ, 30 ноября 1904 г. Покойному извѣстный Минусинскій Музей обязанъ своимъ учрежденіемъ и процвѣтаніемъ.

Статьи о покойномъ см.: Клеменць, Д. А. въ Спб. Вѣд. № 331; Пальмовъ. Енисей, № 136; „Отчетъ по Минусинск. мѣстн. Музею... за 1904 г. Минусинскъ. 1905.

ОТДѢЛЪ V.

Смѣсь.

Обрядъ „повиванья“ въ Курской губ.

Когда невѣста придетъ отъ вѣнца, немедленно начинается обрядъ „повиванья“.

Надъ невѣстой бабы растагиваютъ платоць, зажигаютъ двѣ свѣчи и держатъ ихъ по сторонамъ.

Двѣ „свашеньки“ начинаютъ завивать волосы въ особую шишку, съ пригѣвами:

Мѣсяць каже: „я зайду,“
Солнушко каже: „я съ тобою!..“
Макаръ каже: „спать пойду,“
Устинья каже: „я съ тобою!..“
Макаръ каже: „клѣтка мала,“
Устинья каже: „устанемся!“
Макаръ каже: „кровать мала,“
Устинья каже: „уляжемся.“ *)

Поютъ также:

— Свашенька гаголушка,
Не плутай головушку!
— Я не курва, повью кругло.

Летѣли гуси-лебеди черезъ садъ,
Ударилъ золотымъ крыломъ о теремъ:
Пора тебѣ Устиньюшка съ терема долой!
Ой не дѣло, подруженьки мои, до того,
Есть у меня родный батюшка дле того.
Коли велить благословить, я сойду...

Послѣ повиванья молодая одѣваетъ на голову золотую „сороку“, высокой головной уборъ въ видѣ колпака; съ этимъ убо-

*) Сравни Некрасова „Кому на Руси жить хорошо“ стр. 26, изд. 1881 г. (Полное собраніе стихотвор. въ одномъ томѣ):

Иванъ кричитъ: „я спать хочу,“
А Марьюшка: „и я съ тобой!“
Иванъ кричитъ: „постель узка,“
А Марьюшка: „уляжемся!“
Иванъ кричитъ: „ой холодно!“
А Марьюшка: „угрѣмся!“

ромъ, а также съ сарафаномъ чернаго цвѣта изъ шерстяной матеріи домашняго изготовленія, молодая женщина не разстается никогда, даже во время тяжелыхъ полевыхъ работъ въ жаркую пору. Разрѣшается иногда золотую сороку замѣнить будничнымъ „шлыкомъ“, но оставлять волосы открытыми нельзя: „потому—волосъ вѣнчаный“...

(Записано въ с. Березовѣ, Новооскол. у. Курск. губ.).

Ив. Абрамовъ.

Пережитки трупосожженія.

Минувшимъ лѣтомъ по порученію С. П. Б. Археологическаго Общества мнѣ пришлось раскапывать курганы въ с. Веденьѣ Смоленской г., Порѣчскаго уѣзда.

При моихъ работахъ присутствовалъ мѣстный діаконъ о. Чернявскій.

Когда мы выкопали погребальную урну, наполненную полу-сожженными костями, діаконъ припомнилъ слѣдующій мѣстный обычай, который можетъ служить отдаленнымъ намекомъ на древній обрядъ трупосожженія.

Всякій разъ, какъ только вынесутъ мертвеца за село, родственники умершаго разбиваютъ о землю заранѣе припасенный глиняный горшокъ и при этомъ зажигаютъ сѣно или солому. Обычай требуетъ, чтобы обрядъ этотъ былъ непременно исполненъ.

Ив. Абрамовъ.

МЕЛОЧИ

историко-литературныя и этнографическія.

I.

Во второй книгѣ „Русскаго Филологическаго Вѣстника“, въ статьѣ проф. Евгенія Боброва „Мелочи изъ исторіи русской литературы“ сведенъ цѣлый рядъ замѣтокъ біографическаго и литературнаго характера. Здѣсь, между прочимъ, въ замѣткѣ „II. Народная пѣсня Н. М. Ибрагимова“ авторъ сообщаетъ нѣсколько біографическихъ свѣдѣній объ извѣстномъ преподавателѣ казанской гимназій, потомъ профессорѣ казанскаго же университета, Николаѣ Мисаиловичѣ Ибрагимовѣ, учителѣ С. Т. Аксакова, и о сочиненной имъ пѣснѣ: „Вечеркомъ красна дѣвица“..., получившей широкое распространеніе въ народѣ.

Сдѣлавши нѣсколько замѣчаній о происходящемъ *иногда* на литературной почвѣ взаимодействіи между культурными классами и народной массой, проф. Бобровъ указываетъ, что и пѣсня Н. М. Ибрагимова „(безъ имени автора) съ момента появленія широко гуляла по матушкѣ Россіи, принося удовольствіе разнымъ кругамъ русскаго общества, — и даже дожила въ народѣ до нашихъ дней, какъ мы усмотрѣли изъ прекрасной книги о Сахалинѣ В. М. Дорошевича, т. I, стр. 362“. И нѣсколько далѣе онъ продолжаетъ: „... пѣсня Ибрагимова сразу стала народной; народъ воспринялъ ее такъ, какъ если бы она возникла въ его средѣ, и бережно хранить ее до сихъ поръ“.

„Любопытно, что пѣсня Ибрагимова, какъ настоящая народная пѣсня, породила даже *варианты*“¹⁾. Далѣе приводятся два варианта третьяго куплета.

Съ своей стороны и я могу отмѣтить *большую* распространенность этой пѣсни въ губерніяхъ Костромской, Ярославской, Владимірской и Вологодской. Но среди народа, въ данномъ районѣ, она широкимъ распространеніемъ не пользуется.

¹⁾ Курсивъ проф. Евгенія Боброва.

Кое-гдѣ ее поетъ и народъ, но мало. Съ особеннымъ же удовольствиемъ распѣваетъ эту пѣсню, „такъ называемая“, сельская интеллигенція, духовенство (кажется,—всего охотнѣй), мелкое городское чиновничество и мѣщане.—Вѣрнѣе всего, что и на каторгу, на Сахалинъ, она попала не черезъ крестьянъ, а при посредствѣ лицъ изъ вышеупомянутыхъ сословій.

Въ указанномъ районѣ пѣсня поется нѣсколько по своему, непохоже на печатный текстъ и указанныя въ „Русск. Филолог. Вѣстн.“ варианты:

Вечеркомъ красна дѣвица
На прудокъ со стадомъ ¹⁾ шла
Черноглаза круглолица
Такъ гуськовъ домой гнала:

Припѣвъ:

Тега, тега, тега, тега,
Вы, гуськи мои, домой!
Тега, тега, тега, тега,
Гуси сѣрые домой!

Не ищи ²⁾ меня богатый,
Ты не милъ моей душѣ,—
Что мнѣ, что твои палаты?—
Съ милымъ счастье въ палатѣ!
Прип.: Тега, тега... и т. д.

Съ нимъ одной любви довольно,
Чтобы вѣкъ счастливо жить,
Но сердечку очень больно
Черезъ алато слезы лить!
Прип.: Тега, тега... и т. д.

Но констатируя распространенность этой пѣсенки, мы никакъ не можемъ согласиться съ другими положеніями г. проф. Евгенія Боброва. Такъ,—онъ *варианцію* произведенія считаетъ какъ будто однимъ изъ главныхъ признаковъ его народности. Онъ пишетъ: „*Любопытно*, что пѣсня Ибрагимова, какъ *настоящая народная* ³⁾ пѣсня, породила даже *варианты* ⁴⁾“.

На нашъ же взглядъ тутъ даже и *любопытно* ничего нѣтъ, такъ какъ всякое произведеніе,—будь то пѣсня, сказка, былина, стихотвореніе, молитва и т. д.—въ устной передачѣ будетъ варіироваться. Это легко прослѣдить при заучиваніи наизусть стихотвореній и молитвъ въ любой начальной школѣ и при постепенномъ распространеніи ихъ среди окрестнаго населенія.

Затѣмъ,—авторъ пишетъ: „Дорошевичъ полагаетъ, что пѣсня нравится изъ-за *припѣва* ⁴⁾). Но намъ кажется, что дѣло тутъ не въ одной „тигѣ“, но и въ содержаніи. Въ пѣснѣ очень ясно, хотя и наивно, выражается право на свободу сердца, на свободу выбора въ любви. Эта тема очень близко подходитъ къ темамъ, разрабатываемымъ въ настоящихъ народныхъ русскихъ пѣсняхъ. И вотъ почему пѣсня Ибрагимова сразу стала

¹⁾ Съ гусьми...

²⁾ Ты не жди...

³⁾ Курсивъ нашъ.

⁴⁾ Курсивъ проф. Евгенія Боброва.

народной; народъ воспринялъ ее такъ, какъ если бы она возникла въ его средѣ и бережно хранилъ ее до сихъ поръ“.

А мои долговременныя и въ разныхъ мѣстахъ произведенныя наблюденія говорятъ нѣсколько иное. По моему мнѣнью, пѣсню эту любятъ за очень легкій и веселый *мотивъ*. Съ нее обыкновенно на вечеринкахъ начинается пѣнне, чтобы распѣться и прочистить горло, а затѣмъ перейти къ болѣе труднымъ, болѣе сложнымъ мотивамъ. „Запѣвайте, барышни, — „Вечеркомъ красна-дѣвица“... — Пѣсенка веселая и мативчикъ страсть хорошій!“ говорятъ кавалеры, когда надоѣстъ играть въ фанты и танцевать. „Будетъ вамъ нить-то, — хоть бы „тегу“ спѣли!“ замѣчаютъ старивы, когда молодежь ужъ слишкомъ усердно выводитъ „Море синее“, „Подъ вечеръ осенью ненастной“ и тому подобныя заунывныя пѣсни.

За увлеченіе мотивомъ, а не содержаніемъ пѣсни, говорить и тотъ фактъ, что пѣсня эта имѣетъ, обыкновенно, продолженіе, совсѣмъ неподходящее. Въ пѣснѣ всего три куплета, а мотивъ пришелся очень по вкусу; исполнители и слушатели желаютъ большаго удовольствія. Надо удлиннить пѣсню. И вотъ съ одной стороны начинается свободное творчество въ данномъ направленіи, съ другой стороны механическое удлинненіе пѣсни посредствомъ подходящихъ по размѣру куплетовъ, хотя бы по содержанію они и не подходили къ пѣснѣ.

Попытокъ перваго рода, мнѣ помнится, было нѣсколько; иные пытались продолжить пѣсню создавая такіе, напримѣръ, куплеты:

Не пойду въ твои палаты,	или: Люби золотомъ не купишь,
На арканъ хотъ тащи,	Какъ меня ты не прельдай;
Лучше съ милымъ въ бѣдной хатѣ	Отъ меня лишь ность получишь,
Буду ѣсть пустыя щи!	Вотъ тебѣ отвѣтъ. Прощай!

Но обыкновенно желаніе послушать веселенькій „мативчикъ“ удовлетворялось тѣмъ, что пѣлись какіе попало куплеты изъ очень распространенныхъ въ провинціи альбомныхъ стишковъ. По большей части послѣ третьяго куплета исполняется:

Далѣе:

Сколько мнѣ не притворяйся,	Долго, долго я старался
А пришлось открыть себя,	Угадать характеръ вашъ;
Шутки бросить и признаться:	Разъ пятнадцать ошибался,
Ангель мой люблю тебя!	А теперь узналъ я васъ.

И даже:

Какъ вамъ, барышни, не стыдно
Арифметики не знать!
Такъ учиться — не годится,
Я васъ долженъ наказать.

Мнѣ самому приходилось пѣскольво разъ вмѣстѣ съ другими пѣвцами пропѣвать, по общему желанію, до конца на тотъ же мотивъ Пушкинское стихотвореніе „Буря мглою небо кроетъ“..., имѣющее свой собственный (и по моему гораздо лучшій) мотивъ. Очевидно,— тутъ дѣло не въ содержаніи ¹⁾.

Ужъ вѣрнѣе же мнѣніе г. Дорошевича, что „пѣсня нравится изъ-за *припѣва*“, такъ какъ онъ исполняется всегда съ особеннымъ воодушевленіемъ, даже азартомъ. Да и самая пѣсня называется часто по припѣву: „тега“. Но самый припѣвъ поется почти такъ же какъ и текстъ лишь съ небольшими музыкальными украшеніями.

Итакъ, по нашему мнѣнію: I. Пѣсня Н. М. Ибрагимова дѣйствительно пользуется широкой популярностью, хотя преимущественно и не въ народной средѣ. II. Пѣсню эту любятъ не за содержаніе, а за мотивъ.

II.

Въ слѣдующей замѣткѣ: „III. Обрывокъ народной пѣсни въ латинскомъ переводѣ“ проф. Бобровъ приводитъ изъ романа И. Калашникова „Камчадалка“ (Спб. 1833, ч. II, стр. 97 и 99) то мѣсто, гдѣ говорится о томъ, какъ „образованный“ дьячекъ, за вольнодумство сосланный на Камчатку... „запѣлъ во все горло на латинскомъ языкѣ извѣстную (?) русскую пѣсню: Между дубомъ и березой рѣка протекала“. Приведя затѣмъ латинскій текстъ пѣсни авторъ продолжаетъ: „Быть можетъ, въ Камчаткѣ и въ то время изображается конецъ XVIII вѣка) эта пѣсня и считалась извѣстною: но мнѣ она показалась совершенно неизвѣстною. Желая провѣрить себя, я обратился къ самому новому и полному собранію: „Великорусскія пѣсни“, изданныя А. И. Соболевскимъ. Пѣсни этой я не нашелъ, но кое-что похожее на начало ея отыскалось“. Далѣе проф. Бобровъ выписываетъ текстъ пѣсни (изъ IV т., № 377) изъ Моршанскаго уѣзда, Тамбовской губерніи, за исключеніемъ 6—7 словъ, со-

1) Есть даже основаніе думать, что содержаніе и смыслъ пѣсни игнорируется, лишь бы мотивъ нравился. Сплошь и рядомъ на любимый мотивъ поютъ наборъ бессмысленныхъ словъ, или даже звуковъ. А кромѣ того мнѣ припоминается и такого рода факты: одно время среди сельской интеллигенціи была очень распространена пѣсня „Въ глубокой тѣснинѣ Дарьяла“... Молодежь (особенно барышни) распѣвали ее постоянно. Затѣмъ — какъ отрѣзало... Если кто и предлагалъ спѣть, то краснѣли, отгѣкивались и старались замять предложеніе. А все вышло изъ за того, что однажды кто-то, не зная пѣсни буквально, попытался пересказать ее. Только тогда понята была ея крайняя неприличность (по взглядамъ „общества“). Въсть объ этомъ быстро разнеслась—и пѣсню перестали пѣть. Было и еще нѣсколько аналогичныхъ фактовъ.

всѣмъ не похожей на латинскій переводъ. Мы должны замѣтить, что здѣсь авторъ ошибается. Въ „Великорусскихъ пѣсняхъ“ А. И. Соболевскаго указано нѣсколько подходящихъ пѣсенъ.

Такъ въ III томѣ, на стр. 460—464 приведено семь вариантовъ этой самой пѣсни ¹⁾. Ее поютъ въ Архангельской, Ярославской, Курской, Казанской, Пермской губерніяхъ и въ Сибири. Для сравненія выписываемъ латинскій текстъ (камчатскій) и наиболѣе подходящій русскій изъ сборника А. И. Соболевскаго:

№ 569.

*Inter quercum et betulam
Flumen promanavit,
Flumen, flumen promanavit,
Aqua frigida.
Nemo potest aqua bibi ²⁾
Nec illam hauriri.
Apuđ virum senioreм
Femina formosa.
Castigari negat uxor,
Neque maculari;
Castigabat una hora,
Flevit hebdomade.*

...Промежъ дубу и берези
Рѣка протекала,
Рѣка, рѣка глубокая,
Вода студеная.
Нельзя воды пити,
Нельзя почерпнути.
Какъ у стараго у мужа
Жена молодая.
Нельзя жену бити,
Нельзя поучити.
Я билъ жену единъ часъ,
А плакалъ недѣлю...

Такимъ образомъ, русскій и латинскій тексты почти совпадаютъ, за исключеніемъ того, что въ русскомъ текстѣ, въ началѣ и концѣ есть по двѣ строчки, не приведенныхъ по-латыни у И. Калашникова.

Кромѣ того, не далѣе, какъ два года тому назадъ, въ Костромской губ., Костромскомъ уѣздѣ мы слышали отрывокъ такой пѣсни:

Изъ подъ дубу изъ-подъ вяза
Рѣка протекала;
Рѣчка, рѣчка протекала
Вода холодная;
Водка, водка холодная,
Чиста ключевая
Никто воды не почерпнетъ
Чистой не изъпьеть...

Какъ видно изъ сравненія текстовъ вполне подходятъ и содержаніе и размѣръ стиха. Къ сожалѣнію всей пѣсни я не

¹⁾ Въ только что вышедшей изъ печати 4-й книжкѣ „Русск. Филолог. Вѣстн.“ г. В. Чернышевъ, отмѣчая ошибку проф. Е. Боброва, даетъ всетаки невѣрные указанія (м. б. опечатка?): „У А. И. Соболевскаго нѣсколько такихъ пѣсенъ находится въ III томѣ подъ №№ 578—574“ (?). На самомъ дѣлѣ, у А. И. Соболевскаго эти пѣсни помѣщены подъ №№ 568—574.

²⁾ Этотъ стихъ и послѣдующій проф. Евгений Бобровъ исправляетъ такъ

...aquam bibere
Nec illam haurire...—

записалъ и достать въ настоящее время не могу. Конецъ пѣсни также хорошо сохранился въ моей памяти:

...Биль жену одинъ часочикъ,—
Недѣлюшку плакаль.

Тоже почти полное тождество текста. Такимъ образомъ теряютъ свое значеніе и заключительныя слова проф. Гоброва: „...пѣсня, которую въ латинскомъ переводѣ приводитъ въ своемъ романѣ Калашниковъ, въ настоящее время, повидимому, по крайней мѣрѣ, въ этой редакціи утрачена“.

Николай Виноградовъ.

„Новыя вѣянія въ народной поэзіи“.

Нынѣшнимъ лѣтомъ (1905 г.) молодой провинціальный писатель, г. Афанасьевъ, случайно попавшій въ Петербургъ (въ качествѣ запасного), передалъ намъ нѣсколько пѣсень, записанныхъ отъ запасныхъ солдатъ. Одна изъ нихъ, (которую мы приводимъ ниже) представляетъ любопытный образчикъ народныхъ пѣсень новой формациі, — періода перелома въ народномъ міросозерцаніи и перехода отъ коллективной пѣсни къ индивидуальной. Новому складу жизни, новому міропониманію сталъ тѣснѣ узкій кафтанъ стариннаго пѣснотворчества — и онъ треснулъ по всѣмъ швамъ, хотя еще и не нашлось новой одежды. Старая форма, прежнее содержаніе перестаютъ удовлетворять современный людъ, и изъ-за старинной пѣсни неудержимо рвется на волю новая, молодая. Пусть она неудовлетворительна по формѣ, узка по содержанію. Такъ и должно быть въ періодѣ перелома, когда рушатся старые алтари, а новое еще только намѣчается. Эта пѣсня переходъ къ художественной пѣснѣ ¹⁾. А та въ свою очередь зазвучитъ по всей матушкѣ Руси,

„Когда мужикъ не Блюхера
И не Милорда глупаго—
Бѣлинскаго и Гоголя
Съ базара понесетъ“...

Н. В—въ.

¹⁾ Съ этимъ трудно согласиться. Ред.

„Мы изъ Вязьмы два громилы,
На суду всегда мы милы,
Тра-ра-рай, рай, рай, рай, рай,
На суду всегда мы милы.
Если нравимся мы вамъ,
Приходите въ тюрьму къ намъ.
Притѣвъ ¹⁾).

Мы гуляемъ всегда парой:
Онъ съ сумой, а я съ гитарой.
Другъ на друга мы похожи,
У обоихъ толсты рожи.
Мы отправились гулять,
Захватили съ собой б.....
Не успѣли мы кутнуть,
Фигаря ужъ тутъ какъ тутъ.
Тутъ насъ взяли, замели
И въ сыскное привели;
А съ сыскаго-то тутъ насъ
Отправили прямо въ часть;
А изъ части насъ потомъ
Въ предварительный, слышь, домъ.
Въ предварительномъ попрѣли:
По полгода отсидѣли;
Повѣстви въ руки намъ вручили
И судиться потащили.
Вотъ приводятъ въ большо зало,
Тамъ судей сидитъ не мало,
А направо прокуроръ,
Онъ на рожу точно воръ;
Предсѣдатель весь сѣдой
И съ медалью золотой;
Секретарь сбоку сидитъ
И въ бумажку все глядитъ.
Вдругъ защитникъ нашъ явился,
Суду низко поклонился,
Всѣмъ кивнулъ онъ головой—
Видать: парень дѣловой!
Прокуроръ насъ обвиняетъ,
А защитникъ защищаетъ...

¹⁾ Притѣвъ повторяется послѣ каждыя двухъ строчекъ.

Прокуроръ съ мѣста встаетъ,
Онъ такую рѣчь ведетъ:
„Вы, присяжны господа,
Эти воры хотъ куда!
Много было у нихъ проказъ,
Они судились много разъ“.
Долго пѣлъ онъ, напѣваль,
Наконецъ и замолчалъ,
Обтеръ плѣшь свою платкомъ
И сѣлъ съ судьями рядкомъ.
Вотъ защитникъ нашъ встаетъ
И такую рѣчь ведетъ:
„Вы, присяжны господа,
Хотъ украли—не бѣда,
Хотъ украли, да ушли—
Точно владѣ они нашли.
Виновать онъ, предсѣдатель,
Какъ Иуда онъ предатель:
Зачѣмъ плохо онъ владеть—
Онъ людей на грѣхъ ведетъ,
Они чисты, какъ вода,
И прошу васъ, господа,
Грѣха на душу не брать—
И прошу ихъ оправдать.
Тутъ присяжные смутились,
Совѣщаться удалились.
И прошло время такъ съ часъ,
Оправдали они насъ.
Бирки на руки вручили
И на волю отпустили,
И на радости такой
Загуляли мы съ тобой.
Пріѣзжаемъ въ ресторанъ,
Ванька бухъ опять въ карманъ!
Карасей ¹⁾ пару купилъ,
Боченки ²⁾ ражіе срубилъ...
Вотъ мы сѣли за буфетъ:
Человѣкъ, подай котлетъ!

1) Два кошелька.

2) Часы.

Ты, буфетчикъ-старина,
Дай получше намъ вина!
Вотъ мы пили, вотъ мы ѣли,
Черезъ часъ опять сгорѣли...
За отличную гульбу
Посадили насъ въ тюрьму...

Записалъ *К. Афанасьевъ* въ казармахъ 91-го запасного баталіона отъ крестьянъ Новгородской губерніи.

Новый словарь якутскаго языка.

Академія Наукъ приступила въ печатанію „Словаря якутскаго языка“, изданіе котораго было временно приостановлено. Редактированіе его принимаетъ на себя самъ составитель Э. К. Пекарскій, пріѣхавшій въ Петербургъ изъ Якутской области. Попавши „по независящимъ обстоятельствамъ“ въ мѣста столь отдаленныя, г. Пекарскій все время своего пребыванія въ Якутской области (1881—1905 г.) употребилъ на собраніе матеріаловъ по языку, быту и народной словесности якутовъ. Въ теченіе 24 лѣтъ накопился богатый матеріалъ, всесторонне охватывающій жизнь якутовъ.

Одинъ словарь якутскаго языка заключаетъ въ себѣ свыше двадцати тысячъ словъ (вопреки утвержденіямъ о бѣдности якутскаго языка, основаннымъ на данныхъ якутско-нѣмецкаго словаря академика Бетлинга, гдѣ приведено только около 3.000 словъ. Словарный матеріалъ захватываетъ, главнымъ образомъ, говоры Ботурускаго, Баягантайскаго, Мегинскаго и Дюпсюнскаго улусовъ Якутскаго округа и говоры Верхоянскаго и, отчасти, Вилюйскаго и Олекминскаго округовъ. Относительно каждаго слова, по возможности, приводятся: его производство или этимологическій составъ, различное произношеніе (по говорамъ), сравненіе со сходно звучащими словами, сравненіе съ монголо-бурятскимъ и тюркскими нарѣчіями (отчасти и съ маньчжурскимъ языкомъ) по звуковому сходству, общее коренное значеніе слова (съ указаніемъ слова съ противоположнымъ значеніемъ), синонимическія и сходныя по смыслу слова, фразеологія, второстепенныя значенія (также съ указаніемъ синонимовъ, сходныхъ по значенію словъ и поясняющихъ примѣровъ), сложныя слова (названія растений, птицъ, живот-

ныхъ, мѣстностей, прозвища, сказочныя и мифологическія имена), особыя выраженія изъ устной словесности якутовъ и изъ живой рѣчи, не поддающіяся буквальному переводу, замѣчательныя въ какомъ-либо отношеніи особенности флексіонныхъ формъ имени, мѣстоименія и глагола и, наконецъ, въ исключительныхъ случаяхъ, мѣстность, гдѣ записано слово, или источникъ, изъ котораго само оно или его другое произношеніе заимствовано^а. Уже одна эта программа словаря, намѣченная самимъ авторомъ, указываетъ на содержательность и обширность работы. Весь трудъ г. Пекарскаго Академія Наукъ предполагаетъ издать въ 20 выпускахъ, по 15—20 листовъ каждый.

Первый выпускъ этого словаря былъ изданъ въ Якутскѣ въ 1899 г. и будетъ перепечатанъ вновь. Безъ сомнѣнія, этотъ словарь и собранные г. Пекарскимъ матеріалы будутъ цѣннымъ вкладомъ въ литературу о якутахъ.

Подробнее о семь, см. „Записка о „Словарѣ Якутскаго языка“ и „Перечень источниковъ „Словаря Якутскаго языка“ въ Извѣст. И. А. Н. 1905, февраль, т. XXII, № 2.

Н. В—въ.

Народонаселеніе Россіи по народностямъ.

Согласно сообщенію „Правительственнаго Вѣстника“ (1905 г., № 61 и 66), помѣстившаго нѣкоторыя извлеченія изъ данныхъ первой всеобщей переписи населенія въ 1897 г., изъ 125.640.021 человекъ населенія Россійской имперіи было:

	русскихъ . . .	83.933.567	чел.	(обоего пола).
изъ нихъ:	великоруссовъ . . .	55.667.469	”	”
	малоруссовъ . . .	22.380.551	”	”
	бѣлоруссовъ . . .	5.885.547	”	”
изъ другихъ народностей:				
	поляковъ . . .	7.931.307	”	”
	латышей . . .	1.435.937	”	”
	литовцевъ . . .	1.210.510	”	”
	жмудиновъ . . .	448.022	”	”
	болгарь . . .	172.726	”	”
	чеховъ . . .	50.385	”	”

Данныя переписи о народностяхъ основаны на показаніяхъ о родномъ языкѣ. Но показанія эти не могли быть точны и указанныя цифры могутъ считаться лишь приблизительными.

Игры дѣтей на островѣ Сахалинѣ и въ С.-Петербургѣ.

Въ статьѣ г. О. К. „На Сахалинѣ передъ войной“¹⁾, имѣющей вообще бытовой характеръ, мы нашли нѣсколько строкъ, показавшихся намъ очень любопытными. Авторъ описываетъ *игры дѣтей*:

— „Ты,—говорилъ маленький Петька крохотному Сашкѣ,— бродяжничай, а я поймаю тебя и буду пороть.

„Съ дѣвочками игры измѣнялись и заключались въ томъ, что дѣвочка должна была измѣнить своему сожителю, а тотъ ее за это въ наказаніе убивалъ“...

Здѣсь мы воочію видимъ, какъ жизнь, обстановка и разговоры старшихъ производятъ соответствующее вліяніе на психику дѣтей, ярко проявляясь въ единственно возможной для сахалинскихъ дѣтей формѣ—въ играхъ.

Совершенно аналогичное явленіе пришлось мнѣ наблюдать нынѣшней зимой въ Петербургѣ.

Почти ежедневно (въ теченіе октября, ноября и декабря 1905 г.) проходилъ я черезъ ограду церкви Благовѣщенія на Васильевскомъ островѣ и постоянно встрѣчалъ тамъ цѣлыя вучи играющихъ дѣтей. На ихъ шумъ и крики я долго не обращалъ вниманія, пока не наткнулся въ упоръ на толпу ребятъ. Бѣжавшій во главѣ толпы гимназистъ лѣтъ 12—14, съ палкой въ рукѣ, наткнувшись на меня, взялъ подъ козырекъ и, крикнувъ: „предводитель черной сотни!“, побѣжалъ далѣе. Заинтересованный я сталъ наблюдать. Оказалось слѣдующее.

Всѣ дѣти раздѣлялись на двѣ партіи. Въ одну отбирались болѣе рослые и здоровые съ прутьями и палками—это „черная сотня“. Въ другую болѣе мелкіе и слабосильные, безъ всякаго вооруженія; иногда здѣсь встрѣчались и дѣвочки. Эту партію звали „бунтовщики“, „студенты и курсистки“ и пр. Затѣмъ обѣ партіи расходились по обѣ стороны церкви и шли одна навстрѣчу другой. „Черная сотня“ шла съ пѣніемъ „Боже, Царя храни!“ или „Спаси, Господи, люди твоя“... „Бунтовщики“ пѣли: „Вставай, подымайся, рабочий народъ!“... и пр. Обѣ партіи сталкивались и начиналась свалка. Въ концѣ концовъ „черная сотня“ брала верхъ, „бунтовщики“ разбѣгались. Тогда выскакивала партія „казаковъ“ и хлестала убѣгавшихъ; часть „бунтовщиковъ“ захватывалась въ плѣнъ и отводилась въ кутузку. Такъ забавляются дѣти въ Петербургѣ.

Н. В—въ.

¹⁾ „Русь“. Вечерній вып. Четвергъ, 29 сентября, № 63.

Разводъ по обоюдному соглашенію.

— Въ екатеринославскій окружный судъ представленъ договоръ о разводѣ между супругами, совершенный въ волостномъ правленіи по обоюдному соглашенію сторонъ.

Крестьянинъ Черкасской волости, Славяносербскаго уѣзда, Ѳедоръ Травяно, проживъ со своею женою около 14 лѣтъ, вздумалъ развестись съ ней.

Мотивъ въ разводу—болѣзнь жены.

По совѣту сельской администраціи, Травяно явился въ волостное правленіе вмѣстѣ съ своею женою, гдѣ волостной писарь составилъ имъ договоръ въ томъ смыслѣ, что Лукерья Травяно въ виду ея болѣзни разрѣшаетъ своему мужу жениться на другой и что препятствовать этому не будетъ.

Съ своей стороны Ѳедоръ Травяно обязанъ матеріально обезпечить свою больную жену.

Документъ этотъ, какъ сообщаетъ „Приднѣпровскій Край“, за подписью волостного старшины и писаря, съ приложеніемъ казенной печати, выданъ былъ на руки Ѳедору Травяно, который въ свою очередь представилъ эту сдѣлку на утверженіе мѣстнаго окружного суда.

Хроника.

Отчетъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества за 1904 г.

(Спб. 1905 г.).

Извлекаемъ данныя, касающіяся преимущественно дѣятельности Отдѣленія Этнографіи, состоящаго подъ предсѣдательствомъ В. И. Ламанскаго, при помощникѣ предсѣдателя Н. И. Веселовскомъ и секретарѣ Ѳ. И. Щербатскомъ.

При Обществѣ существуютъ также постоянныя комиссіи: а) по собиранію народныхъ пѣсенъ съ напѣвами и б) по собиранію народныхъ юридическихъ обычаевъ.

Къ 1 января 1905 года въ спискахъ Общества числилось: почетныхъ членовъ—27; членовъ-соревнователей—23; иностранныхъ членовъ-корреспондентовъ—34; дѣйствительныхъ членовъ—985 и членовъ-сотрудниковъ—197.

Изъ умершихъ членовъ общества работали, между прочимъ, и по этнографіи: А. Н. Пыпинъ, Н. М. Мартыановъ, Д. В. Поггенполь, Н. В. Латкинъ и лейпцигскій профессоръ географіи Фридрихъ Ратцель.

Переходя къ краткому описанію экспедицій, мы съ особеннымъ удовольствіемъ отмѣчаемъ, что на средства и при поддержкѣ О-ва были совершены двѣ спеціально этнографическія экспедиціи: 1) Поѣздка А. А. Мазаренко въ Енисейскую губернію, продолжавшаяся пять мѣсяцевъ, имѣла своей задачей изученіе народной медицины, въ связи съ другими этнографическими изысканіями.

„За это время зарегистрировано до тридцати старинныхъ пѣсенъ: однѣ между прочимъ, воспѣваютъ Стеньку Разина, другія Ивана Васильевича Грознаго, Петра Алексѣевича, Суханко Тумановича и т. д. Сдѣланы описанія дѣтскихъ игръ и „игрищъ“ деревенской молодежи, какъ-то хорождовъ, вечерокъ и т. д.

Записаны подробно свадебные ритуалы, наговоры и пѣсни въ трехъ волостяхъ (Казачинской, Пинчужской и Кежемской).

Собраны свѣдѣнія о способѣ врачеванія народомъ своихъ недуговъ, записаны наговоры, заговоры, привороты, отвороты и простонародныя медицинскія средства, что является существеннымъ дополненіемъ къ имѣющейся въ печати монографіи А. А. Макаренко: „Матеріалы по народной медицинѣ Ужурской волости, Ачинскаго округа, Енисейской губерніи“ („Живая Старина“, 1896—97 гг.).

Собранъ матеріалъ также и по народной ветеринаріи.

Сдѣланъ перечень праздникамъ за цѣлый годъ, съ поясненіемъ обрядовъ и повѣрій, связанныхъ съ почитаемыми народомъ днями (по программѣ Имп. Общ. Люб. Естеств., Антроп. и Этнографіи, 1887 г., кн. VII).

Опредѣлены основныя черты семейныхъ правовъ, обычаевъ и другихъ національных особенностей приангарскаго населенія (по программѣ Имп. Общ. Люб. Естеств., Антроп. и Этногр., 1887, кн. VIII).

Выяснены нѣкоторыя стороны вѣрованій и повѣрій ангарцевъ о лѣшемъ и т. п.

Собраны примѣты, пословицы (болѣе 100), поговорки, загадки и задачи.

Обслѣдованы нѣкоторыя отрасли народной технологіи и важнѣйшихъ занятій.

Провѣрены вновь опубликованныя изслѣдованія данныхъ „О промыслѣ красной рыбы на рѣкѣ Ангарѣ“ (1902 г.) и собраны по тому же вопросу новыя свѣдѣнія въ необслѣдованномъ еще участкѣ по р. Енисею (отъ Качинской вол., до г. Енисейска).

Приобрѣтено для Русскаго Музея Императора Александра III до 70 предметовъ; въ томъ числѣ имѣются: „досельныя“, т. е. старинныя одежды русской народности, головные уборы и деревянная посуда (скобкарь, братина, ковши и ковшики), занесенныя въ Енисейскую губернію несомнѣнно жителями сѣверныхъ губерній Европ. Россіи; доставлено вооруженіе и костюмы ангарскихъ звѣропромышленниковъ мѣстнаго происхожденія и заимствованныя отъ сосѣднихъ тунгусовъ; сдѣланы модели нѣкоторыхъ ловушекъ и станковъ, а также куплены и оригинальные рыболовные орудія и снасти.

Вмѣстѣ съ тѣмъ въ разныхъ мѣстностяхъ были воспроизведены фотографіи типовъ, бытовыхъ сценъ и т. п.“

2) Членъ-сотрудникъ Николай Евгеньевичъ Ончуковъ, занимаясь этнографическими изученіями Сѣвера, посѣтилъ Олонецкую губернію, гдѣ побывалъ въ уѣздахъ: Петрозаводскомъ, Пудожскомъ, Каргопольскомъ и Повѣнецкомъ, а также съѣздилъ опять въ Поморье. Поѣздка лѣта 1904 года была особенно продолжительна, съ половины мая до октября и захватила большой районъ изслѣдуемыхъ мѣстностей.

„Задачи, поставленныя экскурсантомъ, были: 1) Записываніе старинныхъ пѣсенъ, сказокъ, легендъ, вообще произведеній народнаго творчества; 2) приобретеніе рукописей для бібліотеки Имп. Академіи Наукъ, и 3) приобретеніе коллекціи костюмовъ для Этнографическаго Отдѣленія Музея Александра III; 4) Приобрѣтеніе старинныхъ и древнихъ вещей вообще, какъ-то: иконъ, посуды, утвари, печатей, орудій каменнаго вѣка, и 5) осмотры всѣхъ церквей, попадающихся на пути, съ цѣлью выясненія въ нихъ наличности старины вообще, въ особенности же наличности рукописей. Задача, поставленная въ параграфѣ 1-мъ, была исполнена не такъ удачно, какъ въ поѣздку Ончукова на Нивую Печору... Въ бібліотеку Имп. Академіи Наукъ за обѣ поѣздки сдано въ общемъ 147 рукописей; кромѣ того туда же поступаютъ нѣкоторыя иконы. Въ Этнографическое Отдѣленіи Музея Александра III сдано свыше 100 предметовъ, въ числѣ которыхъ, главнымъ образомъ, костюмы, но есть и посуда, утварь и др. предметы обихода. Нѣсколько предметовъ каменнаго вѣка поступаютъ въ Императорскую Археологическую Комиссію. Общія наблюденія во время поѣздки обработаны Ончуковымъ въ формѣ доклада „Старина и старооб-

рады", который напечатанъ въ „Живой Старинѣ“. Описание церквей и рукописей въ нихъ, въ Поморьѣ и Заонежьѣ, поступило въ распоряженіе 2-го Отдѣленія Имп. Академіи Наукъ и напечатано въ 2 и 3 кн. „Извѣстій Отд. р. яз. и сл.“ за 1905 г.

Изъ изданій О-ва, отпечатанныхъ въ теченіе года, отмѣтимъ:

Извѣстія О-ва, т. XL;

Живая Старина, кн. I—IV,

Записки по Отдѣленію Этнографіи:

Т. XXV, в. 1. *Балтрамайтисъ, С.* Сборникъ библиографическихъ матеріаловъ для географіи, исторіи, права, статистики и этнографіи Литвы.

Т. XXIX. *Валихановъ, Чоканъ Чинисовичъ.* Сочиненія. Подъ ред. Н. И. Веселовскаго.

Т. XXX. *Ончуковъ, Н.* Печорскія Былны;

Липскій, В. И. Горная Бухара. Т. II.

Печатается ¹⁾ въ „Запискахъ по Отдѣленію Этнографіи“:

1) *Шаткановъ.* Опытъ географіи и статистики тунгусскихъ племенъ Сибири.

2) *Якобій.* Вятчи.

3) *Меліоранскій, П.* Сказаніе объ Едигеѣ и Токтамышѣ. Киргизскій текстъ съ предислов. и примѣч. (приложеніе къ XXIX т.).

4) *Бартольдъ.* 2-е изданіе *Марко Поло.* Перев. *И. И. Минаева.*

Отдѣльно: *Липскій.* Горная Бухара, т. III.

Совѣтъ О-ва собирався въ отчетномъ году пять разъ; общихъ собраній было семь. Заслуживаютъ упоминанія доклады: М. М. Геденштрома „О современномъ положеніи Японіи“; А. Л. Яценко—о поѣздѣ въ Австралію; Б. А. Федченко—о путешествіи на Памиръ и Шунганъ и П. В. Оленина—о поѣздѣ по р. Амгѣ.

Въ Отдѣленіи Географіи, матем. и физич., Г. П. Михайловскій сдѣлалъ докладъ: „Краткій географическій и этнографическій очеркъ Чечни“.

Отдѣленіе Этнографіи имѣло въ отчетномъ году семь засѣданій. На этихъ засѣданіяхъ выслушивались спеціальныя сообщенія членовъ Отдѣленія и лицъ постороннихъ, доклады о поступившихъ и отзывы о разсмотрѣнныхъ рукописяхъ, и обсуждались мѣропріятія, направленныя къ достиженію задачъ Отдѣленія. Изъ 7-ми сообщеній, сдѣланныхъ въ Отдѣленіи,

¹⁾ Напечатано.

4 были посвящены русской народности, 2 русским инородцам и 1 британской Индіи.

Изъ сообщеній, касавшихся русской народности, одно было посвящено русской диалектологіи: д. чл. акад. А. И. Соболевскій сдѣлалъ сообщеніе. „О русскихъ говорахъ вообще и бѣлорусскомъ въ особенности“. Чл.-сотр. (нынѣ д. чл.) Д. К. Зеленинъ сдѣлалъ сообщеніе: „Великорусскія народныя присловія, какъ матеріалъ для этнографіи“. Остальныя два сообщенія по русской народности были посвящены вопросу „О значеніи раскола и сектантства для русской этнографіи“. Вопросомъ этимъ Отдѣленіе Этнографіи занималось и ранѣе, въ 1884 году, когда было предположено начать систематическое собраніе свѣдѣній о расколѣ и сектанствѣ. Но, по независящимъ отъ Общества обстоятельствамъ, работамъ этимъ не суждено было осуществиться.

Въ засѣданіи 17-го декабря, извѣстный знатокъ русскаго раскола, А. С. Пругавинъ сдѣлалъ сообщеніе, въ которомъ указывалъ на важность изслѣдованія русскаго раскола и сектантства для научной этнографіи и предложилъ Отдѣленію возобновить попытку всесторонняго собранія свѣдѣній по этому вопросу. Другое сообщеніе по тому же вопросу было сдѣлано д. чл. Ѳ. Г. Шубинымъ и содержало характеристику быта старообрядцевъ Петербургской губерніи.

Изъ сообщеній, посвященныхъ русскимъ инородцамъ, одно было сдѣлано чл.-сотр. С. К. Кузнецовымъ и было посвящено „Погребальнымъ обрядамъ Черемисъ“. Второе было сдѣлано д. чл. Д. А. Клеменцомъ и посвящено весьма любопытному явленію, — зарожденію новой религіи среди калмыковъ на Алтаѣ. Подробное содержаніе этого сообщенія, составленное самимъ докладчикомъ, напечатано въ „Извѣстіяхъ“ Общества, подъ заглавіемъ: „Изъ впечатлѣній во время лѣтней поѣздки по Алтаю“.

Наконецъ, британской Индіи было посвящено сообщеніе д. чл. барона А. А. Сталь-фонъ-Гольштейна. Докладчикъ представилъ свои наблюденія надъ современнымъ состояніемъ британской Индіи, освѣщая ихъ данными, почерпнутыми изъ изученія древней санскритской литературы. Сообщеніе это напечатано въ „Извѣстіяхъ“ Общества.

Въ теченіе отчетнаго года Отдѣленіемъ были испрошены слѣдующія ассигнованія на научныя поѣздки: 1) Чл.-сотр. Н. Г. Ончукову, на поѣздки въ Мезенскій край, 2) Чл.-сотр. А. А. Макаренко, на поѣздки въ Западную Сибирь.

Въ то же время въ Отдѣленіе Этнографіи поступило 24 рукописи отъ 11 лицъ.

По Вятской губерніи.

1) Отъ К. Широкаго: „Краткое описаніе быта и нравовъ вотниковъ, живущихъ въ сѣверномъ районѣ Сарапульскаго уѣзда“.

По Ковенской губерніи.

2—4) Отъ Г. Петкевичъ: а) „Еще нѣсколько примѣтъ предсказанія погоды литовцами Поневѣжскаго уѣзда“, б) „О радугѣ“, в) „Объ огнѣ“.

По Курской губерніи.

5—9) Отъ Путивльскаго уѣздн. ком. поеч. о народной трезвости: отвѣты на вопросы программы по собранію свѣдѣній о народной пѣснѣ: а) изъ села Николаевского, б) изъ села Новая Слобода, в) изъ села Гвинтовое, г) изъ села Язовое, д) изъ села Большое Неплюево.

По Литовскому краю.

10) Отъ поручика Збойчика, 186-го пѣхотн. резервн. Луковскаго полка: 18 тетрадей бѣлорусскихъ и литовскихъ пѣсней и сказокъ, 2 листа нотъ и 2 объяснительныя записки.

По Петербургской губернии.

11) Отъ В. Степанова: „Свадебные обычаи въ Петербургской губернии“.

По Полтавской губернии.

12) Отъ В. П. Милорадовича: „12 сказокъ, разсказовъ и анекдотовъ“ (изъ Лубенскаго уѣзда).

По Семипалатинской области.

13) Отъ В. Н. Плотникова: „258 киргизскихъ пословицъ“.

По Сибири.

14) Отъ А. И. Бычкова: „Арестантскія пѣсни въ Сибири“.

15—19) Отъ А. Александрова: записанныя братомъ его М. Александровымъ въ Красноярскѣ: а) „Сибирскія пѣсни“, 116 №№, б) „Южно-Енисейскія прѣсковыя пѣсни“, в) записанныя на прѣискѣ „Прѣсковыя пѣсни“, г) записанный М. Александровымъ кантъ „О рай мой прекрасный“, д) старинная рукопись, отрывокъ изъ „Житія Юсифа Прекраснаго“.

По Уфимской губернии.

20) Отъ Уфимскаго коияитета попеч. о народн. трезвости: „Отвѣты на вопросы программы по собиранію свѣдѣній о народной пѣснѣ“.

По Ярославской губернии.

21) Отъ И. В. Косталовскаго: „О постройкахъ въ Ярославской губерніи“, отвѣты на вопросы программы по собиранію свѣдѣній о постройкахъ.

22) Его же: „Этнографическіе обычаи и повѣрья“.

23) Его же: „Обычаи, повѣрья и разныя суевѣрія изъ Николокормскаго вол., Рыбинскаго уѣзда“.

24) Отъ учителя Горьковскаго земск. начальн. училища С. Николаева: отвѣты на вопросы лингвистической программы.

Въ отчетномъ году Совѣтомъ И. Р. Г. О. за этнографическія работы были присуждены слѣдующія почетныя награды:

Константиновская медаль, — Заслуженному Пастору Д-ру Я. И. Гурту за совокупность его лингвистическихъ и этнографическихъ изслѣдованій, касающихся эстонскаго племени. Отзывъ (см. „Отчетъ“, стр. 73—81) составленъ профессоромъ Гельсингфоргскаго университета Kaarle Krohn.

Золотая медаль Отдѣленія Статистики и Этнографіи — Юлію Доминиковичу Талько-Грынцевичу за труды по этнографіи и антропологіи. Отзывъ составленъ А. А. Рудневымъ.

Малая золотая:

Николаю Евгеньевичу Ончуову за его сборникъ „Печорскія былины“ по отзыву (см., „Отчетъ“, стр. 89—90) акад. А. И. Соболевскаго.

Малыя серебряныя медали присуждены:

1) Поручику Збойчику за сборникъ болгарскихъ и литовскихъ пѣсенъ и сказокъ и объяснительную къ нимъ записку.

2) Бычкову Алексѣю Ивановичу за рукопись „Арестантскія пѣсни въ Сибири“.

Приамурскій Отдѣлъ И. Р. Г. О-ва.

Въ только что вышедшемъ томѣ „Записокъ“ Отдѣла (т. VI, в. 2. Хабаровскъ. 1905) содержится, между прочимъ, отчетъ о его дѣятельности за 1903 и 1904 гг., откуда мы и извлекаемъ нѣкоторыя данныя.

Общихъ собраній и засѣданій совѣта было 15 въ 1903 г. и 8 въ 1904 г., причемъ было сдѣлано 5 сообщений въ 1903 г. и 1 сообщение въ 1904 г. (сообщеній по этнографіи и народной словесности не было).

Отчетнымъ періодомъ закончилось десятилѣтіе дѣятельности отдѣла, что, къ сожалѣнію, не могло быть отмѣчено надлежащимъ образомъ, въ виду отъѣзда многихъ членовъ на театръ военныхъ дѣйствій. За эти два года, въ виду недостатка средствъ, отдѣлъ не предпринималъ никакихъ научныхъ изслѣдованій.

О средствахъ музея изъ отчета нельзя получить никакого яснаго представленія, хотя въ немъ и приведено много цифръ. Но очень много говорятъ нижеприводимыя слова отчета: „Библиотека отдѣла нуждается въ изданіи новаго каталога и въ расширеніи книгохранилищъ, неразобранныя коллекціи гибнутъ и нуждаются въ надлежащемъ размѣщеніи и консервированіи. Труды отдѣла не издаются по неимѣнію средствъ“.

При отдѣлѣ: 1) Николаевская публичная библиотека, въ которой въ 1 декабря 1904 года числилось 45078 книгъ, и 2) Гродековскій музей, получившій это наименованіе въ 1904 г. въ память создательныхъ работъ по устройству музея и вообще на пользу Приамурскаго отдѣла его перваго предсѣдателя ген. Гродекова.

Для публики часть музея была открыта 13 апрѣля 1903 г. (основанъ—1902 г.). Количество посѣтителей—19661 въ 1903 г. и 29647 чел. въ 1904 г. Между прочимъ, здѣсь, для публики, В. В. Поповымъ прочитана была лекція „О религіозномъ міросозерцаніи гольдовъ“.

За отчетное время въ музей были записаны и систематизированы предметы, относящіеся къ этнографіи чукчей, гилъзовъ, тунгусовъ, орочей уссурійскихъ и Императорской гавани, китайцевъ, корейцевъ и японцевъ. Всего въ музей 5104 номера предметовъ и коллекцій.

Изъ имѣющихся дубликатовъ Гродековскій музей нашель возможнымъ пожертвовать въ музей Императора Александра III 169 предметовъ по этнографіи.

Издание сочинений М. Д. Чулкова.

Отделение русского языка и словесности Императорской Академии Наук приступило къ печатанію перваго и полнаго собранія сочиненій, съ приложеніемъ біографическаго очерка, -- известнаго сотрудника Императрицы Екатерины II-ой, публициста, журналиста и *этнографа* XVIII столѣтія М. Д. Чулкова. Приготовленіе къ печати текста сочиненій Чулкова и бібліографическихъ и объяснительныхъ къ нимъ примѣчаній поручено П. К. Симонову. Причемъ Отделение проситъ всякія свѣдѣнія, матеріалы, документы и экземпляры статей и сочиненій Чулкова присылать для временнаго пользованія въ Отделение русского языка и словесности И. А. Н.

Присужденіе Уваровской преміи.

25-го сентября въ публичномъ засѣданіи академіи наукъ, подъ предсѣдательствомъ вице-президента академіи, т. с. Никитина, состоялось сорокъ седьмое присужденіе преміи имени графа Уварова. На соисканіе преміи въ 1904 году было представлено 9 сочиненій восемью авторами. Для разсмотрѣнія и оцѣнки этихъ сочиненій была назначена коммиссія подъ предсѣдательствомъ непремѣннаго секретаря, изъ академиковъ: барона Розена, Латышева, Шахматова, Янжула, Лаппо-Данилевскаго и Соболевскаго. Коммиссія признала заслуживающимъ меньшей награды въ 500 руб. сочиненіе профессора казанскаго университета Н. Н. Фирсова: „Правительство и общество въ ихъ отношеніяхъ къ внѣшней торговлѣ Россіи въ царствованіе императрицы Екатерины II“. По присужденію награды, Императорская академія наукъ, въ знакъ признательности рецензенту труда Н. Н. Фирсова, профессору П. Е. Казанскому, не принадлежащему къ составу академіи, постановила выдать Уваровскую медаль.

Новый музей.

Профессоръ И. Е. Рѣпинъ вошелъ въ совѣтъ академіи художествъ съ предложеніемъ объ устройствѣ при музеѣ собранія атрибутовъ религій. Сюда войдутъ реликвіи, знаки или символы не только христіанскаго ученія, но и семитическаго, языческаго (какъ нынѣ живущихъ народовъ, такъ и отжившихъ), а также и всевозможныхъ сектъ. Этотъ музей-мастерская съ подлинниками религіознаго искусства, по мнѣ-

нію професора, необхідимъ, въ виду предполагаемаго откритія при академіи спеціального класса релігійнои живописи. Для составленія коллекцій новаго музея и программы предметовъ предполагается пригласити знатковъ релігійнои живописи професоровъ: А. В. Прахова, И. П. Кондакова и С. А. Желелева („Вирж. Вѣд.“, 1905, № 9092, утренній вып.).

Болгарокая археографическая комиссія.

При болгарскомъ министерствѣ народнаго просвѣщенія образована археографическая комиссія изъ професоровъ: д-ра Л. Милетича, д-ра Б. Цонева и В. Н. Златарскаго, имѣющая цѣлью составить и издать серію отдѣльныхъ трудовъ, подъ заглавіемъ „Български старини“, въ которыхъ опубликованы будутъ тексты памятниковъ письменности, относящихся къ болгарской древности.

Семипалатинскій Подотдѣлъ Зап.-Сибирскаго Отдѣла И. Р. Г. О-ва.

(1 янв. 1904 г.—1 іюля 1905 г.).

Къ 1 января 1905 года въ Семипалатинскомъ Подотдѣлѣ числилось 78 членовъ. Въ библиотекѣ было на лицо 3988 томовъ книгъ и 7721 экз. статей изъ журналовъ и сборниковъ; въ томъ числѣ 35 книгъ и 1058 ст. въ IV отд. (антропология, этнографія, фольклоръ и бытовья описанія) и 11 кн. и 164 ст. въ V отд. (филологія). Вновь поступило 479 тт.

Денежныя средства Подотдѣла составляются изъ казеннаго пособия (500 р.), пособия О-ва отъ попеченія о начальномъ образованіи въ г. Семипалатинскѣ (120 р.) и членскихъ взносов. На 1905 годъ приходъ и расходъ сбалансированы были въ 1290 р. Въ 1904 году было общее собраніе и 4 засѣданія Распорядительнаго комитета. Въ 1905 году (по іюль) было также одно общее собраніе и семь засѣданій Семипалатинск. Географич. Подотдѣла.

Какъ видно изъ протоколовъ засѣданій, дѣятельность П-ла за истекшее время заключалась въ разсмотрѣніи разныхъ вопросовъ, касающихся библиотекы Подотдѣла и Семипалатинскаго Областнаго музея, въ сношеніяхъ съ разными учрежденіями и въ собраніи матеріала для 2 выпуска „Записокъ Подотдѣла“ (вышелъ, см. Библиографію). Составленъ и вышелъ изъ печати систематическій каталогъ книгъ и статей библиотекы Подотдѣла.

Минусинскій мѣстный Музей въ 1904 г.

Согласно „Отчету по Минусинскому мѣстному Музею и общественной библиотекѣ за 1904 годъ“, коллекціи и пособия Музея достигли 65451 №№, изъ которыхъ мѣстныхъ было 46895 №№. Въ 1904 году Минусинскій Музей увеличился на 923 №№, изъ которыхъ мѣстныхъ предметовъ было 571 №№. Изъ отдѣловъ Музея для насъ интересны: II—Антропологическій, содержащій 519 №№ (черепя и кости—изъ кургановъ и современнаго населенія края). III—Этнографическій, имѣющій 3212 №№ (Этнографическія коллекціи: русскаго населенія края, инородческаго, пограничныхъ сойотовъ, латышей изъ колоній и финскаго племени; коллекціи по сравнительной этнографіи и народно-медицинскія средства), и IV—Археологическій—въ 17416 №№.

Имѣютъ также значеніе и нѣкоторые предметы изъ отдѣловъ VI (Промышленный), VII (Сельскохозяйственный), VIII (Географическій) и XI (Образовательный, здѣсь: Б. Этнографія—968 №№). На стр. 13 читатель найдетъ довольно скудные поступления въ этнографическій и археологическій отдѣлы (покупки и пожертванія) въ 1904 г., оправдываемыя впрочемъ скуднымъ бюджетомъ учрежденія: приходъ—1740 р. 50 к., расходъ—973 р. 57 к. (для археологич. отд.—39 р. 1 к.; для этнографич.—52 р. 10 к.).

Публичный и Румянцевскій музеи въ 1904 г.

Послѣдній отчетъ (М. 1905.) прежде всего отмѣчаетъ дѣйствительно очень цѣнное приобрѣтеніе—переходъ въ собственность музея библиотекы и извѣстнаго собранія рукописей покойнаго профессора Московскаго университета Н. С. Тихонравова. Библиотека состоитъ изъ 5.182 тт. русскихъ книгъ и 4.080 тт. иностранныхъ, не считая въ томъ числѣ значительнаго количества рукописей.

Русскія книги заключаютъ въ себѣ почти все, что появилось у насъ болѣе замѣчательнаго съ половины прошлаго столѣтія въ области русской литературы и народной словесности, исторіи и этнографіи, включая сюда и общезвѣстные труды и мало доступные оттиски журнальныхъ статей. По хронологическому каталогу этихъ книгъ можно прослѣдить движеніе русской мысли въ данныхъ областяхъ съ пятидесятихъ до начала девяностыхъ годовъ XIX столѣтія.

Иностранный отдѣлъ библіотеки Н. С. Тихонравова въ общемъ представленъ въ томъ же направленіи, что и русскій, можно лишь замѣтить, что особенное вниманіе обращено на исторію средневѣковой литературы и драмы, преимущественно народныхъ. Собраны были также богатая коллекція литературы по вопросамъ, особенно интересовавшимъ покойнаго профессора. Такъ здѣсь имѣется цѣлый рядъ изслѣдованій и текстовъ по литературѣ *апокрифовъ*, по *паломникамъ*, о *Димитрисѣ* и др. Можно еще, наконецъ, отмѣтить довольно богатый подборъ литературы славянской.

Рукописи Тихонравова неразрывно связаны съ его библіотекой. Каждая новая рукопись вызвала пріобрѣтеніе соответствующихъ пособій и, наоборотъ, иногда незначительная журнальная статья заставляла разыскивать рукописные матеріалы. Всѣхъ рукописей собранія Тихонравова насчитывается 703. Изъ числа рукописей для насъ важно имѣть свѣдѣнія объ отдѣлахъ историческаго характера, учебникахъ, лицевыхъ рукописяхъ, а особенно о сборникахъ и оригинальныхъ и переводныхъ романахъ, драмахъ, повѣстяхъ, сказаніяхъ и проч. литературныхъ произведеніяхъ до XIX в. Надѣмся въ „Отчетъ“ за 1905 г. встрѣтить подробное описаніе хотя части изъ рукописей Н. С. Тихонравова.

Самымъ крупнымъ фактомъ въ дѣятельности отдѣленія древностей въ отчетномъ году было изданіе каталога третьяго и послѣдняго (вмѣстѣ съ тѣмъ и самаго значительнаго по количеству предметовъ) подотдѣла — древностей доисторическихъ. Всего въ каталогѣ описано 4053 №№. Изъ поступленій въ этотъ отдѣлъ должно отмѣтить: а) кальки и рисунки съ миниатюръ, заставокъ и буквъ рукописей библіотеки Троице-Сергіевой Лавры, образцы орнамента различныхъ эпохъ и народностей и образцы велюрусской вышивки — съ одеждъ и утвари той же Лавры, числомъ свыше 550. б) Глиняную чернильницу съ поливой и орнаментомъ (Спб. у.) и в) Древности, добытыя изъ могильника близъ с. Аносина, Звенигородск. у.

Въ Дашковскомъ Этнографическомъ музеѣ и въ Отдѣленіи иностранной этнографіи работы велись, главнымъ образомъ, по устройству Туркестанскаго отдѣла и преобразованію Отдѣла иностранной этнографіи. Продолжали итти своимъ чередомъ систематическое описаніе и каталогизація коллекцій музея (описаны коллекція чувашъ и черемисъ и закончено описаніе айновъ и мордвы). Составленъ новый путеводитель по Музею (этнографія Россіи и славянскихъ странъ).

Относительно приращенія коллекцій нужно сказать, что истекшій годъ былъ особенно удаченъ. Поступилъ цѣлый рядъ коллекцій значительныхъ по количеству и весьма цѣнныхъ въ научномъ отношеніи. На первомъ мѣстѣ слѣдуетъ поставить Средне-азиатскія коллекціи, собранныя ген.-адъютантомъ К. П. фонъ-Кауфманомъ, д-ромъ А. П. Федченко и др. Все это богатое собраніе (свыше 2.000 №№) помѣщено въ одномъ мѣстѣ и, что всего важнѣе, на этотъ разъ, не смотря на тѣсноту помѣщенія, оказалось возможнымъ сгруппировать типы и предметы бытовой обстановки въ видѣ нѣсколькихъ живыхъ сценъ, дающихъ болѣе наглядное представленіе о дѣйствительной жизни народа. „Можно пожалѣть о томъ, что характеръ помѣщенія, занимаемаго музеемъ, особенно распределеніе оконъ, не даетъ возможности примѣнить ту же систему расположенія и по отношенію къ другимъ народностямъ, представленнымъ въ Музей“¹⁾.

Изъ отдѣльныхъ сценъ слѣдуетъ отмѣтить: 1) Киргизская кибитка (63 предм. и манекена). 2) Лавка пельменщика и передъ нею уличная сцена писанія прошенія (30 манек. и предм.), и 3) Лавка мелочная и бакалейная и передъ ней сцена бритья (409 манек. и предм.).

Кромѣ того подарены Музею 1) отъ Вел. Кн. Владиміра Александровича костюмы: русскіе (4), малорусскіе (2), бѣлорусскіе (2), литовскіе (2), молдавanskіе (2), татарскіе (3), валмицкіе (2), мордовскій и черемисскій. 2) Собраніе В. Р. Апухтина изъ Орловской губ., Болховскаго уѣзда, с. Бѣльдино, — съ выставки „Дѣтскій міръ“ (куклы, одежда, обувь и дѣтскія принадлежности, игрушки и модели), — всего свыше 100 предметовъ. 3) Восемь статуетокъ буддійскаго культа. 4) Отъ проф. И. А. Шляпкина: костюмы, утварь, вышивки, игрушки и пр. Кромѣ того много другихъ болѣе мелкихъ коллекцій.

Въ Отдѣленіе иностранной этнографіи болѣе значительное поступленіе представляетъ порядочная коллекція греческихъ вещей съ острова Лемноса.

Крайне отраднo констатировать тотъ фактъ, что въ этомъ отчетѣ, какъ и въ предыдущихъ, ярко свѣтится неостывающая любовь къ своему дѣлу всего персонала Музея. Даже и самый отчетъ — не обыкновенная сухая канцелярская отписка, приготовленная лишь для того, чтобы съ облегченіемъ сказать:

¹⁾ Подробнѣе объ Средне-азиатскихъ коллекціяхъ см. „Отчетъ“ Музеевъ за 1904 г., стр. 83—123.

„Подписано, такъ съ плечъ долой!“ На каждой страницѣ отчета видна истинная забота о своемъ дѣлѣ и искреннее сочувствіе и желаніе придти на помощь занимающейся публикѣ. Замѣчательная жизнедѣятельность музеевъ фактъ неоспоримый.

Общество поняло это и щедро шлетъ музеямъ свои дары, зная, что они пойдутъ въ дѣло, а не застрянутъ на многія лѣта гдѣ-нибудь въ кладовыхъ, или, въ лучшемъ случаѣ, не будутъ служить *лишь украшеніемъ* музейскихъ стѣнъ.

Хорошо было бы, если бы всѣ музеи работали такъ же продуктивно.

Этнографическая экскурсія.

Лѣтомъ 1905 г. студентами Спб. Университета Яновичемъ и Баталинымъ предпринята была этнографическая поѣздка по Тверской губерніи. Д. Т. Яновичъ, командированный Русскимъ Музеемъ Императора Александра III и Антропологическимъ Обществомъ при Спб. Университетѣ, занимался сборомъ и покупкой предметовъ народнаго быта, фотографированіемъ крестьянскихъ построекъ, типовъ и антропометрическими измѣреніями.

А. А. Баталинъ, получившій командировочный листъ отъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, въ волостяхъ Васильевской и Щербининской, Тверского уѣзда, записалъ небольшую серію народныхъ обрядовыхъ пѣсень, около 150 частушекъ, свадебный обрядъ, собралъ матеріалъ для словаря мѣстнаго говора и сдѣлалъ около 90 фотографическихъ снимковъ съ крестьянскихъ построекъ и типовъ.

Национальный Бурятскій Музей.

Въ 1905 году на территоріи Агинскихъ бурятъ (Читинскій у., Забайкальской области) въ с. Агинскомъ, при Агинскомъ министерскомъ двухклассномъ училищѣ, по инициативѣ мѣстныхъ жителей и бурятской молодежи (особенно слѣдуетъ отмѣтить—учителя Шайжиа-Лхамо Базарова, почетнаго бурята Намдак Дылыкова, бывшаго учителя Вато-Далай-Очирова, почетнаго бурята Буда Шимит-Батхайн, учителя Содном-Даши Шагдарова) положено начало Бурятскому Национальному Музею.

Въ музей будутъ сосредоточены по возможности всѣ сохранившіеся историческіе, этнографическіе и археологическіе матеріалы, въ цѣляхъ сохраненія для будущихъ поколѣній главнѣйшихъ и наиболѣе характерныхъ предметовъ національнаго

культы и домашняго обихода. Здѣсь же будутъ собраны и коллекціи естественно-историческаго характера, преимущественно для учебныхъ цѣлей. При музеѣ предполагено создание библиотеки, въ которой должно быть собрано, по возможности, все написанное и напечатанное о бурятахъ и ихъ странѣ, а также всѣ творенія бурятскихъ писателей и народа.

Мы думаемъ, что на помощь возникающему музею придутъ уже работающіе въ данномъ направленіи общества и музеи (Сибирскіе, Академіи Наукъ), пожертвованіемъ дубликатовъ изъ своихъ собраний. Надѣемся также, что просвѣщенные буряты озаботятся для своего музея создать каменное помѣщеніе, такъ какъ деревянный домъ, въ которомъ въ настоящее время хранятся коллекціи, въ пожарномъ отношеніи опаснѣе, чѣмъ простая юрта.

Этнографическій музей академіи наукъ.

Этнографическій музей академіи наукъ на дняхъ обогатился очень интересной и весьма цѣнной естественно-исторической коллекціей старинныхъ предметовъ, доставленной изъ Америки. Коллекція эта иллюстрируетъ бытъ первоначальныхъ жителей Америки—эскимосовъ и индѣйцевъ равнинныхъ, лѣсныхъ и мексиканскихъ. Въстѣ съ тѣмъ, оттуда же получена и коллекція китайской керамики („Слово“ № 314).

„Хроника“ составлена Н. Виноградовымъ.

П о п р а в к а

въ статьѣ Д. К. Зеленина: „Великорусскія народныя присловья, какъ матеріалъ для этнографіи“¹⁾.

Д. К. Зеленинъ, въ названной статьѣ, дѣлаетъ ссылку такого рода: „Коренные сибиряки новыхъ переселенцевъ Сибири полу-презрительно называютъ *посельгой* (а также *Рассейцами*)“. Рядомъ съ этимъ онъ говоритъ: „Посельга въ отместку зоветъ сибиряковъ *челдонами*“ (стр. 60). Оба утвержденія г. Зеленинъ якобы провѣрилъ съ „сообщ. А. А. Макаренко“ (см. прим. въ статьѣ Зеленина) и поэтому считаетъ ихъ вѣрными съ дѣйствительностью.

На самомъ дѣлѣ, мною не дѣлалось и не писалось нигдѣ „общеніе“ въ этомъ смыслѣ. По выслушаніи доклада г. Зеленина, я позволилъ себѣ возразить слѣдующее: „Коренные сибиряки, насколько мнѣ извѣстно, переселенцевъ Сибири называютъ „самоходками“ (по зап. Сиб.) или „новоселами“ „рассейскими“ и „новиками“ (по Енис. губ.); *сосланнымъ* же въ Сибирь за уголовныя преступленія бранятъ, въ пылу ссоры, *поселенцемъ*, *посельгой*, *варнакомъ* и т. п., на что послѣдніе, въ отместку, сибиряковъ бранятъ *челдономъ* или *чалдономъ*“.

Этой фактической поправкой я слагаю съ себя отвѣтственность за неправильное истолкованіе моихъ словъ, могущее ввести въ нежелательное заблужденіе изучающихъ сибирскія присловья.

А. А. Макаренко.

П о п р а в к а.

Въ I—II вып. „Живой Старины“ 1904 года неправильно сверстана при печати, статья Д. Зеленина „Великорусскія народныя присловья, какъ матеріалъ для этнографіи“. На стр. 61-й, послѣ словъ: „*талагай* сдѣлалось синонимомъ „шута, неуча“ (конецъ 3-го снизу абзаца) продолженіе слѣдуетъ на 67-й стр. (начало 2-го снизу абзаца): „Въ Астраханск. губ. воронежскихъ переселенцевъ прозвали“. На стр. 73-й, послѣ словъ „Это понятія совершенно различныя и ничуть не совпадающія одно съ другимъ“ (конецъ 3-го сверху абзаца) читатель долженъ возвратиться вновь на стр. 61.

¹⁾ „Жив. Стар.“, вып. 1—2, 1904.

Въ видахъ достиженія возможной полноты настоящаго отдѣла редакція усердно проситъ гг. секретарей ученыхъ обществъ и учрежденій, въ кругъ дѣятельности которыхъ входятъ работы этнографическаго характера, присылать отчеты и разнаго рода сообщенія печатныя и рукописныя о дѣятельности обществъ.

Желательны также и вырѣзки изъ газетъ.

ПОДПИСЧИКАМЪ ЖУРНАЛА

„Живая Старина“

на 1906 г. въ видѣ приложенія будетъ разосланъ

напечатанный отдѣльною брошюрою

«Алфавитный и систематическій

== УКАЗАТЕЛЬ „ЖИВОЙ СТАРИНЫ“ ==

за 15 лѣтъ (60 книжекъ) ея существованія»,

составленный Н. Виноградовымъ.

Указатель будетъ состоять изъ слѣдующихъ отдѣловъ:

I. Алфавитный указатель авторовъ и ихъ статей. II. Алфавитный указатель рецензированныхъ изданій (журналовъ, книгъ и брошюръ). III. Систематическая сводка напечатаннаго матеріала: а) по народностямъ, б) по мѣстностямъ (губерніямъ, областямъ и т. д.) и в) по отдѣламъ. IV. Алфавитный указатель собственныхъ именъ

Отдѣлъ III.

Критика и Библиографія.

1. Рецензіи шестнадцати книгъ и изданій ученыхъ обществъ,—гг. В. Чернышева, Г. Ильинскаго, Н. Виноградова и Д. Зеленина 1—13
2. Списокъ книгъ, присланныхъ въ редакцію для отзыва 13

Отдѣлъ V.

Смѣсь.

1. Обрядъ „повиванья“ въ Курской губ. *Ив. С. Абрамова* 1—2
 2. Пережитки трупосоженія *Ив. С. Абрамова* 2
 3. Мелочи историко-литературныя и этнографическія I—II. *Н. Н. Виноградова* 3—8
 4. Новыя вѣянія въ народной поэзіи. *Н. В—ва* и *К. Афанасьева* 8—11
 5. Новый словарь якутскаго языка. *Н. В—ва* 11—13
 6. Народонаселеніе Россіи по народностямъ. Изъ „Правит. Вѣстника“ 12
 7. Игры дѣтей на островѣ Сахалинѣ и въ С.-Петербургѣ. *Н. В—ва* 13
 8. Разводъ по обоюдному соглашенію 14
 9. Хроника (12 замѣтокъ). Сост. *Н. Виноградова* 15—27
 10. Двѣ поправки къ статьѣ *Д. Зеленина* 28
- Объявленія.

ЖИВАЯ СТАРИНА,

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

XV

годъ изданія.

1906

ОТДѢЛЕНІЯ ЭТНОГРАФІИ

XV

годъ изданія.

1906

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

подъ редакцію Предсѣдателя Отдѣленія Этнографіи В. И. Ламанскаго, секретаря Отдѣленія О. И. Щербатскаго и чл.-сотр. Н. Н. Виноградова, въ XV году своего существованія будетъ выходить **четырьмя** выпусками, по 10—12 листовъ въ каждомъ (въ февралѣ, маѣ, сентябрѣ и ноябрѣ). При достаточномъ количествѣ подписчиковъ число выпусковъ будетъ доведено до шести.

Программа журнала: Изученіе внѣшнихъ и внутреннихъ особенностей расъ, племенъ, народностей Россіи и соплеменныхъ и сопредѣльныхъ съ нею странъ; ихъ взаимодѣйствія въ далекомъ прошломъ и въ настоящемъ; изученіе народныхъ языковъ, нарѣчій и говоровъ, народной поэзіи, быта, — вообще живой народной старины; критическій и библиографическій обзоръ литературы народовѣдѣнія.

Вступая въ XV годъ изданія, редакція „Живой Старины“ пригласила къ участію въ журналѣ многихъ ученыхъ специалистовъ и молодыхъ работниковъ по этнографіи и народной словесности и рѣшила обратить особенное вниманіе на полноту и свѣжесть отдѣла критики и библиографіи. При последнемъ выпускѣ, въ видѣ приложенія—отдѣльной книжкою, будетъ разосланъ „Указатель“ къ журналу за 15 лѣтъ (60 вып.) его существованія.

Подписная цѣна для городскихъ подписчиковъ—5 р. съ доставкой, для иногородныхъ—5 р. 50 к. и за границу—6 р. Подписка принимается въ редакціи „Живой Старины“ (Спб. у Чернышева моста).

Къ свѣдѣнію гг. авторовъ: 1) Рукописи, присланныя въ редакцію для помѣщенія въ журналѣ, въ случаѣ надобности подлежатъ сокращенію и исправленію. 2) Авторы, желающіе читать корректуру своихъ статей, благоволятъ дѣлать на рукописи соответствующую помѣтку и указывать свой точный адресъ..

Редакція.